

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОЛУБЫЕ
МУНДИРЫ
ИМПЕРИИ

ISSN PRINT 2306-4978
ISSN ONLINE 2411-1511

ТОМ
ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ
Август 2026

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.



ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОЛУБЫЕ
МУНДИРЫ ИМПЕРИИ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ
ДЕВЯТЫЙ

Под редакцией
В.В. Хутарева-Гарнишевского

The Historical Reporter. Vol. 59
The Empire's Blue Uniforms

Editor: Vladimir Hutarev-Garnishevsky

Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано в печать 14.08.2026 г. Усл. печ. л. 25. Формат 84×108 1/16. Заказ № 71726.

Тираж 150 экз. Свободная цена.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А

Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

Язык: русский. Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Журнал «Исторический вестник» публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Руниверс», 2026

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».

Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.

E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Design and layout by Yu.V. Filimonov.

Approved for printing on August 14, 2026. Format 84×108 1/16. Order No. 71726. Print run 150 copies.

Unfixed price.

Editorial address: 15A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119071, Russia

Tel.: +7 (495) 737-76-32, fax: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate PI No. FS77-51055 of September 3, 2012.

Languages: Russian. Included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Russian Federation. Publishes articles in two scientific specialties according to the VAK nomenclature: 5.6.1. Russian History; 5.6.2. World History.

The journal's materials are available on the Russian Science Citation Index platform, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Runivers», 2026

The views of the editorial board may not coincide with those of the authors.

Printed in full accordance with the quality of the provided original layout at «Sam Poligrafist» LLC printing house, Onebook.ru publishing house.

Address: 42/5 Volgogradsky Prospekt, Moscow, 129090, Russia.

E-mail: info@onebook.ru. Website: www.onebook.ru

The journal is published with the support of «NIKOKHIM» LLC.



ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков

главный редактор, кандидат исторических наук

Д.Р. Жантiev

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий

зам. главного редактора, художественный редактор

Т. Лефко

редактор английской версии

Е.А. Радзиевская

ученый секретарь

Е.А. Еремеева

ответственный секретарь

Т.И. Маляренко

корректор

Редакционный совет

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, научный руководитель РГГУ, профессор, академик РАН, заместитель председателя ВАК

М.В. Баранов

кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»

С.П. Брюн

генеральный директор ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник»

Р.Г. Гагкуев

доктор исторических наук, председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief, C.Sc. (History)

Dmitry R. Zhantiev

Deputy Editor-in-Chief, C.Sc. (History)

Igor Ya. Keremetskiy

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor

Todd Lefko

Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya

Scientific Secretary

Elena A. Eremeeva

Executive Secretary

Tatyana I. Malyarenko

Proofreader

Editorial Board

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), Scientific Director of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Vice-Chairman of the State Commission for Academic Degrees and Titles

Mikhail V. Baranov

C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»

Sergei P. Brun

General Director of Novgorod State Museums

- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН
- С.В. Девятков**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Ю. Конев**
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
- Е.М. Копоть**
старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

- Ruslan G. Gagkuev**
D.Sc. (History), Chairman of the Russian Historical Society Board, Executive Director of the Russian History Foundation
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy**
D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Irina A. Hormach**
D.Sc. (History), Senior Research Scientist of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture
- Sergey V. Deviatov**
D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in 20–21 cc. Department at Lomonosov Moscow State University, Historical Faculty
- Salavat M. Iskhakov**
D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Aleksey Yu. Konev**
C.Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of the Problems of Northern Development, subdivision of Federal Research Center Tyumen Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Center SB RAS)
- Evgeny M. Kopot'**
Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU)
- Igor V. Kurukin**
D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lansky**
D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politics and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- В.В. Орлов**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Д.И. Петин**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета
- П.Э. Подалко**
доктор лингвокультурологии, профессор кафедры международной коммуникации, факультет международной политики, экономики и коммуникации, Университет Аояма Гакуин
- А.Л. Сафронова**
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- Ар.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- И.А. Хормач**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры
- П.В. Шлыков**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.А. Щелчков**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
-

- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Senior Research Scientist of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Lomonosov Moscow State University, Historical Faculty
- Vladimir V. Orlov**
D.Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Daniel Panatieri**
D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Dmitry I. Petin**
C.Sc.(History), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University
- Petr E. Podalko**
Ph.D. (Language & Culture St.), Professor, International Communication Dept., School of International Politics, Economics & Communication, Aoyama Gakuin University
- Alexandra L. Safronova**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of South Asian History at the Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University
- Andrey A. Schelechkov**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Pavel V. Shlykov**
Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University
- Alexey E. Titkov**
C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Dmitry R. Zhintiev**
C.Sc. (History), Associate Professor of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University



От редакции



Представленный вашему вниманию пятьдесят девятый том журнала «Исторический вестник» приурочен к крупному юбилею в отечественной истории: 200-летию создания центрального органа регулярного политического сыска — III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оно стало предтечей российских спецслужб в самом широком смысле этого слова. Однако материалы выпуска выходят далеко за пределы памятной даты 3 июля 1826 г., охватывая историю различных органов политического сыска России XIX–XX вв.: Корпуса жандармов, Департамента полиции МВД, охранных отделений и жандармских управлений. Отдельные материалы посвящены и самому проблемному объекту противодействия царской полиции — революционному терроризму. В номере представлены не только ученые московской школы истории политического сыска, но и современные исследователи региональной историографии из Владивостока, Воронежа, Санкт-Петербурга и Томска.

Выпуск разделен на четыре тематических блока. Первый из них, «Общие вопросы сыска», раскрывает работу органов поддержания безопасности и порядка в общеимперском масштабе. Его открывает статья М.В. Сидоровой «О чиновниках III отделения», посвященная формированию кадровой политики и особенностям личного состава только нарождавшейся политической полиции. В статье приведены данные о материальном и социальном положении сотрудников III отделения, обстоятельствах их карьерного роста и, наоборот, изгнания со службы, внутриведомственные конфликты. Материал Е.И. Щербаковой перебрасывает смысловой «мост» от николаевских жандармов к Александровскому департаменту полиции. Автор работает с информационно-аналитическими материалами сыска в ГА РФ, касающимися важнейшего канала информации в эпоху массовой безграмотности — слухами и их влиянием на политический климат в стране. Статья А.В. Перегудова вводит реформы политического сыска 1870-х гг. под руководством графа П.А. Шувалова в контекст Великих реформ Александра II. Этот аспект преобразований импе-



ратора: укрепление внутренней безопасности параллельно проведению либеральных преобразований, как правило, игнорировался историками. Рельефно показано личное влияние Шувалова на усиление жандармской компоненты в дуалистической системе политического сыска. Тематически близка к ней статья А.А. Рубцова, раскрывающего на архивном и законодательном материале, как судебная реформа 1864 г. повлияла на трансформацию практики ведения дознания по государственным преступлениям и каким образом ключевую роль в этом процессе приобрели именно офицеры Корпуса жандармов, являвшегося ранее скорее исполнительным органом при III отделении, чем независимой розыскной структурой. Статья А.В. Атаева носит историко-политологический характер и посвящена формированию социальной базы и особенной этики террора в России конца XIX — начала XX в. Автор рассматривает их как сквозь призму мотивации и действий конкретных террористов, так и в теоретическом ключе. Раздел закрывает работа Е.В. Оксенюк, в проблемном фокусе которой лежит вопрос об адекватности восприятия сыскными структурами партийного строительства социалистов-революционеров в годы Первой русской революции.

Второй блок статей озаглавлен «Региональный аспект» и представленные в нем материалы посвящены особенностям работы политического сыска в четырех ключевых регионах Российской империи: в Сибири, на Дальнем Востоке, на Правобережной Украине и в Крыму, каждый из которых обладал своей уникальной спецификой. Открывает раздел крайне интересное исследование Л.В. Ульяновой, посвященное роли органов политического сыска, как региональных, так и центральных, в отстранении от должности севастопольского городского головы А.А. Максимова, обвиненного в политической неблагонадежности. Интрига, за которой стоял банальный коррупционный интерес контракта на строительство городского трамвая, проникла в верхи руководства Министерства внутренних дел империи. Автор раскрывает нелицеприятную, хотя и распространенную практику политического

шельмования и использования органов сыска для продвижения частных коммерческих интересов. В хронологическом периоде 1830-х гг. работает П.П. Румянцев, опубликовавший со своими комментариями источник — записку начальника Сибирского жандармского округа о необходимости открытия в регионе высшего учебного заведения. Этот документ раскрывает работу жандармских офицеров не только как «розыскников», но и показывает видение ими перспектив и заботу о развитии региона. Статья Г.Н. Бибикова также представляет собой публикацию уникального источника — записок подполковника Ф.И. Бека о русской администрации в Волынской губернии. Записки эти интересны не только своей информационной насыщенностью, но и редким для подобных отчетных материалов аналитическим подходом жандарма. Публикация ценна не только тем, что вводит в научный оборот новый исторический источник, но и подробным комментарием и вводной статьей Бибикова, которые совокупно не менее ценны, чем сам источник. Последний материал блока авторства В.К. Азаревича посвящен неизученному в плане работы сыскных органов Дальнему Востоку. На материалах Владивостокского охранного отделения раскрыты механика создания регионального органа сыска «с нуля» и влияние личностных особенностей его руководителей и сотрудников на работу всего органа. В этом смысле статья перекликается с работой М.В. Сидоровой, открывающей номер. Выявлены методы, которыми небольшой состав из нескольких десятков человек мог эффективно контролировать политические настроения в огромном регионе и даже в русских поселениях в Китае.

Третий раздел, «Персоналии», значительно меньше по объему двух предшествующих и его статьи посвящены двум ярким представителям сыскной системы. Публикация А.М. Лавреновой вносит свой вклад в уже обильную историографию шпионского дела Мясоедова, обращаясь к его истокам — формированию антагонизма между жандармским офицером С.Н. Мясоедовым и будущим директором Департамента полиции М.И. Трусевичем, связанным с неправильными процессуальными действиями подполковника в деле террориста А.Д. Покотилова. Статья В.В. Хутарева-Гарнишевского, под общей редакцией которого был составлен данный том журнала, посвящена биографии малоиз-

вестного в научной литературе, но тем не менее интересного секретного сотрудника нескольких охранных отделений и Кронштадтского жандармского управления А.И. Гуйтова, единственного достоверно известного осведомителя, который после Февральской революции смог выпустить из-под ареста своих бывших кураторов, а уже в ходе Гражданской войны присоединился к Добровольческой армии и возглавил отдельный разведывательный пункт Вооруженных сил Юга России. Выпуск завершает раздел «Рецензии», в котором опубликован взгляд историка политического сыска и известной «зубатовщины» С.В. Медведева на нашумевшую монографию А.М. Лавреновой «Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи», в которой сделана попытка посмотреть на личный состав Отдельного корпуса жандармов сквозь призму их повседневной жизни и общественного мнения. Редакция отмечает, что позиция рецензента является его личным взглядом как историка и не отражает мнения редакции.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»



Содержание



ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СЫСКА

М.В. Сидорова. О чиновниках III отделения.	12
Е.И. Щербакова. «Слухом земля полнится»	40
А.В. Перегудов. Граф П.А. Шувалов и реорганизация Корпуса жандармов в эпоху Великих реформ.	72
А.А. Рубцов. Траектория уголовного политического дела в Российской империи: от донесения к статистическим таблицам (1870-е гг.)	96
А.В. Атаев. Формирование социальной базы революционного терроризма в Российской империи конца XIX — начала XX в. ...	130
Е.В. Оксенюк. Организации партии социалистов-революционеров в 1905 — начале 1906 г. по документам Департамента полиции. .	162

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Л.В. Ульянова. Политическая полиция в системе государственного управления на примере «дела А.А. Максимова» 1908 г.	188
П.П. Румянцев. П.П. Записка первого начальника жандармского округа в Сибири А.П. Маслова о необходимости открытия в регионе высшего учебного заведения (1834 г.)	224
Г.Н. Бибиков. «Здесь не власти повелевают лицами, а лица управляют властями»: две записки подполковника Корпуса жандармов Ф.И. Бека о чиновниках Волынской губернии 1830-х гг.	238
В.К. Азаревич. Служба и люди Владивостокского охранного отделения в 1913–1914 гг.	266

ПЕРСОНАЛИИ

А.М. Лаврёнова. Роковая шуба: М.И. Трусевич и смерть С.Н. Мясоедова	298
В.В. Хутарев-Гарнишевский. Жизнь, работа и невероятные приключения секретного сотрудника Гуйтова в революционной России.	312
Образцы жандармской формы в правление императоров от Александра I до Николая II, 1817–1911 гг.	360

РЕЦЕНЗИИ

С.В. Медведев. Рецензия на монографию А.М. Лаврёновой «Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи». М; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с.	374
---	-----

Contents

GENERAL ASPECTS OF POLITICAL INVESTIGATION

- Marina V. Sidorova.** On the Officials of the Third Section 12
- Yekaterina I. Shcherbakova.** «A Little Bird Told Me» 40
- Alexander V. Peregudov.** Count P.A. Shuvalov and the Reorganization of the Corps of Gendarmes during the Era of the Great Reforms.... 72
- Alexey A. Rubtsov.** The Trajectory of a Political Criminal Case in the Russian Empire: From Intelligence Reports to Statistical Tables (1870s)..... 96
- Artur V. Ataev.** The Formation of the Social Base of Revolutionary Terrorism in the Russian Empire in the Late Nineteenth and Early Twentieth Century 130
- Yevgenia V. Oksenyuk.** Organizations of the Socialist Revolutionary Party in 1905 — Early 1906 According to Documents of the Police Department 162

REGIONAL SPECIFICS

- Lyubov V. Ulyanova.** Political Police in the System of State Administration: The Case of A.A. Maksimov (1908) 188
- Pyotr P. Rumyantsev.** A Memorandum by A.P. Maslov, the First Chief of the Siberian Gendarme District, on the Need to Establish an Institution of Higher Education in the Region (1834) 224
- Grigory N. Bibikov.** «Here It Is Not the Authorities Who Rule over Individuals, but Individuals Who Rule over the Authorities»: Two Memoranda by Lieutenant Colonel F.I. Bek of the Corps of Gendarmes on Officials of Volhynia Governorate in the 1830s .. 238
- Vasily K. Azarevich.** Service and Personnel of the Vladivostok Security Section, 1913–1914 266

PERSONALITIES

- Anna M. Lavryonova.** The Fatal Fur Coat: M.I. Trusevich and the Death of S.N. Myasoedov. 298
- Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky.** The Life, Work, and Extraordinary Adventures of the Secret Agent Guytov in Revolutionary Russia ... 312
- Sketches of Gendarmerie Uniforms during the Reigns of Emperors from Alexander I to Nicholas II, 1817–1911 360

REVIEWS

- Sergey V. Medvedev.** Review of A.M. Lavryonova's Monograph «The Thin Blue Line: Gendarmes and Society at the Twilight of the Empire». Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2023. 516 p. 374



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.001)

Оригинальная статья / Original paper



М.В. Сидорова

Государственный архив Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: sidmari@yandex.ru

О чиновниках III отделения

Аннотация

В статье исследуется процесс формирования кадрового состава III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии — одного из важнейших органов государственной безопасности Российской империи. На основе обширного документального материала анализируются динамика развития штатного расписания ведомства, особенности комплектования его персоналом и система продвижения чиновников по службе. Методологической основой исследования послужили архивные формулярные списки сотрудников, их личная переписка и служебные документы. Анализ этих источников позволил детально изучить социальный состав служащих, их происхождение, вероисповедание и национальную принадлежность. Особое внимание уделено исследованию механизмов отбора кандидатов и условий прохождения службы в ведомстве. В ходе исследования установлено, что штатное расписание III отделения на протяжении всего периода деятельности оставалось относительно небольшим, при этом основной рост численности персонала происходил за счет канцелярских служащих и чиновников для письма. Выявлено, что большинство сотрудников происходили из дворянских семей, однако в ведомстве служили также представители других сословий. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов при изучении системы государственной службы Российской

империи первой половины XIX в. Исследование позволяет лучше понять механизмы функционирования политического сыска и особенности кадровой политики самодержавия. Материалы статьи могут быть полезны историкам, исследователям государственного управления и специалистам в области правоохранительных органов. Сделанные выводы открывают перспективы для дальнейшего изучения биографий отдельных служащих III отделения, а также исследования их роли в осуществлении государственной политики Российской империи. Особую ценность представляют выявленные особенности системы продвижения по службе и критерии отбора кандидатов на должности в ведомстве.

Ключевые слова:

III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии; чиновники, кадры; формулярные списки; штаты; канцелярские служащие

Для цитирования:

Сидорова М.В. О чиновниках III отделения. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 12–39. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.001)

Marina V. Sidorova

The State Archives of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: sidmari@yandex.ru

On the Officials of the Third Section

Abstract

This article examines the formation of the personnel of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, one of the principal state security institutions of the Russian Empire. Drawing on an extensive body

of documentary evidence, the study analyzes changes in the agency's staffing establishment, the characteristics of its recruitment practices, and the system governing the promotion of officials. The methodological foundation of the research is based on archival service records, personal correspondence, and official documents of the agency's employees. Analysis of these sources makes it possible to examine in detail the social composition of the personnel, their social origin, religious affiliation, and ethnicity. Particular attention is devoted to the mechanisms used in selecting candidates and the conditions of service within the institution. The study demonstrates that throughout its existence the Third Section maintained a relatively small staff, with increases in personnel occurring primarily among the Chancellery employees and copyists. It also establishes that the majority of officials came from noble families, although representatives of other social estates also served in the institution. The practical significance of the study lies in its contribution to the understanding of the imperial civil service in the first half of the nineteenth century. The findings provide new insights into the functioning of the political police and the personnel policies of the autocratic state. The materials presented here will be of interest to historians, scholars of public administration, and specialists in the history of law enforcement institutions. The conclusions also open new avenues for research into the biographies of individual officials of the Third Section and their role in implementing the policies of the Russian Empire. Of particular value are the findings concerning the system of promotion and the criteria used in selecting candidates for service within the institution.

Keywords:

Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; Officials; Personnel; Service records; Staffing establishments; Chancellery employees.

For citation:

Marina V. Sidorova. On the Officials of the Third Section. *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 12–39. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.001)



каз о создании III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии был подписан 3 июля 1826 г. Созданное как правая рука и «всевидящее око» государя, учреждение было наделено не только обширными пол-



Вид на здание III отделения от Цепного моста. Худ. В.С. Садовников. 1853 г.
 Из открытых источников

номочиями, но и призвано было решать важные глобальные задачи по переустройству всего государственного механизма. Прежде всего Николая Павловича беспокоили вопросы коррупции и «лихоимства» на всех уровнях — по службе, в различных ведомствах, при проведении дворянских выборов, рекрутских наборов и т.п. Наблюдение за этими явлениями было обусловлено одной из главных задач, поставленных перед III отделением. Другие задачи, возложенные на III отделение, были также немаловажны: охрана политической безопасности государства, включающая в себя целый комплекс охранительных мер, все распоряжения и постановления о государственных преступниках, сбор сведений о фальшивомонетчиках, изготовителях фальшивых ассигнаций, штемпелей и документов, о количестве и направлении деятельности разных сект и расколов, наблюдение за иностранцами, цензура драматических произведений. «Император всеми способами пытался вырвать корни тех злоупотреблений, которые проникли в аппарат управления и которые стали явными после раскрытия заговора, обогрившего кровью его вступление на престол. Исходя из необходимости организовать действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилась бы к одному органу, он обратил свой взгляд на меня, с тем, чтобы сформировать высшую полицию с целью защиты угнетенных и наблюдения за заговорами и недоброжелателями»¹, — писал в своих

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837 / Публ. М.В. Сидоровой, А.А. Литвина; пер. с фр. О.В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 342.

воспоминаниях первый начальник III отделения и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф.

Четыре экспедиции, на которые первоначально подразделялось делопроизводство III отделения, ведали следующими предметами: 1-я — наблюдала «за мнением общим и духом народным», за поднадзорными лицами, а также за действиями государственных чиновников разного ранга; 2-я — обеспечивала контроль за религиозными сектами и местами заключения государственных преступников, за различными обществами и изобретениями, разбирала жалобы и прошения, вела дела о фальшивых асигнациях и документах, а также заведовала личным составом отделения; 3-я — контрразведка, контролировала все постановления и распоряжения об иностранцах, 4-я — собирала и систематизировала сведения о происшествиях в империи (пожарах, эпидемиях, грабежах, убийствах и пр.).

Экспедиции возглавляли экспедиторы с окладом по 2000 руб. в год, старшие и младшие их помощники получали содержания соответственно должности по 1500 руб. и 1000 руб. в год. Существовали также должности цензора театральных сочинений, экзекутора с окладами по 2000 руб., журналиста с окладом 1500 руб. Их помощники получали жалованье в соответствии с жалованьем старших и младших помощников. Некоторые чиновники получали дополнительное содержание, а также пользовались казенными квартирами². Общее количество чиновников в 1826 г. составляло 16 человек, все они ранее являлись чиновниками упраздненной Особенной канцелярии Министерства внутренних дел. Во всеподданнейшем докладе А.Х. Бенкендорф писал: «Передача бумаг, в пятнадцать лет накопившихся в МВД, и первоначальное устройство сего отделения потребует на некоторое время усиленных занятий. Впоследствии, когда все дела получат течение постоянное и правильное, долгом будет позаботиться об уменьшении числа чиновников и об увеличении чрез то окладов»³. Правда, уменьшения числа чиновников не произошло, а в 1828 г. их количество увеличилось на два человека за счет цензора и его помощника, так как цензура драматических сочинений тогда была передана из ведения МВД в III отделение. А увеличение окладов произошло лишь в 1835 г. путем назначения добавочного содержания в сумме 1000 руб. старшим чиновникам. Первоначально чиновники III отделения получали жалованье меньше, чем в других отделениях Собственной Его Императорского Величества канцелярии, существовало также не-

² ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1826 г. Д. 1 ч. 1. Л. 30, 44.

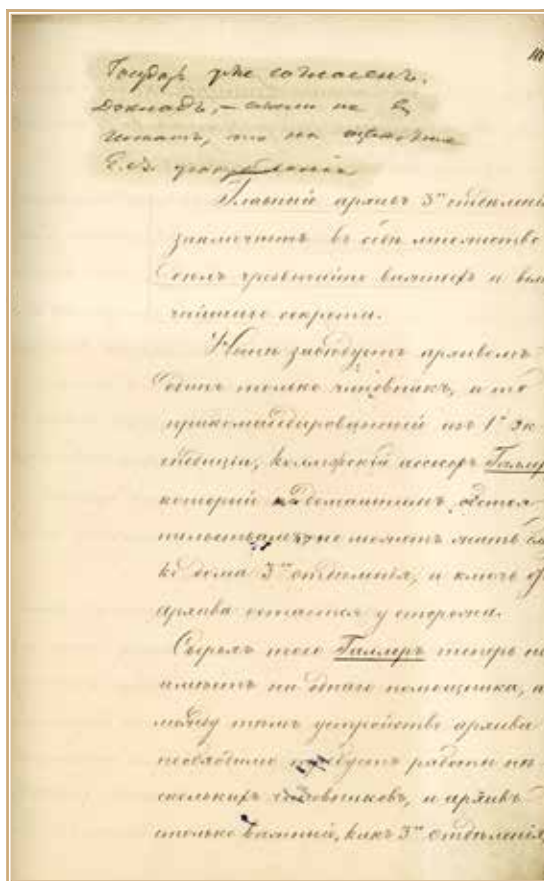
³ Там же. Л. 14 об.



Александр Христофорович Бенкендорф. Худ. В. И. Гау. 1841 г.
 Из открытых источников

соответствие в должностях и чинах. Лишь в 1839 г., когда последовало высочайшее повеление рассмотреть штаты всех отделений канцелярии «для приведения содержания всех чиновников в единообразные оклады», чиновникам III отделения были присвоены соответствующие классы и должности и произошло уравнивание их в окладах с чиновниками других отделений. Тогда же четыре чиновника по особым поручениям, состоявшие ранее сверх штата, были включены в постоянный штат. Общее количество чиновников вместе с управляющим в 1839 г. составило 27 человек⁴. Их жалованье колебалось от 2000 руб. у старшего чиновника (V класс) до 515 руб. у помощника журналиста (X класс). В 1839 г. было также проведено некоторое реформирование в составе высшего руководства политической полиции: должность управляющего III отделением была объединена с должностью начальника штаба Корпуса жандармов. Объединенную должность получил начальник штаба А.В. Дубельт. Однако, назначая его на должность управляющего III отделением, почему-то забыли начислить ему денежное содержание по этой должности. Это побудило чиновников III отделения подать Бенкендорфу записку с ходатайством о начислении Дубельту жалованья как управляющему. По этой записке Бенкендорф собирался составить всеподданнейший доклад, однако Дубельт не согласился на это, оставив на записке чиновников следу-

⁴ Там же. Л. 68.



Автограф Л.В. Дубельта на записке о создании архива III отделения. 1849 г.

ГА РФ

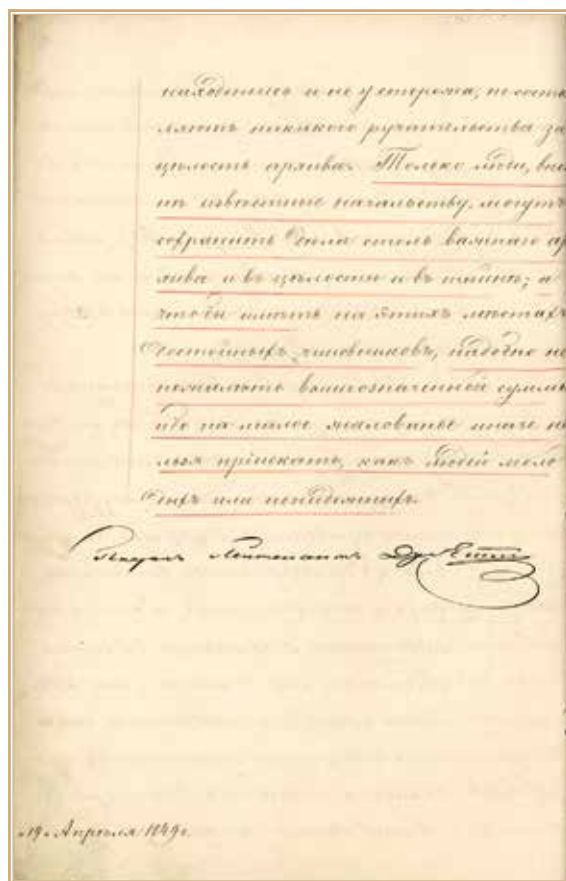
ющую резолюцию: «...согласиться на их желание не могу, как потому что имея хорошее состояние благодаря доброй жене, мне отрадно служить Государю не обременяя казны, так и по той причине, что при вступлении в управление 3-м отделением Его Величество не соизволил на назначение мне по этой должности жалованья, — а воля нашего царя всегда была и будет мне священна!»⁵ Жалованье, как начальник штаба Корпуса жандармов, Л.В. Дубельт получал в размере 3900 руб.

В октябре 1842 г. была учреждена пятая (цензурная) экспедиция III отделения. Цензор драматических представлений, соответственно, стал именоваться старшим чиновником и получил второго помощника.

В 1849 г. произошло еще одно изменение в штате — были введены сверхштатные должности начальника архива и двух его помощников⁶. Как

⁵ Там же. Л. 85–85 об.

⁶ В штат и смету по III отделению как постоянные они будут включены в 1862 году.



Автограф Л.В. Дубельта на записке о создании архива III отделения. 1849 г.
ГА РФ

оказалось, более двадцати лет ведомство, ведавшее и хранившее основные политические секреты империи, не имело своего архива. Поводом для устройства архива послужил случай. В 1846 г. император Николай I решил проинспектировать архив МИДа. Отправившись туда в сопровождении начальника III отделения А.Ф. Орлова и оставшись чрезвычайно довольным устройством архива, государь на обратном пути спросил шефа жандармов об архиве его ведомства. Орлов вызвал управляющего III отделением Дубельта и попросил разобраться. В сопровождении одного из чиновников Дубельт спустился в подвал и нашел там груды неразобранных, грязных и подмоченных водою дел. «Дубельт пришел в ужас, немедленно был составлен доклад, отведена под помещение архива огромная зала, месяца в четыре она украсилась великолепными шкафами красного дерева, тысячью картинок с золотыми гербами и надписями... одним словом спустя полгода архив III отделения по наружному виду далеко перещегоолял архив министерства иностранных дел», — вспоминал чиновник

III отделения А.М. Петров⁷. Назначаемые на пост начальника архива чиновники имели высшее или среднее образование и большой стаж работы в должности канцелярского служащего. Для архива предполагалось подбирать «самых надежных и не из молодых чиновников»⁸.

В связи с постоянно увеличивающимся документооборотом ведомства в июне 1850 г. начальник III отделения А.Ф. Орлов представил государю проект негласного дополнения к штату. Николай I разрешил приискать нескольких чиновников преимущественно «из молодых людей неиспорченной нравственности»⁹. Однако кандидаты, подходившие Орлову, являлись новоиспеченными выпускниками высших учебных заведений и не имели трехлетнего стажа работы, необходимого при зачислении в III отделение. «Чиновников я скорее найду из числа молодых людей, которые не были в других службах, не извели там канцелярских злоупотреблений и еще сохранили всю чистоту нравственности»¹⁰, — докладывал императору Орлов и просил снисхождения. Император пошел навстречу главе политического сыска, и шесть новых молодых чиновников были определены в III отделение сверх штата со всеми правами по службе и с содержанием наравне со штатными младшими чиновниками.

В августе 1862 г. был утвержден новый штат III отделения. Согласно ему в основной штат были включены все сверхштатные дополнения 1849 и 1850 гг. Согласно новому штатному расписанию общее количество чиновников III отделения составило 36 человек.

В 1865 г. из ведения III отделения была изъята драматическая цензура, все ее делопроизводство было передано в Главное управление по делам печати, однако должности старшего чиновника и его помощника (по бывшей 5-й экспедиции) были оставлены в штате отделения.

В марте 1871 г. дополнительно была утверждена должность товарища главного начальника III отделения. Тогда же объединенная должность управляющего отделением и начальника штаба Корпуса жандармов была разделена на две должности. Должность управляющего была включена в штат отделения с отнесением по IV классу и жалованьем 7000 руб. В 1873 г. был утвержден новый штат, количество чиновников

⁷ Петров А.М. Из далекого прошлого: Воспоминания о Кирилло-Мефодиевском обществе // Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. Кн. 5. М.; Л.: Academia, 1935. С. 331.

⁸ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1826 г. Д. 1 ч. 1. Л. 100.

⁹ Там же. Л. 114 об.

¹⁰ Там же. Л. 112–113.



Леонтий Васильевич Дубельт. *Неизвестный худ. 1830-е гг.*
Из открытых источников

по которому выросло до 58 человек за счет младших чиновников (число их увеличилось до 12) и за счет чиновников для письма (впервые введенных в штат в количестве 20 человек). Такой штат остался неизменным до упразднения III отделения в 1880 г.

Изменение штатов III отделения за 1826–1873 гг.

Год	Количество штатных чиновников	Количество нештатных чиновников	Общее количество чиновников	Примечания
1826	15	1 управляющий 4 чиновника особых поручений	20	
1828	17	1 управляющий 4 чиновника особых поручений	22	Новые штатные должности: цензор драматических представлений и его помощник
1829	19	1 управляющий 4 чиновника особых поручений	24	2 новые штатные должности младших чиновников

Год	Количество штатных чиновников	Количество нештатных чиновников	Общее количество чиновников	Примечания
1839	23	1 управляющий 3 младших чиновника для письма	27	Чиновники особых поручений, состоявшие ранее сверх штата, включены в штат
1841	26	1 управляющий	27	3 младших внештатных чиновника включены в штат
1842	27	1 управляющий	28	Учреждена 5-я (цензурная) экспедиция. Цензор драматических представлений получил еще одного помощника
1843	27	1 управляющий 1 начальник архива 2 помощника начальника архива	31	При организации архива введены сверхштатные должности начальника архива и его помощников
1850	27	1 управляющий 3 архивиста 6 младших чиновников	37	По проекту негласного дополнения к штату III отделения по представлению А.Ф. Орлова прибавились 6 младших чиновников
1862	36	1 управляющий	37	Все сверхштатные дополнения 1849, 1850 гг. включены в общий штат
1871	37		37	В штат III отделения включен управляющий
1873	58		58	20 новых чиновников для письма и должность секретаря управляющего. Произошли перестановки в штате и переименование должностей

Каких-то особых условий при определении на службу в III отделение не существовало. Но обязательно учитывался стаж и опыт работы в прочих «присутственных местах», который должен был составлять не менее трех лет. При зачислении выбор делался в пользу лиц, имеющих высшее образование и владеющих иностранными языками. Необходимы были и безупречные рекомендации по части политической благонадежности. Предпочтение отдавалось лицам, служившим ранее в Корпусе жандармов, канцеляриях военных губернаторов, ведущих министерствах. Поощрялись браки с родственниками сослуживцев, а также служба в учреждении представителей одних и тех же фамилий. Чиновники III отделения в основном были лицами дворянского происхождения, встречались также выходцы из обер-офицерских и солдатских детей. В николаевское царствование при зачислении в III отделение не особо обращали внимание на вероисповедание и национальность. Служили здесь православные и лютеране, русские, поляки, греки и, конечно, немцы. С середины 1870-х гг. лютеране принимались уже крайне неохотно, а поляков и евреев было запрещено брать на службу в полицию. При поступлении на службу устанавливался испытательный срок в два-три месяца, во время которого проверялись усердие, способности и навыки работы кандидата.

Основным источником для изучения кадрового состава III отделения являются формулярные (послужные) списки чиновников, отложившиеся в составе фонда № 109 в Государственном архиве Российской Федерации. Формуляры сохранились на 85% личного состава, служившего в ведомстве с 1826 по 1880 г., так как при переходе на службу в другие учреждения чиновники забирали свои формуляры на новое место службы. На «всегдашнем хранении» в архиве остались лишь формуляры тех чиновников, кто вышел со службы на пенсию или умер, состоя в службе. Обязательной графой формулярного списка была графа «вероисповедание», а отсутствующую графу «национальность» частично возмещала графа «из какого звания происходит», вмещавшая в себя не только социальное, но и национальное происхождение чиновника. Анализ сохранившихся формулярных списков позволяет сделать вывод о том, что в 1826–1856 гг. около половины чиновников отделения составляли лица с немецкими фамилиями, во время царствования Александра II это число сократилось на треть, составив 35% от общего числа чиновников. То же самое наблюдалось и в руководящем составе III отделения. На первом и последнем этапах существования ведомства его возглавляли российские немцы, уступив

эту прерогативу в 1850–1860-х гг. представителям знатных российских дворянских фамилий¹¹.

В первый состав III отделения вошли чиновники Особенной канцелярии МВД во главе с М.Я. Фоком, который был назначен управляющим новым ведомством. По штату ему был положен оклад в 6 тыс. руб. и столовых 3 тыс. руб. в год¹². На новом месте службы Фоку пригодился весь его предшествующий полицейский опыт, Фок «был душой, главным деятелем и важнейшей пружиной всего сложного полицейского аппарата, сосредоточив в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры»¹³. Он первым начал составлять для императора нравственно-политические обозрения, в которых представлял объемную картину «расположения умов» в различных слоях общества, расстановки социальных и политических сил, реакции населения на мероприятия правительства¹⁴. «Общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны, — писал Фок в первом своем отчете, — но составить верный обзор общественно-го мнения так же трудно, как и сделать точную топографическую карту. Чтобы ознакомиться с мнением большинства во всех классах общества... органы высшего надзора использовали все находящиеся в их распоряжении средства, а также содействие достойных доверия и уважения лиц. Все данные проверялись по нескольку раз, для того чтобы мнение какой-либо партии не было принято за мнение целого класса»¹⁵. Несмотря на широкую известность, биографических сведений о Фоке сохранилось немного. Данные его формулярного списка позволяют утверждать, что службу он начал в 1793 г. в лейб-гвардии Конном полку, в 1794 г. находился волонтером при корпусах генералов О.А. Ингельстрома и И.Е. Ферзена, принимал участие в сражении под Мацковицами, участвовал в штурме Праги, за что был награжден золотым крестом. В 1799 г. был уволен по

¹¹ А.Х. Бенкендорф (начальник отделения и шеф жандармов 1826–1844); М.Я. Фок (управляющий отделением 1826–1831); Л.В. Дубельт (управляющий отделением 1839–1856); А.Ф. Шульц (управляющий отделением 1871–1878); А.Р. Дрентельн (начальник отделения и шеф жандармов 1878–1880); Н.К. Шмидт (управляющий отделением 1878–1880). Начальники отделения: А.Ф. Орлов (1844–1856); В.А. Долгоруков (1856–1866); П.А. Шувалов (1866–1874); А.А. Потапов (1874–1876); Н.В. Мезенцев (1876–1878).

¹² ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1826 г. Д. 1 ч. 1. Л. 19.

¹³ *Модзалевский Б.А.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л.: Атеней, 1925. С. 42.

¹⁴ Нравственно-политические обозрения III отделения полностью опубликованы: *Россия под надзором. Отчеты III отделения, 1827–1869* / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2019.

¹⁵ *Россия под надзором.* С. 17.

*Сравнительная ведомость имен пограванных
ссылаемых чиновников III Отделения, из приложенных
ихже деловой Штатской.*

	Всего	Актим	Министерство
	по именам	по именам	по именам
4. Заключенные, численности по	2000	2500	3000
5. Отпущенные, численности, кои	1500	2000	3000
6. Численности в Министрии	1000	1500	2000
Численности в Министерстве	2000	2500	3000
Численности в	1500	1500	1500
Заключенные и отпущенные	2000	2500	3000
Министерства	1500	1500	1500
Численности в	1000	1000	1000
по Министерству	-	-	1000
Численности, отпущенные и по	-	-	1000
Ссылке	-	-	1000
Итого	-	6500	16500
Численности в	-	-	1000

Сидорова М.В.

Автограф А.Х. Бенкендорфа на ведомости окладов чиновникам III отделения. 1826 г.
ГА РФ

болезни и вскоре поступил в Министерство коммерции, с 1804 г. по поручению министра был ревизором в Москве. В 1806–1808 гг. Фок находился при главнокомандующем Московским ополчением и управлял при нем всеми письменными делами, а затем служил в милиции Московской губернии¹⁶. Несмотря на продолжительную полицейскую службу, Фок, по словам Ф.Ф. Вигеля, «был немецкий мечтатель, который свободомыслие почитал делом естественным и законным и скорее был готов вооружаться на противников его, ...он хотел, чтобы просвещенный, по его мнению, образ мыслей не совсем погиб в России, и людей, имеющих его, намерен был защищать от преследований»¹⁷. Хотя агенты Фока и вели наблюдение за ссыльным А.С. Пушкиным, сам поэт отзывался о Фоке

¹⁶ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1827 г. Д. 19; О М.Я. Фоке см. также: Рейтблат А.И. Записки Ф.В. Булгарина в III отделение // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 129–146; он же. Ф.В. Булгарин или М.Я. Фок? (К вопросу о сотрудничестве Булгарина с III отделением) // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1994. С. 250–274; он же. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

¹⁷ Вигель Ф.Ф. Записки / Ред. и вступ. ст. С.Я. Штрайха. Т. 2. М.: Крут, 1928. С. 258, 277.

как об умном и образованном человеке, а его смерть в 1831 г. воспринял как «бедствие общественное»¹⁸.

Долгое время «заграничную агентуру» III отделения возглавлял Адам Александрович Сагтынский. По происхождению он был польским шляхтичем и до конца дней принадлежал к Римско-католической церкви. В службу Сагтынский вступил в 1810 г. старшим переводчиком в штат княжества Валахского, а в 1816 г. был определен в Военную канцелярию великого князя Константина Павловича, а затем в Главный штаб цесаревича. В 1834 г. Сагтынского зачислили в III отделение чиновником особых поручений, он специализировался в основном на политическом сыске за границей. В его функции входили надзор за внутренним сыском и руководство заграничной агентурой III отделения. Именно Сагтынский находился на постоянной связи с резидентами и агентами. Он первым читал их донесения и составлял инструкции, утверждавшиеся начальниками III отделения. В 1838 г. ездил в Париж «для ознакомления с французской прессой», в 1840 г. — в Берлин, в 1841 г. — в Палермо, а также в многочисленные командировки во внутренние губернии России. Уволен в 1856 г. по болезни с пенсией и мундиром¹⁹.

Следует отметить, что в III отделении служили и чиновники, находящиеся в иностранном подданстве. Причем, как правило, они занимались либо секретной иностранной перепиской, состоя непосредственно при шефе жандармов, либо исполняли ответственные поручения в качестве агентов III отделения на погранзаставах и в портах. Почти двадцать лет прослужил в III отделении Эрнст Иванович Таубе. Службу свою он начал «из иностранцев» в 1819 г. в почтовой конторе в Митаве. Затем судьба забросила его на Кавказ, где в 1835 г. он уже числился чиновником особых поручений в казенной экспедиции Верховного грузинского правительства. Отличное исполнение возложенных на него секретных заданий, подчас разведывательного плана, обратило на Таубе внимание Николая I и А.Х. Бенкендорфа. В 1839 г. Таубе зачислили в III отделение, и, хотя оказывали постоянные «благоволения» в качестве ценных подарков и денежных пособий, наградить орденом и продвинуть в чине не могли, так

¹⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. 4-е изд. В 10 т. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. История Пушкина. Записки Моро де Бразе. Л.: Наука, 1978. С. 22.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1832 г. Д. 711; Подробнее см.: Черкасов П.П. Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62; он же. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М.: Ломоносовъ, 2015.

как Таубе являлся иностранцем. Положение было поправлено в 1843 г., когда после вступления в брак с эстляндской уроженкой Терезой фон Майдель Таубе присягнул на подданство России. В течение 20-летней его службы в ведомстве Бенкендорфа основной обязанностью Таубе было находиться в Кронштадтском порту для надзора за въезжающими в Россию иностранцами. Он «употреблял все средства для достижения главнейшей цели этой меры — препятствовать приезду в Петербург лиц, оказавшихся нашему Правительству вредными и опасными по разным политическим умыслам»²⁰.

С 1827 г. «по секретным поручениям» при Бенкендорфе состоял Осип Васильевич Кобервейн, до того времени исполнявший аналогичную службу при главнокомандующем 1-й армией Ф.В. Остен-Сакене. Когда в 1832 г. Бенкендорф представил своего секретного агента к повышению чином, то высочайшего соизволения на то не последовало, так как о Кобервейне не было представлено императору никаких удостоверяющих бумаг и формуляров. По справке III отделения оказалось, что «до 1809 находился в Австрийской Лембергской национальной гвардии. По занятии Наполеоном Вены, а саксонскими войсками Галиции, когда начали формироваться польские полки, Кобервейн вступил в оные, в числе уроженцев Галиции и был принят поручиком. Когда же стали страдать походом в Испанию, тогда он приехал в Россию, но на дороге близ Тарнополя лишился всех своих бумаг и имущества, почему не может представить о прежней службе своей никаких документов»²¹. Кобервейна наградили в 1832 г. лишь бриллиантовым перстнем, а положенным чином отметили в 1847 г. Дело в том, что после смерти Бенкендорфа Кобервейн остался не у дел, по штату III отделения и Корпуса жандармов он не числился, исполняя единичные поручения нового шефа А.Ф. Орлова. В 1847 г. Кобервейн принял российское подданство и попросил Орлова исходатайствовать ему положенный чин и определить в штатные чиновники III отделения. На всеподданнейшем докладе шефа жандармов по этому вопросу Николай I начертал резолюцию: «Согласен. Из австрийских поручиков в соответственный чин»²².

При зачислении в III отделение большое значение играли протекции и ходатайства высокопоставленных лиц, друзей и знакомых. Были случаи зачисления «по высочайшему повелению». Так, в 1838 г. из Капитула орде-

²⁰ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1857 г. Д. 188. Л. 4.

²¹ Там же. 1832 г. Д. 804. Л. 2.

²² Там же. Л. 14.

нов в ведомство Бенкендорфа «за благородный поступок» был переведен Александр Александрович Галлер. Дело в том, что Галлер «открыл преступное намерение бывшего учителя Александрова, который покушался на жизнь отставного штабс-ротмистра Яковлева и на домогательство миллиона руб. от отца его, и что отказался от 10000 руб., предложенных ему сим последним в изъявлении благодарности»²³. Галлер являлся выпускником филологического факультета Петербургского университета, знал несколько иностранных языков и поэтому был прикомандирован к архиву III отделения для разбора и приведения в порядок скопившихся бумаг, а вскоре стал и начальником архива в чине старшего чиновника.

А вот история с зачислением «по высочайшему повелению» студента Киевского университета Святого Владимира Алексея Михайловича Петрова закончилась для всех очень некрасиво. Петров был зачислен в штат III отделения в 1849 г. с правами младшего чиновника²⁴ за донос на Кирилло-Мефодиевское общество. Не желая иметь доносчика в своем учреждении, А.В. Дубельт предлагал наградить А.М. Петрова деньгами, но А.Ф. Орлов заметил, что на зачисление Петрова было монаршее соизволение. А вскоре произошел следующий случай. В одном из почтовых ящиков на Невском проспекте служащие почты обнаружили конверт на имя императора. Когда конверт доставили в III отделение, то нашли в нем вырезки из всеподданнейших докладов шефа жандармов Орлова с резолюциями Николая I. В прилагаемой к ним анонимной записке говорилось, что в III отделении за деньги можно получить даже автограф царя. Началось расследование. Была создана специальная комиссия под председательством А.Ф. Голицына, которая обнаружила причастность к этому делу чиновника III отделения А.М. Петрова. «Оставаясь дежурить по вечерам, Петров проникал в 1-ю экспедицию, брал там секретные бумаги, а также расшивал некоторые дела архива для передачи частным лицам»²⁵. Петров был арестован, провел более полутора лет в Алексеевском равелине, а затем в ссылке в Олонецкой губернии, где служил секретарем в суде. После снятия секретного надзора в 1856 г. выехал на жительство в Стародуб. Неоднократно обращался в III отделение с просьбами о помощи и получал оттуда денежные переводы²⁶.

²³ Там же. 1837 г. Д. 634. Л. 45 об.

²⁴ Там же. 1847 г. Д. 236. Л. 1, 6.

²⁵ Там же. Оп. 223. Д. 14. Л. 54–55.

²⁶ Подробнее см.: Сидорова М.В. Дело чиновника А.М. Петрова // Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023. С. 99–106.

По дружеской протекции личным секретарем к шефу жандармов в 1833 г. был зачислен Павел Иванович Миллер, выпускник VI курса Царскосельского лицея. Мать Миллера, Прасковья Александровна, приходилась родной сестрой другу А.Х. Бенкендорфа начальнику Московского жандармского округа А.А. Волкову. Она-то и ходатайствовала за сына при определении его в полицейскую службу. Миллер состоял при Бенкендорфе до самой смерти последнего в 1844 г. Обязанности Миллера как секретаря состояли в подготовке необходимых бумаг для докладов, составлении справок, разборе бумаг на рабочем столе шефа жандармов, подшивке уже отработанных документов в архивные дела. Забывчивость и рассеянность Бенкендорфа была известна всем, поэтому Миллер пользовался этим недостатком своего шефа для извлечения некоторых писем А.С. Пушкина из бумаг своего начальника²⁷. Этим же «грешил» и предыдущий секретарь Бенкендорфа Андрей Андреевич Ивановский, назначенный к шефу жандармов после закрытия Следственной комиссии по делу декабристов, секретарем которой он являлся. В его собрании были не только письма А.С. Пушкина²⁸, но и письма, адресованные декабристам А.А. Бестужеву, К.Ф. Рылееву, А.О. Корнилову²⁹. Ивановский был издателем альманаха «Альбом северных муз», где впервые было напечатано стихотворение Пушкина «Талисман», водил близкую дружбу со многими литераторами.

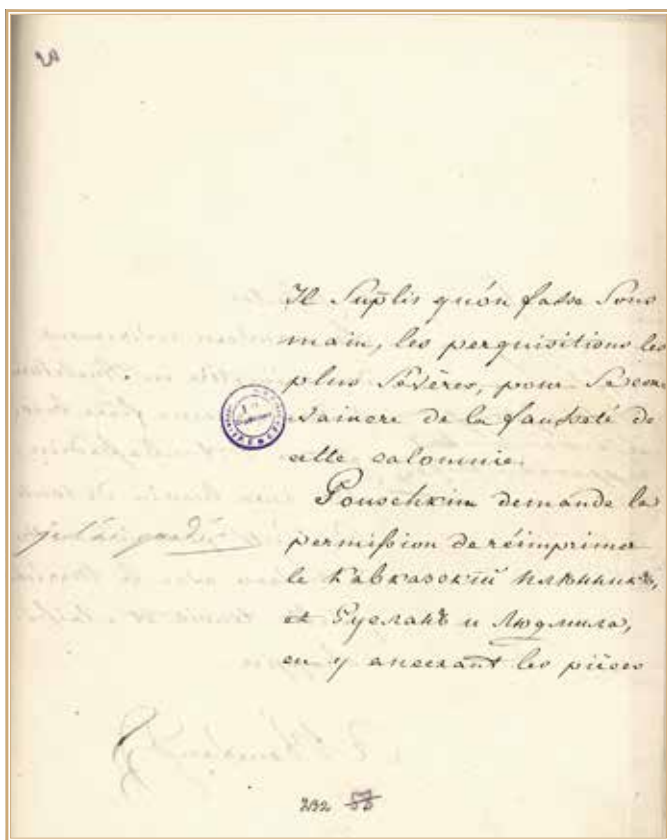
Надо отметить, что достаточно много чиновников III отделения подрабатывали литературными трудами³⁰. Из числа чиновников первого состава следует отметить Евстафия Ивановича Ольдекопа, выпускника филологического факультета Московского университета. Первое его место службы было в Архангельске, где он работал учителем при лютеранском училище. Перебравшись в Петербург, он открыл частное учебное заведение, а затем в 1820 г. поступил на службу в канцелярию министра полиции. Здесь он служил по цензуре, так как сам активно

²⁷ Подробнее об этом см.: *Эйдельман Н.Я.* Десять автографов из архива П.И. Миллера // Записки отдела рукописей. Вып. 33. М.: Книга, 1972. С. 280–320.

²⁸ *Модзалевский Л.Б.* Рукописи А.С. Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание / Сост. Л.Б. Модзалевский, Б.В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. № 41, 50, 56.

²⁹ Описание собрания А.А. Ивановского впервые предпринято В.Е. Якушкиным. См.: Из литературной и общественной истории 1820–1830 // Русская старина. 1888. № 10. С. 149–157; № 11. С. 311–332; № 12. С. 583–600; *Эйдельман О.В.* Следствие по делу декабристов. М.: Модест Колеров, 2010. С. 71–72; 247–249.

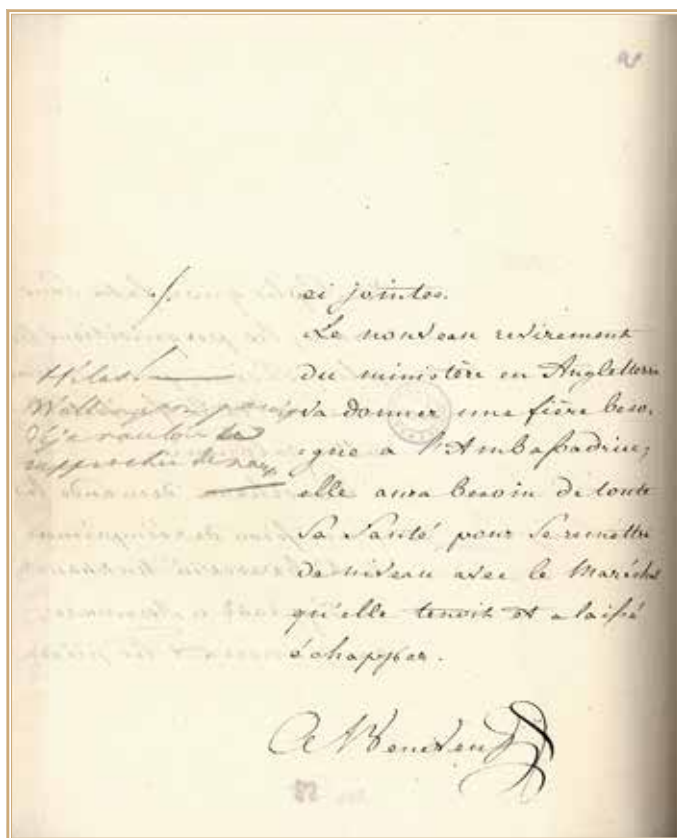
³⁰ Подробнее см.: *Рейтблат А.И.* Русские писатели и III отделение (1826–1855) // Новое литературное обозрение. 1999. № 6 (40). С. 158–186.



Донесение А.Х. Бенкендорфа императору Николаю I об А.С. Пушкине. 1837 г.
ГА РФ

переводил на немецкий язык и издавал отдельными книгами русских писателей (от Пушкина до Булгарина), составил и издал ряд франко-русско-немецких разговорников, учебников и лингвистических пособий, являлся издателем газеты «St.-Petersburgische Zeitschrift»³¹. С 1828 г. Ольдекоп служил в III отделении цензором драматических произведений, занимал эту должность до 1840 г. Достаточно известен был в литературных кругах и Николай Андреевич Кашинцов. Свою службу он начал во Владимирском губернском правлении, в 1815 г. был определен с чином губернского секретаря в Правительствующий сенат. В 1819 г. поступил в Экспедицию кремлевского строения, в которой прослужил до 1827 г. Затем вступил в Императорское человеколюбивое общество Московского попечительного комитета и стал директором Дорогомиловского богадельного дома, а в 1829 г. был избран клинским дворянством в депутаты для составления родословных книг. Кашин-

³¹ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1839 г. Д. 224.



Донесение А.Х. Бенкендорфа императору Николаю I об А.С. Пушкине. 1837 г.
 ГА РФ

цов был вхож в московские литературные круги, знаменит своим романом «Прощание с соловьем», публиковал отдельными брошюрами собственные стихотворения. К III отделению Кашинцов был причислен в 1832 г. по высочайшему повелению для наблюдения за всеми выходящими в Москве периодическими сочинениями, тогда же был пожалован в звание камер-юнкера³². В делах III отделения сохранились интересные отчеты-рассуждения Николая Андреевича о целях и задачах политической полиции и методах работы ее агентов. «Вопреки толкам многих в публике, — писал он, — наблюдение благородное никогда не унижится до шпионства: тут все доводится до света, там — мрак сомнения, пристрастия, пороков. Наблюдение необходимо, а шпионство — верное зло: это — подкуп, следственно, порча нравов, колебание правил, шаткость обязанностей»³³.

³² Там же. 1832 г. Д. 7.

³³ Там же. Ч. 2. Л. 89.

Вполне объяснимо, что чиновники, служившие в III отделении цензорами драматических произведений и переводчиками, занимались литературными трудами — на это их наталкивали статьи, которые они переводили из иностранных газет и журналов. Так, чиновник Карл Иванович Бернард писал в служебной записке начальнику III отделения П.А. Шувалову в 1867 г.: «В 3 отделении кроме обыкновенных моих занятий по драматической цензуре делал переводы и выписки из разных статей, составлял каталоги и привел в порядок находящиеся в архиве иностранные издания. В 1863 по первому известию о польском восстании, я вслед за предоставленною мною статьей по тому предмету, одобренною генерал-адъютантом и князем Долгоруковым и Потаповым, поместил в “Голосе” ряд статей по польскому вопросу и по приглашению графа М.Н. Муравьева отправился в Вильно, где придал я тамошнему официальному изданию “Виленский Вестник” более русское направление, писал передовые и разные мелкие статьи, фельетоны и составил две исторические статьи, удостоившиеся полного одобрения графа Муравьева, некоторые из тех статей перепечатывались столичными ведомостями, в том числе в “Русском Инвалиде”»³⁴.

Однако не все чиновники могли публиковать свои литературные труды при жизни. Так, статья чиновника Михаила Максимовича Попова, возглавлявшего самую секретную структуру III отделения, 1-ю экспедицию, появилась в печати через несколько лет после смерти автора. Она была посвящена подробному изложению материалов о Пушкине, хранившихся в архиве III отделения³⁵. Статья была написана в 1856 г., но не могла быть обнародована по причине ведомственной секретности³⁶. М.М. Попов был знаком со многими литераторами, по окончании Казанского университета преподавал литературу в Пензенской гимназии, где учился В.Г. Белинский. Попов был дружен с известным писателем И.И. Лажечниковым, который оставил о Попове следующую характеристику: «М.М. Попов, настоящий клад для гимназии. С любовью к науке, особенно литературе, с светлым умом и основательным образованием, он соединял теплое сердце и душу поэтическую. Ученики любили его и никого не слушали с таким удовольствием и пользою. Счастлив был Белинский, что попал в его школу, под теплым крылом его он развил в себе любовь

³⁴ Там же. 1862 г. Д. 30. Л. 37–38.

³⁵ [Попов М.М.] Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. 1874. Т. 10. С. 683–714.

³⁶ Подробнее см.: Березкина С.В. Статья чиновника III отделения М.М. Попова «Александр Сергеевич Пушкин» // Русская литература. 2013. Вып. 1. С. 105–110.

к литературе и ко всему прекрасному»³⁷. После Пензы Попов переехал в Петербург и служил в Департаменте внешней торговли, в 1835 г. переведен в штаб Корпуса жандармов, а в 1839 г. по высочайшему соизволению зачислен в III отделение старшим чиновником, а затем чиновником особых поручений, несколько раз замещал управляющего во время его отсутствия в Петербурге и был пожалован арендным денежным содержанием с выплатой 2000 руб. в год в течение 12 лет «за долговременную постоянно-усердную службу и ревностное исполнение дел, подлежащих особой тайне»³⁸. Попов вышел в отставку по болезни в 1865 г. и через несколько лет скончался. Архив Попова, который находится в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН), содержит как автографы его опубликованных работ, так и неопубликованные статьи не только литературного характера, но и по тематике служебных заданий во время службы в III отделении³⁹.

В большинстве случаев, чиновники III отделения увольнялись со службы на пенсию, или умирали, состоя в службе. Случаи перехода в другие ведомства встречались не часто, и уж тем более редки были случаи увольнения «без прошения». Упоминаемая нами выше история с чиновником А.М. Петровым, арестованным в 1849 г. за хищение бумаг из III отделения, хотя и была неординарна, но не единственна. Еще один случай произошел в 1869 г., когда Николай Карлович Гальслебен был уволен за использование своего служебного положения в корыстных интересах — помогал за деньги получать необходимую просителю информацию о ведении ряда дел. Промыкавшись три года частными уроками, в 1872 г. Гальслебен обратился с письмом к шефу жандармов П.А. Шувалову, в котором глубоко раскаивался о содеянном, излагал все свои тяготы и невзгоды — «продав последнюю кровать и оставшись в одном сюртуке и пальто, я переселился в Москву с женой и детьми к старухе матери» — и просил об исключении из его аттестата слов «уволен от службы». По всеподданнейшему докладу П.А. Шувалова, в котором были обрисованы все «тягостные последствия» для Гальслебена его увольнения, государь повелел: «вписать в аттестат “уволен по домашним обстоятельствам”»⁴⁰. Надо надеяться, что последующая карьера незадачливого чиновника пошла в гору.

³⁷ Лажечников И.И. Заметки для биографии В.Г. Белинского. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 10.

³⁸ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1828. Д. 179. Л. 126–130; 2 экспедиция. 1865. Д. 76. Л. 8–21.

³⁹ Березкина С.В. Указ. соч. С. 109–110.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1862 г. Д. 333.

Интересна судьба Николая Федоровича Миллера, выпускника Петербургского университета, служившего вначале актуариусом в МИДе, а затем чиновником особых поручений при архангельском военном губернаторе. В 1846 г. Миллер был зачислен в III отделение, вскоре принял православие и отправился с паломниками в Коневецкий монастырь на Ладоге. Здесь «захватила его фантазия» остаться в монастыре послушником и со временем удалиться в Киево-Печерский монастырь. Миллер послал в III отделение письмо с просьбой об отставке и небольшом вспомоществовании на проезд до Киева, а также вежливо намекнул о ходатайстве за него на устройство на казенный счет в Духовную академию «слушать курс теологии, чтобы со временем сделаться полезным членом духовенства». Письмо не могло не удивить начальство III отделения: в Петербургское епархиальное ведомство был послан запрос — что случилось с полицейским чиновником? Однако ответ настоятеля Коневецкого монастыря обрисовал еще более странные обстоятельства. Оказалось, что Миллер действительно некоторое время находился в монастыре вместе с другими паломниками, посещал службы, экскурсии и выбыл из монастыря с паломнической группой и даже никому не намекал о своем желании стать послушником. Неизвестно, где два года странствовал неудавшийся «монах», только в 1848 г. в III отделение был прислан запрос от настоятеля Троице-Сергиевой лавры отца Андроника: не встречается ли ведомство каких-либо препятствий для определения Миллера в послушники лавры. III отделение ответило, что Миллер всегда усердно и хорошо служил, правда, умолчало о странном исчезновении его из Коневецкого монастыря.

Следующая весточка от Миллера пришла менее чем через год. Пристав на имя Л.В. Дубельта письмо и именной образ св. Леонтия, Миллер просил всесильного жандармского генерала об определении его вновь на службу. Дубельт посоветовал обратиться к церковному начальству и послал незадачливому монаху 10 руб. за образ⁴¹. К сожалению, дальнейшая судьба Миллера нам не известна. В 1874 г. «по собственному прошению по состоянию здоровья» спешно уволили начальника секретной экспедиции III отделения Константина Федоровича Филиппеуса. Зачисленный в отделение в 1869 г. по приглашению П.А. Шувалова, он в течение пяти лет имел в своем распоряжении не только весь штат секретных агентов, но и все секретные агентурные суммы III отделения. Вскоре оказалось, что основную часть этих сумм Филиппеус тратил на веселое светское времяпрепровождение и женщин. Не желая выно-

⁴¹ Там же. 1846 г. Д. 169.



В канцелярии А.Х. Бенкендорфа. *Неизвестный худ. Конец 1820-х гг.*
 Из открытых источников

снять сор из избы, начальника секретной агентуры решили уволить тихо с положенной пенсией. Но так как Филиппеус имел «значительное знакомство с лицами предосудительными и по прежней своей службе знал многие подробности по важным государственно-политическим делам», установили за ним негласное секретное наблюдение⁴².

Подобные случаи нерадивости чиновников хотя и имели место, все же были крайне редки. Большинство чиновников честно и ответственно выполняли свой долг и обязанности по службе и старались выслужиться в следующий чин или заслужить награду. Основными поощрениями считались: награждение орденом или медалью, предоставление аренды, единовременного пособия, ценный подарок, перевод в следующий чин, высочайшие «благоволения» в виде определения детей на казенный счет в учебные заведения. Так, в 1831 г. за продолжительную «ревностную» службу Александра Исаевича Лефевра его сын, страстно желавший стать морским офицером, был зачислен по ходатайству А.Х. Бенкендорфа в Морской кадетский корпус. Император на всеподданнейшем докладе Бенкендорфа написал: «Зачислить. Сообщить князю Меншикову, хотя по правилам в сей корпус не принимаются иные дети как морских»⁴³.

⁴² Подробнее о судьбе К.Ф. Филиппеуса см.: Сидорова М.В., Лурье Ф.М. Взлеты и падения сыщика Филиппеуса // Сидорова М.В. О жандармах... С. 107–139.

⁴³ ГА РФ. Ф.109. 2 экспедиция. 1826 г. Д. 72. Л. 15.

Количество чиновников, перешедших из III отделения в другие ведомства, было невелико. Многие чиновники проработали в отделении всю свою жизнь. Как заметил К.Ф. Филиппеус, «...личный состав отделения сложился своеобразно, в среде его выработались особые взгляды и предания, отделение стало чем-то в роде монастыря и что вступая в него, нужно было отрешиться от внешнего мира»⁴⁴.

После упразднения в 1880 г. III отделения чиновники были уволены с пенсиями, соответствующими количеству проработанных лет. Прослужившие 25 лет и более получали пенсию в размере оклада, от 20 до 25 лет — в размере $\frac{2}{3}$ оклада, от 15 до 20 — $\frac{1}{2}$ оклада⁴⁵. Многие чиновники подали прошение о зачислении на службу в Департамент полиции. Двадцать одно прошение было удовлетворено⁴⁶. Приоритет при зачислении в новое ведомство отдавался чиновникам особых поручений, архивистам и канцелярским служащим.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Бенкендорф А.Х. *Воспоминания. 1802–1837* / Публ.: М.В. Сидорова, А.А. Литвин; пер. с фр.: О.В. Маринин. М.: Российский фонд культуры, 2012. 759 с.
Benckendorff A.Ch. *Memoirs. 1802–1837* / Publ. by M.V. Sidorova, A.A. Litvin; transl. from Fr. by O.V. Marinin. Moscow: Russian Culture Foundation, 2012. 759 p. (in Russ.).
2. Берёзкина С.В. Статья чиновника III Отделения М.М. Попова «Александр Сергеевич Пушкин». *Русская литература*. 2013;(Вып. 1):105–110.

⁴⁴ Там же. 1869 г. Д. 172. Л. 118.

⁴⁵ Там же. 1880 г. Д. 817. Л. 34 об. — 35.

⁴⁶ Там же. Д. 98. Л. 30.

- Berezkina S.V. Article by the official of the Third Section, M.M. Popov, «Alexander Sergeevich Pushkin». *Russkaya Literatura*. 2013;(Iss. 1):105–110 (in Russ.).
3. Вигель Ф.Ф. *Записки*. Т. 2 / Ред. и вступ. ст.: С.Я. Штрайх. М.: Круг, 1928. 355 с.
Weigel F.F. *Notes*. Vol. 2 / Ed. and introd. by S.Ya. Shtraikh. Moscow: Krug, 1928. 355 p. (in Russ.).
4. Из литературной и общественной истории 1820–1830. *Русская старина*. 1888;(10):149–157; (11):311–332; (12):583–600.
From the Literary and Social History of 1820–1830. *Russkaya Starina*. 1888;(10):149–157; (11):311–332; (12):583–600 (in Russ.).
5. Лажечников И.И. *Заметки для биографии В.Г. Белинского*. М.: Директ-Медиа, 2014. 28 с.
Lazhechnikov I.I. *Notes for a biography of V.G. Belinsky*. Moscow: Direct-Media, 2014. 28 p. (in Russ.).
6. Модзалевский Б.Л. *Пушкин под тайным надзором*. 3-е изд. Л.: Атеней, 1925. 106 с.
Modzalevsky B.L. *Pushkin under secret surveillance*. 3rd ed. Leningrad: Athenaeum, 1925. 106 p. (in Russ.).
7. Модзалевский Л.Б. *Рукописи А.С. Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме*: Научное описание / Сост.: Л.Б. Модзалевский, Б.В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 392 с.
Modzalevsky L.B. *Manuscripts of A.S. Pushkin stored in the Pushkin House*. Scientific description / Compil. by L.B. Modzalevsky, B.V. Tomashevsky. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 392 p. (in Russ.).
8. Петров А.М. Из далекого прошлого: Воспоминания о Кирилло-Мефодиевском обществе, в: *Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века*. Кн. 5 / Ред.: В.Д. Бонч-Бруевич. М.; Л.: Academia, 1935. С. 304–342.
Petrov A.M. From the distant past: Memories of the Cyrillo-Methodian Society, in: *Zvenya. A collection of materials and documents on the history of literature, art, and social thought in the 19th century*. Book 5 / Ed. by V.D. Bonch-Bruevich. Moscow; Leningrad: Academia, 1935. P. 304–342 (in Russ.).
9. [Попов М.М.] Александр Сергеевич Пушкин. *Русская старина*. 1874;10:683–714.
[Popov M.M.] Alexander Sergeevich Pushkin. *Russkaya Starina*. 1874;10:683–714 (in Russ.).

10. Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений*. 4-е изд. (в 10 т.). Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. История Пушкина. Записки Моро де Бразе. Л.: Наука, 1978. 415 с.
Pushkin A.S. *Complete works*. 4th ed. (in 10 vols.). Vol. 8: *Autobiographical and historical prose. The history of Pushkin. Notes by Moreau de Brasey*. Leningrad: Nauka, 1978. 415 p. (in Russ.).
11. Рейтблат А.И. Ф.В. Булгарин или М.Я. Фок? (К вопросу о сотрудничестве Булгарина с III отделением), в: *Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения*. Рига; М.: Зинатне; Импринт, 1994. С. 250–274.
Reitblat A.I. F.V. Bulgarin or M.Ya. Fok? (On Bulgarin's collaboration with the Third Section), in: *Tynyanov collection: The Fifth Tynyanov Readings*. Riga; Moscow: Zinatne; Imprint, 1994. P. 250–274 (in Russ.).
12. Рейтблат А.И. *Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение*. М.: Новое Литературное Обозрение (НЛО), 1998. 700 с.
Reitblat A.I. *Vidok Figlyarin: Letters and secret notes by F.V. Bulgarin to the Third Section*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 1998. 700 p. (in Russ.).
13. Рейтблат А.И. Записки Ф.В. Булгарина в III отделение. *Новое Литературное Обозрение*. 1993;(2):129–146.
Reitblat A.I. F.V. Bulgarin's reports to the Third Section. *Novoe Literaturnoe Obozrenie (New Literary Observer)*. 1993;(2):129–146 (in Russ.).
14. Рейтблат А.И. Русские писатели и III Отделение (1826–1855). *Новое литературное обозрение*. 1999;40(6):158–186.
Reitblat A.I. Russian writers and the Third Section (1826–1855). *Novoe Literaturnoe Obozrenie (New Literary Observer)*. 1999;40(6):158–186 (in Russ.).
15. *Россия под надзором. Отчеты III отделения, 1827–1869* / Сост.: М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2019. 703 с.
Russia under surveillance. Reports of the Third Section, 1827–1869 / Compil. by M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova. Moscow: Russian Culture Foundation, 2019. 703 p. (in Russ.).
16. Сидорова М.В. Дело чиновника А.М. Петрова, в: Сидорова М.В. *О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки*. СПб.: Алетейя, 2023. С. 99–106.
Sidorova M.V. The case of official A.M. Petrov, in: Sidorova M.V. *On gendarmes, emperors and fine arts. Archival notes*. St. Petersburg: Aleteya, 2023. P. 99–106 (in Russ.).

17. Сидорова М.В., Лурье Ф.М. Взлеты и падения сыщика Филиппеуса, в: Сидорова М.В. *О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки*. СПб.: Алетейя, 2023. С. 107–139.
Sidorova M.V., Lurie F.M. The rise and fall of detective Filippeus, in: Sidorova M.V. *On gendarmes, emperors and fine arts. Archival notes*. St. Petersburg: Aleteya, 2023. P. 107–139 (in Russ.).
18. Черкасов П.П. Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки. *Родина*. 2007;(9):56–62.
Cherkasov P.P. The third person in the Third Section. Adam Sagtynsky — the first chief of Russian foreign intelligence. *Rodina*. 2007;(9):56–62 (in Russ.).
19. Черкасов П.П. *Шпионские и иные истории из архивов России и Франции*. М.: Ломоносовъ, 2015. 304 с.
Cherkasov P.P. *Spy and other stories from the archives of Russia and France*. Moscow: Lomonosov Books, 2015. 304 p. (in Russ.).
20. Эдельман О.В. *Следствие по делу декабристов*. М.: Модест Колеров, 2010. 354 с.
Edelman O.V. *The investigation of the Decembrists*. Moscow: Modest Kolerov, 2010. 354 p. (in Russ.).
21. Эйдельман Н.Я. Десять автографов из архива П.И. Миллера, в: *Зану-ски отдела рукописей*. Вып. 33. М.: Книга, 1972. С. 280–320.
Eidelman N.Ya. Ten autographs from the archive of P.I. Miller, in: *Notes of the Department of Manuscripts*. Iss. 33. Moscow: Kniga, 1972. P. 280–320 (in Russ.).



 **Сидорова Марина Викторовна** 
Marina V. Sidorova

кандидат исторических наук, начальник
выставочного отдела Государственного
архива Российской Федерации

C.Sc. (History), leading specialist of the
State Archives of the Russian Federation

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.002)

Оригинальная статья / Original paper



Е.И. Щербакова

*Кафедра общественно-гуманитарных дисциплин
Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: igorfom63@gmail.com*

«Слухом земля полнится»

Аннотация

Одной из задач политической полиции Российской империи являлся сбор сведений о настроениях разных слоев общества. В распоряжении исследователей имеется обширный комплекс документов, сохранившихся в фондах III отделения и Департамента полиции ГА РФ, где в качестве одного из важнейших источников информации выступают слухи. Современному понятию «общество» в документах XIX столетия в наибольшей степени соответствует термин «публика», именно ее взгляды отражаются во множестве донесений политической полиции, которые касаются городской, преимущественно столичной жизни. Однако подавляющую массу населения страны — народ составляли крестьяне. Тщательно фиксируя слухи, которые циркулировали в этой среде, пытаясь обнаружить источники тех из них, которые представлялись опасными, служащие политической полиции часто связывали будоражащую народ молву с пропагандой или агитацией неких злоумышленников, хотя такой подход далеко не всегда правомерен. Слухи, которые распространялись среди крестьян, можно свести к нескольким фундаментальным проблемам народного быта, связанным с землей и ее нехваткой, извечной надеждой на «черный передел». Практически любые события в сфере внешней или внутренней политики страны воспринимаются крестьянами через призму ожидания «милости

насчет земли». Информационно-аналитические материалы политической полиции, фиксирующие народную молву, — ценнейший исторический источник, который «приоткрывает для историка окно в коллективную ментальность общества». Однако интерпретация этих данных, когда они касаются крестьян, и для аналитиков из политической полиции, и для современного исследователя связана с немалыми сложностями.

Ключевые слова:

слухи; толки; крестьяне; политическая полиция; информационно-аналитическая деятельность; общественные настроения; III отделение; Департамент полиции

Для цитирования:

Щербакова Е.И. «Слухом земля полнится». Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 40–71. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.002)

Yekaterina I. Shcherbakova

*Social and Political Sciences Department, Moscow School of Economics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: igorfom63@gmail.com*

“A little bird told me”

Abstract

One of the principal tasks of the political police of the Russian Empire was to collect information on the attitudes and sentiments of different social groups. Researchers now have access to an extensive body of documents preserved in the collections of the Third Section and the Police Department of the State Archive of the Russian Federation, in which rumors constitute one of the most important sources of information. In nineteenth-century official documents, the term *publika* (“the public”) most closely corresponds to the

modern concept of “society,” and its views are reflected in numerous reports of the political police, primarily concerning urban life, especially in the capital. However, the overwhelming majority of the country’s population consisted of the *narod* (“the people”), namely the peasantry. By carefully recording rumors circulating among peasants and attempting to identify the sources of those considered dangerous, political police officials frequently attributed unsettling popular gossip to the propaganda or agitation of malicious actors, although such an interpretation was by no means always justified. The rumors that spread among the peasantry can be reduced to several fundamental issues of rural life, chiefly those connected with land, land scarcity, and the enduring hope for a “general redistribution of land” (*chernyi peredel*). Virtually all developments in the country’s domestic and foreign policy were interpreted by peasants through the prism of their expectation of the sovereign’s “grace regarding land.” The analytical and informational materials of the political police that recorded popular rumors constitute an invaluable historical source, one that “opens a window for the historian onto the collective mentality of society.” At the same time, interpreting these materials when they concern the peasantry posed considerable challenges both for the political police analysts who compiled them and for modern historians.

Keywords:

Rumors; Gossip; Peasants; Political police; Intelligence and analytical activities; Public opinion; Third Section; Police Department

For citation:

Yekaterina I. Shcherbakova. «A Little Bird Told Me». *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 40–71. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.002)



бщеизвестно, что функции III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии были чрезвычайно многообразны. «Око государево» приглядывало и за работой бюрократического аппарата, и за антиправительственной деятельностью, и за настроениями разных слоев населения. Этому ведомству изначально отводилась роль «центрального штаба по наблюдению за мнением общим и духом народным»¹, ибо, как писал

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 510. Л. 9.



Максим Яковлевич фон Фок. Литография с оригинала И.П. Фридрица.
Из открытых источников

первый управляющий III отделением Максим Яковлевич фон Фок, общественное мнение «для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны»². Николай I всегда стремился к осведомленности о нуждах и чаяниях подданных, и важнейшей частью ежегодных всеподданнейших отчетов III отделения являлись «нравственно-политические обозрения», которые фиксировали не столько конкретные факты, сколько «общее расположение умов». Сейчас подобный документ назвали бы аналитическим обзором. На какие же источники опиралась информационно-аналитическая деятельность политической полиции?

В III отделение поступали сведения от секретных агентов и добровольных информаторов, выдержки из перлюстрации корреспонденции, донесения и отчеты жандармских штаб-офицеров в губерниях, именно от них руководство политической полиции получало основную массу информации с мест. В 1827 г. в жандармских округах были организованы отделения во главе со штаб-офицерами, охватывавшие от одной до трех губерний. К началу 1830-х эта структура была реорганизована в сторону большего «покрытия» территории страны жандармским надзором —

² Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и Корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 141.

теперь управления (вместо отделений) жандармских штаб-офицеров находились во всех губерниях, входивших в состав округов корпуса (последние, за исключением Варшавского, Сибирского и Кавказского, просуществовали до возникновения губернских жандармских управлений в 1867 г.).

Жандармским штаб-офицерам в губерниях предписывалось «по возможности все видеть, все знать, и ни во что не вмешиваться»³, как формулировал их задачу первый глава ведомства — главноуправляющий III отделением и шеф Корпуса жандармов — А.Х. Бенкендорф. Донесения штаб-офицеров, которые следовало составлять раз в полгода, направлялись непосредственно в столицу при рапорте шефу жандармов, минуя начальника жандармского округа, «только начальник московского округа предварительно знакомился с бумагами»⁴. В Петербурге отчеты штаб-офицеров изучал управляющий III отделением, должность которого с 1839 г. совмещалась с должностью начальника штаба Корпуса жандармов. Наиболее содержательные донесения с мест оказывались на столе у шефа жандармов, который мог сообщить их императору⁵; кроме того, они ложились в основу ежегодных отчетов III отделения. Периодичность и форма отчетности менялись, но их роль сохранилась и тогда, когда функции политического надзора были переданы от упраздненного в 1881 г. III отделения — Департаменту полиции МВД.

Каким же образом жандармские офицеры могли судить о настроениях и общественном мнении в подведомственных губерниях? Основным источником сведений служили их собственные наблюдения, выводы же из них каждый делал в меру своего разума. «Не имея платных агентов, жандармы частным образом собирали новости и слухи»⁶, — пишет Г.Н. Бибилов. «...В проявление толков я вникаю с особой заботливостью...»⁷ — подтверждает мнение исследователя жандармский штаб-офицер в Олонецкой губернии А.А. Мышецкий. Его начальник, руководитель первого округа Корпуса жандармов, настаивал на неизменной необходимости сбора «подробных сведений о носящихся слу-

³ Цит. по: Бибилов Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. С. 94.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 312.

⁷ Белоусов К.Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления. Петрозаводск: Острова, 2021. С. 57.



Леонтий Васильевич Дубельт. Худ. П.Ф. Соколов.
Из открытых источников

хах; о происходящих толках и рассуждениях по предметам, заслуживающим внимания правительства, о состоянии умов как в высших слоях общества, так и между простым сословием...»⁸.

Помимо донесений жандармских штаб-офицеров, слухи, как показатель общественных настроений, фиксировались в целом ряде документов, которые отложились в фондах III отделения в комплексе материалов за 1857–1869 гг., озаглавленных «Сводки агентурных донесений о толках и слухах по поводу различных событий политической, экономической, общественной жизни России, международных событий и происшествий»⁹. Они, в основном, касаются столичных сюжетов, как и те сводки наиболее важной информации, которую сообщал управляющий III отделением А.В. Дубельт главе политической полиции с 1844 по 1856 г. А.Ф. Орлову во время его отсутствия в Петербурге. Практически ежедневно доставлявшиеся шефу жандармов курьерской почтой «записки для сведения» сохранились в ГА РФ за 1845–1846 и 1849–1855 гг. Кроме того, среди архивных материалов существуют и отдельные дела III отделения, нередко сгруппированные по темам, отражающие мнения населения по различным общественно значи-

⁸ Там же. С. 130.

⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213–3245.

мым вопросам и базирующиеся, главным образом, на молве, толках и слухах.

Таким образом, в распоряжении исследователя имеется обширный комплекс обзорно-аналитических документов политической полиции Российской империи, в которых слухи выступают в качестве одного из важнейших источников информации. С ними связаны такие задачи политической полиции, как выяснение источника и предотвращение «распространения тревожных слухов», что вполне логично, ибо наблюдение за неблагонадежными мыслями неотделимо от пресечения соответствующих действий. Но при работе с этими данными нельзя упускать из виду, что, помимо фиксации слухов, в документах часто отражается их интерпретация. В первом случае жандармский офицер или чиновник III отделения воспроизводит мнение общества, во втором — свое собственное, и отделить одно от другого оказывается непросто. Несмотря на служебное рвение и стремление к объективности, у аналитиков из политической полиции тоже может быть своя позиция, которая влияет на представляемую информацию.

В любом случае, слухи выступают как основной показатель настроений населения, но население Российской империи далеко неоднородно. Если свести все его многообразие к известной триаде «власть — общество — народ», то разница будет совершенно очевидна. Для задач политического контроля, безусловно, важна позиция представителей элиты. Современному понятию «общество» в документах XIX столетия наиболее соответствует термин «публика», именно ее взгляды и настроения отражаются во множестве донесений политической полиции, которые касаются городской, преимущественно столичной жизни. От народа «публику» отличают, прежде всего, уровень образования, приобщенность к европейской цивилизации, ну и, конечно же, материальный достаток. По словам исследователя Великой французской революции С.Ф. Блуменау, публика — это «меньшинство, обладавшее “имуществом и культурой”» в отличие от народа «с его переменчивыми настроениями и ментальностью, проникнутой предрассудками»¹⁰.

Настроения и поведение публики, слухи, которые циркулировали в этой среде, находятся в центре целого ряда исследований, например, Абакумова О.Ю. «Третье отделение на страже нравственности и бла-

¹⁰ Блуменау С.Ф. Просвещение и проблемы истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155.



Алексей Федорович Орлов. Худ. Ф. Крюгер.
Из открытых источников

гочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866» или Е.В. Балускиной «Слухи и толки: весна 1857 года в Санкт-Петербурге глазами Третьего отделения», чего не скажешь об изучении «расположения умов» в простом народе по материалам политической полиции.

Для России «народ» — прежде всего крестьяне. Это подавляющая масса населения страны, и политическая полиция уделяла ей достойное внимание. Тщательно фиксируя слухи, которые ходили в народе, пытаясь обнаружить источники распространения тех из них, которые представлялись опасными, «служащие политического сыска, — как пишет Л. Ульянова, — в большинстве случаев связывали возникновение слухов с целенаправленной деятельностью различных групп в обществе, которые тем или иным способом демонстрировали свои политические убеждения»¹¹, т.е. пытались связать будоражащую народ молву с пропагандой или агитацией неких злоумышленников, хотя такой подход далеко не всегда правомерен.

Существует целый ряд проблем, которые настолько близки простому человеку, что их можно назвать фундаментальными. Для формиро-

¹¹ Ульянова Л.В. Слухи в инструментарии политической полиции. 1880–1905 гг. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 293.

вания и распространения слухов на эти темы не требуется никакого постороннего вмешательства, они живут в народном сознании поколениями. Д.И. Успенский, проводивший опросы крестьян Чернского уезда Тульской губернии в 1891–1892 гг. и опубликовавший результаты своего исследования в журнале «Этнографическое обозрение», указывает самые животрепещущие темы народной молвы в названии статьи «Толки народа (Неурожай — Холера — Война)». Момент для обследования выбран очень острый — это время катастрофического голода в черноземных и поволжских губерниях, который постиг регион после сильнейшей засухи на фоне неурожайных 1889 и 1890 гг., вызвал распространение эпидемий и унес множество человеческих жизней. Автор приводит совершенно конкретные варианты объяснения этих бедствий: в народном сознании они связаны со злой волей ведьмы, насылающей засуху, действиями медиков, которые намеренно морят народ, или грехами православного люда. Записанные этнографом рассказы содержат и предположения о том, когда напасть закончится, о чем сообщают крестьянам явления Богородицы, святых и провидцев, которые говорят о будущем. Успенский не делает серьезных обобщений, «людская молва, что морская волна, — пишет он. — Подобно этому, нет постоянства в народных толках»¹². Но даже если это так, темы, которые эти толки вызывают, неизменны на протяжении столетий и связаны с условиями существования крестьян в «зоне рискованного земледелия». В целом слухи, циркулировавшие в народной среде, передают либо страхи, либо надежды.

Изучая поведение русских крестьян во время Первой мировой войны, О.С. Поршнева замечает: «Несмотря на присущий крестьянам известный хозяйственный и социально-бытовой рационализм и прагматизм, восприятие событий, причины которых оставались за пределами их умственного горизонта, на протяжении веков у них определялось действием традиционных ментальных установок»¹³. Важнейшая из этих ментальных установок связана с представлением о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

Слухи о земле и воле — время от времени затихающие, но не прекращающиеся практически никогда — составляли одну из главных забот

¹² Успенский Д.И. Толки народа (Неурожай — Холера — Война) // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 184.

¹³ Поршнева О.С. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 — февраль 1917) // Человек и война. Война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. С. 192.

политической полиции. «При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян»¹⁴, — отмечают аналитики из III отделения.

В интереснейшем исследовании особенностей народного сознания К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды» приводится молва о том, что после смерти Александра I по неизвестным народу причинам на престоле оказался не Константин Павлович, а Николай. «Замечательно, что оба эти факта были истолкованы народным сознанием как следствие того, что и Александр и Константин хотели освободить крестьян»¹⁵. Ходил также слух о том, что «Александр дал перед смертью свободу, а Николай скрыл ее»¹⁶.

«Краткий обзор общественного мнения в 1827 году» содержит сведения о том, что «среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего Мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: “Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их”»¹⁷. Причем автор обзора призывает обратить на крестьянскую молву особое внимание, «так как из этого сословия мы вербуем своих солдат»¹⁸.

В середине 1850-х гг. в народную среду не могла не просочиться информация о подготовке крестьянской реформы. Очень любопытный разговор зафиксирован в сводке III отделения от начала мая 1857 г. «На днях легковой извозчик спросил седока: а что слышно, барин, скоро ли родит государыня, ведь толкуют, что если Бог даст государю сына, то он непременно хочет дать нам вольницу, потому что этот сын будет Царской сын и важнее всех других его детей. — Государь уже давно бы для нас что-нибудь сделал, да не может — помещики его упрашивают, а если теперь будет сын, то с этого дня, говорят, все наши дети, которые родятся с этого времени, будут вольными, а для нас самих будет назначена такса для выкупа себя на волю, не так как теперь — плати сколько господин захочет, а другой черт знает что ломит, от того-то и не мо-

¹⁴ Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. С. 201.

¹⁵ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. С. 200.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Россия под надзором. С. 24.

¹⁸ Там же.

жем выкупиться, а если будет, как государь хочет, так мы скоро будем все вольные. — Дай-то Боже, государю сына, — ждем, не дождемся!»¹⁹ Вероятно, имеется в виду Сергей Александрович, который появился на свет 29.04/11.05 1857 г. Но особенность этого слуха не в том, что освобождение крестьян народная молва связывает с важным событием в августейшем семействе, и не в том, что, по мнению простых людей, государь давно готов крестьянам помочь, а мешают ему помещики. Удивительно, что речь идет о посильной сумме выкупа на волю. Обычно личное освобождение и наделение землей крестьяне представляли себе в качестве «царской милости» — разумеется, даром. Возможно, дело в том, что этот разговор ведет столичный извозчик, до какой-то степени приобщенный к жизни образованной публики, среди которой горячо обсуждались условия крестьянской реформы.

О том, что эти условия крестьян не удовлетворили, написаны тома, и останавливаться на этом я не буду. Отмечу лишь, что в «Нравственно-политическом обозрении» III отделения за 1861 г. появилась рубрика «По крестьянскому делу», где констатируется: «Большинство крестьян надеялось получить совершенное освобождение от обязательных повинностей помещикам и даровой надел земли»²⁰. В разных губерниях немедленно появились самозванные «царские посланники» для разъяснения высочайшей воли, среди них посланцы от великого князя Константина Николаевича, великий князь Константин Павлович (умерший еще в 1831 г.) и даже сам государь император, которым назвался бессрочноотпускной Орловского пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка рядовой Василий Храбров²¹. К.В. Чистов утверждает, что «легенда о Константине-“избавителе” была последним этапом 250-летней истории русских легенд об избавителях. После 60-х гг. XIX в. подобные легенды нам неизвестны»²². Однако это не совсем так. Несколько десятилетий спустя в роли «избавителя» и защитника крестьянских интересов, как мы увидим ниже, будет выступать великий князь Михаил Александрович.

Политическая полиция не обнаружила во всех этих фактах пореформенных волнений посторонних влияний. Даже смущенные самозван-

¹⁹ *Балушкина Е.В.* Слухи и толки: весна 1857 года в Санкт-Петербурге глазами Третьего отделения // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С.В. Мироненко. М., 2023. С. 58.

²⁰ Россия под надзором. С. 551.

²¹ Там же.

²² *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 219.

цами крестьяне повсеместно проявляли непоколебимую веру в добрую волю царя, но с другой стороны — «сомнение в помещиках и чиновниках», которых обвиняли в сокрытии «настоящего Манифеста»²³. С требованием крестьян открыть им настоящую волю были связаны и трагические события в селе Бездна Казанской губернии. Лидер восстания Антон Петров убеждал односельчан, что «царь объявил полную свободу, вся земля отныне будет крестьянская, а власть только царская. Все, кто говорит о другой воле, — куплены помещиками»²⁴.

Кроме того, III отделение сообщает о повсеместно разнесшихся слухах, что через два года «будет объявлена новая полная воля с дарованием земли и что этого права будут лишены те, которые согласятся на предлагаемые теперь помещиками условия. Посему введение уставных грамот встретило везде упорное сопротивление...»²⁵. Вероятно, это связано с тем, что первые два пореформенных года предназначались для составления этих самых уставных грамот, в которых фиксировались размеры крестьянских наделов и повинностей. Предполагалось, что с 1863 г. начнется массовый переход крестьян на выкуп. Кстати, подобное же саботирование землеустроительных новшеств мы обнаружим во время проведения Столыпинской аграрной реформы, о чем речь пойдет далее.

Если следовать хронологии, то следующий всплеск ожиданий царской «милости» и распространения соответствующей молвы приходится на конец 70-х гг. С одной стороны, это время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с другой — «хождения в народ» и последующей волны революционного терроризма.

Автор знаменитых «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардт, организовавший в своем имении в Смоленской губернии образцовое хозяйство, проживший бок о бок с крестьянами много лет и прекрасно знавший пореформенную деревню, писал, что крестьяне «ждут милости насчет земли. ...Никаких сомнений, все убеждены, все верят. Удивительно даже, как это люди слышат и видят именно то, что хотят видеть и слышать»²⁶. Толки о наделении землей «никогда не прекращаются, но затихают до первого случая, до первого выходящего из ряда события»²⁷. Таким событием оказалась очередная Русско-турецкая

²³ Россия под надзором. С. 552.

²⁴ Цит. по: Чистов К.В. Указ. соч. С. 214.

²⁵ Россия под надзором. С. 552–553.

²⁶ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем (1872–1887). М.: Сельхозгиз, 1956. С. 407.

²⁷ Там же. С. 409.

война, слухи о новом «положении» резко усилились и нарастание их зависело от известий о ходе военных действий. К примеру, после победы под Плевной в народе говорили: «Кончится война, будет ревизия и будут равнять землю»²⁸. Заметим, не отбирать у кого-то и отдавать бедным, а «равнять» — каждый получит столько, сколько может обрабатывать. Причем мешают царю-батюшке явить «милость насчет земли» бунтующие господа!

Особенно эти слухи усилились в 1879 г., вероятно, после покушения на императора Александра Соловьева, так что восприятие деятельности революционеров в крестьянской среде было весьма своеобразным. Уже после первого покушения на Александра II, которое 4 апреля 1866 г. совершил Дмитрий Каракозов, разнеслась молва, что стрелял помещик, мстивший царю за освобождение крестьян. Хотя, с другой стороны, любопытно и показательно переосмысление народом слова «нигилисты». Среди зевак, присутствовавших при казни Каракозова, был зафиксирован такой разговор: «Есть, братец ты мой <...> секта такая, и называется она наделистами, значит, всех наделить землей хочет»²⁹.

Злонамеренные люди стараются известить государя из мести за крестьянскую волю, «господа могут скрыть манифест о земле, который непременно скоро будет дан»³⁰. Весной 1881 г., вероятно в связи с восшествием на престол нового императора, эта уверенность укрепилась еще больше. Сведения А.Н. Энгельгардта подтверждают данные О.П. Семенов-Тянь-Шанской, которая проводила опросы населения деревень Рязанской губернии³¹. Введенное через несколько месяцев после гибели Царя-освободителя «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», когда, как пишет Энгельгардт, «пошли строгости и приказано было осматривать у всех паспорта, останавливать проезжающих и пр.», вызвало среди крестьян разговоры о том, что долгожданную «милость» они получат именно тогда, «когда переловят господ, которые бунтуют»³².

Фигура царя, не важно, какого именно, — основа народных чаяний. «По понятиям мужика, ...только мир, да царь думают обо всех... Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что он всех одинаково любит, всех

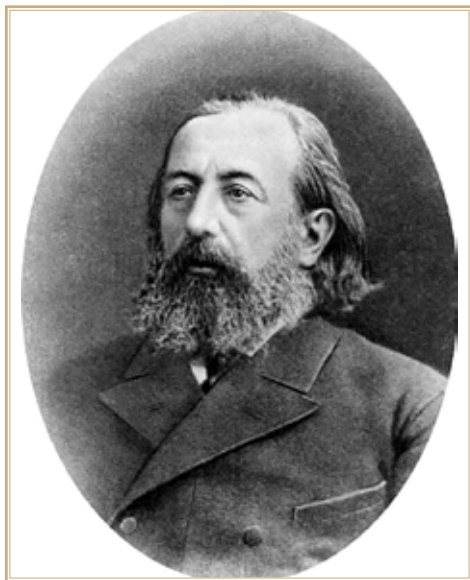
²⁸ Там же.

²⁹ Вормс Н.А. Белый террор // Колокол. 1 января, 1 февраля, 1 марта 1867.

³⁰ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 408.

³¹ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 145–146, 157.

³² Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 411.



Александр Николаевич Энгельгардт.
Из открытых источников

ему одинаково жалко. Функции царя — всех равнять»³³. Представление о самодержце, который стоит надо всеми и примиряет интересы подданных, прекрасно сочетается с общинным мировоззрением, в основе которого лежат представления о равенстве и справедливости.

Прежде чем снова обратиться к материалам политической полиции, давайте подытожим и сделаем это словами А.Н. Энгельгардта: «Общий вывод, какой можно сделать из всех этих слухов и толков, тот, что мужику мало этой земли, которою он наделен, что ему нужно еще земли»³⁴.

Земля всегда оставалась неперменной составляющей народных забот и народной молвы. Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в. не решили проблему крестьянского малоземелья, не справилась с ней и Столыпинская реформа. Если мы сравним информацию о слухах и толках в крестьянской среде, которая приводилась в нравственно-политических отчетах III отделения, и данные Департамента полиции начала XX в., мы увидим, как мало, в сущности, изменилось.

Трудности реализации Столыпинской реформы усугублялись различными слухами, которые, как и раньше, политическая полиция тщательно фиксировала. В нашем распоряжении имеется чрезвычайно информативный источник — отчеты о настроениях населения, которые

³³ Там же. С. 413.

³⁴ Там же. С. 417.

ежемесячно составляли и направляли в Департамент полиции с 1909 по 1915 г. губернаторы в связи с распоряжением председателя Совета министров и министра внутренних дел П.А. Столыпина (циркуляры от 8 мая и 16 ноября 1907 г.), а также, традиционно, губернские жандармские управления.

Напомню, что условия реформы предполагали свободный выход из общины с закреплением в личную собственность причитающейся крестьянам части общинной земли. Излишки сверх нормы душевого надела можно было получить по выкупным ценам 1861 г., если же в данной общине переделы не производились в течение 24 лет, то бесплатно. Крестьянин имел право требовать выделения всех угодий к «одному месту» в виде хутора или отруба.

Как мы уже знаем, мысль о наделении землей не покидала крестьян никогда, активизируясь при каждом случае, который народное сознание воспринимало в качестве значимого исторического события. И теперь, как и прежде, крестьяне ждали улучшения своего положения от щедрот государя-батюшки в связи с различными юбилейными датами, которых на ближайшее время приходилось целых две: 100-летие Отечественной войны 1812 г. и 300-летие дома Романовых.

Летом 1911 г. в Нижегородской губернии был зафиксирован слух о предстоящем в 1912 г. «отобрании земли у помещиков», которым оставят одни лишь усадьбы³⁵. К сентябрю 1911 г. слух конкретизировался. В Тверской губернии говорили, что «крестьяне-общинники получают дополнительные наделы и что на эти наделы будут обращены казенные, удельные и помещичьи земли»³⁶. С распространением этой молвы связывали ухудшение отношения крестьян к крупным земельным собственникам.

Во Владимирской губернии рассуждали о том, что «будто бы депутаты Государственной Думы передавали летом, что ими внесен законопроект о принудительном отчуждении помещичьей земли в пользу крестьян, но законопроект этот нынешней Думой “положен под сукно”, новою же Думой будет рассмотрен в первую очередь»³⁷. Действительно, накануне думских выборов брожению в крестьянской массе могла способствовать предвыборная агитация. К примеру, в Воронежской губернии циркулировали слухи о предстоящих в 1912 г. повсеместных

³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 55. Л. 25 об., 41.

³⁶ Там же. Л. 30 об.

³⁷ Там же. Л. 41.

забастовках, с помощью которых социал-демократическая партия при содействии «настроенных будто бы против правительства войск» выведет крестьян из угнетенного положения³⁸. В Тамбовской губернии на фоне беспорядков при землеустроительных работах и пожаров в помещичьих имениях ходили упорные толки о разделе помещичьих земель в связи с предстоящим в 1912 г. восстанием. Под влиянием этих известий крестьяне отказывались от укрепления за собой земли даже на самых выгодных условиях, «опасаясь лишиться по случаю выхода из общины дополнительного надела»³⁹.

Рассуждая о жизни крестьянского мира, нельзя сбрасывать со счетов такие явления, как неурожай или, наоборот, урожайный год, страда и тому подобные факторы бытия деревни. В 1911 г. Поволжье постиг неурожай, и в Казанской губернии возникли совершенно фантастические слухи, «будто бы, Государь Император намерен отказаться от престола и выехать за границу; что Государыня Императрица пред рождением Наследника Цесаревича дала обет наделить крестьян землей, но Его Величество не позволил исполнить это, ввиду чего Государыня Императрица уже три года тому назад выехала за границу, к своему Августейшему Родителю, с Наследником Цесаревичем, не просвещенным даже св. крещением...»⁴⁰. В Тверской губернии говорили, «будто бы у Государя Императора родился второй сын, остающийся второй месяц некрещеным, ввиду нежелания Государыни Императрицы Марии Федоровны согласиться на необходимость дополнительного наделения крестьян землей по случаю этого события»⁴¹. Вдовствующая императрица почему-то нередко фигурирует в подобных толках как противница наделения крестьян землей. Б. Колоницкий, работавший с материалами РГИА, упоминает такие слухи, ходившие в народе в 1914–1915 гг.: Мария Федоровна «слюбилась со Столыпиным и от него прижила ребенка», поэтому «крестьянам земли и не дали», или «земли дали бы, но мешает старая»⁴².

Рассуждали, что «в 1912 году предстоит наделение крестьян землей и если таковое не состоится почему-либо, то надо ожидать беспорядков, подобных бывшим в 1905 г.; что совпадение первого дня Св. Пасхи

³⁸ Там же. Л. 53 об.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Там же. Д. 54. Л. 54.

⁴¹ Там же. Л. 69.

⁴² Колоницкий Б.И. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в слухах эпохи Первой мировой войны // Слухи в России XIX–XX веков. С. 42.

с днем Благовещения является в этом отношении предзнаменованием весьма важного значения, и т.п.»⁴³. В Тверской губернии «осведомленные» люди рассказывали, что «Великий Князь Михаил Александрович будет добиваться силою оружия, с помощью крестьян и солдат, восстановления утраченных прав на престолонаследие, которых Его Высочество лишен своими врагами, и в награду за помощь будет бесплатно раздавать помещичьи земли»⁴⁴. Таким образом, мы снова видим легенду об «избавителе», без которого народу так трудно справиться со своими бедами.

В Воронежской губернии в январе 1912 г. среди крестьян ходили слухи об «особом “народном” правительстве, которое весной, во время всеобщей забастовки отберет всю землю от помещиков и крестьян, вышедших на отруба, и отдаст таковую общинникам, помещиков же и отрубщиков будут жечь, что нечего покупать землю при посредстве банка, так как впоследствии земля будет раздаваться всем даром, что весной не надо сеять хлеб, так как явится вооруженная боевая партия, которая возьмет верх над господами, ограбит их и раздаст все крестьянам, которым хватит дарового пропитания на целый год»⁴⁵. К весне 1912 г. снова активизировались толки о том, что перемен надо ждать на Пасху — в Страстную субботу предстоит разгром помещичьих усадеб и ожидается «отобрание помещичьей земли в пользу крестьян общинников»⁴⁶. По сравнению с XIX столетием в настроениях крестьян все больше присутствует элемент агрессии, и теперь мы все чаще слышим слово «отобрать» вместо «поравнять».

Чрезвычайно содержательный отчет был получен Департаментом полиции в феврале 1912 г. из Саратовской губернии. «Настроение крестьян в общем спокойное, но прочному успокоению их мешает недовольство новыми формами землеустройства и почти повсеместный неурожай, которого следует ожидать и в текущем году». По донесению начальника местного губернского жандармского управления, «революционное настроение крестьян с 1905 г. не ослабевало, но революционная агитация в настоящее время ведется не слабыми попытками отдельных пропагандистов и не работой отдельных революционных организаций, которых в губернии нет, а общим развитием самосознания крестьянства, инте-

⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 54. Л. 54; Д. 55. Л. 1 об.

⁴⁴ Там же. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Д. 55. Л. 1 об. — 2, 5.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

ресующегося не только местными, но и мировыми событиями, почему среди крестьян все более и более распространяются газеты и особенно ходкие слухи, подрывающие те принципы, которым крестьянство привыкло раньше верить, причем измышлению слухов способствуют некоторые неудачи в деле землеустройства и борьбы с недородом, протекающие от отсутствия предварительной разработки этих вопросов, а также планомерности и порядка в их осуществлении»⁴⁷.

Вообще крестьянское восприятие действительности прекрасно отражает устойчивое мнение о том, что «неурожай у нас от Бога, а голод от правительства»⁴⁸. Правительству и помещикам, как проводникам его воли на селе, не доверяли, в самых, казалось бы, благих намерениях власть предержащих искали подвох. Все меньше надежд возлагается на царя-благотетеля, все сильнее нарастает тенденция к радикальному решению насущных проблем своими силами, нередко оборачивающимися насилием.

Насилие народные массы часто применяли и раньше в борьбе с еще одной неизбывной бедой — эпидемиями. Одной из наиболее опустошительных была, несомненно, холера лета 1831 г., распространившаяся из юго-восточных регионов страны вплоть до столицы и ее окрестностей. Предпринятые властями меры вызывали крайне негативную реакцию населения.

«...Полиция, от излишнего ли усердия или лучше сказать от невежества исполнителей, начала хватать и отсылать в холерные больницы не только больных холерой, но и всякого рода больных и даже встречаемых на улицах пьяных и слабых людей. В больницах же большая часть привозимых вскоре умирали по неопытности медиков в лечении сей новой болезни, умирали даже и не имевшие холеры от приема сильнейших лекарств, ибо их лечили наравне с холерными»⁴⁹. В самом разгаре было Польское восстание 1830–1831 гг. и немедленно разнеслась молва, что народ отравляют «доктора, подкупленные поляками», что это «заговор на погубление россиян»⁵⁰.

Политическая полиция отмечает, что «народ долго своевольничал», хватая на улицах всех казавшихся подозрительными; в первую очередь страдали медики, евреи, поляки и просто иностранцы. Более того, в один

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

⁴⁹ Россия под надзором. С. 80.

⁵⁰ Там же.



Император Николай I во время холерного бунта на Сенной площади. 1831 г.
Из открытых источников

из последующих всплесков холеры, во время голода 1891–1892 гг., ходили слухи, что людей морят злоумышленники по приказу некоего иноземного царя, который собирается с Россией воевать, но боится не справиться⁵¹. Губернские жандармские управления сообщали в Департамент полиции, что в народе «вину за распространение холеры возлагали на англичан или их королеву Викторию»⁵². Как сообщает Ш. Визе, слух об англичанах мог казаться убедительным в связи с тем, что в Поволжье в это время действительно работала делегация английских медиков. «Трудно сказать, — замечает исследователь, — какое значение при этом имели сообщения прессы о столкновении интересов Российской и Британской империй на Среднем Востоке, а также воспоминания о Крымской войне»⁵³. Мне представляется, что, скорее всего, в этом контексте стоит упомянуть о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., о которой мы еще поговорим.

Как и в 30-е гг., в начале 90-х в Поволжье жгли холерные больницы и избивали врачей, которые по слухам хоронят простых людей заживо. «В окрестностях Саратова говорили о том, что врачи были подку-

⁵¹ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 185.

⁵² Цит. по: Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. С. 309.

⁵³ Там же.



Посещение императором Александром III холерного госпиталя.
Из открытых источников

плены нехристями, в Симбирской губернии объясняли, что убийства населения — мера по борьбе с болезнью (по аналогии с уничтожением заболевшего скота). В Казанской губернии рассказывали, что массовые смерти под прикрытием холеры происходят, так как “нет денег кормить голодных”. ...В Нижнем Новгороде говорили, что количество врачей в последние годы настолько выросло, что сейчас им нужно больше земель для жизни, и поэтому убивают людей⁵⁴. От Саратова до Казани и Нижнего Новгорода шла молва о том, что местная администрация растратила средства, выделенные для помощи голодающим, и теперь сама распускает слухи об эпидемии в крае, чтобы не допустить визита царя (в других вариантах — царевича) с инспекцией⁵⁵. Ш. Визе связывает этот слух с тем, что помощь крестьянам «частично была оказана землей, которую те рассматривали как подарок». Когда же саратовский губернатор заявил, что эту помощь нужно будет вернуть, крестьяне восприняли это как несправедливость⁵⁶. То есть мы снова видим, что главные заботы крестьян связаны с землей, нехватка которой к концу XIX в. становилась все более и более очевидной.

Еще одно страшное бедствие, неизменно являвшееся предметом слухов и толков, — пожары. Очень часто, наверное, со времен Смуты,

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 310.

⁵⁶ Там же. С. 319.



Илларион Михайлович Бибилов.
Из открытых источников

их связывали с преступной деятельностью поляков. Особенно правдоподобно такие объяснения звучали после польских восстаний. Отчет III отделения за 1833 г. сообщает, что пожары в Петербурге «разумеется, приписывались полякам»⁵⁷, причиной московских пожаров 1834 г. народ тоже считал «умышленное зажигательство поляков»⁵⁸. «Розыски» политической полиции свидетельствовали о безосновательности народной молвы, но традиционного отношения к полякам, как к бунтовщикам и злоумышленникам, изменить не могли.

Иногда народные представления о причинах тех или иных событий приводят в ступор не только исследователей, но и современников. В 1839 г. распространение пожаров молва объясняла тем, «что Его Высочество Наследник женится на дочери турецкого султана, и на радостях сожгут три губернии. Крестьяне верили!»⁵⁹ — изумляется составитель отчета III отделения. В Симбирской губернии распространились удивительные слухи, что «поджоги производят помещики для разорения своих крестьян, которые назначены быть вольными или отданными в приданое ее императорскому высочеству великой княгине Марии

⁵⁷ Россия под надзором. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 118.

⁵⁹ Там же. С. 205.



Александр Алексеевич Панчулидзе.
Из открытых источников

Николаевне. Говорили о появлении покойного великого князя Константина Павловича; о казни дворянам и наконец поверили, что поджигает правительство для переселения усадеб по новому плану»⁶⁰. От помещиков и от правительства, вероятно, также не ждали ничего хорошего, как и от поляков.

В том же, щедром на пожары, 1839 г. жители Саратовской губернии пришли к «всеобщей мысли, что поджигают евреи по тайному влиянию поляков и в отмщение за повинность рекрутскую», которой евреи подлежали с 1827 г., «везде говорили об евреях, прибавляя, что сначала они будут жечь по всей России дома и хлеб на корне, а потом морить людей ядом». Толками и пересудами дело не ограничивалось, «ожесточенный народ буйствовал, видя истребление домов и имуществ», самосуд и немедленная расправа стали обыденным делом»⁶¹.

Причем даже представители администрации могли оказаться во власти устойчивых мнений толпы. Саратовский губернатор Илларион Михайлович Бибиков официально уведомил своего пензенского коллегу, Александра Алексеевича Панчулидзева, что «поджигают жида, под-

⁶⁰ Там же. С. 203.

⁶¹ Там же. С. 204–205.

купленные поляками, для ослабления России»⁶². И молва, подкреплённая авторитетным мнением начальства, разлетелась по Поволжью.

Командированный в эпицентр бедствия жандармский генерал Степан Васильевич Перфильев пришел к выводу, что пожары происходят большей частью от неосторожности жителей при продолжительной засухе. Попадались и поджигатели, но целью их оказывались банальный грабеж или ненависть к соседям. «Злоумышления со стороны поляков не найдено и вообще по всем строжайшим исследованиям и розысканиям не открылось никакого общего обдуманного направления умов, никакого внешнего наущения или политической цели к расстройству Империи»⁶³.

А красный петух между тем все гулял по Центральной России — по Нижегородской и Казанской, Оренбургской и Пермской, Тамбовской и Костромской губерниям. Где-то носились слухи, что поджигатели — чиновники лесного ведомства, скрывающие незаконную порубку; где-то грешили на притесняемых властями раскольников; но «общее мнение относилось к злоумышленным действиям к полякам»⁶⁴.

«Чужой» для традиционного сознания всегда подозрителен, а за границей всегда найдутся недоброжелатели. Народная молва 90-х гг. XIX в. гласила, что в Москве «появились какие-то чужеземные люди и стали ездить по городу на дрожках и на хороших лошадях. Под дрожками у них была привязана зажигательная мазь. Бывало, такой господин подъедет к какому-нибудь дому и мазнет по нем этою мазью; а как солнышко пригреет, дом-то и загорится. И эти злодеи спалили было всю Москву, да, спасибо, их переловили арканами»⁶⁵. Объясняли это кознями иноземного царя, который хочет ослабить Россию, прежде чем пойти на нее войной.

Война, которая напрямую касается крестьянства, как основы армии и главного налогоплательщика, тоже всегда является предметом разнообразных слухов. Во второй половине XIX в. наиболее сильный отклик в народе вызвали Балканский кризис и последовавшая за ним Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В 1875 г. началось восстание против турецкого господства христианского населения Боснии и Герцеговины, а весной 1876 г. произошло вос-

⁶² Там же. С. 205.

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 185.



Степан Васильевич Перфильев.
Из открытых источников

стание в Болгарии, подавленное с невиданной жестокостью. Средства массовой информации распространяли сообщения о «турских зверствах», как говорили на Балканах. В России, которая издавна привыкла считать своей священной миссией защиту интересов братьев по вере, ширилось общественное движение. Славянские комитеты собирали средства для повстанцев и пострадавших, тысячи добровольцев отправлялись на помощь воюющим южным славянам.

Для простого русского человека ни одна война, которую вела Российская империя, за исключением разве что Отечественной войны 1812 г., не была так близка и понятна. Славянам, страдавшим под турецким игом, искренне сопереживали, успехам русских войск так же искренне радовались. Грамотные читали газетные новости, неграмотные распространяли самые фантастические слухи, о том, например, что «англичанка» (читай, королева Виктория), которая России все время «гадит», «от себя железную дорогу подземную в Плевну сделала и по ней турку войско и харч доставляла, а он-то, Черняев, англичанкину дорогу сейчас увидал и засыпать приказал. Ну, сейчас тогда Плевну и взяли»⁶⁶.

Крестьяне обсуждали и вопрос о том, как же усмирить «англичанку», и самым верным способом видели обращение ее и ее подданных в пра-

⁶⁶ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 220.

вославие. «...Стали говорить, что будет набор из девок, что этих девок царь отдает в приданое за дочкой, которая идет к англичанке в дом. Девки, толковали, выдадут замуж за англичан, чтобы девки их в нашу веру повернули»⁶⁷. Пищу этим слухам давала свадьба великой княжны Марии Александровны и принца Эдинбургского Альфреда, второго сына королевы Виктории. В 1874 г. он прибыл в Россию, «поднесение принцу Эдинбургскому Смоленской иконы Божьей Матери дало обильную пищу толкам и слухам, которые все можно свести к одной мысли — мы стремимся перевести англичанку в нашу веру»⁶⁸.

Союзником России в этой и грядущих войнах народу почему-то виделся Китай. «Китай за нас подымет. Царь Китаю не верит, боится, чтоб не обманул, говорит ему: ты, Китай, свой берег Черного моря стереги, а я, говорит, буду свой стеречь»⁶⁹. В 90-х гг. тоже толковали о том, что в предстоящей войне на нашей стороне выступит «Китай-царь»⁷⁰.

Но от любых внешнеполитических сюжетов крестьяне переходят к рассуждениям о самом насущном — о земле. После взятия Плевны, когда стало ясно, что война идет к концу, появились разговоры о том, что готовится новое «Положение», «весной землемеры приедут землю делить», а помещикам «казна теми деньгами заплатит, что с турок возьмет»⁷¹. После решающих побед в Шипко-Шейновском сражении и при Филиппополе крестьяне интересовались, «много ли наши турецкой земли забрали», и поговаривали, что «безземельных будут на турецкую землю переселять»⁷². Слухи о том, что «в виде награды за понесенные... во время войны жертвы» крестьянам будет передана вся частновладельческая земля⁷³, фиксировались политической полицией и во время Первой мировой войны.

Таким образом, обозначая круг проблем, которых чаще всего касались слухи в крестьянской среде, мы можем констатировать, что он начинается и замыкается вопросом о земле, многовековой надеждой на «черный передел».

Природа слухов как социального феномена в последнее время неоднократно привлекала внимание ученых. Определяя слухи как «не-

⁶⁷ Там же. С. 228.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 220.

⁷⁰ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 186.

⁷¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 211.

⁷² Там же. С. 216.

⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 57. Л. 203 об.



Великая княжна Мария Александровна с женихом принцем Альфредом, отцом императором Александром II и братом великим князем Алексеем Александровичем, 1873–1874 гг.

Из открытых источников

подтвержденные сообщения, в ситуациях проблемного характера распространяющиеся по неофициальным каналам общения на правах новостей о значимых изменениях социальной или природной среды»⁷⁴, авторы подчеркивают, что они имеют хождение в рамках конкретного коллектива, для которого являются, во-первых, понятными, а во-вторых, важными. Слухи компенсируют недостаток достоверной информации, адаптируют полученные сведения к запросам того общества, в котором циркулируют, «обнаруживая социальные фобии и надежды»⁷⁵. Б.В. Дубин видит в молве инструмент, позволяющий интерпретировать тревожные и непонятные явления действительности. Исследователь называет слухи «традиционалистской реакцией на более широкий контекст, на

⁷⁴ Горбатов Д.С. Слухи как коммуникативный феномен // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 36.

⁷⁵ Никонова О.Ю. Война, рассказанная по секрету: слухи и возможности их интерпретации // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 98.

новое и непривычное»⁷⁶, когда чужое и чуждое переводится в понятные, свои, категории.

В историографическом обзоре «Слухи в современной социокультурной среде» Е.В. Осетрова отмечает, что систематическое изучение феномена слухов началось после Первой мировой войны и первопроходцами в этой сфере оказались немецкие и американские психологи. Отечественная традиция осмысления слухов «существует лишь в пространствах русской историографии и фольклористики»⁷⁷, хотя значительное количество авторов обращалось к этим материалам в ходе своих исследований. Историки делают сходные выводы о том, что слухи играют огромную роль в жизни традиционного общества, составляя важнейший источник знаний и способ понимания окружающего мира. Кроме того, молва, соответствующая стереотипам массового сознания, способна влиять на поведение людей, как мы успели убедиться на примере сопротивления крестьян реформам 1861 и 1906 гг.

Е.В. Осетрова обращает внимание на отношение к слухам и практику их использования институтами власти. «1960-е гг. — время приобщения к проблеме силовых структур США, — отмечает автор. — Динамические механизмы неофициальной информации профессионально изучали в ЦРУ и Пентагоне, исходя из убеждения, что пропаганда при помощи слухов, особенно во внешнеполитической деятельности, сопоставима с пропагандой через СМИ»⁷⁸. Спецслужбы могут не только фиксировать и анализировать слухи, но и использовать их. Но в Российской империи, насколько мне известно, подобные технологии еще не применялись.

Материалы информационно-аналитической деятельности политической полиции вообще и касающиеся слухов в частности — ценнейший исторический источник, который «приоткрывает для историка окно в коллективную ментальность общества»⁷⁹. Однако тот соци-

⁷⁶ Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 70. См. также: Дубин Б.В., Толстых В.А. Слухи как феномен обыденной жизни // Философские исследования. 1993. № 2. С. 136–141.

⁷⁷ Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. СПб., 2011. Online. № 15. С. 59–60. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf>

⁷⁸ Там же. С. 57–58.

⁷⁹ Джонстон Т. Слухи в СССР сталинского времени // Слухи в России XIX–XX веков. С. 25.

альный слой, который меня преимущественно интересует, а именно российское крестьянство, позволяет судить лишь о тех сторонах своей жизни, которые очевидны стороннему наблюдателю. Пропасть между образованным обществом и простым народом, которая разверзлась в Петровскую эпоху, создавала огромные сложности для интерпретации поведения и представлений крестьян, с которыми сталкивались и аналитики из политической полиции. Как писал А.Н. Энгельгардт, проведший часть жизни в непосредственном общении с народом: «...Мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. ...Еще труднее нам понять смысл политических слухов, ходящих в народе, и выяснить себе его воззрения на совершающиеся события»⁸⁰.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Абакумов О.Ю. *Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866.* М.: Центрполиграф, 2017. 317 с.
Abakumov O.Yu. *The Third Section protects morality and propriety. Gendarmes in the struggle against bribes and vice. 1826–1866.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 317 p. (in Russ.).
2. Балушкина Е.В. «Слухи и толки: весна 1857 года в Санкт-Петербурге глазами Третьего отделения», в: *Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии* / Гл. ред.: С.В. Мироненко. М., 2023. С. 31–99.
Balushkina E.V. «Rumors and talks: The spring of 1857 in St. Petersburg through the eyes of the Third Section», in: *Yearbook of the State Archives*

⁸⁰ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 218–219.

- of the Russian Federation: Publications, research, reviews* / Chief ed. by S.V. Mironenko. Moscow, 2023. P. 31–99 (in Russ.).
3. Белоусов К.Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления. Петрозаводск: Острова, 2021. 271 с.
Belousov K.F. *Olonets people of arms: From the history of the provincial gendarmerie department*. Petrozavodsk: Ostrova, 2021. 271 p. (in Russ.).
 4. Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. 356 с.
Bibikov G.N. *Gendarmerie supervision in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856)*. Moscow: Kvadriga, 2023. 356 p. (in Russ.).
 5. Блуменау С.Ф. Просвещение и проблемы истоков Французской революции: современное видение. *Вопросы истории*. 2003;(9):155–161.
Blumenau S.F. Enlightenment and the problems of the origins of the French Revolution: A modern view. *Voprosy Istorii*. 2003;(9):155–161 (in Russ.).
 6. Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 300–322.
Wiese S. Rumors and violence: Cholera riots in Saratov in 1892, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 2011. P. 300–322 (in Russ.).
 7. Вормс Н.А. Белый террор. «Колокол». 1 января, 1 февраля, 1 марта 1867.
Worms N.A. The White Terror. *Kolokol*. January 1, February 1, March 1, 1867 (in Russ.).
 8. Горбатов Д.С. Слухи как коммуникативный феномен, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 28–38.
Gorbatov D.S. Rumors as a communicative phenomenon, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 2011. P. 28–38 (in Russ.).
 9. Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов). *Красный Архив*. 1929;6(37):138–174.

- Count A.Ch. Benckendorff on Russia in 1827–1830 (Annual reports of the III section and the corps of gendarmes). *Krasnyi Arkhiv*. 1929;6(37):138–174 (in Russ.).
10. Джонстон Т. Слухи в СССР сталинского времени, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 18–27.
Johnston T. Rumors in the USSR of Stalin's time, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamenniy po yas, 2011. P. 18–27 (in Russ.).
11. Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2001. 416 с.
Dubin B.V. *Word — letter — literature: Essays on the sociology of modern culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2001. 416 p. (in Russ.).
12. Дубин Б.В., Толстых В.А. Слухи как феномен обыденной жизни. *Философские исследования*. 1993;(2):136–141.
Dubin B.V., Tolstykh V.A. Rumors as a phenomenon of everyday life. *Philosophical Research*. 1993;(2):136–141 (in Russ.).
13. Колоницкий Б.И. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна в слухах эпохи Первой мировой войны, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 39–48.
Kolonitsky B.I. The Dowager Empress Maria Feodorovna in the rumors of the First World War era, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamenniy po yas, 2011. P. 39–48 (in Russ.).
14. Никонова О.Ю. Война, рассказанная по секрету: слухи и возможности их интерпретации, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 75–103.
Nikonova O.Yu. The war told in secret: Rumors and possibilities of their interpretation, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamenniy po yas, 2011. P. 75–103 (in Russ.).

15. Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор. *Антропологический форум*. 2011;(15) (Online). URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).
Osetrova E.V. Rumors in the modern socio-cultural environment: A historiographical review. *Antropologicheskii Forum*. 2011;(15) (Online). URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf> (Accessed: 02.03.2026) (in Russ.).
16. Поршнева О.С. Российский крестьянин в первой мировой войне (1914 – февраль 1917), в: *Человек и война. Война как явление культуры* / Ред.: И.В. Нарский, О.Ю. Никонова. М.: АИРО-XX, 2001. С. 190–215.
Porshneva O.S. The Russian peasant in the First World War (1914 – February 1917), in: *Man and war. War as a cultural phenomenon* / Ed. by I.V. Narsky, O.Yu. Nikonova. Moscow: AIRO-XX, 2001. P. 190–215 (in Russ.).
17. *Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827–1869*. Сост.: М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. 703 с.
Russia under surveillance: Reports of the III Section, 1827–1869. Comp. by M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova. Moscow: Russian Cultural Foundation, 2006. 703 p. (in Russ.).
18. Семёнова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М.: Ломоносовъ, 2010. 192 с.
Semyonova-Tyan-Shanskaya O.P. *The life of «Ivan»*. Essays from the everyday life of peasants of one of the chernozem provinces. Moscow: Lomonosov Books, 2010. 192 p. (in Russ.).
19. Ульянова Л.В. Слухи в инструментарии политической полиции. 1880–1905 гг., в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. статей*. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 290–299.
Ulyanova L.V. Rumors as the tools of the political police. 1880–1905, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history: Collection of articles*. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 2011. P. 290–299 (in Russ.).
20. Успенский Д.И. Толки народа (Неурожай – Холера – Война). *Этнографическое обозрение*. 1893;(2):183–189.
Uspensky D.I. The rumors of the people (Crop failure – Cholera – War). *Etnograficheskoe obozrenie*. 1893;(2):183–189 (in Russ.).

21. Чистов К.В. *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.* М.: Наука, 1967. 339 с.
Chistov K.V. *Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries.* Moscow: Nauka, 1967. 339 p. (in Russ.).
22. Щербакова Е.И. «Неурожай от Бога, а голод от правительства». Департамент полиции и крестьянский мир, в: *Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности.* Кн. 2 / Ред.: А.Ю. Попов. М.: Алгоритм, 2018. С. 132–143.
Shcherbakova E.I. «The crop failure is from God, and famine is from the government». The Police Department and the peasant world, in: *Secret Guard of Russia. Essays on the history of Russian state security agencies.* Book 2 / Ed. by A.Yu. Popov. Moscow: Algoritm, 2018. P. 132–143 (in Russ.).
23. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем (1872–1887).* М.: Сельхозгиз, 1956. 491 с.
Engelhardt A.N. *From the village. 12 letters (1872–1887).* Moscow: Sel'khozgiz, 1956. 491 p. (in Russ.).



 Щербакова Екатерина Игоревна 
Yekaterina I. Shcherbakova

кандидат исторических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
общественно-гуманитарных дисциплин
Московской школы экономики МГУ
имени М.В. Ломоносова,
AuthorID: 485769

.Sc. (History), Associate Professor, Social
and Political Sciences Department Deputy
Head, Moscow School of Economics
Lomonosov Moscow State University,
AuthorID: 485769

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.003)

Оригинальная статья / Original paper



А.В. Перегудов

*Исторический факультет Воронежского государственного
университета, г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: peregydoff@mail.ru*

Граф П.А. Шувалов и реорганизация Корпуса жандармов в эпоху Великих реформ

Аннотация

В статье характеризуются исторические истоки учреждения Корпуса жандармов в Российской империи, его структура, сложившаяся в ходе двух Положений о Корпусе, принятых в 1827 и 1836 гг. Показаны организационная уязвимость жандармского ведомства, а также примитивная постановка сыска, сводившаяся к обычному надзору за населением губернского города. В результате этого оказалось невозможным своевременно выявить и предотвратить усиление общественного движения и политические теракты. Наша задача выявить роль П.А. Шувалова в реорганизации Корпуса жандармов в 1860–1870-е гг. и проанализировать основные направления преобразований, ставших ответом на новые вызовы самодержавию со стороны радикальной общественности, в том числе на националистической почве. *Источниковая база* основана преимущественно на архивных источниках. Кроме того, для достижения заявленной цели были привлечены материалы мемуарной литературы, законодательная база, а также труды современных и зарубежных историков. *Содержание.* Имевший в указанный период времени большое влияние на императора граф П.А. Шувалов стал автором нововведений, в результате которых удалось значительно расширить политический надзор за населением путем

привлечения к нему жандармских нижних чинов и создания дополнительных наблюдательных пунктов на территории губерний. С начала 1870-х гг. жандармским офицерам предстояло играть новые профессиональные роли, став следователями по делам о государственных преступлениях, что существенно повысило их значимость в системе власти. *Выводы.* Проведенная реорганизация Корпуса жандармов соответствовала историческому контексту и отвечала задачам политической программы П.А. Шувалова, направленной на усиление консервативных тенденций.

Ключевые слова:

Корпус жандармов; III отделение; Великие реформы; Российская империя; П.А. Шувалов; политический надзор

Для цитирования:

Перегудов А.В. Граф П.А. Шувалов и реорганизация Корпуса жандармов в эпоху Великих реформ. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 72–95.
[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.003)

Alexander V. Peregudov

*Faculty of History, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
E-mail: peregydoff@mail.ru*

Count P.A. Shuvalov and the Reorganization of the Corps of Gendarmes during the Era of the Great Reforms

Abstract

This article examines the historical origins of the establishment of the Corps of Gendarmes in the Russian Empire and the organizational structure it acquired under the two Statutes on the Corps adopted in 1827 and 1836.

It highlights the institutional weaknesses of the gendarmerie and the rudimentary nature of its investigative practices, which were largely confined to routine surveillance of the population in provincial capitals. As a result, the Corps proved unable to identify in a timely manner or prevent the growth of the public movement and acts of political terrorism. The article seeks to determine the role of Pyotr A. Shuvalov in the reorganization of the Corps of Gendarmes during the 1860s–1870s and to analyze the principal directions of the reforms undertaken in response to the new challenges posed to the autocracy by radical political movements, including those rooted in nationalist activism. The study is based primarily on archival sources. It also draws upon memoirs, legislative materials, and the works of contemporary Russian and foreign historians. During this period, Count Shuvalov, who exercised considerable influence over the Emperor, initiated reforms that significantly expanded political surveillance by involving non-commissioned gendarmerie personnel in intelligence gathering and establishing additional observation posts throughout the governorates. Beginning in the early 1870s, gendarmerie officers also assumed new professional responsibilities as investigators of state crimes, substantially enhancing their importance within the imperial system of governance. The article concludes that the reorganization of the Corps of Gendarmes was consistent with the historical context and aligned with Shuvalov's political program, which sought to strengthen conservative tendencies within the Russian Empire.

Keywords:

Corps of Gendarmes; Third Section; Great Reforms; Russian Empire; P.A. Shuvalov; Political surveillance

For citation:

Alexander V. Peregudov. Count P.A. Shuvalov and the Reorganization of the Corps of Gendarmes during the Era of the Great Reforms. *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 72–95. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.003)



XIX в. — начале XX в. Корпус жандармов в лице своих региональных подразделений являлся государственной военизированной структурой, отвечавшей за безопасность самодержавного политического строя. Идея привлече-

ния жандармов к деятельности политической полиции принадлежала А.Х. Бенкендорфу, реализовавшему ее в 1827 г., когда по его инициативе был создан Корпус жандармов, издано первое Положение о нем, а уже существовавшие к тому времени местные жандармские команды вошли в его состав¹. В николаевскую эпоху, несмотря на скромный численный состав, корпус имел весьма громоздкую структуру: помимо штаба, размещавшегося в Санкт-Петербурге, он делился на округа, которые в свою очередь подразделялись на отделения, объединявшие в своем составе одну или несколько губерний. Округом руководил генерал, отделением — штаб-офицер в чине от майора до полковника. Первоначально на территории Европейской России были созданы пять жандармских округов. В 1830-е гг. их количество увеличилось до восьми, включив в орбиту жандармского надзора Царство Польское, Закавказье и Сибирь.

В июле 1836 г. с учетом накопленного опыта было принято новое «Положение о Корпусе жандармов», по которому прежние отделения подлежали ликвидации, а штаб-офицер отныне назначался в каждую губернию, где возглавлял специально созданное Управление. Например, штат Управления штаб-офицера Корпуса жандармов в Воронежской губернии помимо него самого включал также адъютанта и двух нестроевых писарей из кантонистов². Тогда же местные жандармские команды оказались в ведении в том числе губернского жандармского штаб-офицера. Данная организационная структура оставалась неизменной вплоть до эпохи Великих реформ.

В исторической литературе нередко смешиваются полномочия различных чинов Корпуса жандармов в 1830-е — первой половине 1860-х гг., тогда как они были строго разграничены. Задачи, связанные с деятельностью политической полиции в регионе, выполнял только штаб-офицер, в меньшей степени его адъютант. Служащие жандармской команды политическим сыском практически не занимались, выполняя лишь отдельные секретные поручения, которые в общем объеме их деятельности занимали незначительное место.

Таким образом, существовавшая в течение тридцати лет постановка политического сыска в провинции отличалась относительной простотой и сводилась к обычному надзору за населением, в основном проживавшим в пределах губернского центра, там же, где и размещались несколько жандармских офицеров. Многочисленные уездные города, за редким ис-

¹ Жандармские команды, выполнявшие функции конной городской полиции, появились в российских городах в первой четверти XIX в. До учреждения Корпуса жандармов они находились в составе Отдельного корпуса внутренней стражи.

² ПСЗРИ. Собрание II. Т. XI–2. № 9355. Штаты и табели. СПб., 1837. С. 339.

ключением, оставались без должного наблюдения. Усиление общественного движения в эпоху Великих реформ и первые покушения на жизнь императора привели к осознанию примитивности системы политического сыска в стране и необходимости широких преобразований, таких как увеличение численности жандармов, привлечение к обязанностям надзора за населением не только офицеров, но и нижних чинов, наделение офицеров новой профессиональной ролью следователей и повышение их образовательного уровня на специально созданных при штабе корпуса курсах, придание деятельности жандармов гласности с целью завоевания общественных симпатий.

В нашем исследовании мы постараемся переосмыслить традиции восприятия политической полиции дореволюционного периода, в частности роль ее представителей в системе управления государственным аппаратом и степень влияния на принятие решений в коридорах власти. Данный сюжет недостаточно изучен в историографии, а влияние взглядов П.А. Шувалова на ход преобразования политической полиции не привлекало ранее должного внимания со стороны исследователей. Мы постараемся выявить роль Шувалова в реорганизации Корпуса жандармов в 1860–1870-е гг. Основные направления его преобразований стали ответом на новые вызовы самодержавию со стороны радикальной общественности, в том числе на националистической почве.

Еще в работах советских ученых — П.А. Зайончковского³, Н.П. Ерошкина⁴, И.В. Оржиховского⁵ — органы политического сыска XIX в. были признаны частью государственного аппарата Российской империи, его карательным элементом. Их изучение — генезис, эволюция и особенности функционирования на различных исторических этапах — осуществлялось с позиций классового подхода, в контексте борьбы с общественным движением и постигшего вследствие этого самодержавие кризиса.

В современной историографии наметилась тенденция на пересмотр устоявшегося представления о Корпусе жандармов в ранний период существования как исполнительном органе III отделения. По всей вероятности, в понимании самого А.Х. Бенкендорфа это были различные ведомства, которым предстояло взаимодействовать на основе не инсти-

³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Изд-во Московского ун-та, 1964.

⁴ Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха // Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 283–433.

⁵ Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880). М.: Мысль, 1982.



Граф Петр Андреевич Шувалов. Фото 1880-х гг.
Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-USZ62-128278

туционального подчинения, а разделения функций. Наличие у них общего главного начальника отнюдь не превращало одно из этих учреждений в исполнительный орган другого⁶.

Г.Н. Бибииков, автор диссертации о Бенкендорфе и его политике в эпоху императора Николая I, изданной впоследствии в виде монографии⁷, сделал справедливый вывод о том, что функции политической полиции в регионах выполнял лишь один губернский штаб-офицер, реже его адъютант. Жандармский обер-офицер, руководивший жандармской командой, как и чины самой команды выполняли главным образом обязанности конной городской полиции. Это демонстрирует, насколько малочисленной была структура корпуса в то время и насколько примитивно выглядела организация политического сыска, сосредоточенного по понятным причинам в столице, а не в провинции.

Вместе с тем отметим, что литература, посвященная изучению непосредственно Корпуса жандармов, крайне скудна. Объясняется это тем, что жандармерия рассматривалась в контексте всей политической полиции и, главным образом, ее центрального органа — сначала III отделения, а впоследствии Департамента полиции МВД. В свете чего создание специальных работ виделось совсем не обязательным. В той или иной степени,

⁶ См., напр.: Леонтьев А.А. Отчетная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820–1830-е гг. // Российская история. 2021. № 2. С. 111.

⁷ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009.

речь о реорганизации Корпуса жандармов в эпоху Великих реформ шла в разных книгах, но представлялась она преимущественно в виде ответной реакции на рост революционного движения с целью усиления государственного правоохранительного аппарата. В данном исследовании предпринята попытка не только выявить предпосылки и проанализировать основные направления проведенных преобразований, но и связать их с политическими взглядами графа П.А. Шувалова.

Политическая программа П.А. Шувалова и Корпус жандармов

В первые годы правления Александра II численность как III отделения, так и подведомственного ему Корпуса жандармов оставалась неизменной. Из письма историка русской литературы П.А. Ефремова знакомому в декабре 1861 г.: «В четверг в Знаменской гостинице собралось на обед все третье отделение. Не знаю, что праздновали, но кричали “ура” и выпили кроме других напитков 35 бутылок шампанского на 32 человека»⁸. По данным на 1856 г. общая численность КЖ составляла 5458 человек. Резкий рост происходит в середине 1860-х гг. — 7047 человек в 1865 г.⁹

Реорганизация корпуса произошла в эпоху Великих реформ. Поводов для преобразований в этой сфере было несколько: проведение в жизнь освободительной крестьянской реформы, восстание в Царстве Польском и последовавшие вскоре покушения на жизнь императора. Ключевую роль в преобразованиях сыграл граф Петр Андреевич Шувалов, с 1866 по 1874 г. являвшийся главным начальником III отделения и шефом жандармов.

Многие Шувалова не любили, считая его лидером ретроградной партии во власти и фигурой, вокруг которой консолидировались консервативные чиновничьи круги¹⁰. В мемуарной литературе широкое распространение получило закрепившееся за ним негласное придворное прозвище Петр IV. Он считался противником либеральной бюрократии, Великих реформ, а молва окрестила его «Аракчеевым Вторым»¹¹.

⁸ Цит. по: Алексушин Г., Панов А. Жандармерия Российской империи // Рейтар: Военно-исторический журнал. 2007. № 38 (5). С. 77.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ См., напр., записи цензора Никитенко за 1870 г.: Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 165, 167, 191.

¹¹ См.: Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 692.



Император Александр II. Фото 1878–1881 гг.
Library and Archives Canada, C-010136

Занимая ключевой пост в правительстве, Шувалов привлек внимание самодержца искусными политическими маневрами. Для него открылось окно возможностей, которыми он не преминул воспользоваться. По мнению американского историка А.Дж. Рибера, для «проникновения в главную цитадель власти» Шувалов избрал тактику формирования «объединенного правительства». Она заключалась в создании мощного фракционного плацдарма в бюрократическом аппарате, завоевании поддержки со стороны прессы, а также проникновении внутрь других ведомств с целью их «колонизации», в ходе которой министры-конкуренты были бы заменены надежными сторонниками или протеже¹².

Сменив на посту шефа жандармов князя В.А. Долгорукого, честолюбивый П.А. Шувалов легко превратил службу в системе безопасности в трамплин для прыжка к вершине власти. Сблизившись с императором и постепенно собрав вокруг себя группу приверженцев из охранительных органов, он распространил свое влияние на всю администрацию. Резкая критика в адрес графа Шувалова звучала из уст, например, князя В.П. Мецкерского, обвинявшего его в одном из писем конца 1866 г. во «всепожирающем и всеподавляющем властолюбии... подло уверяющего Государя, что все ему враги»¹³. По убеждению князя, Шувалов отдалял от

¹² Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 49–50.

¹³ Мецкерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 207.

императора честных людей, очерняя их из все того же «подлого замысла властолюбия», более того, Шувалов «льстит тому, кому он служит, и в себе одном признает спасение России»¹⁴. Орудием своей власти Шувалов избрал «возбуждать недоверие и поддерживать его в Государе»¹⁵.

Мецержский не мог пройти и мимо деятельности Шувалова во главе Корпуса жандармов. «Могучая рука П.А. Шувалова распростерлась и на Волгу: появилась в этих местностях жандармская команда в 80 человек, отголосок 4 апреля и 25 мая, — пространно замечал он в письме в июле 1867 г. — Как жандармы они могут быть полезны, но, к сожалению, как жандармы они поставлены между небом и землею, т.е. не служат помощью наружной полиции и не подчиняются непосредственно ни исправникам, ни губернаторам, но руководствуются секретными инструкциями и высшими соображениями, что значительно уменьшает их долю пользы, ибо одно шпионство и тайный дозор здесь, т.е. до Нижнего [Новгорода], не существенно необходимы, ибо на этих берегах Волги никогда не было ни заговорщиков, ни поджигателей, ни пропагандистов»¹⁶.

«Шувалов работает неутомимо: он беспрерывно высылает то того, то другого в отдаленные губернии, забирает людей и сажает их в кутузку — все это секретно, — записал в свой дневник 25 декабря 1870 г. А.В. Никитенко. — Все в страхе; шпионов несть числа... Сочиняются заговоры по всем правилам полицейского искусства или ничтожным обстоятельствам придаются размеры и характер заговоров. Мудрено ли, что это вызывает и настоящие заговоры, с которыми, — язвительно замечает современник, — справляться, конечно, труднее, чем с продуктами собственных изобретений»¹⁷.

Как утверждают некоторые зарубежные исследователи, у П.А. Шувалова «не было ясных политических принципов», однако была твердая уверенность в необходимости упрочить позиции аристократии, не входя при этом в конфликт с самодержавием¹⁸. Он ставил перед собой цели возродить дворянство как активный политический класс, изолировать революционеров, склонив на свою сторону общественное мнение,

¹⁴ Там же. С. 213.

¹⁵ Там же. С. 361.

¹⁶ Там же. С. 326. Под «отголосками» автор подразумевает покушения на Александра II, совершенные 4 апреля 1866 г. в Петербурге Д. Каракозовым и 25 мая 1867 г. в Париже А. Березовским. Пройдет совсем немного времени, и уже в начале 1870-х гг. губернии Верхнего и Среднего Поволжья будут охвачены «Хождением в народ».

¹⁷ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 291.

¹⁸ Рибер А.Дж. Указ. соч. С. 66.



Князь Василий Андреевич Долгоруков.
Портретная галерея русских деятелей. В 2 т. Т. 1. Изд. А. Мюнстера.
СПб., 1865. Ил. 25

и укрепить связь беспокойных приграничных регионов с ядром Российской империи¹⁹.

Очевидно, что в политической программе Шувалова большое значение придавалось жандармской полиции и усилению ее роли в системе государственной власти. Реорганизация Корпуса жандармов вполне укладывалась в исторический контекст и отвечала задачам политической программы «Второго Аракчеева». По его инициативе в сентябре 1867 г. утверждается новое «Положение о Корпусе жандармов», в неизменном виде просуществовавшее до 1917 г.

Реорганизация: причины и реализация

В конце 1860-х гг. П.А. Шувалов объяснит инициативу преобразований следующим образом: «Вступив в должность шефа жандармов и вникнув в обязанности жандармских чинов, я пришел к убеждению в необходимости основных изменений как в составе частей Корпуса, так и в направлении деятельности его чинов, дабы это учреждение могло быть употреблено с возможно большею пользою и целесообразностью. <...> За немногими исключениями все строевые жандармские части, не приносящие службе должной пользы, были упразднены, а взамен того усилены

¹⁹ Там же. С. 67.

наблюдательные средства Корпуса формированием во многих губерниях Империи наблюдательного состава Корпуса жандармов»²⁰.

Действительно, жандармские округа, за исключением Сибирского и Варшавского, ликвидировались. Вместе с ними упразднялись и Управления штаб-офицеров Корпуса жандармов в губерниях. На их базе создавалась принципиально новая структура местного аппарата политической полиции — губернское жандармское управление, которое было призвано усилить надзор за населением, распространив его на территорию всей губернии, а не только губернского города.

Упразднению подверглись также жандармские команды. Вместо них в каждой губернии сформировали Наблюдательный состав КЖ, несколько лет спустя переименованный в дополнительный штат ГЖУ. Начальникам ГЖУ рекомендовали выбирать в него «людей, вполне соответствующих условиям наблюдательной службы и достойных производства в унтер-офицеры» из числа рядовых нижних чинов упраздняемых конных жандармских команд, а также отставных нижних чинов полевых и местных войск²¹. Поскольку чинам наблюдательного состава теперь так же, как и офицерам, предстояло осуществлять политический надзор, главным критерием для их поступления на службу становилась грамотность. Дополнительный штат возглавляли один или несколько обер-офицеров — помощников начальника ГЖУ.

30 декабря 1867 г. штаб корпуса уведомлял подведомственные ему учреждения: «Унтер-офицеры наблюдательного состава ни в каком случае не должны иметь общего помещения, потому что квартируя вместе, они не в состоянии будут принести какую-либо пользу службе в деле наблюдения»²², в свете чего предлагалось размещать их не в казармах, а на казенных квартирах частично в губернском городе, частично в уездах. Локация поселения определялась также служебными соображениями — преимущественно это были окраины города, наиболее выгодные для наблюдения за местным населением, «которого самая неблагонадежная часть обыкновенно группируется в пригородных слободах»²³.

При формировании наблюдательного состава (дополнительного штата ГЖУ) в некоторых местностях империи не обошлось без трудностей, вызванных, как правило, недостаточным окладом содержания. По-

²⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1169. Л. 29–29 об.

²¹ Там же. Д. 1091. Л. 32.

²² Там же. Л. 125.

²³ Там же.

добное имело место, в частности, в многонациональной Одессе, на улицах которой русский язык встречался наравне с греческим, еврейским, итальянским и французским. «Жители Одессы, — писал в штаб в ноябре 1867 г. начальник жандармского управления полковник К.Г. Кнопц, — говоря вообще, мало занимаются политикой. Все их стремления идут к одной цели: к приобретению капиталов <...> Самую действенную пользу приносят люди без всяких нравственных достоинств, ничем в особенности не занятые, знающие всех и каждого и готовые за приличное вознаграждение выдать приятеля»²⁴. По мнению К.Г. Кнопца, в таком дорогом городе никто не пойдет служить за 10 руб. оклада, в то время как, например, место кондуктора на Одесско-Балтийской железной дороге приносит 20 руб. В этой связи высказывалось мнение о большей пользе секретных агентов, нежели чинов наблюдательного состава²⁵. В штабе же КЖ полагали, что «обстановка унтер-офицера не требует какой-либо роскоши, а должна ограничиваться необходимым»²⁶. Вместе с тем вплоть до конца 1870-х гг. одесские унтер-офицеры получали жалованье в два раза выше своих коллег из других регионов страны. Происходило это за счет выплачиваемых ежемесячно от шефа жандармов 10 руб. добавочного оклада.

Со временем численный состав ГЖУ увеличивался. Например, в 1872 г. на эти цели было потрачено 25 тыс. руб.²⁷ Расширение штата происходило на основании рапортов с мест, и если представленные в нем аргументы оказывались убедительными, прошение удовлетворялось. Необходимость добавления новых чинов к существующим обосновывалась разными причинами. Так, в апреле 1871 г. начальник Харьковского ГЖУ генерал-майор Д.М. Ковалинский просил усилить штат двумя унтер-офицерами, объясняя это тем, что в заштатном городе Славянске Изюмского уезда «ежегодно в летнее время бывает довольно значительное стечение народа на тамошних минеральных водах, а с проведением железной дороги число жителей в этом городе увеличилось», составив в общей сложности свыше 10 тыс. человек. Унтер-офицеры, необходимые для проживания в Славянске, наблюдали бы в том числе за Святогорским монастырем, находившимся неподалеку от заштатного города и «куда в летнее время стекается большое количество богомольцев»²⁸.

²⁴ Там же. Л. 97–98.

²⁵ Там же. Л. 96 об. — 97.

²⁶ Там же. Л. 107 об.

²⁷ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1204. Л. 45.

²⁸ Там же. Л. 4–4 об.

Начальник Новгородского ГЖУ в феврале 1872 г. просил штаб КЖ об одном офицере-помощнике, сетуя на обширность местности: «...есть уезды, куда в один может вместиться вся Московская губерния, а сама Новгородская губерния больше некоторых европейских королевств <...> Есть местности, которые отстоят друг от друга даже на 800 верст. Через губернию проходят несколько систем водяных сообщений, где в летнее время бывает значительный народный приток <...> Территориальное пространство так велико, что другой раз и не успеешь заглянуть туда, где бы может быть и не мешало побывать»²⁹.

Усиление численности наблюдательного состава корпуса в начале 1870-х гг. диктовалось, в том числе, сложной криминогенной обстановкой в ряде южных регионов империи. Убийствами, грабежами, воровством привлекали внимание Херсонская и Екатеринославская губернии, на территории которых полиция своими силами не справлялась. «Для сохранения спокойствия и безопасности обывателей» здесь требовалось усилить полицейский надзор³⁰.

С лучшей стороны зарекомендовал себя наблюдательный состав в северо-западном крае. «Нижние чины ведут себя отлично, усердно и с знанием дела исполняют свои обязанности, зорко следя за всеми явлениями в участках, им вверенных, — писал в своем донесении корпусному руководству весной 1869 г. начальник Лифляндского ГЖУ. — Народ относится к ним с уважением, но вместе с тем и боится их, удивляясь, что жандармы, ежедневно вращаясь в народе, сами весьма несообщительны и никогда не поддаются слабости поболтать с народом»³¹. Распространение жандармского надзора на территорию всей Лифляндской губернии вызвало среди обывателей на первых порах недоумение: «Дерптское общество привыкло видеть у себя представителей жандармского ведомства стариков спокойных, малоподвижных, имевших под надзором своим только городскую черту, — писал все в том же донесении начальник ГЖУ. — Кипучая деятельность капитана [Ф.Н. — А.П.] Ремера, человека молодого, наблюдающего за двумя уездами, удивляет тамошнюю публику, возбуждает подозрения и дает ей изобильную пищу к всевозможным выдумкам»³².

Правда, в тех же прибалтийских губерниях не обходилось без казусов. К примеру, начальник Курляндского ГЖУ жаловался, что многие унтер-о-

²⁹ Там же. Л. 51–51 об.

³⁰ Там же Д. 1169. Л. 17 об.

³¹ Там же. Д. 1146. Л. 7.

³² Там же. Л. 6 об.



Штаб Отдельного корпуса жандармов. Санкт-Петербург, Фурштатская ул., 40.
Фото 1915 г. ЦГАКФД СПб. Е2423

фицеры «не могут вполне связно излагать свои мысли, что происходит часто у латышей от недостаточного знания оборотов русской речи, а частью от недостатка практики в чтении и изложении своих мыслей на бумаге»³³.

В то же время штаб корпуса мог и отказать в расширении штата ГЖУ, как, например, случилось в Нижнем Новгороде, где начальник просил добавить в канцелярию еще одного писаря — третьего по счету. Полковник Коптев аргументировал это тем, что с реорганизацией (созданием ГЖУ, ликвидацией жандармской команды, учреждением двух наблюдательных пунктов) существенно возрастет объем переписки, которая будет теперь вся сосредотачиваться в управлении. Однако в Петербурге в октябре 1867 г. сочли иначе: «Всех исходящих бумаг бывает до 1202-х номеров <...> Подобную переписку, составляющую менее двух бумаг в день на писаря, нет никакой возможности признать ни тяжелой, ни обременительной»³⁴.

Увеличение численного состава жандармских управлений в губерниях, расширение их штата во многом зависело от материальных средств государства. Недаром П.А. Шувалов, прося в декабре 1869 г. министра финансов М.Х. Рейтерна о постепенном увеличении бюджета Корпуса жандармов из государственного казначейства, признавался: «При обсуждении проектированных мною перемен <...> все мои уси-

³³ Там же. Д. 2581. Л. 107. Данное архивное дело датировано 1900–1901 гг., что, однако, принципиально не меняет сути зафиксированных явлений.

³⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1091. Л. 6, 9 об.

лия были устремлены на то, чтобы переформирование Корпуса состоялось без всякого обременения казны новыми расходами»³⁵. Преобразование КЖ и в особенности формирование наблюдательного состава по прошествии двух лет «принесло правительству ожидаемую пользу, — заключал П.А. Шувалов. — Деятельность чинов этого последнего учреждения имела счастье обращать неоднократно на себя внимание и полное одобрение Государя императора, причем Его Величеству угодно было изъявить желание, чтобы ограниченный штат чинов наблюдательного состава КЖ, состоящий в большей части губерний только из 16 унтер-офицеров, был по возможности увеличен в виду приносимой ими пользы»³⁶. По словам шефа жандармов, недостаточная численность чинов наблюдательного состава, утвержденная в 1867 г., стала следствием ограниченности бывших в его распоряжении материальных средств. Доводы были столь убедительны, а авторитет Шувалова столь непререкаем, что каких бы то ни было препятствий со стороны Министерства финансов не возникло и в январе 1870 г. бюджет корпуса Высочайше было разрешено увеличить³⁷.

Изучение и анализ архивных документов позволили установить еще одну причину ограниченности материальных средств Шувалова: в 1867 г. Военным министерством была предпринята попытка вывести КЖ из собственной сметы. Однако на докладе военного министра император Александр II собственноручно написал: «Снести по этому с шефом жандармов», который ожидаемо оказался категорически против и «ответил полным несогласием»³⁸. Несмотря на неоднократно предпринимаемые в дальнейшем попытки военного ведомства сбросить жандармерию со своего баланса, осуществить этот замысел не удалось. На Фонтанке, 16, были твердо убеждены: «Корпус жандармов, как учреждение, имеющее военную организацию и состоящее из чинов, находящихся на действительной военной службе, должен неминуемо оставаться в составе и смете Военного министерства, что кроме примера всех государств Западной Европы, где обязанности чинов жандармского ведомства почти тождественны и где жандармерия находится в подчинении Военному министерству и даже числится в составе войск, сохранение и у нас этого принципа называется самою пользою правительства»³⁹.

³⁵ Там же. Д. 1169. Л. 29.

³⁶ Там же. Л. 30.

³⁷ Там же. Л. 31.

³⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1773. Л. 1–2.

³⁹ Там же.

К примеру, летом 1882 г., в период очередной реорганизации органов политического сыска после царевубийства, шеф жандармов перечислял многочисленные неудобства выделения корпуса из сметы Военного министерства: увеличит расходы на содержание ОКЖ, лишит служащих квартирного довольствия, участия в эмеритуре, снизит их общественный статус, затруднит комплектование лучшими людьми и т.д.⁴⁰ Таким образом, в течение десятилетий выбранный курс на последовательное отстаивание интересов корпуса не претерпевал изменений.

Пройдет много времени, прежде чем на рубеже XIX–XX вв. среди начальников ГЖУ развернется заочная дискуссия о целесообразности существования жандармского надзора как такового, причем оценки его эффективности будут отличаться кардинально. Например, начальник Московского ГЖУ генерал К.Ф. Шрамм называл жандармских унтер-офицеров «фундаментом для успешного ведения наблюдательной и розыскной деятельности»⁴¹. Однако встречались и те, кто считал иначе. Так, начальник Новгородского ГЖУ утверждал, что «наблюдение — деятельность отвлеченная, ведущая к распущенности и ничегонеделанию. Наблюдать можно за одним-двумя людьми (агентура), а за населением в десятки и сотни тысяч наблюдать невозможно. Не зная, что и где наблюдать — занятие бесполезное»⁴². Вторил ему начальник Киевского ГЖУ генерал В.Д. Новицкий, противник унтер-офицерских пунктов: «В уездах, на отдельных пунктах они [унтер-офицеры. — А.П.] очень быстро обращаются в полу-фермеров, полу-унтер-офицеров, которые почти ничем не занимаются. Редкие визитации офицеров... для проверки действий и строевой подтяжки этих унтер-офицеров не спасут от влияния окружающей их нестроевой среды. <...> Наши унтер-офицеры, — продолжал генерал, — поступают в ряды армии прямо от сохи. Для таких людей доступ в более интеллигентные сферы уездных обывателей остается всегда закрытым, ибо солдатский мундир не пользуется у нас вполне заслуженным почетом, а потому из-под наблюдения жандармского унтер-офицера в уезде ускользает многое, что становится своевременно известным становому приставу, принадлежащему если не всегда по происхождению, то по своему чину, к привилегированному классу общества, в среде которого он вращается постоянно»⁴³.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Д. 2581. Л. 300 об.

⁴² Там же. Л. 343 об., 355.

⁴³ Там же. Л. 23.

Новые роли и система подготовки офицерских кадров

П.А. Шувалов стремился усилить роль и влияние подведомственного ему Корпуса жандармов в политической жизни страны. С этой целью по его инициативе 19 мая 1871 г. жандармские офицеры наделялись новыми служебными обязанностями — производством дознаний по государственным преступлениям, которые им предстояло проводить под контролем прокуратуры. Тогда же при шефе жандармов была учреждена должность юрисконсульта. В его обязанности входило разъяснение юридических тонкостей новых служебных обязанностей⁴⁴.

«Время, прошедшее со введения в действие судебных уставов [1864 г. — А.П.], выяснило, — писал П.А. Шувалов в циркуляре от 23 мая 1871 г., — что деятельность полиции как единственного пособия, предоставленного законом прокурорскому надзору для возбуждения уголовных дел и обнаружения по ним обвиняемых, весьма недостаточна», вследствие малочисленности ее состава и «обременения множеством других дел»⁴⁵. По этой причине «было признано возможным и полезным предоставить прокурорскому надзору содействие чинов Корпуса жандармов, которые по роду своей службы обладают важными сведениями для раскрытия преступлений». При этом обращалось особое внимание на желательность участия жандармов в делах о государственных преступлениях, «обнаружение которых составляет главное их назначение»⁴⁶.

После принятия закона 19 мая 1871 г., когда жандармы из сторонних наблюдателей превратились в следователей, произошли серьезные изменения в процессе их подготовки к новым реалиям службы. От вчерашних строевых офицеров требовались специальные знания, которых у них просто-напросто быть не могло. Это вызвало учреждение при штабе Корпуса жандармов в Петербурге краткосрочных подготовительных курсов. Их организация была личной инициативой шефа жандармов графа П.А. Шувалова. В мае 1871 г. для чтения лекций по уголовному праву армейским офицерам, желающим перейти на службу в жандармерию, был приглашен слушатель старшего выпускного класса Военно-юридической академии Н.П. Хитрово. В течение двух месяцев им были прочитаны 30 лекций. После их окончания все слушатели успешно сдали экзамен комиссии, возглавлял которую лично Шувалов.

⁴⁴ Там же. Д. 1184. Л. 94.

⁴⁵ Там же. Л. 36.

⁴⁶ Там же. Л. 36 об.



Здание, где располагались III отделение и Департамент полиции.
Санкт-Петербург, Набережная Фонтанки, д. 16.
Из открытых источников

В подготовке будущих жандармских офицеров наряду с курсами применялась практика их ознакомления с материалами политических дел из архива III отделения. Как правило, из-за своего пассивного вида она получала невысокую оценку. Так, В.Д. Новицкий, переведенный в начале 1870-х гг. в Корпус жандармов благодаря протекции и дослужившийся впоследствии до генерала, в своих мемуарах скептически отзывался о теоретической подготовке: «Граф П.А. Шувалов перед назначением меня на должность начальника [Тамбовского губернского. — А.П.] жандармского управления разрешил мне, для ознакомления со службою в Корпусе жандармов, пользоваться прочтением всех дел III Отделения собственной е.и.в. канцелярии. <...> Из прочитанных мною дел III Отделения я, правда, не приобрел ровно никаких познаний в практическом смысле для службы»⁴⁷.

Очевидно, что ни краткосрочные курсы, ни самостоятельное знакомство с бумагами III отделения не могли компенсировать отсутствие у жандармов квалифицированного юридического образования. Это ожидаемо привело к тому, что поставленная перед ними задача оказалась трудновыполнимой. С целью оказания практической помощи в проведении дознания, а также обеспечении его законности к рассмотрению дел политического характера были призваны служащие прокуратуры. Во многом прав был А.Ф. Кони, в целом негативно отзывавшийся о затеянном нововведении и невысоко оценивавший квалификацию жандармов: «Лица прокурорского надзора стали принимать весьма активное личное участие в производстве дознаний. Их юридические сведения и навык не могли не оказать нравственного давления на менее опытных и менее об-

⁴⁷ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма // За кулисами политики 1848–1914 / Сост. А. Либерман; послесл. С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 282–283.

разованных чинов жандармского корпуса, которые вовсе не были подготовлены к обращению с формами и обрядами, приданными дознанию. Результаты этого давления проявились очень быстро, — заключает судебный деятель, — и, за ничтожными исключениями, прокуроры сделались действительными и полновластными хозяевами дознаний, а жандармские чины — писцами постановлений и протоколов под диктовку прокуроров»⁴⁸. Уничижительно, но, думается, близко к действительности.

Вместе с тем отметим, что расширение круга обязанностей жандармов в эпоху Великих реформ привело руководство корпуса к осознанию необходимой подготовки. Хотя в целом, как и раньше, знакомство с жандармскими обязанностями происходило непосредственно во время службы. Так называемые «испытания» на степень пригодности для желающих поступить в жандармерию были введены 27 марта 1830 г., практически следом за учреждением самой жандармерии. Испытания при штабе КЖ продолжались в течение двух-четырех месяцев. На них в основном проверялись моральные и деловые качества офицеров, их способности к той или иной разновидности службы, умение пользоваться оружием, навыки в кавалерийской езде. В конце испытаний выдержавшие их соискатели получали напутствие лично от А.Х. Бенкендорфа, письменные и устные инструкции, вводящие их в курс дела и специфики губернии⁴⁹. Испытания проходили только младшие офицеры. Штаб-офицеры и генералы, как правило, лишь представлялись шефу жандармов и получали от него соответствующие инструкции⁵⁰. Как видно, особой подготовки к их службе по специфике ведомства не наблюдалось. Подобная тенденция сохранялась на протяжении десятилетий. Таким образом, учрежденные П.А. Шуваловым при штабе КЖ краткосрочные курсы стали новаторским приемом в подготовке будущих жандармских офицеров, сохранив свою актуальность в последующие годы и значительно при этом эволюционировав.

⁴⁸ Кони А.Ф. Политическая записка 1878 года // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1966. С. 333. Известный судебный деятель вообще очень жельно отзывался о законе 19 мая 1871 г. (особенно в контексте «процесса 193-х»), считая, что отсутствие гласности, продолжительное по времени затягивание процедуры дознания и следствия, освобождение подозреваемых за недоказанностью вины приводили к «затаенному, но глубокому общественному недовольству», и как следствие, «в обыденной жизни общество отмежевывается от солидарности с правительством, вдумчивые люди со скорбью видят, как растёт между тем и другим отсутствие доверия». С. 344–345.

⁴⁹ См.: Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 158.

⁵⁰ Оржиховский И.В. Указ. соч. С. 47.

Любопытно, что принятие закона 19 мая 1871 г. привело к распространению жандармского надзора на территорию находившейся на особом военном и гражданском положении области Войска Донского. В 1873 г. этот вопрос возбудил сенатор Я.Я. Чемодуров, ревизовавший судебные учреждения региона. Поскольку в области не было жандармов, открытым оставался вопрос о том, кто будет осуществлять производство дознаний по государственным преступлениям. «Теперь с введением нового порядка судопроизводства во всем его объеме <...> является действительная потребность в нарушении исключительного отношения Донского края к жандармскому надзору, по всей вероятности, установившегося совершенно случайно»⁵¹, — писал войсковой наказной атаман М.И. Чертков шефу жандармов 31 декабря 1873 г. После согласования этого вопроса с военным министром Д.А. Милютиным в 1874 г. в Новочеркасске учредили областное жандармское управление.

В ногу со временем: от тайных инструкций к гласности и законности

Актуальной духу времени Великих реформ видится позиция П.А. Шувалова о придании деятельности жандармских чинов гласности и законности. «Обнародование закона, ясно определяющего обязанности, круг деятельности и степень ответственности каждого из жандармских органов, укажет всем благую цель учреждения корпуса и совершенно устранит те неудобства, которые до настоящего времени неблагоприятно влияли на общественное положение жандармских чинов и были следствием неопределенности и таинственности их служебного назначения»⁵².

Шувалов был убежден в повышении авторитета жандармской службы «при условиях строгой законности и полной гласности», поскольку «это дает Корпусу жандармов то высшее положение, которое он не мог бы достигнуть оглашением жандармской инструкции в том виде, как она была выработана в 1866 г.»⁵³. Действительно, уход от ореола таинственности, присущего фигуре жандарма раннего времени и вызывавшего противоречивые толки в обществе, в сторону гласности должен был сыграть власти на руку.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1323. Л. 11, 14.

⁵² Там же. Д. 1184. Л. 37.

⁵³ Там же.

Не возьмемся бездоказательно утверждать, представляли ли высказанные выше соображения предмет собственных, оригинальных мыслей шефа жандармов или были им заимствованы. Отметим лишь, что созвучные П.А. Шувалову умозаключения были высказаны в октябре 1867 г. начальником Нижегородского ГЖУ полковником А.Н. Коптевым: «В настоящее время, когда общество видит, что само правительство открыло пред ним гласность, <...> предстоит совершенная необходимость, чтобы круг действий чинов Корпуса жандармов не оставался в той таинственности, в которой он ныне находится перед публикой»⁵⁴. Штаб-офицер был убежден в «крайней необходимости» для пользы службы «пред публикой сделать гласными главные основания деятельности офицеров Корпуса жандармов», поскольку это позволило бы поставить их «на ту прочную почву деятельности и служебного влияния, какое от них ожидается и требуется, гласность бы вызвала к себе прямое сочувствие большинства, — продолжал Коптев, — когда оно ясно увидит, какое влияние им должно принадлежать, и затем не сохранилось бы *туманное убеждение, что Корпус жандармов — тайная полиция, деятельность которого только в доносках* [курсив мой. — А.П.], на которые смотрится с предубеждением»⁵⁵.

Реорганизация Корпуса жандармов второй половины 1860-х — начала 1870-х гг. вполне укладывалась в исторический контекст и отвечала задачам политической программы «Второго Аракчеева», как за глаза называли шефа жандармов П.А. Шувалова. Мы не можем подтвердить документально наличие подобной программы, однако вероятность ее наличия, судя по мемуарным сведениям, весьма высока. Как бы то ни было, выстрелы Д. Каракозова и А. Березовского привели к развитию консервативных мыслей Шувалова, приобретших в скором времени конкретные очертания. Учитывая степень влияния на императора и полученный от него карт-бланш на дальнейшие действия, преобразования не заставили себя ждать.

Проведенная реорганизация изменила организационную структуру Корпуса жандармов и усовершенствовала деятельность его чинов. Этого удалось добиться за счет ликвидации строевых частей и преобразования их в наблюдательный состав. Помимо увеличения штатной численности, отныне надзором и политическим сыском стали заниматься не только офицеры, но и нижние чины, личным качествам которых при отборе на службу теперь уделялось особое внимание. Кроме того, идя в ногу со

⁵⁴ Там же. Д. 1091. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 4–4 об.

временем, действия жандармских чинов помещались в новые правовые рамки деятельности. Усилиями П.А. Шувалова удалось не только оставить Корпус жандармов в системе военного ведомства, но и окончательно его милитаризировать, изжив практику прошлых лет по привлечению на службу в ведомство гражданских чиновников. Из-за специфики жандармской службы познакомиться с ее разнообразными аспектами оказалось возможно лишь надев синий мундир. Для облегчения адаптации будущих офицеров при штабе КЖ были учреждены краткосрочные курсы, к чтению лекций на которых привлекались в том числе юристы. Эта практика стала постоянной, что позволило повысить образовательный уровень жандармов. Разветвленный аппарат политической полиции, а также новые профессиональные роли, которые предстояло играть ее сотрудникам начиная с 1871 г., должны были способствовать скорейшему достижению поставленных Шуваловым целей. Однако его скорый уход с большой политической сцены отразился, в том числе, на органах политической полиции, не позволив реализовать задуманное в полном объеме.

Влияние перечисленных выше новшеств на эффективность службы жандарма — вопрос скорее дискуссионный, на который трудно дать однозначный ответ. С одной стороны, заложенные П.А. Шуваловым тенденции получили развитие в ходе дальнейшей истории корпуса. С другой стороны, они оказались недостаточными, чтобы снизить накал революционной борьбы, завершившей Великие реформы цареубийством 1 марта 1881 г. Оно привело к еще неоднократным преобразованиям в поисках оптимальной модели политического сыска в последующие два царствования.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Алексушин Г., Панов А. Жандармерия Российской империи. *Рейтар: Военно-исторический журнал*. 2007;(38(5)):68–88.
Aleksushin G., Panov A. Gendarmerie of the Russian Empire. *Reitar: Military Historical Journal*. 2007;(38(5)):68–88 (in Russ.).

2. Биби́ков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.
Bibikov G.N. A.Ch. Benckendorff and the politics of Emperor Nicholas I. Moscow: Tri kvadrata, 2009. 407 p. (in Russ.).
3. Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха, в: *Российское самодержавие*. М.: Издво РГГУ, 2006. С. 283–433.
Eroshkin N.P. Autocracy on the eve of collapse, in: *Russian autocracy*. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2006. P. 283–433 (in Russ.).
4. Зайончковский П.А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880х гг.* М.: Издво Московского университета, 1964. 511 с.
Zayonchkovsky P.A. The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s. Moscow: Moscow University Press, 1964. 511 p. (in Russ.).
5. Захарова Л.Г. *Александр II и отмена крепостного права в России*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 718 с.
Zakharova L.G. *Alexander II and the abolition of serfdom in Russia*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 718 p. (in Russ.).
6. Кони А.Ф. *Собрание сочинений* (в 8 т.). Т. 2. М.: Юридическая литература, 1966. 503 с.
Koni A.F. *Collected works* (in 8 vols.). Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966. 503 p. (in Russ.).
7. Леонтьев А.А. Отчётная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820–1830е гг. *Российская история*. 2021;(2):105–111.
Leontiev A.A. Reporting documentation of the Gendarmerie Corps and the structure of the Supreme Police in the 1820s–1830s. *Russian History*. 2021;(2):105–111 (in Russ.).
8. Мещерский В.П. *Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868*. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2011. 729 с.
Meshchersky V.P. *Letters to Grand Duke Alexander Alexandrovich, 1863–1868*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2011. 729 p. (in Russ.).
9. Никитенко А.В. *Записки и дневник* (в 3 т.). Т. 3. М.: Захаров, 2005. 587 с.
Nikitenko A.V. *Notes and diary* (in 3 vols.). Vol. 3. Moscow: Zakharov Press, 2005. 587 p. (in Russ.).
10. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма, в: *За кулисами политики 1848–1914* / Сост.: А. Либерман; послесл.: С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. 560 с.

- Novitsky V.D. From the memoirs of a gendarme, in: *Behind the scenes of politics 1848–1914* / Coll. by A. Lieberman; afterword by S. Shokarev. Moscow: Sergey Dubov Foundation, 2001. 560 p. (in Russ.).
11. Оржеховский И.В. *Самодержавие против революционной России (1826–1880)*. М.: Мысль, 1982. 207 с.
Orzhekhovsky I.V. *The autocracy against Revolutionary Russia (1826–1880)*. Moscow: Mysl', 1982. 207 p. (in Russ.).
12. Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ, в: *Великие реформы в России. 1856–1874* / Ред.: Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М.: Издво Московского университета, 1992. С. 44–72.
Rieber A.J. Group interests in the struggle around the Great reforms, in: *Russia's Great reforms. 1856–1874* / Ed. by L.G. Zakharova, B. Eklof, J. Bushnell. Moscow: Moscow University Press, 1992. P. 44–72 (in Russ.).
13. Чукарев А.Г. *Тайная полиция России, 1825–1855*. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 701 с.
Chukarev A.G. *The secret police of Russia, 1825–1855*. Moscow; Zhukovsky: Kuchkovo pole, 2005. 701 p. (in Russ.).



❧ Перегудов Александр Викторович ❧
Aleksandr V. Peregudov

кандидат исторических наук, доцент
кафедры политической истории
исторического факультета Воронежского
государственного университета,
SPIN-код: 5522-0773,
ORCID: 0009-0001-5617-0389

C.Sc. (History), Associate Professor of
Political History, Faculty of History,
Voronezh State University,
SPIN-code: 5522-0773,
ORCID: 0009-0001-5617-0389

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.004)

Оригинальная статья / Original paper



А.А. Рубцов

*кафедра истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: alex-rubtsov@inbox.ru*

Траектория уголовного политического дела в Российской империи: от донесения к статистическим таблицам (1870-е гг.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию трансформации делопроизводственных практик по политическим делам в Российской империи в 1870-е гг. Пореформенные десятилетия стали важным этапом в эволюции подходов к обеспечению государственной и общественной безопасности в Российской империи. В центре внимания — формирование полной траектории уголовного дела: от первичных жандармских донесений и негласного сбора оперативной информации через процедуры официального дознания к систематизации полученных сведений в ведомственных таблицах, поименных списках и статистических обобщениях. Рассматривается влияние судебной реформы 1864 г. и Правил 19 мая 1871 г., которые закрепили за жандармскими офицерами ведущую роль в производстве дознаний по государственным преступлениям. Отдельно анализируется терминологическая неопределенность понятий «государственное» и «политическое» преступление, которая порождала

серьезные практические затруднения как при назначении административных наказаний, так и при категоризации подследственных. На основе широкого круга архивных источников из фондов Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Московского губернского жандармского управления раскрываются конкретные механизмы сбора, фиксации и обобщения данных о «политически неблагонадежных» лицах. Особое внимание уделяется внутриведомственным противоречиям между III отделением, Корпусом жандармов и прокуратурой, которые отражали острую борьбу за контроль над информацией, собиравшейся политическим сыском. В итоге делается вывод, что в 1870-е гг. следствие по политическим делам трансформировалось из процедуры доказывания конкретного преступления в процесс выяснения социального «портрета» радикалов и самой революционной среды, а эволюция делопроизводства стала важнейшим инструментом конструирования и закрепления категорий «политической неблагонадежности».

Ключевые слова:

политический сыск; III отделение; Корпус жандармов; Министерство юстиции; политическое преступление; уголовная статистика

Для цитирования:

Рубцов А.А. Траектория уголовного политического дела в Российской империи: от донесения к статистическим таблицам (1870-е гг.). Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 96–129. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.004)

Alexey A. Rubtsov

Department of History of Culture, State and Law Ulianov (Lenin)

Saint Petersburg Electrotechnical University (LETI),

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: alex-rubtsov@inbox.ru

The Trajectory of a Political Criminal Case in the Russian Empire: From Intelligence Reports to Statistical Tables (1870s)

Abstract

This article examines the transformation of record-keeping and administrative practices relating to political cases in the Russian Empire during the 1870s. The post-reform decades marked a crucial stage in the evolution of approaches to safeguarding state and public security in the Russian Empire. The study focuses on the complete trajectory of a political criminal case – from initial gendarmerie intelligence reports and the covert collection of operational information, through the procedures of formal preliminary investigation, to the systematization of the resulting data in departmental tables, nominal registers, and statistical summaries. Particular attention is devoted to the impact of the Judicial Reform of 1864 and the Regulations of 19 May 1871, which assigned gendarmerie officers the leading role in conducting preliminary investigations into crimes against the state. The article also analyzes the terminological ambiguity surrounding the concepts of «state crime» and «political crime,» which created significant practical difficulties both in the imposition of administrative penalties and in the classification of persons under investigation. Drawing on a wide range of archival sources from the collections of the Ministry of Justice, the Ministry of the Interior, the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, and the Moscow Governorate Gendarmerie Administration, the study reconstructs the specific mechanisms by which information on «politically unreliable» individuals was collected, recorded, and summarized. Special attention is paid to the internal tensions between the Third Section, the Gendarme Corps, and the procuracy (Prosecutor's Office), which reflected an intense struggle for control over the information gathered through political surveillance. The article concludes that,

during the 1870s, investigations of political offenses evolved from procedures aimed at proving a specific crime into processes designed to establish the social «profile» of political radicals and the revolutionary milieu itself. This evolution in bureaucratic record-keeping became a key instrument in the construction and institutionalization of the category of «political unreliability.»

Keywords:

Political investigation; Third Section; Gendarme Corps; Ministry of Justice; Political crime; Criminal statistics

For citation:

Alexey A. Rubtsov. The Trajectory of a Political Criminal Case in the Russian Empire: From Intelligence Reports to Statistical Tables (1870s). The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 96–129. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.004)



истории Российской империи 1870-е гг. стали временем интенсивного поиска новых форм политического контроля, вызванного как реформами предшествующего десятилетия, так и беспрецедентным ростом революционного движения. Судебная реформа 1864 г., закрепившая новые принципы судопроизводства, и закон 19 мая 1871 г., передавший производство дознаний по государственным преступлениям в руки жандармских офицеров, создали принципиально иную правовую и административную реальность. В этих условиях перед бюрократией встала задача не только расследования конкретных преступлений, но и выработки единого языка описания, систематизации и учета тех, кто попадал в категорию «политически неблагонадежных». В статье рассматривается, как складывалась в 1870-е гг. траектория уголовного дела по политическим преступлениям от учета первичных данных в ходе жандармского дознания к попыткам создания ведомственных таблиц, обобщавших сведения о подследственных. В этот период происходит не только институциональная перестройка политического сыска, но и формируются те делопроизводственные формы (циркуляры, ведомости, списки, таблицы), которые станут основой для последующей практики.

Изучение делопроизводства позволяет увидеть механизмы политического контроля «изнутри» — не как абстрактную репрессивную политику, а как повседневную работу чиновников, сталкивавшихся с не-

обходимостью классифицировать новые, не укладывавшиеся в прежние правовые рамки явления. В центре внимания оказывается «политический словарь эпохи» — тот понятийный аппарат, с помощью которого чиновники III отделения, Корпуса жандармов, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел описывали и тем самым конструировали фигуру политического преступника. Терминологическая неопределенность, разрыв между юридически закрепленным понятием «государственное преступление» и широко употреблявшимся, но не имевшим правового статуса понятием «политическое преступление» создавали на практике серьезные затруднения — от путаницы в определении меры надзора для ссыльных до конфликтов между ведомствами о том, кому принадлежит право хранить и использовать накопленные сведения.

Историография политической полиции Российской империи имеет большое количество серьезных исследований¹. В ряде исследований подробно рассматриваются практики расследования государственных преступлений, включая внутренние аспекты производства дознаний офицерами Корпуса жандармов². В последние годы появились работы, освещающие различные направления деятельности как III отделения, так и Корпуса жандармов, в которых уделяется внимание и специфике жандармского делопроизводства³. Вместе с тем следует отметить, что большинство авторов обращаются к изучению 1870-х гг. сравнительно мало, что не соответствует значению этого десятилетия для истории как жандармского ведомства, так и политического сыска в целом.

¹ Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993; Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX вв.: новейшие исследования / Ред. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002; Севастьянов Ф.Л. Между тайной экспедицией и III отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008; Перегудова З.И. Политический сыск России, 1880–1917. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013; Щербакова Е.И. Органы безопасности Российской империи XIX — начала XX в. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности / Под ред. А.Ю. Попова. М.: Алгоритм, 2017. С. 51–126; Страхов А.В., Перегудов А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019.

² Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века: Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России. М.: ЮНИТИ-Дана, 2002; Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX — начале XX в. / Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.

³ Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства»: политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М.: РОССПЭН, 2019; Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023.

Отдельно отмечу исследование американского историка Дж. Дейли⁴, который указывает, что российская политическая полиция была неспособна предотвратить крупные социальные катаклизмы и могла эффективно бороться только с хорошо законспирированными радикальными обществами. Не оспаривая в целом этой оценки, данная работа ставит целью показать, что ведомства, отвечавшие за государственную и общественную безопасность, вполне осознавали вызовы, связанные с массовым революционным движением, и предпринимали значительные усилия для того, чтобы государство располагало возможностями ему противостоять.

Чтобы полноценно понять процесс расследования политических преступлений в 1870-е гг., необходимо обратиться и к вопросу об идеологии «законности» в пореформенный период. В историографии Российской империи одна из важных дискуссий разворачивается вокруг вопроса о том, сформировалась ли в России сильная правовая традиция или законность здесь имела слабые позиции и каковы отличительные черты имперского правового режима в России⁵. В рамках данного направления я придерживаюсь точки зрения, утверждающей разнообразие и гибкость управленческих и правовых подходов как необходимых аспектов имперской политики.

Конечно, отдельно стоит упомянуть проблемы формирования языка власти о политических угрозах. Данные вопросы рассмотрены в монографиях, посвященных исследованию крупных уголовных процессов⁶ и работе жандармов⁷. Так, в своей книге Л.В. Ульянова обращается к проблеме создания политического языка Российской империи. Его важной составной частью были категории, с помощью которых вовлеченные в политическую деятельность структуры и отдельные люди описывали других участников и их позиции. Предметом исследования

⁴ Daly J.W. Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb: Northern Illinois university press, 1998.

⁵ Обзор историографии по данной теме: Wirtschafter E.K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika. 2006. № 1. Р. 61–70; Borisova T., Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika. 2018. № 3. Р. 469–508; Демичев А.А. Историография судебной реформы 1864 года // Памятники российского права. В 35 т. / Под ред. Р.А. Хачатурова. Т. 13. Судебная реформа 1864 года в Российской империи. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 9–51.

⁶ Verhoeven C. The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity and the Birth of Terrorism. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

⁷ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью, 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2020.

в монографии является понятие «либерал» в представлении политической полиции. Наиболее важным является используемый в работе подход. Он заключается в том, что политический маркер «либеральный», применявшийся для описания позиций отдельных деятелей или групп, анализируется не в качестве фиксированной позиции, а как определенная шкала, на которой располагался набор смыслов, связанных с понятием «либерал». Таким образом, с точки зрения автора, чиновники политической полиции могли, по-разному формируя и используя доступный набор смыслов и идеологием, определять позицию различных людей как более или менее либеральную. Общий вывод заключается в том, что в основном среди служащих политической полиции было консолидированное мнение относительно того, что либерализм представляет угрозу государственной безопасности, однако чиновники разных структур могли по-разному оценивать степень этой угрозы и, следовательно, это влияло на те модели поведения, которые вырабатывались в политическом сыске применительно к «либералам». Аналогичная практика — определение позиции на шкале «неблагонадежности» и выбор мер воздействия в зависимости от оценки — использовалась жандармами и прокурорами и в отношении «политически неблагонадежных» лиц в 1870-е гг.

Преступление «государственное» или «политическое»?

22 декабря 1879 г. и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири К.Н. Шелашников отправил отношение министру внутренних дел с просьбой уточнить *«какого рода ссыльные должны именоваться государственными и какие политическими»*⁸. Вопрос возник по причине того, что в Восточную Сибирь начали высылать административным порядком тех, кто был привлечен к делу о «преступной пропаганде» в империи. Большинство подсудимых по этому делу не представляли перед судом по причине недостатка улик, изобличавших их вину. Однако освобождать их от наказания власти не собирались, поэтому многим подсудимым в итоге были назначены административные наказания, одним из которых была ссылка в разные местности империи. Замешательство Шелашникова вызвало отсутствие четко определенной в законах границы между теми, кто был выслан административным порядком («политические»),

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 41. Д. 524. Л. 2.



Константин Николаевич Шелашников.
Из открытых источников

и теми, кто получил это наказание по суду («государственные»). По этой причине возникала практическая проблема определения мер надзора, которые должны были применяться к разным категориям ссыльных.

В Главном управлении Восточной Сибири не нашли ответа на этот вопрос, так как категория государственных преступников в Уложении о наказаниях определена, а «*категории же политических ссыльных в законе не определено*»⁹. За разъяснением Главное управление Восточной Сибири обратилось к Министерству внутренних дел. Однако, как следует из пометы на полях «*по докладу Г. Министру, разрешено оставить без ответа*»¹⁰. Повисший таким образом вопрос отразил важную проблему категоризации политических преступников и ссыльных и, как следствие, направление применяемых к ним мер. Это терминологическое противоречие принципиально важно для понимания того, как выстраивалась траектория уголовных дел — от возбуждения дознания до назначения наказания — в сфере политической и государственной преступности.

В пореформенной России «политическое преступление» систематически оказывалось синонимом «государственного». Такую равнозначную замену можно встретить и в делопроизводственной документации,

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 1.

и в публицистике, и в научной литературе того времени¹¹. При этом термин «политическое преступление» не был оформлен юридически: он отсутствовал в законодательстве, не имел правового статуса и на практике мог охватывать разнородные противозаконные деяния. В отличие от него «государственные преступления» в 1870-е гг. представляли собой строго определенную правовую категорию — к ним относились действия, подпадавшие под соответствующие статьи Уложения о наказаниях 1845 г. и его последующих редакций.

Чиновники часто использовали термин «политическое преступление», поэтому требовалось его более четкое определение. Однако изначальная размытость понятия оказывалась удобной, ведь она позволяла трактовать как «преступные» самые разные формы политической активности. Такое положение, в свою очередь, служило оправданием для применения полицейско-административных мер в условиях роста революционного движения. Таким образом, в 1870-е гг. значение этого понятия одновременно и расширялось (под него подводили новые действия), и уточнялось — власть пыталась найти баланс между удобным инструментом и формальной определенностью. Этот процесс можно связать с общеевропейской тенденцией в европейском уголовном праве и государственном строительстве. Историк Линдси Фармер в своем исследовании о развитии уголовного права в Европе отмечает, что глагол «криминализировать» (to criminalize) использовался в двух значениях: *«Превратить человека в преступника, особенно путем объявления его действий уголовно наказуемыми»* или *«Превратить (какое-либо действие) в уголовное преступление, сделав его незаконным»*. Первое зафиксированное употребление в таком смысле датируется 1832 г. и принадлежит Иеремии Бенхаму¹². Фармер отмечает, что понимание криминализации в этом смысле связано с возникновением определенного типа современного законодательного мышления. Мир воспринимался в соответствии с определенными принципами порядка, которые можно было познавать и манипулировать ими, если бы были соответствующие знания и понимание. Таким образом, уголовное законодательство можно рассматривать как своего рода инструмент, который может иметь положительные или отрицательные социальные последствия и который можно использовать соответствующим образом.

¹¹ Подробнее: Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX — начале XX в.: историко-правовое исследование. М.: Юрист, 2012.

¹² Farmer L. Making the Modern Criminal Law: Criminalization and Civil Order. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 4.



Граф Константин Иванович Пален.
Из открытых источников

Осмысление нараставшего в 1860–1870-х гг. разрыва между понятиями «государственное» и «политическое» преступление требует анализа их правового содержания. По мнению историка права К.П. Краковского, в XIX в. в Российской империи «термин “политическое преступление” стал актуализацией (модернизацией) термина “государственное преступление”. К “традиционным” русским бунтовщикам и изменникам (государственным преступникам) добавились “убежденные” борцы за общее благо, преследуемые реакцией (политические преступники)»¹³.

Подобное различие нашло отражение в записке на имя императора, которая была подготовлена 27 мая 1871 г. чиновниками Министерства юстиции по поручению графа К.И. Палена. В ней излагались соображения о международном соглашении по уточнению понятия «политическое преступление». Авторы документа исходили из существования универсальных, не зависящих от национальных правовых систем черт политического преступления, и ставили целью выделить общие основания, объединяющие международные правовые представления в этой сфере¹⁴.

Разница в государственном устройстве европейских стран, с точки зрения составителей, приводила к принятию ряда исключений, когда

¹³ Краковский К.П. Политическая юстиция в России... С. 67.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4а. Д. 147. Л. 1.

одно и то же деяние могло быть расценено по-разному двумя государствами с различным политическим строем. На практике это могло вести к затруднениям в случае необходимости потребовать экстрадиции российского подданного, заподозренного в политическом преступлении, из другой страны.

Поводом к составлению записки послужили события 1871 г. во Франции. Документ отражал попытку осмыслить затруднения, с которыми столкнулось французское правительство, стремясь привлечь к ответственности скрывшихся за границей коммунаров. Это обстоятельство стало отправной точкой для критики существовавшей системы международной выдачи политических преступников. Однако можно предположить и наличие причины, незаявленной напрямую. Время составления записки совпало с подготовкой процесса «нечаевцев», поэтому высказанные в ней соображения, вероятно, должны были лечь в основу политики по преследованию российских подданных, обвиняемых в политических преступлениях и укрывающихся за рубежом, — в их числе и Сергея Нечаева.

Стоит при этом учитывать, что круг явлений, которые могли относиться к политическим угрозам, этим формальным определением не ограничивался. Ссылаясь на научные теории, составители отмечали, что *«политическими признаются те преступления, которые имеют своим предметом (объектом) установленный основными законами образ правления и цельность государства, а в Государствах Монархических сверх того и Главу Государства как источника всего законного порядка»*¹⁵. Данная дефиниция полностью коррелировала с составом преступлений, зафиксированным в Уложении о наказаниях. Однако формальное определение не исчерпывало всего спектра явлений, которые на практике могли быть отнесены к политическим угрозам.

В связи с этим в записке указывалось, что *«вследствие развития в Европейском обществе некоторых разрушительных и злобредных направлений, в настоящее время совершаются такие преступления, которые хотя и вызываются известными теоретическими учениями, и хотя имеют поэтому некоторое внешнее сходство с преступлениями политическими, но однако едва ли сами по себе могут признаваться преступлениями этой категории»*¹⁶. Таким образом, проводилось раз-

¹⁵ Там же. Л. 10 об. — 11 об.

¹⁶ Там же. Л. 13–13 об.



Сергей Геннадиевич Нечаев.
Из открытых источников

деление между тем, какие действия можно назвать государственными преступлениями, а какие действия, вызванные, прежде всего, «новыми теоретическими учениями», к ним не относятся.

Авторы записки указывали, что появившиеся под влиянием «новых учений» партии *«имеют целью не установление такого или другого образа правления, а стремятся лишь <...> к уничтожению собственности, семейного союза и религиозно-нравственных начал сословного общества. Для этих людей перемена образа правления не есть цель, а только средство к достижению цели»*¹⁷. Для авторов записки отсутствие стремления к смене образа правления указывало на отсутствие и политических мотивов у таких партий, а следовательно, их действия не должны были считаться «государственными преступлениями».

Таким образом, в этой записке можно увидеть то принципиальное разделение, которое становится базовым в понимании политического преступления на протяжении 1870-х гг.: оно могло иметь или политический (в значении антигосударственного), или социальный (антиобщественный) характер. В записке были высказаны сомнения, что описанные новые проявления общественно-политической борьбы на Западе могут носить названия «политических преступлений», если последние понимались как синоним «государственных». Хотя такая трактовка и не

¹⁷ Там же. Л. 13 об. — 14.

являлась единственно возможной, она опиралась на солидную юридическую традицию.

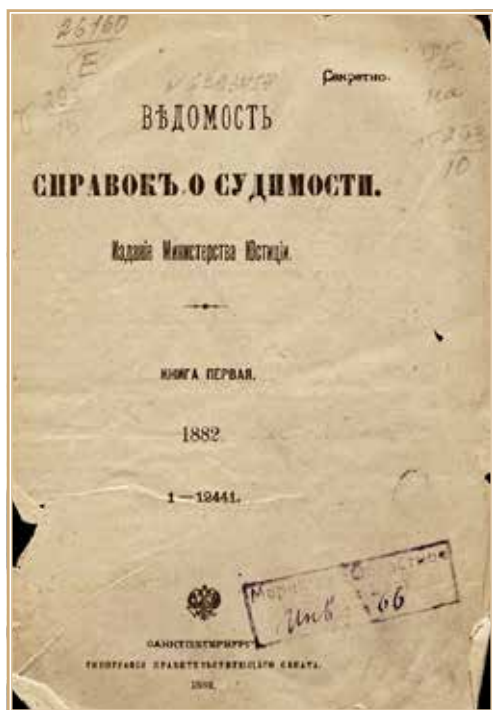
Рассмотренная записка о проекте международного соглашения, призванного определить понятие «политическое преступление», — лишь один из многих примеров того, как в 1870-е гг. предпринимались попытки вписать в правовое поле расширявшийся спектр революционных действий. Чиновники стремились привести меняющуюся политическую реальность и нарастающую протестную динамику в соответствие с действовавшим законодательством. Именно в этом контексте возникают множественные трактовки «государственных» и «политических» преступлений, а также споры о том, какие именно деяния под них подпадают.

Такое положение дел, сохранявшееся на протяжении 1870-х гг., вводило порой в заблуждение, как в приведенном выше отношении и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири К.Н. Шелашникова. Рост числа участников революционного движения, как и рост числа политических дознаний, приводил к увеличению количества подследственных. Далеко не все из них привлекались к судебному разбирательству и чаще всего за недостатком улик дело разрешалось в отношении таких лиц административным порядком. Рост числа подследственных и вопросы, связанные с организацией их высылки и надзора, приводили к необходимости категоризации подследственных по политическим делам.

От подозрения к наказанию

По новым судебным уставам 1864 г. лица прокурорского надзора обязывались готовить отчетность по форме, утвержденной министерством юстиции. В документах следовало отражать сведения о движении дел и данные о подсудимых за истекший год¹⁸. Уставы, правда, не указывали конкретных форм организации такой статистики. Поэтому до 1870-х гг. данные в отчетах Министерства юстиции могли быть настолько разнородны, что их крайне сложно было сравнивать между собой. Ситуация изменилась в 1870 г. с созданием новой системы уголовной статистики, которая стала более точно отражать как работу судов, так и реальную

¹⁸ Об основных принципах организации уголовной статистики после 1864 г. см.: Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: Би., 1961. С. 131–136.



Ведомость справок о судимости.
Из открытых источников

картину преступности¹⁹. Однако ключевой задачей при регистрации преступников оставалась не столько статистика, сколько правоприменение: учет позволял зафиксировать факт рецидива, чтобы суд мог назначить более строгое наказание²⁰.

Новое устройство уголовной статистики основывалось на четкой организации первичного учета. Он осуществлялся по индивидуальной форме, когда уголовное дело и обвиняемый регистрировались на отдельной карточке. 15 января 1870 г. высочайше были утверждены правила об издании Министерством юстиции справок о судимости. Суды должны были составлять справки о каждом осужденном, приговоренном к наказанию не ниже тюремного заключения. Министерство юстиции рассылало судам специально заготовленные бланки, которые заполнялись на каждого подсудимого. Они содержали следующие семь пунктов: 1) суд, постановивший приговор; 2) звание, имя, отчество, фамилия или

¹⁹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 25–26.

²⁰ Жаров С.Н. Регистрация преступников и оперативные учеты // Памятники российского права. В 35 т. / Под ред. Р.А. Хачатурова. Т. 22. Спецслужбы Российской империи: учеб.-науч. пособие. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 204–219.



Свод статистических сведений по делам уголовным возникшим в 1872 году.
Из открытых источников

прозвище подсудимого; 3) возраст; 4) место рождения, постоянного жительства, прописки, а также занятие или ремесло; 5) преступное деяние, за которое осужден подсудимый; 6) наказание, к которому он был приговорен; 7) время обращения приговора к исполнению²¹. С 1870 г. также стали публиковаться «Ведомости справок о судимости». Это были официальные издания Министерства юстиции, в которых фиксировались данные о приговорах судов, включающие имя, статью, наказание и сроки.

С 1 января 1872 г. отчетность по уголовным делам была преобразована, теперь суды обязаны были доставлять в Министерство юстиции справки о судимости независимо от того, обвинен был подсудимый или оправдан. До двадцати увеличилось количество пунктов для заполнения следователем и прокурором. К перечню необходимых сведений добавлялись пункты о законности или незаконности рождения, вероисповедании, звании (состоянии и сословии), грамотности и полученном

²¹ Высочайше утвержденные правила об издании Министерством Юстиции «Ведомости справок о судимости», 15 января 1870 г. // Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 1–5.



Иван Яковлевич Фойницкий.
Из открытых источников

образовании, семейном отношении. В дополнение к сведениям о самом подсудимом добавлялись разделы, касавшиеся обстоятельств совершенного преступления. Собственно, все устанавливаемые признаки было возможно разделить на две группы: демографические и юридические. В таком виде справки о судимости стали основными первичными документами уголовной статистики для 1870-х гг.²² Доставляемые таким образом сведения подвергались тщательной переработке в Министерстве юстиции. После чего на основании собранного материала издавались «Своды статистических сведений по делам уголовным». Первый такой свод вышел в 1872 г., и затем до 1878 г. было издано еще четыре тома²³.

Известный дореволюционный юрист И.Я. Фойницкий в своем отзыве на «Свод статистических сведений по делам уголовным» за 1872 г. отмечал, что первичная регистрация уголовно-юридических данных удовлетворяла всем требованиям современной на тот момент статистической науки. При этом он очень резко критиковал неудачную систему расположения материала в «Сводах», что сильно усложняло использо-

²² Дополнение к высочайше утвержденным 15 января 1870 года правилам о доставлении судебными установлениями в Министерство юстиции справок о судимости, 9 декабря 1871 г. // Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 11–13.

²³ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 142.

вание и исследование приведенных в них данных²⁴. Однако несмотря на недостатки и критику, в начале 1870-х гг. в имперской судебной системе сформировался относительно стройный порядок формирования уголовной статистики — от этапа первичного учета сведений до ежегодного составления «Ведомостей справок о судимости» и «Свода статистических сведений по делам уголовным».

Общая тенденция к совершенствованию уголовной статистики, разумеется, затронула и такую специфическую область, как учет политических преступлений и лиц, привлеченных к дознанию по ним. Развитие отчетности в этой сфере шло в русле общегосударственных преобразований. Тем не менее уникальный характер дел и организационные тонкости работы следственных органов привели к формированию особого подхода: он проявлялся и на этапе первичной регистрации данных, и в способах их последующей группировки как в ведомственных таблицах Министерства юстиции, так и при аналитических обобщениях, проводившихся в III отделении.

Историк права С.С. Остроумов отмечал, касательно статистических источников политической преступности в царской России, что *«огромное большинство политических преступлений подавлялось внесудебным порядком или же дела о них рассматривались военными судами. И в первом, и во втором случаях в официальных статистических материалах ("Сводах") численность таких преступлений вообще не фигурировала»*²⁵. При этом Остроумов особенно отмечал крайне малое количество статистических данных о политической преступности в России в середине — второй половине XIX в. Действительно отсутствуют какие-либо публиковавшиеся совокупные сведения о «политически неблагонадежных» лицах, наказанных в административном порядке. Однако в делопроизводстве по политическим преступлениям отложилась масса данных, часто представленных в виде таблиц о лицах, находившихся под следствием или наказанных административным порядком. Такие обзоры составлялись ситуативно, несистематически в 1870-е гг., но тем не менее они были организованы на ряде общих принципов. Ориентиром должны были, вероятно, служить те отчеты, которые по новым судебным уставам 1864 г.

²⁴ Фойницкий И.Я. Системы размещения цифровых данных в таблицах уголовной статистики: по поводу «Свода статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году». СПб.: Изд-во Министерства юстиции, 1873. Отт. Из Судебного журнала. 1873. № 6. С. 4.

²⁵ Остроумов С.С. Очерки... С. 263.

обязаны были составлять новые судебные установления и лица прокурорского надзора.

Правилами 19 мая 1871 г. был изменен порядок производства по государственным преступлениям, что существенно повлияло на систему первичного учета политических преступников. Отныне ведение предварительного следствия по делам такой категории возлагалось непосредственно на жандармских офицеров. Как следствие, именно они теперь отвечали за фиксацию исходных данных о лицах, привлекаемых к суду по политическим обвинениям.

Ключевые идеи, позволяющие понять общую логику реформы политического сыска в России в начале 1870-х гг., были представлены в *«Заключении юрисконсультанта по представлению министра юстиции и шефа жандармов о порядке ведения следствия по делам о государственных преступлениях»*²⁶. Документ содержал развернутое обоснование необходимости привлечения чинов Отдельного корпуса жандармов к производству дознаний по государственным преступлениям, которое ранее, согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., возлагалось исключительно на общую полицию под надзором прокуратуры. Юрисконсультант аргументировал это тем, что общая полиция была перегружена и не всегда была успешна в раскрытии преступлений, тогда как жандармы, будучи освобождены от множества второстепенных обязанностей и имея разветвленную сеть наблюдения, обладали и специальными сведениями, и материальными ресурсами для эффективного расследования именно политических дел. При этом подчеркивалась необходимость сохранения за прокурорским надзором функции наблюдения за дознанием, чтобы обеспечить юридическую состоятельность собранных материалов и их соответствие новым судебным уставам. В качестве негативного примера приводилась деятельность высочайше учрежденной Следственной комиссии, чьи материалы, производившиеся по старым правилам, оказались непригодны для рассмотрения в новых судебных установлениях. Особое внимание в документе уделялось специфике государственных преступлений, которые часто представляли собой не единичные факты, а разветвленные заговоры, требовавшие координации действий на обширных территориях и учета связи с ранее расследовавшимися делами. Для таких случаев предлагалось введение особой процедуры: производство дознания поручалось специально

²⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 35. Д. 39.

назначенному лицу при шефе жандармов (с правами, равными прокурору), действующему совместно с прокурором судебной палаты под высшим наблюдением обоих ведомств. Документ также детально прорабатывал механизм разрешения возможных конфликтов между жандармской и прокурорской властями, особенно в части применения мер пресечения, когда предлагалось передавать спорные вопросы на согласование министра юстиции и шефа жандармов. Данное заключение не только обосновывало будущие законодательные изменения 1871 г., но и раскрывало логику формирования нового порядка взаимодействия политической полиции и юстиции, закреплявшего за жандармами ведущую роль в расследовании государственных преступлений при сохранении процессуального контроля со стороны прокуратуры.

На практике разъяснять содержание дознания по государственным преступлениям по новым правилам предстояло юрисконсульту при шефе жандармов. Должность была учреждена в 1871 г. Его позиция была двойственной: с одной стороны, он обязан был следить за соблюдением закона жандармами, с другой — отстаивать интересы корпуса. В своей деятельности юрисконсульт обычно опирался на материалы реальных дознаний, на примере которых и разбирал возникавшие ошибки и конфликтные ситуации.

Одним из таких прецедентов стало следствие, производившееся в Москве в 1871–1872 гг. Началось оно с донесения некоего врача Лемана на своего компаньона по типографии Леонтьева. Назначенный на должность юрисконсульта М.Н. Баженов после ознакомления с материалами дела нашел в действиях штаб-капитана корпуса Я.Т. Дудкина, проводившего дознание, ряд существенных ошибок. Прежде всего Баженов объединял под понятием «дознание» два различных направления в деятельности жандармов — наблюдательное и следственное. По его мнению, жандармские чины должны были различать *«два момента в дознаниях по государственным преступлениям: первый — это негласное собирание сведений <...> и принятие различного рода мер для первоначального удостоверения в справедливости дошедшего до них слуха о государственном злоумышлении, обо всем этом они не обязаны сообщать Прокурору»*. Второй момент наступал, когда появлялась необходимость начать какие-либо действия по дознанию, как то обыски и т.п., *«о чем непременно следует предварить Прокурора, если не мешает этому случай, приведенный выше, т.е. если нет опасения, чрез сообщение Прокурору, потерять следы преступления и время для*

захвата этих следов»²⁷. Таким образом, сбор сведений уже становился частью дознания, и второй этап, требовавший обращения к прокурору, должен был служить для законного оформления уже совершенных действий и начинал носить скорее функциональный, а не самостоятельный характер.

Далее Баженов подверг критике действия штаб-капитана Дудкина, указав, что жандарм применил методы, свойственные общеуголовному сыску, тогда как по делам о государственных преступлениях *«каждым сведением надлежит пользоваться и проверять его многосторонними расспросами, а не повторением того же самого»*²⁸. Тем самым вновь подчеркивалась ключевая роль сбора информации, составлявшая основную обязанность жандармов и делавшая их незаменимыми участниками расследования именно политических преступлений. В заключении юрисконсульт констатировал нарушение установленного порядка, выразившееся в отсутствии предварительного согласования существа дела с прокурором. Подобное обсуждение могло бы привести к признанию собранных данных достаточными для возбуждения производства, и тогда дело не оказалось бы лишенным «внутреннего содержания». На прокуроре в данном случае лежала задача юридической оценки фактов, т.е. определение соответствия полученных сведений правовым нормам. Однако отношения с прокуратурой вновь складывались формально, по логике юрисконсульта дознание все же должно было стать исключительной компетенцией жандармского корпуса.

Баженов считал, что проводивший дознание жандарм не до конца осознавал разделения общеуголовных и государственных преступлений, поэтому совершил ряд ошибок при начале дознания. На самом деле в Уставе уголовного судопроизводства утверждался общий для всех уголовных преступлений порядок расследования. Идея применения иных процедур к дознаниям по государственным преступлениям была сформирована под влиянием практики правоприменения, сложившейся после принятия Устава. Разработка новых методов работы происходила оперативно в ходе обсуждений внутри ведомства подобных казусных дел.

Комментарий Баженова содержит отсылку к высказанному им самим мнению на заключение Комиссии, рассматривавшей в 1872 г. вопрос изменения статей о «противузаконных сообществах» в Уложении о наказаниях. В Особом мнении на проект Комиссии он отмечал, что

²⁷ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–7 об.

²⁸ Там же. Л. 7 об. — 8 об.

при расследовании государственных преступлений гораздо важнее обнаружить всех причастных к противоправительственной деятельности и наиболее полно воссоздать связи «государственных преступников»²⁹. Особенно продуктивным средством для этого он считал допросы свидетелей и ставил их значение в расследовании государственных преступлений выше, чем установление других доказательств по делу.

В полемику с юрисконсультom об особенностях дознаний по государственным преступлениям вступил начальник Московского губернского жандармского управления И.А. Слезкин. Он, ссылаясь на обстоятельства дела, начатого с доноса Лемана на врача Леонтьева, доказывал, что необходимость дознания была обусловлена именно тем, что Леонтьев был известен давно как личность «либерального» направления. В подтверждение этого факта приводились сведения о сношениях между ним и студентами Петровской академии, на которых после дела «нечаевцев» власти смотрели с подозрением. Таким образом, Слезкин доказывал достаточность наличных сведений о проявлениях «неблагонадежности» в действиях подозреваемого для полноценного начала дознания³⁰.

Начальник Московского ГЖУ старался защитить способы ведения следствия, практиковавшиеся чинами Корпуса жандармов при расследовании политических преступлений, и привести новые практики в процедуру дознания. Слезкин дал обширный комментарий, освещавший в общем проблему проведения дознаний по государственным преступлениям. Он указывал, что способ производства дознаний по государственным преступлениям в законе точно не определен, «а лишь указано в разъяснении к 21 ст. закона 19 мая, что сообщение первоначальных сведений при дознании должно сопровождаться крайней осмотрительностью, обдуманностью и вообще известным тактом при условии совершенно негласного наблюдения»³¹.

Ссылаясь на свой опыт, он отстаивал мнение о необходимости большей самостоятельности для чинов Корпуса жандармов на первом этапе дознания, так как это способствовало большей оперативности при производстве следственных действий и более полному сбору доказательств на первоначальном этапе следствия. В переписке со своими подчиненными Слезкин давал рекомендации о том, как необходимо

²⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073. Л. 70 об. — 71.

³⁰ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–10.

³¹ Там же. Л. 12.

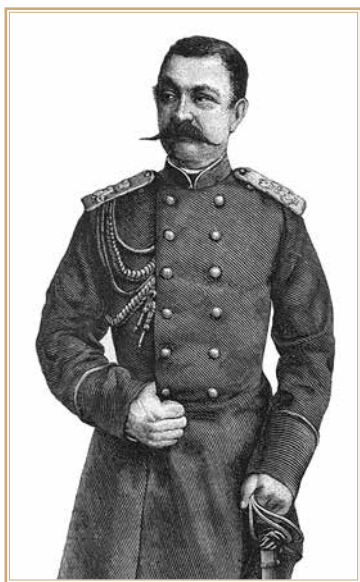


Петровские казармы жандармского дивизиона. Москва, ул. Петровка, д. 38. 1913 г.
Из открытых источников

проводить наблюдение и следствие, не отделяя одно от другого. В одном из циркуляров он приложил разъяснения относительно того, какие именно данные требовалось собирать о лице, подозреваемом в государственном преступлении. «Сведения эти [собранные негласным путем о личности обвиняемого] необходимо собрать насколько возможно подробные: 1) об образе жизни, 2) поведении, 3) нравственности, 4) степени развития обвиняемого, 5) чем занимался, 6) знакомства его, 7) направление и благонадежность в политическом отношении и 8) в особенности дознавать причину или повод к совершению преступления или к произнесению преступного выражения»³². Данный шаблон надолго определил структуру многих следственных материалов по политическим делам. Применяя накопленный годами опыт наблюдения и негласного сбора информации, жандармы существенно трансформировали саму процедуру расследования. Предложенный ими порядок учета заметно отличался от правил составления справок о судимости, установленных положениями 15 января и дополнениями 9 декабря 1870 г.: акцент смещался на круг общения и образ мыслей подозреваемого в политическом преступлении.

Информация, собираемая офицерами Корпуса жандармов, могла никак напрямую не быть связанной с обстоятельствами совершения конкретного преступления. Однако в рамках следствия по политиче-

³² Там же. Л. 49 об.



Николай Владимирович Мезенцов.
Из открытых источников

ским делам все в большей степени стремились к систематическому учету данных, необходимых для выяснения среды, в которой распространялись революционные идеи.

Первичные материалы, собранные чинами Корпуса жандармов, служили основой для документов, составлявшихся в дальнейшем лицами прокурорского надзора. В Министерство юстиции направлялись донесения и рапорты прокуроров *«о всех совершившихся преступных деяниях, выходящих из ряда обыкновенных, и таким образом Министр Юстиции получил возможность руководить деятельностью прокурорского надзора по возникшим уголовным делам с самого момента их возникновения до окончательного их разрешения»*³³. На информации, содержащейся в этих документах, базировались, в частности, таблицы подследственных по политическим делам. Так наступал следующий этап траектории уголовного дела: начавшись с фиксации первичных сведений жандармскими офицерами, движение продолжалось уже на этапе систематизации данных в форме итоговых таблиц.

В фонде Министерства юстиции сохранились материалы следственно-административного производства по делу о пропаганде в Москве и Вологодской губернии 1876–1878 гг., которые демонстрируют,

³³ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 140.



Константин Николаевич Жуков.
Из открытых источников

как завершалось типичное расследование по политическим преступлениям³⁴. Особое внимание в этом деле привлекает содержание ведомственных таблиц и их роль в документообороте III отделения и Министерства юстиции: «Ведомость 20 лицам, обвиненным по делу о преступной пропаганде» и «Общий список привлеченных к настоящему дознанию лиц».

Прежде всего анализ этих таблиц позволяет составить социальный портрет обвиняемых: среди них преобладали выходцы из духовенства (дети священников), дворяне, разночинцы и студенты, причем большинство составляли молодые люди в возрасте от 17 до 24 лет³⁵. К женщинам и несовершеннолетним, как правило, применялись более мягкие меры пресечения. В ведомости фиксировали не только персональные данные и характер обвинений (деятельное участие в пропаганде, хранение запрещенных книг, принадлежность к «преступному сообществу»), но и сроки предварительного заключения, которые для некоторых достигали двух лет и восьми месяцев, а также испрашиваемые меры наказания — от высылки в Восточную Сибирь до гласного или негласного надзора полиции.

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7413.

³⁵ Данные указанных таблиц подтверждают устоявшиеся в историографии мнения о социальном составе революционного народнического движения. См.: Лурье А.Я. Перепись народников: От Нечаева до Дегаева. СПб.: Нестор-История, 2022.

Особую ценность представляет включенная в дело ведомственная переписка между III отделением и Министерством юстиции, которая раскрывает механизм принятия решений и разногласия по мере наказания. Так, поначалу министр юстиции полагал ограничиться надзором полиции для Суровцева и Поликарпова, однако начальник III отделения Мезенцов настоял на их административной высылке³⁶. В дальнейшем товарищу обер-прокурора К.Н. Жуков предлагал предать суду лишь двоих из двадцати подсудимых, мотивируя это длительностью предварительного заключения и молодостью обвиняемых, что в итоге было поддержано министром юстиции Д.Н. Набоковым, предложившим решить дело административно для всех фигурантов с дифференциацией наказаний³⁷.

Документ также содержит любопытные уточнения по личности подсудимого Хазова. Сложность в определении его личности заключалась в том, что по делу проходили два разных человека с одной фамилией. В ходе переписки между III отделением и Министерством юстиции выяснилось, что фигурант настоящего дела — Григорий Иванов Хазов, мещанин, обвинявшийся по делу о пропаганде в Москве и Вологодской губернии. Однако первоначально существовала путаница с другим лицом — Николаем Николаевым Хазовым, учителем, который привлекался к ответственности по другому политическому делу («Общество друзей») и в отношении которого уже предлагалась высылка в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. В отношении III отделения к министру юстиции специально оговаривалось, что *«по настоящему делу мещанин Григорий Иванов Хазов есть только однофамилец учителя Николая Николаева Хазова»*³⁸. Это уточнение потребовалось, чтобы не применить к Григорию Хазову меру наказания, предназначенную для другого лица, и ограничиться в его отношении негласным надзором полиции, как и в отношении остальных обвиняемых.

Приведенный эпизод с уточнением личности подсудимого Хазова демонстрирует важность взаимодействия между III отделением и Министерством юстиции в 1870-е гг. Совместная работа двух ведомств позволяла не только оперативно обмениваться информацией, но и избегать серьезных ошибок в назначении административных наказа-

³⁶ РГИА. Оп. 74. Д. 7413. Л. 73–74 об., 113–115.

³⁷ Там же. Л. 173–177.

³⁸ Там же. Л. 178–178 об.



Дмитрий Николаевич Набоков.
Из открытых источников

ний. Благодаря тому, что чиновники отделения располагали сведениями о разных «политически неблагонадежных» лицах³⁹, для Министерства юстиции оказывалось крайне важным сотрудничество с центральным на тот момент органом политического сыска.

Однако в 1870-е гг. это взаимодействие было отмечено и неизбежными конфликтами, вызванными борьбой за влияние на ход масштабных уголовных политических дел. В 1875 г. одним из прокуроров, участвовавших в расследовании дела «о пропаганде в империи», была составлена «Записка об устройстве архива политических дел»⁴⁰, представлявшая собой уникальное свидетельство внутриведомственной полемики. Автор записки последовательно опровергал три ключевых тезиса, выдвинутых, по-видимому, в исходной (отсутствующей в деле) записке. Во-первых, он подчеркивал важное институциональное различие: жандармские чины были подчинены не III отделению, а штабу Корпуса жандармов, а Правила 19 мая 1871 г. вовсе не упоминали отделение и не отводили ему никакой роли в производстве дознаний. Во-вторых, эффективность жандармов в раскрытии государственных преступлений объяснялась автором не доступом к архивам III отделения, а самой

³⁹ Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического сыска // Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023. С. 140–152.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1108. Л. 133–136.

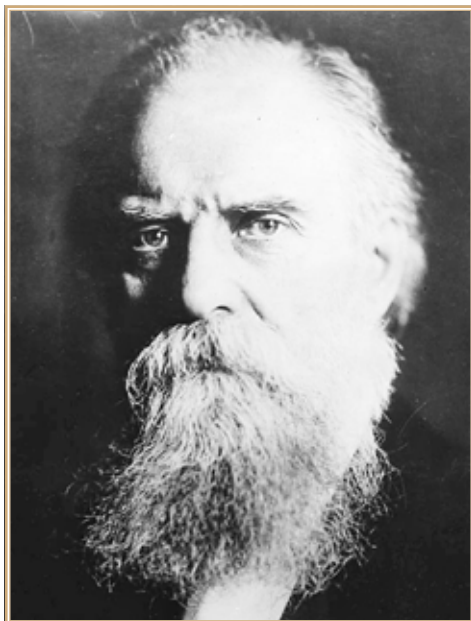
природой их службы как специализированной полиции, располагающей временем и средствами для такой деятельности.

Наиболее остро звучало последнее обвинение: III отделение не только не способствовало успеху дознаний, но и сознательно скрывало имевшиеся у него сведения, отказывая в сотрудничестве. В качестве конкретного примера приводился отказ предоставить для просмотра дело о Н.В. Чайковском, в котором содержались важные данные о пропаганде, что, по мнению автора, прямо препятствовало расследованию. В связи с этим автор предлагал переопределить роль III отделения, ограничив ее изначально предназначенной функцией — *«сосредоточением и разработкой всех данных прошлого и настоящего относительно внутренней политики страны для указания высшему правительству»*⁴¹. Иными словами, III отделению отводилась роль центрального политического архива, где должны были храниться все оконченные дела, но которое не должно было вмешиваться в текущую оперативную работу жандармов и их взаимодействие с прокуратурой. Документ не только обосновывал необходимость создания специализированного архива политических дел, но и фиксировал глубокий конфликт компетенций и ведомственных интересов, возникший вскоре после законодательного закрепления новой системы расследования государственных преступлений.

Это радикальное на тот момент предложение о преобразовании III отделения не нашло практического воплощения, а ситуация в организации политического сыска изменилась только в 1880 г. с ликвидацией отделения. Поэтому в середине — второй половине 1870-х гг. этот по сути центральный орган политической полиции продолжал влиять на расследования уголовных дел по государственным преступлениям и формировать в правительственной среде мнения о революционном движении. Поэтому, следуя в русле уже отмеченных тенденций, чиновники III отделения тоже прибегали к использованию статистического подхода.

Помимо важности установления людей, вовлеченных в радикальную политическую деятельность (пропаганда, распространение нелегальной литературы), власти осознали необходимость изучить среду, в которой развивалась революционная активность. В 1875 г. III отделение вынесло на обсуждение Комитета министров вопрос о более тщательном изучении причин развития радикальных политических течений в Российской

⁴¹ Там же. Л. 135.



Николай Васильевич Чайковский.
Из открытых источников

империи. Результатом обсуждения стала записка со статистическими данными о пропагандистах 1870-х гг., составленная чиновником отделения М.М. Меркуловым.

Структура данной записки была выстроена вокруг выделения четырех групп людей, которые были разделены на основании степени участия и выясненной политической неблагонадежности, установленных по результатам проведенных дознаний⁴². Автор записки подробно анализировал социальный и профессиональный состав каждой из групп, распределение в них людей по полу и возрасту. Тем самым делались выводы относительно того, в какой среде наиболее активно развивалась «противоправительственная деятельность» и что могло послужить к этому причиной. Статистический подход и динамика его развития также повлияли на описание революционного движения, которое менялось в процессе развития дела «о пропаганде».

Обобщение материалов политических расследований приобретало в 1870-е гг. особую значимость по ряду причин. Прежде всего, именно на основе этих данных назначались административные наказания, при-

⁴² Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения. Сообщил Н.И. Сидоров // Каторга и ссылка. 1928. №1(38). С. 29–30.

менявшиеся все шире по мере роста числа подследственных⁴³. Кроме того, накопление сведений позволяло отслеживать рецидивы, влиявшие на тяжесть приговоров — как в административном, так и в судебном порядке. Наконец, стремление понять природу революционного движения побуждало власти обращаться к анализу социальной среды, результатом чего стали многочисленные ведомственные записки, предлагавшие различные стратегии борьбы с «революционной пропагандой».

1870-е гг. стали переломным этапом в эволюции делопроизводства по политическим делам в Российской империи. Под влиянием судебной реформы 1864 г. и закона 19 мая 1871 г. сложился новый порядок расследования государственных преступлений, в котором центральную роль играли жандармские офицеры, а сбор сведений о «неблагонадежных» лицах приобрел характер систематической процедуры. В этом отразилась общая тенденция к рационализации учета, характерная для уголовной статистики того времени.

Однако специфика политических дел — размытость понятий «государственное» и «политическое» преступление, административный порядок разрешения большинства из них — привела к формированию особых практик фиксации данных, ориентированных не столько на доказывание конкретного состава преступления, сколько на выяснение социального «портрета» революционной среды. Внутриведомственная полемика, развернувшаяся между III отделением, Корпусом жандармов и прокуратурой, свидетельствует о том, что унификация учета наталкивалась на институциональные противоречия и разногласия в понимании целей дознания. Тем не менее именно в этот период были заложены основы для последующей централизации политического сыска. Эволюция делопроизводства в 1870-е гг. не только отражала изменения в механизмах политического контроля, но и сама становилась инструментом конструирования категорий «политической неблагонадежности», формируя тот язык описания, которым власть пользовалась для осмысления и классификации революционного движения.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

⁴³ Рубцов А.А. «Политическая неблагонадежность» и административная ссылка в Российской империи в 1870–1880-е годы: наказание, контроль, интеграция // Под ред. А.Б. Богомолова. Пятые Карамзинские чтения, Санкт-Петербург, 15–16 мая 2024 года. СПб.: Аврора, 2024. С. 120–126.



Список литературы / References

1. Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства»: политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2019. 558 с.
Abakumov O.Yu. «The security of the throne and the tranquility of the state»: The political police of autocratic Russia (1826–1866). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2019. 558 p. (in Russ.).
2. Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. 354 с.
Bibikov G.N. Gendarme supervision in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856). Moscow: Kvadriga, 2023. 354 p. (in Russ.).
3. Высочайше утверждённые правила об издании Министерством Юстиции «Ведомости справок о судимости», 15 января 1870 г., в: *Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости*. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 1–5.
Highly approved rules on the publication by the Ministry of Justice of the «Bulletin of criminal record certificates», January 15, 1870, in: *Collection of rules and orders for the publication of the bulletin of criminal record certificates*. St. Petersburg: Printing house of Governing Senate, 1880. P. 1–5 (in Russ.).
4. Демичев А.А. Историография судебной реформы 1864 года, в: *Памятники российского права в 35 томах. Т. 13. Судебная реформа 1864 года в Российской империи* / Ред.: Р.Л. Хачатуров. М.: Юрлитинформ, 2015. 448 с.
Demichev A.A. Historiography of the judicial reform of 1864, in: *Monuments of Russian law in 35 volumes. Vol. 13: The judicial reform of 1864 in the Russian Empire* / Ed. by R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2015. 448 p. (in Russ.).
5. Дополнение к высочайше утверждённым 15 января 1870 года правилам о доставлении судебными установлениями в Министерство юстиции справок о судимости, 9 декабря 1871 г., в: *Сборник правил и распоряжений по изданию ведомости справок о судимости*. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1880. С. 11–13.

- Addendum to the rules on the delivery of criminal record certificates by judicial authorities to the Ministry of Justice, approved on January 15, 1870, December 9, 1871, in: *Collection of rules and orders for the publication of the bulletin of criminal record certificates*. St. Petersburg: Printing house of Governing Senate, 1880. P. 11–13 (in Russ.).
6. *Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX вв.: новейшие исследования* / Ред.: В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 638 с.
Gendarmes of Russia. Political investigation in Russia in the 15th–20th centuries: Recent studies / Ed. by V.S. Izmozik. St. Petersburg: Neva, 2002. 638 p. (in Russ.).
 7. Жаров С.Н. Регистрация преступников и оперативные учёты, в: *Памятники российского права в 35 томах. Т. 22. Спецслужбы Российской империи: учебно-научное пособие* / Ред.: Р.Л. Хачатуров. М.: Юрлитинформ, 2015. 440 с.
Zharov S.N. Registration of criminals and operational records, in: *Monuments of Russian law in 35 volumes. Vol. 22: Special services of the Russian Empire: A teaching and research aid* / Ed. by R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2015. 440 p. (in Russ.).
 8. Краковский К.П. *Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование*. М.: Юрист, 2012. 733 с.
Krakovsky K.P. *Political justice in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: A historical and legal study*. Moscow: Yurist, 2012. 733 p. (in Russ.).
 9. Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX вв., в: *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2012;(5):315–344.
Krakovsky K.P. Political inquiry in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Historical and Legal Problems: A New Perspective*. 2012;(5):315–344 (in Russ.).
 10. Лурье Л.Я. *Перепись народников: От Нечаева до Дегаяева*. СПб.: Нестор-История, 2022. 301 с.
Lurie L.Ya. *The census of the Narodniks: From Nechaev to Degaev*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 301 p. (in Russ.).
 11. *Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк*. СПб.: Сенатская типография, 1902. 360 с.
The Ministry of Justice for one hundred years. 1802–1902. Historical sketch. St. Petersburg: Senate printing house, 1902. 360 p. (in Russ.).

12. Остроумов С.С. *Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России*. М.: Б.и., 1961. 303 с.
 Ostroumov S.S. *Essays on the history of criminal statistics in prerevolutionary Russia*. Moscow: No publisher, 1961. 303 p. (in Russ.).
13. Остроумов С.С. *Преступность и ее причины в дореволюционной России*. М.: Издво МГУ, 1980. 204 с.
 Ostroumov S.S. *Crime and its causes in prerevolutionary Russia*. Moscow: Moscow State University Press, 1980. 204 p. (in Russ.).
14. Перегудова З.И. *Политический сыск России, 1880–1917*. 2е изд., перераб. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 518 с.
 Peregudova Z.I. *Political Investigation in Russia, 1880–1917*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 518 p. (in Russ.).
15. Рубцов А.А. «Политическая неблагонадежность» и административная ссылка в Российской империи в 1870–1880е годы: наказание, контроль, интеграция, в: *Пятые Карамзинские чтения* (Санкт-Петербург, 15–16 мая 2024 года) / Ред.: А.Б. Богомолов. СПб.: Аврора, 2024. 488 с.
 Rubtsov A.A. «Political unreliability» and administrative exile in the Russian Empire in the 1870s–1880s: Punishment, control, integration, in: *Fifth Karamzin Readings* (St. Petersburg, May 15–16, 2024) / Ed. by A.B. Bogomolov. St. Petersburg: Aurora, 2024. 488 p. (in Russ.).
16. Рууд Ч., Степанов С.А. *Фонтанка, 16: политический сыск при царях*. М.: Мысль, 1993. 432 с.
 Ruud C., Stepanov S.A. *Fontanka, 16: Political investigation under the Tsars*. Moscow: Mysl', 1993. 432 p. (in Russ.).
17. Севастьянов Ф.Л. *Между тайной экспедицией и III отделением: от тайного сыска – к политическому розыску*. СПб.: Издво Международного института экономики и права, 2008. 302 с.
 Sevastyanov F.L. *Between the secret expedition and the Third Department: From secret inquiry to political investigation*. St. Petersburg: Printing house of the International Institute of Economics and Law, 2008. 302 p. (in Russ.).
18. Сидорова М.В. *Архивы центральных органов политического сыска*, в: Сидорова М.В. *О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки*. СПб.: Алетейя, 2023. 947 с.
 Sidorova M.V. Archives of the central bodies of political investigation, in: Sidorova M.V. *On gendarmes, emperors, and fine art: Archival notes*. St. Petersburg: Aleteya, 2023. 947 p. (in Russ.).

19. Статистические сведения о пропагандистах 70х годов в обработке III отделения. Сообщил Н.И. Сидоров. *Каторга и ссылка*. 1928;38(1):29–30.
Statistical information about the propagandists of the 1870s in the processing of the III Department. Reported by N.I. Sidorov. *Penal Servitude and Exile*. 1928;38(1):29–30 (in Russ.).
20. Страхов Л.В., Перегудов А.В. *Воронежские жандармы в эпоху модерна*. Воронеж: ИД Воронежского государственного университета, 2019. 278 с.
Strakhov L.V., Peregudov A.V. *Voronezh gendarmes in the modern era*. Voronezh: Voronezh State University publishing house, 2019. 278 p. (in Russ.).
21. Суворов А.И. *Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России*. М.: ЮНИТИДана, 2002. 313 с.
Suvorov A.I. *The fight against terrorism in Russia in the 19th – early 20th centuries: A historical and legal study of the antiterrorist activities of law enforcement agencies in prerevolutionary Russia*. Moscow: UNITYDana, 2002. 313 p. (in Russ.).
22. Ульянова Л.В. *Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью, 1880–1905*. СПб.: Алетейя, 2020. 353 с.
Ulyanova L.V. *The political police and the liberal movement in the Russian Empire: The power of play, the play of power, 1880–1905*. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 353 p. (in Russ.).
23. Фойницкий И.Я. *Системы размещения цифровых данных в таблицах уголовной статистики: по поводу «Свода статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году»* Изд. Мва юст. 1873 (Отт. из Судебного журнала, 1873. № 6). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1873. 36 с.
Foynitsky I.Ya. *Systems for placing digital data in tables of criminal statistics: concerning the «Set of statistical information on criminal cases that arose in 1872», Edition of the Ministry of Justice, 1873* (Imprint from the Judicial Journal, 1873. No. 6). St. Petersburg: Printing house of Governing Senate, 1873. 36 p. (in Russ.).
24. Щербакова Е.И. *Органы безопасности Российской империи XIX – начала XX вв., в: Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности* / Ред.: А.Ю. Попов. М.: Алгоритм, 2017. 574 с.

- Shcherbakova E.I. Security agencies of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries, in: *The Secret Guard of Russia: Essays on the history of Russian state security agencies* / Ed. by A.Yu. Popov. Moscow: Algoritm, 2017. 574 p. (in Russ.).
25. Borisova T., Burbank J. Russia's legal trajectories. *Kritika*. 2018;(3):469–508.
26. Daly J.W. *Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.
27. Farmer L. *Making the modern criminal law: Criminalization and civil order*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 352 p.
28. Verhoeven C. *The odd man Karakozov: Imperial Russia, modernity and the birth of terrorism*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 248 p.
29. Wirtschafter E.K. Russian legal culture and the rule of law. *Kritika*. 2006;(1):61–70.



 Рубцов Алексей Андреевич 
Alexey A. Rubtsov

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории культуры, государства
и права Санкт-Петербургского
государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина),
SPIN-код: 3271-8058,
AuthorID: 948205,
ORCID 0000-0002-2211-7432

C.Sc. (History), Associate Professor of the
Department of History of Culture, State
and Law Ulyanov (Lenin) Saint Petersburg
Electrotechnical University (LETI),
SPIN-code: 3271-8058,
AuthorID: 948205,
ORCID 0000-0002-2211-7432

Поступила в редакцию /
Received
05.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
06.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
06.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.005)

Оригинальная статья / Original paper



А.В. Атаев

*Московский государственный институт культуры,
г. Химки, Российская Федерация.
E-mail: arturataev@gmail.com*

Формирование социальной базы революционного терроризма в Российской империи конца XIX — начала XX в.

Аннотация

Статья посвящена исследованию процесса формирования и расширения социальной базы революционного терроризма в Российской империи конца XIX — начала XX в. Автор обосновывает тезис о том, что одной из важнейших причин роста революционного терроризма было не только развитие собственно террористических организаций, но и постепенное расширение их социальной базы за счет молодежи, части студенчества, радикальной интеллигенции, городских социально неустойчивых слоев, женщин, а также иных групп, переживавших политическое отчуждение и социальную фрустрацию. Особое внимание уделяется нескольким взаимосвязанным аспектам: степени научной разработанности проблемы; среднестатистическому типу террориста-бомбиста; механизму осуществления террористических актов; роли общественной среды и прессы в распространении террористической культуры; этике бомбизма-терроризма как системе моральных оправданий насилия; идеологической инфраструктуре терроризма, представленной народовольческими и близкими к ним организация-



ми, а также программными текстами; образу женщины-террористки и его значению для расширения террористической среды; наконец, тем социальным и политическим кругам, которые противостояли идеологии и практике бомбизма. Делается вывод о необходимости рассматривать революционный терроризм не только как политическую практику или совокупность подпольных организаций, но и как особый социальный процесс, обладавший собственной средой формирования, расширения, идеологического самовоспроизводства и общественного резонанса.

Ключевые слова:

революционный терроризм; социальная база терроризма; Российская империя; политическое насилие; террорист-бомбист; общественные настроения; радикализация молодежи; женщина-террористка; «Народная воля»; Катехизис революционера; конец XIX — начало XX в.

Для цитирования:

Атаев А.А. Формирование социальной базы революционного терроризма в Российской империи конца XIX — начала XX в. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 130–161. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.005)



Artur V. Ataev

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russian Federation

E-mail: arturataev@gmail.com

The Formation of the Social Base of Revolutionary Terrorism in the Russian Empire, Late 19th — Early 20th Centuries

Abstract

This article examines the process by which the social base of revolutionary terrorism in the Russian Empire expanded during the late nineteenth and early twentieth centuries. The author argues that one of the principal factors behind the growth of revolutionary terrorism was not only the development of terrorist organizations themselves, but also the gradual expansion of their social base to include young people, segments of the student body, the radical intelligentsia, socially unstable urban strata, women, and other groups experiencing political alienation and social frustration. Particular attention is devoted to several interrelated issues: the current state of scholarship on the subject; the profile of the typical terrorist bomber; the mechanisms by which terrorist attacks were carried out; the role of the social environment and the press in disseminating a culture of terrorism; the ethics of bomb terrorism as a system of moral justifications for violence; the ideological infrastructure of terrorism, represented by the Narodnaya Volya movement and related organizations, as well as their programmatic texts; the image of the female terrorist and its significance for the expansion of the terrorist milieu; and, finally, the social and political groups that opposed the ideology and practice of bomb terrorism. The article concludes that revolutionary terrorism should be understood not merely as a form of political practice or a collection of underground organizations, but also as a distinct social process possessing its own environment of formation, expansion, ideological self-reproduction, and public resonance.

Keywords:

Revolutionary terrorism; Social base of terrorism, Russian Empire; Political violence; Terrorist bomber; Public sentiments; Youth radicalization; Female terrorist; "Narodnaya Volya"; Catechism of a Revolutionary; Late nineteenth — early twentieth centuries

For citation:

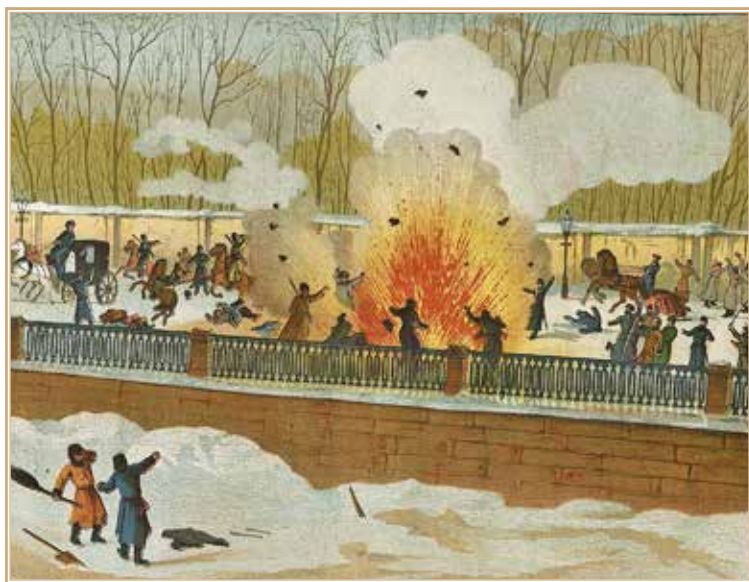
Artur V. Ataev. The Formation of the Social Base of Revolutionary Terrorism in the Russian Empire, Late 19th — Early 20th Centuries. The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 130–161. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.005)



революционный терроризм в Российской империи конца XIX — начала XX в. остается одной из наиболее драматичных и методологически сложных тем отечественной истории. Его невозможно свести ни к истории отдельных покушений, ни к биографиям наиболее известных террористов, ни к деятельности подпольных партий как таковых. Терроризм этого периода был не только формой политического насилия, но и особым социальным процессом, включавшим в себя мировоззренческое оправдание убийства, создание среды сочувствия и подражания, героизацию насильственного действия, а также формирование устойчивого механизма кадрового воспроизводства революционного подполья.

История русского террора часто описывается через наиболее яркие события: покушение Д.В. Каракозова, деятельность «Народной воли», убийство Александра II, Боевую организацию эсеров, покушения на министров и генерал-губернаторов, массовую террористическую волну периода революции 1905–1907 гг. Подобная оптика неизбежно акцентирует внимание на драматургии насилия, однако одновременно затемняет вопрос о том, почему именно терроризм оказался для части российского общества не только понятным, но и притягательным методом политического действия.

Между тем без ответа на этот вопрос невозможно понять ни масштаб терроризма, ни причины его устойчивости. Революционный терроризм разрастался не потому лишь, что существовали подпольные структуры и боевые группы, а потому, что в позднеимперском обществе сложилась такая среда, в которой насилие могло восприниматься как форма исторического долга, справедливого возмездия, жертвенного подвига и даже личного самоосуществления. Эта среда не была тождественна самим террористическим организациям. Она была шире и включала сочувствующих, оправдывающих, восхищающихся, подражающих, помогающих, укрывающих, распространяющих террористическую мифологию и тем самым расширяющих социальную базу насилия.



Убийство императора Александра II. 1 марта 1881 г.
Из открытых источников

Именно поэтому целью настоящего исследования является анализ не только революционного терроризма как политической практики, но и процесса формирования его социальной базы. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: реконструировать средне-статистический тип террориста-бомбиста; показать роль общественной среды, прессы и «пропаганды действием» в расширении террора; проследить, каким образом складывалась этика бомбизма-терроризма; раскрыть значение идеологических текстов и народовольческих организаций в подготовке террористической среды; проанализировать место женщины-террористки как особого символического типа; наконец, охарактеризовать те общественные и политические круги, которые противостояли террористической идеологии и практике.

Методологически статья исходит из того, что терроризм должен рассматриваться как социально-коммуникативная система, включающая организацию, идеологию, моральное оправдание, символический образ героя, информационное тиражирование акта и среду подражания. Только в этом случае становится понятным, почему революционный терроризм в России перерос границы узкого подполья и превратился в значимый фактор дестабилизации общества.

Революционный терроризм в Российской империи конца XIX — начала XX в. относится к числу тем, которые при внешней изученности до сих пор сохраняют значительные внутренние лакуны. Историо-



Разорванный взрывом бомбы мундир императора Александра II.
Colleция Государственного Эрмитажа

графия располагает значительным корпусом работ, посвященных отдельным террористическим актам, биографиям наиболее известных боевиков, программам и практике революционных партий, а также государственным мерам борьбы с политическим насилием. Однако, как справедливо отмечает Т. Рокки, до настоящего времени отсутствует исчерпывающее исследование, которое охватывало бы весь период от покушения Д.В. Каракозова в 1866 г. до 1911 г. и одновременно анализировало бы идеологию и тактику различных партий и движений, правительственную политику, общественное отношение к терроризму и различия между собственно терроризмом и иными формами массового насилия¹.

Историографическая неполнота имеет принципиальное значение для темы настоящей статьи. Когда исследовательский фокус сосредоточивается преимущественно на «Народной воле» и Боевой организации эсеров, создается впечатление, что терроризм был лишь цепью наиболее впечатляющих актов, совершаемых сравнительно узким кругом заговорщиков. Между тем такая оптика ведет к недооценке масштабности терроризма, особенно в период Первой русской революции, когда

¹ Рокки Т. Политический терроризм в Российской империи в 1901–1911 гг. и его место в исторической памяти России // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2020. № 6 (116). С. 51–52.

в террористической деятельности участвовали представители самых разных партий, течений и периферийных групп².

А. Гейфман специально подчеркивает, что если по истории русско-го террора XIX в. существовали советские и западные работы, особенно о «героическом периоде» 1878–1881 гг., то развернувшаяся в начале XX в. волна массового революционного насилия долгое время не получала адекватного монографического освещения. В этом отношении сама ее книга была задумана как попытка выйти за пределы устойчивого канона, в котором «Народная воля» изучалась сравнительно подробно, а вспышка террора 1894–1917 гг. оставалась исследована значительно слабее³.

Особенность существующей историографии состоит также в ее дробности. Одни исследования посвящены главным образом организациям, другие — политической этике, третьи — правительственным мерам, четвертые — месту террора в общественной памяти и идеологических спорах. При этом сама проблема социальной базы терроризма обычно остается на периферии. Даже когда речь идет о радикализации интеллигенции, молодежи, женщин или этноконфессиональных меньшинств, эти сюжеты рассматриваются как вспомогательные, а не как центральные для понимания механизма расширения террористической среды.

Отдельного внимания заслуживает эволюция оценок террора в отечественной историографии. Советская традиция в значительной степени была подчинена общей концепции революции 1905–1907 гг. как «генеральной репетиции» 1917 г. В этих рамках эсеровский и анархический террор чаще описывался как политически ошибочный, мелкобуржуазный или объективно вредный, тогда как большевистские формы насилия оправдывались иным языком — например, через эвфемизмы «партизанских выступлений». В результате сама проблема социальной привлекательности террора и его поддержки в обществе фактически отступала на второй план⁴.

Постсоветская историография, при всей большей свободе и тематическом разнообразии, также не устранила этот пробел окончательно. С одной стороны, появилось больше серьезных работ о дореволюционном терроре; с другой — сохраняется либо тенденция к локальному изучению отдельных покушений, либо стремление поместить террор исключительно в рамки более широкого разговора о смуте, кризисе

² Там же. С. 52–53.

³ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. С. 5–8.

⁴ Рокки Т. Указ. соч. С. 53–55.

государственности или революционной катастрофе. В результате социальный механизм расширения террористической среды продолжает оставаться недостаточно реконструированным.

В этой связи историографически особенно значимы труды, в которых террор рассматривается как явление, обладавшее собственной моральной и социальной логикой. Таковы прежде всего работы Б.Н. Кашникова и О.В. Будницкого. У Кашникова терроризм предстает как явление, неотделимое от идеи справедливости, а значит — от той общественной среды, которая готова признать насильственный акт нравственно допустимым. В этой логике терроризм нельзя свести к технике убийства: он опирается на моральное согласие хотя бы части общества. Именно поэтому для темы настоящей статьи особенно важно сместить акцент с истории отдельных покушений на историю среды, способной эти покушения оправдывать, тиражировать и воспроизводить⁵.

Таким образом, основная историографическая задача состоит сегодня в том, чтобы рассмотреть терроризм как особую форму политической культуры, включающую идеологическое оправдание, организационное оформление, моральную легитимацию, общественный резонанс и кадровое самовоспроизводство.

Среднестатистический тип террориста-бомбиста

Наиболее выразительной фигурой революционного террора начала XX в. стал террорист-бомбист. Именно он соединял в себе индивидуальное политическое насилие, публичную демонстративность и символику жертвенного действия. В общественном восприятии бомбист выступал не просто как член подпольной группы, а как человек прямого действия, способный в одиночку бросить вызов государству. Поэтому реконструкция его социального и психологического типа имеет принципиальное значение для понимания механизмов расширения социальной базы терроризма⁶.

Историография и обобщенные архивные наблюдения позволяют выделить несколько устойчивых черт этого типа. Прежде всего это молодой возраст и переходное социальное положение. Речь, как правило, идет о бывшем студенте, учащемся, молодом рабочем первого поко-

⁵ Кашников Б.Н. Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца XIX — начала XX века // Российский научный журнал. 2008. № 4. С. 12–15.

⁶ Гейфман А. Указ. соч. С. 167–169.

ления, выходе из мещанской, разночинной или полуинтеллигентской среды. Такой человек еще не был устойчиво включен в существующий порядок, но уже находился в состоянии политической и нравственной радикализации. Именно эта социальная незавершенность делала его особенно восприимчивым к террористической пропаганде⁷.

Не менее важной характеристикой была внутренняя самодраматизация. Бомбист воспринимал собственное действие не как уголовное преступление, а как форму исторического жеста, справедливого возмездия и личного подвига. Здесь особенно важен вывод Б.Н. Кашникова о том, что русский терроризм был не только политической, но и этической практикой: его участники стремились осмыслить насилие как нравственно оправданное. Именно это делало возможным соединение готовности к убийству с убежденностью в собственной правоте⁸.

Существенна и демонстративная функция бомбометательства. Террористический акт был направлен не только на устранение конкретного представителя власти, но и на создание сильного общественного эффекта. Поэтому фигуры Карповича, Балмашева, Сазонова и Каляева становились не просто участниками отдельных покушений, а революционными символами. Их значение определялось не только фактом насилия, но и тем общественным впечатлением, которое оно производило на более широкую радикальную среду⁹.

Особенно показателен образ Ивана Каляева, в революционной мифологии связанный с мотивом нравственной избирательности: отказ от броска бомбы при наличии детей в экипаже позднее превратился в символ того, что террористический акт будто бы сохраняет моральный предел. Независимо от степени последующей символической обработки этого эпизода, важно другое: фигура бомбиста приобретала черты человека, соединяющего решительность с мнимой нравственной чистотой, а значит, становилась особенно притягательной для части молодежи¹⁰.

Архивные материалы политического сыска, используемые в историографии, показывают, что к началу XX в. террористическая среда уже не сводилась к узкому кругу идейных заговорщиков. В документах фиксируются более широкие связи, переходные группы и периферийные формы радикальной активности, в которых бомбист выступает не как

⁷ Там же. С. 5–8, 167–169.

⁸ Там же. С. 167–169.

⁹ Кафтан В.В., Пуятин В.Д. Исторические корни и эволюция терроризма. Новосибирск, 2015. С. 27–34.

¹⁰ Кашников Б.Н. Указ. соч. С. 23–24.

исключение, а как производное от расширяющейся среды политического возбуждения¹¹.

Таким образом, среднестатистический террорист-бомбист конца XIX — начала XX в. — это молодой человек переходного социального положения, чаще всего выходец из разночинной, мещанской, рабочей или полуинтеллигентской среды, находящийся в состоянии социальной неустроенности, политической радикализации и нравственного максимализма; склонный воспринимать насилие как форму исторического действия и личного подвига. Именно сочетание этих качеств делало его одной из центральных фигур расширения социальной базы революционного терроризма.

Общественная среда и расширение социальной базы терроризма

Расширение социальной базы революционного терроризма происходило не только через прямое вовлечение новых участников в боевые организации, но и через формирование более широкой общественной среды, в которой террористическое действие переставало восприниматься как абсолютно чуждое и безусловно преступное. Терроризм становился устойчивым тогда, когда вокруг него складывался круг сочувствующих, оправдывающих, восхищающихся или считающих его исторически объяснимым¹².

Одной из ключевых предпосылок такого процесса было сочетание социального недовольства, политической закрытости режима и кризиса доверия к легальным формам общественного действия. В этих условиях террор начинал восприниматься частью общества как эффективный ответ на произвол власти. Гейфман убедительно показывает, что революционное насилие вышло далеко за пределы узких подпольных кружков и приобрело характер массово значимого явления. Сам этот факт невозможно объяснить без учета более широкой среды, обеспечивавшей террору общественный резонанс¹³.

Особое значение имела молодежная среда. Для нее террористический акт часто выступал не как частный эпизод политической борьбы, а как пример решительного исторического действия. Молодежный

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. ОО.242. Д. 113. Л. 1; Д. 25. Ч. 101. Л. 6; Оп. 246. Д. 122. Л. 55.

¹² Рокки Т. Указ. соч. С. 54–55.

¹³ Гейфман А. Указ. соч. С. 32–34, 167–169.



Разрушенная взрывом карета, в которой находился великий князь Сергей Александрович. Москва, Кремль. Февраль 1905 г.
Государственный архив РФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 30.

максимализм, незавершенность социальной траектории и разочарование в легальных формах борьбы делали фигуру бомбиста особенно притягательной. В этом смысле теракт воздействовал не только на власть, но и на потенциальных новых участников, выполняя функцию политического сигнала и эмоционального заражения¹⁴.

Именно так следует понимать историческую практику «пропаганды действием». Террористический акт имел значение не только как устранение объекта, но и как демонстрация, рассчитанная на общественное впечатление: показать уязвимость государства, вдохновить сочувствующих и создать образец поведения. Бомбист выступал не только как исполнитель, но и как модель для подражания¹⁵.

В этом процессе важную роль играла и публичная сфера. Через периодическую печать террор выходил из подполья в пространство общественного обсуждения. Газетный и журнальный дискурс передавал не только страх и осуждение, но также моральную двусмысленность, скрытое сочувствие и элементы восхищения «решительным действием». Это создавало для террора не юридическую, а культурную терпимость¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 167–169.

¹⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 145–178; Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 12–15.

¹⁶ Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 15–18.

Архивные материалы российских органов политического сыска подтверждают, что власть имела дело не только с отдельными террористами, но и с более широкой радикальной средой: переходными объединениями, периферийными группами, сочувствующими кругами и иными формами неустойчивой революционной активности. Следовательно, проблема заключалась не только в наличии боевиков, но и в существовании среды, делавшей их появление и воспроизводство возможными¹⁷.

Таким образом, общественная среда революционного терроризма формировалась на пересечении социального недовольства, политической неудовлетворенности, молодежного максимализма и моральной легитимации насилия. Именно эта среда превращала терроризм из практики сравнительно узких подпольных кружков в социально воспроизводимое явление.

Механизм осуществления террористических актов и расширение социальной базы терроризма-бомбизма

Исторический анализ революционного терроризма в Российской империи показывает, что террористический акт представлял собой не спонтанный всплеск насилия, а относительно устойчивую технологию политического действия. Уже в конце XIX — начале XX в. террористическая практика вырабатывает собственные лекала: выбор символически значимой жертвы, предварительное наблюдение, конспиративную подготовку, добывание оружия и взрывчатки, распределение функций внутри группы, а затем — публичное использование совершенного акта как средства политического и психологического воздействия. Поэтому теракт следует рассматривать не только как единичное преступление, но и как элемент более широкой социальной и коммуникационной стратегии¹⁸.

Показательно, что уже покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. содержало в себе эту логику. В своей прокламации он писал о том, что если ему не удастся убить императора, то все равно найдутся люди, которые «пойдут по его пути», а его смерть послужит им «примером». В этой формуле уже содержится важнейшая идея будущего революционного терроризма: теракт мыслится не только как устранение объекта,

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 88. Л. 1, 7–7 об.; Оп. 244. Д. 9. ч 55 лит. В. Л. 7–7 об., 14; Д. 340. Л. 22 об.–23; Оп. 246. Д. 122. Л. 55.

¹⁸ Гейфман А. Указ. соч. С. 5–10.

но и как пример, рассчитанный на последующее подражание. С самого начала террористическое действие проектировалось как акт, обладающий не только физическим, но и социальным послесловием¹⁹.

К началу XX в. эта логика становится значительно более отчетливой. Ранние акты эсеровского террора — выстрел П.В. Карповича в Н.П. Боголепова в 1901 г., убийство Д.С. Сипягина, совершенное С.В. Балмашевым в 1902 г., убийство В.К. Плеве Е.С. Сазоновым, покушение И.П. Каляева на великого князя Сергея Александровича — демонстрируют уже сложившийся стандарт революционного действия. Жертва должна была быть политически символической; сам акт — дерзким, эффектным, легко пересказываемым; исполнитель — воспринимаемым как человек особой решимости. В этом смысле теракт представлял собой политическую драму, где важен был не только исход, но и способ его осуществления²⁰.

Б.Н. Кашиников справедливо подчеркивает, что начало деятельности эсеровской Боевой организации произвело сильное впечатление именно за счет «размаха и точности» террора. Первые удары воспринимались как высокоизбирательные: казалось, что каждый «царский сатрап» карается именно за собственные действия. Эта морально-политическая рамка позволяла представить убийство не как хаотическое насилие, а как подобие революционного суда. Именно так создавалась возможность общественного сочувствия и, следовательно, расширения социальной базы террора²¹.

Собственно механизм теракта включал несколько повторяющихся стадий. Первая — идеологическое обоснование и выбор цели. Объект нападения должен был олицетворять власть, репрессию, «реакцию», т.е. быть пригодным для политической символизации. Вторая — организационно-конспиративная подготовка: наблюдение за жертвой, подбор маршрута, подготовка квартиры, обеспечение связи, добывание оружия и взрывчатки. Третья — техническая реализация, связанная с изготовлением бомб, распределением ролей и расчетом момента удара. Четвертая — общественное сопровождение, когда акт начинал жить уже как политическое сообщение и общественный сигнал²².

Особенно на этой четвертой стадии видно, каким образом теракт был связан с расширением социальной базы терроризма. Гейфман по-

¹⁹ Кафтан В.В., Пуятин В.Д. Указ. соч. С. 12–13 (о Д.В. Каракозове, ишутинской «Организации» и прокламации «Друзьям-рабочим!»).

²⁰ Кафтан В.В., Пуятин В.Д. Указ. соч. С. 34–42; Возникновение терроризма. С. 18–27.

²¹ Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 20–22.

²² Гейфман А. Указ. соч. С. 57–63.



Убийство великого князя Сергея Александровича.
 Обложка журнала *Le Petit Journal*. № 746, 5 марта 1905 г.
Bibliothèque nationale de France

казывает, что с возникновением ПСР терроризм получил не только идейное, но и инфраструктурное оформление: партия обладала организационной сетью, финансовыми ресурсами и технической базой, облегчавшими производство бомб и содержание боевиков. Но еще важнее, что первая удачная бомба мыслилась как средство привлечения «тысяч сторонников». Следовательно, террористический акт с самого начала рассматривался как инструмент пополнения движения — через впечатление, шок, сочувствие и подражание²³.

В этом отношении особую роль играла пресса. По наблюдению Гейфман, газеты по всей империи практически ежедневно сообщали о покушениях, взрывах, политических грабежах, вооруженных нападениях, похищениях и вымогательствах. Уже сам этот информационный ритм превращал терроризм в постоянный сюжет общественной жизни. Он переставал быть редким исключением и входил в повседневное политическое сознание²⁴.

Пресса усиливала социальный эффект теракта по нескольким направлениям. Во-первых, через серийность сообщений: общество по-

²³ Там же. С. 60–63.

²⁴ Гейфман А. Указ. соч. С. 32–34, 95–101.

стоянно сталкивалось с новыми известиями о насилии и начинало воспринимать террор как устойчиво действующий политический метод. Во-вторых, через персонализацию: читатель узнавал имена боевиков и их жертв, следил за обстоятельствами покушений, судами, казнями, побегами. В-третьих, через невольную романтизацию: даже осуждая террор, газета вынужденно сообщала о дерзости, точности, самоотверженности, неожиданности удара. В-четвертых, через эффект подражания: теракт становился легко пересказываемым общественным сюжетом, пригодным для кружкового обсуждения и молодежной мифологии²⁵.

Особенно важно, что сама фактическая база Гейфман строилась, в частности, на собрании газетных вырезок архива ПСР, где были сосредоточены сведения о терактах и мерах борьбы с ними. Среди ее примечаний прямо фигурируют и вырезки из «Русских ведомостей». Это значит, что периодическая печать была не просто фоном, а важным элементом функционирования террора как общественного явления. Она превращала теракт из подпольного события в публично видимый факт, а следовательно, невольно способствовала расширению его социального резонанса²⁶.

Именно здесь возникает прямая связь с уже описанным портретом террориста-бомбиста²⁷. Его привлекательность определялась не только внутренними качествами — молодостью, максимализмом, социальной переходностью, но и тем, что общество видело его в действии. Газета делала из подпольного боевика общественную фигуру. Даже там, где осуждение было формально выражено, сама подробность описания, внимание к смелости, точности и драматизму происходящего превращали бомбиста в заметный тип политического героя.

Биографические эпизоды усиливали этот эффект. Карпович — бывший студент, стрелявший в министра просвещения; Балмашев — молодой эсер, явившийся к министру внутренних дел в офицерской форме; Сазонов — бомбометатель, убивший Плеве; Каляев — фигура, окруженная ореолом нравственной избирательности. Все эти случаи укладывались в общий социальный шаблон: молодой человек, совершающий резкий и исторически значимый акт против власти. Именно поэтому теракт становился не только событием, но и сценарием возможной жизни для новых радикалов²⁸.

²⁵ Там же. С. 95–101.

²⁶ Там же. С. 27–28.

²⁷ Русские ведомости. 1908. 16 марта. Архив Партии социалистов-революционеров.

²⁸ Кафтан В.В., Путятин В.Д. Указ. соч. С. 34–42; Возникновение терроризма. С. 18–27.

Показательно и то, как на первые теракты новой волны реагировала сама революционная среда. Гейфман отмечает, что после покушения Карповича и убийства Сипягина многие независимые социалисты и революционеры, тяготевшие к традиции «Народной воли», прославляли героические поступки Карповича и Балмашева. Это означает, что расширение социальной базы происходило не только на уровне «улицы», но и внутри самой интеллектуально-политической оппозиции: теракт служил знаком нового стиля борьбы, который мог быть восхвален и предложен как образец²⁹.

Не менее показательны и обратные реакции. Именно потому, что террористический метод обладал реальной привлекательностью, социал-демократы — Г.В. Плеханов, В.И. Засулич и другие — сочли необходимым вести против него настойчивую полемику. Плеханов подчеркивал, что в современных условиях террор «не целесообразен, поэтому он вреден», а Засулич выступала против передачи освободительной борьбы «кучке героев», при которой массы превращаются лишь в зрителей. Сама необходимость такой полемики показывает, что соблазн индивидуального террора был не теоретическим, а социально действенным³⁰.

Еще более наглядно процесс расширения социальной базы виден по данным политического сыска. В фондах ГА РФ фиксируются не только отдельные боевики, но и более широкая радикальная среда: переходные объединения, периферийные группы, нестабильные террористические союзы и формы сочувствия, выходившие за пределы строгого партийного ядра. Это и есть документальное свидетельство того, что терроризм распространялся не просто как деятельность нескольких организаций, а как среда вовлечения, где путь к участию мог начинаться с интереса, продолжаться сочувствием и завершаться технической или прямой боевой помощью³¹.

Особенно выразителен зафиксированный у Гейфман эпизод, когда подростки, «следуя примеру взрослых», пытались разоружать городских, а один мальчик даже сделал из мыла муляж браунинга и отобрал у полицейских несколько настоящих револьверов. Этот случай важен не как курьез, а как симптом. Он показывает, что террористическая модель поведения проникала в молодежную и даже детскую среду не через глубокую идеологию, а через подражание, игру и увлечение примером.

²⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 49–53.

³⁰ Там же. С. 53–55.

³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 88. Л. 1, 7–7 об.; Оп. 244. Д. 340. Л. 22 об.–23; Д. 9. Ч. 55. Лит. В. Л. 7–7 об., 14; Оп. 246. Д. 122. Л. 55.

Следовательно, расширение социальной базы терроризма происходило не только на уровне организованного подполья, но и на уровне более широкой культуры насильственного политического действия³².

Таким образом, механизм осуществления террористического акта в Российской империи конца XIX — начала XX в. включал в себя не только подготовку, конспирацию, техническое оснащение и сам удар, но и его последующую социальную жизнь. Теракт становился политическим событием, информационным фактом, нравственным спором, объектом подражания и инструментом пополнения радикальной среды. В этом и заключался один из главных механизмов расширения социальной базы терроризма-бомбизма. Бомбист был не только продуктом среды, но и ее производителем: его биография, его акт, его газетная видимость и его мифологизация создавали новых потенциальных бомбистов.

Этика бомбизма-терроризма и расширение его социальной базы

Для понимания механизма расширения социальной базы революционного терроризма недостаточно описать только организационные формы подполья, технику покушений или социальный состав боевых групп. Не менее важным является анализ той этики бомбизма-терроризма, которая постепенно сложилась в революционной среде и сделала насильственное действие внутренне оправданным, а в ряде случаев — и притягательным для молодежи. Речь идет о специфическом комплексе представлений, в котором террористический акт осмыслялся как нравственно допустимое, политически значимое и личностно возвышающее действие. Именно эта этика играла ключевую роль в превращении теракта из единичного преступления в механизм расширения социальной базы террора³³. Как показывает Кашников, русский терроризм нес в себе не только политическое, но и выраженное этическое содержание. Его участники стремились представить насилие не как простое убийство, а как историческое возмездие, жертву ради народа, средство восстановления справедливости. Иными словами, бомбизм строился на особой нравственной логике, в которой террорист выступал не как преступник, а как человек долга³⁴.

³² Гейфман А. Указ. соч. С. 121–123.

³³ Гейфман А. Указ. соч. С. 49–55; Кашников Б.Н. Указ. соч. С. 12–15.

³⁴ Кашников Б.Н. Указ. соч. С. 15–18.

Эта этика складывалась из нескольких взаимосвязанных элементов. Во-первых, из идеи морального превосходства террориста над «пассивным» обществом: боевик представлял как человек, который не ограничивается словами, а действует. Во-вторых, из идеи избирательного возмездия: удар направляется не «вообще», а против носителя власти, реакции, полицейского насилия. В-третьих, из идеи самопожертвования: террорист сознательно принимает арест, казнь, каторгу или смерть как часть собственного подвига. В-четвертых, из идеи примера, т.е. убеждения, что один решительный акт способен морально и политически заразить других.

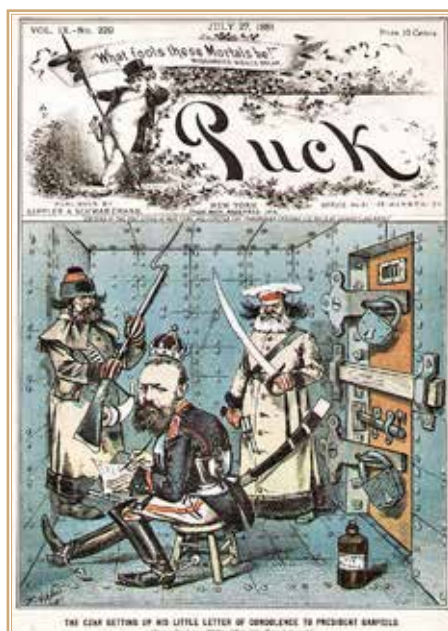
Именно последняя черта особенно важна. Уже в прокламации Каракозова содержится ясная формула такого понимания: даже если замысел не удастся, «найдутся люди, которые пойдут по моему пути», а его смерть «будет примером и вдохновит их». Здесь перед нами ранний и чрезвычайно показательный вариант этики терроризма: теракт осмысливается как нравственный пример, рассчитанный на подражание. Следовательно, уже в ранней фазе русского революционного террора действие понимается не только как насилие, но и как форма воспитания будущих боевиков³⁵.

В начале XX в. эта этика получает более четкое и массовое воплощение. Первые громкие фигуры новой волны террора — П.В. Карпович и С.В. Балмашев — быстро приобретают значение не только исполнителей отдельных покушений, но и нравственно-политических символов. Прямо фиксируется, что после этих актов многие независимые социалисты и революционеры, тяготевшие к традиции «Народной воли», прославляли героические поступки Карповича и Балмашева. Это значит, что террористический акт работал не только как событие, но и как образец поведения, который можно было одобрить, восхвалить и предложить как норму новому поколению³⁶.

Привлекательность этики бомбизма для молодежи определялась несколькими обстоятельствами. Она давала простую моральную схему, в которой мир делился на угнетателей и борцов, на виновных и карающих, на пассивных и действующих. Она превращала насилие в язык подвига. Она снимала противоречие между убийством и совестью, предлагая формулу, по которой насилие становилось нравственно допустимым, если оно совершается «во имя народа», «во имя справедли-

³⁵ Шушунов А.С. Возникновение и развитие терроризма в истории России на разных этапах ее становления. Отличие терроризма и террористического акта // Вестник науки. 2025. № 1 (82). С. 402–407; Кафтан В.В., Путятин В.Д. Указ. соч. С. 12–13.

³⁶ Гейфман А. Указ. соч. С. 49–53.



Александр III получает соболезнования от американского президента Дж. А. Гарфилда. Обложка журнала «Puck». 27 июля 1881 г.
Из открытых источников

вости», «против палачей». И, наконец, она была тесно связана с логикой «пропаганды действием»: теракт понимался как акт, который должен вдохновить других. Следовательно, каждый «героический» акт становился инструментом морального заражения среды³⁷.

Крайне важную роль в распространении этики бомбизма играла пресса. Подчеркивается, что газеты по всей империи практически ежедневно сообщали о покушениях, взрывах, «эксах», вооруженных нападениях и других формах революционного насилия. В результате терроризм переставал быть подпольным исключением и становился привычным элементом общественного информационного поля³⁸. При этом пресса транслировала не только факт теракта, но и его этическую рамку: смелость, дерзость, самоотверженность, отказ от раскаяния, готовность к казни.

Таким образом, в Российской империи конца XIX — начала XX в. сложилась не просто практика терроризма-бомбизма, но и его этика —

³⁷ Там же; Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 18–24.

³⁸ Гейфман А. Указ. соч. С. 27–28; Кашиников Б.Н. Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца XIX — начала XX века; Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 5–12; Budnitskii O.V. Op. cit. P. 145–178.

система моральных норм, представлений и образцов, которая делала насильственное действие внутренне допустимым и социально заразительным. Именно эта этика стала одним из важнейших факторов формирования и расширения социальной базы терроризма.

Народовольческие организации и идеологические тексты как фактор формирования социальной базы терроризма

Формирование социальной базы революционного терроризма происходило не только через отдельные покушения, боевые организации и практику «пропаганды действием», но и через создание устойчивой идеологической среды, в которой насилие получало мировоззренческое оправдание. Эту среду формировали кружки, тайные общества, революционные организации народнического типа, а также программные тексты, в которых террор интерпретировался как нравственно допустимое, исторически необходимое и политически действенное средство борьбы. В этом смысле социальная база терроризма была не только социальной, но и доктринально сконструированной³⁹.

Исторически важнейшими предшественниками развитого революционного терроризма стали организации и кружки 1860–1870-х гг., в которых постепенно формировался переход от пропаганды, заговора и революционной романтики к признанию политического насилия как самостоятельного метода борьбы. Уже в ранних ишутинских кружках и связанной с ними «Организации», к которой принадлежал Каракозов, сочетались пропаганда утопического социализма и террористическая тактика. Это чрезвычайно важно: террор возникает здесь не как внешняя добавка к идеологии, а как один из способов ее практического осуществления⁴⁰.

Особое место в ранней генеалогии русского террора занимает «Народная расправа» С.Г. Нечаева. В отличие от более поздней «Народной воли», она не создала массового движения, однако сыграла исключительную роль в выработке радикальной этики подполья. Историческое

³⁹ Рокки Т. Указ. соч. С. 51–55; Geifman A. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917*. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 27–35; Daly J.W. «Political Crime in Late Imperial Russia». *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 1. P. 74–103; Stockdale M.K. *Politics, Morality and Violence: Kadet Liberals and the Question of Terror, 1902–1911*. *Russian History*. 1995. Vol. 22. No. 4. P. 455–504.

⁴⁰ Шушунов А.С. Указ. соч. С. 402–407; Geifman A. *Op. cit.* P. 5–12.

значение этой организации заключалось не столько в ее практической результативности, сколько в создании предельной модели революционера, для которого не существует ни частной морали, ни социальных обязательств, ни человеческих привязанностей вне дела разрушения. Именно здесь впервые с особой силой возникает идея о том, что революционер должен быть полностью отчужден от обычного мира и признавать нравственным все, что способствует революции⁴¹.

Следующий этап связан с организацией «Земля и воля», которая стала важнейшей формой концентрации революционного народничества. Ее значение состоит в том, что внутри нее созрела та развилка, из которой позднее вышли две принципиально разные модели революционной практики. Раскол 1879 г. на «Народную волю» и «Черный передел» отражал не просто тактическое расхождение, а фундаментальный выбор между двумя типами революционного действия⁴².

«Черный передел» сохранял ориентацию на агитацию, перераспределение земли, длительную работу в народной среде и в целом представлял собой антитеррористическую альтернативу внутри народничества. Его значение для темы статьи особенно велико именно как контраста: он показывает, что внутри революционного движения существовал иной путь, не сводившийся к культу индивидуального удара.

Совершенно иным оказался путь «Народной воли». Эта организация впервые придала террору относительно целостную политическую и нравственную форму. Именно «Народная воля» была одной из первых массовых организаций, воспринимавших террор как наиболее короткий путь к равенству и справедливости. В этом и состоит ее историческая уникальность: она сделала террор не эпизодом, а нормой политической тактики, встроенной в представление о революционной морали⁴³.

«Народная воля» важна не только из-за убийства Александра II. Значение организации заключалось в том, что она создала модель, в которой террористический акт становился средством не только борьбы с властью, но и сплочения своих рядов, демонстрации на деле возможности борьбы с государством, подъема революционного духа и формирования «годных и привычных к бою сил». Таким образом, террор мыслился не

⁴¹ Кашиников Б.Н. Указ. соч.; Budnitskii O.V. Op. cit. P. 145–178.

⁴² Шушунов А.С. Указ. соч. С. 403–404; Кафтан В.В., Путятин В.Д. Указ. соч. С. 14–18; Geifman A. Op. cit. P. 13–20.

⁴³ Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 49–50; Budnitskii O.V. Op. cit. P. 156–161.

только как удар по противнику, но и как инструмент воспитания собственной среды⁴⁴.

В этом контексте особое значение имеет «Катехизис революционера» Нечаева. Для темы статьи это один из ключевых текстов, поскольку он не просто оправдывал насилие, но и задавал нормативный кодекс революционного поведения. В материалах по истории русского терроризма он не случайно описывается как своеобразная «библия» террористов и «кодекс чести», определяющий цели, принципы и образ жизни революционера в борьбе с существующим строем⁴⁵.

Историческое значение «Катехизиса» состоит в нескольких принципиальных моментах. Он формулирует идеал революционера как человека, полностью отрекающегося от обычной морали. Личная жизнь, семейные связи, общественные обязанности, сострадание, дружба и даже собственное имя приносятся в жертву делу разрушения. Такой тип личности особенно опасен не только потому, что он готов к насилию, но и потому, что он превращает насилие в форму внутренней нормы.

Во-вторых, «Катехизис» создает образ революционера как человека тотального долга. Это особенно притягательно для молодых людей переходного возраста и переходного социального положения. Там, где обычная жизнь кажется бессмысленной или унижительной, Нечаев предлагает абсолютно цельную моральную схему: отказаться от всего, стать человеком «дела», обрести ясную цель и историческую значимость.

В-третьих, этот текст разрушает границу между политической борьбой и моральным преступлением. Как показывает Кашников, нечаевский принцип фактически сводится к тому, что «нравственно все, что способствует торжеству революции». Именно поэтому «Катехизис» следует понимать не просто как агитационный документ, а как машину по производству террористической этики⁴⁶.

В-четвертых, в «Катехизисе» особое значение имеет ориентация на соединение с наиболее разрушительными элементами народной жизни. Нечаев призывает сближаться не с умеренным «народом» как нравственным субъектом, а с теми силами, которые протестуют против государства «не на словах, а на деле». Это чрезвычайно важный момент: социальная база терроризма здесь мыслится не как просвещенная политическая нация, а как радикализованная среда, готовая к разруше-

⁴⁴ Шушунов А.С. Указ. соч. С. 403–404; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 88. Л. 1, 7–7 об.

⁴⁵ Geifman A. Op. cit. P. 21–24.

⁴⁶ Кашников Б.Н. Указ. соч. С. 50–51; Budnitskii O.V. Op. cit. P. 162–166.

нию. Тем самым «Катехизис» не только оправдывал насилие, но и предлагал социальную технологию расширения революционной среды через ее сближение с наиболее крайними элементами общества⁴⁷.

Организации народнического и народовольческого типа, а также документы вроде «Катехизиса революционера», влияли на расширение социальной базы терроризма по нескольким направлениям. Они создавали язык оправдания; формировали нормативный образец революционера; задавали организационную рамку вовлечения; обеспечивали историческую преемственность, благодаря которой террористическая норма не исчезала с разгромом конкретной организации, а переходила к следующему поколению радикалов. В этом смысле народовольческие организации и идеологические тексты должны рассматриваться как инфраструктура расширения социальной базы терроризма.

Образ женщины-террористки и его влияние на расширение социальной базы терроризма-бомбизма

Участие женщин в революционном терроризме Российской империи было не случайным и не второстепенным явлением. Напротив, именно женщина-террористка стала одной из наиболее сильных и социально заразных фигур революционной культуры конца XIX — начала XX в. Ее историческое значение заключалось не только в непосредственном участии в покушениях, конспирации и боевых организациях, но и в том символическом воздействии, которое ее образ оказывал на общество. Появление женщины в сфере политического насилия разрушало привычные межполовые границы, усиливало впечатление от террористического акта и делало сам терроризм более заметным и притягательным для новых слоев сочувствующих и потенциальных участников⁴⁸.

Ряд исследователей прямо указывают, что к началу XX в. женщины составляли почти треть Боевой организации эсеров и около четверти всех террористов. Она связывает это с ростом женской грамотности, ограниченным доступом к высшему образованию, кризисом традиционных ролей и стремлением женщин к самоутверждению вне привычных социальных рамок. В революционной среде женщина получала то, чего

⁴⁷ Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 51–52; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1914. Д. 340. Л. 22 об.–23.

⁴⁸ Hilbrenner A. The Perovskaia Paradox, or the Scandal of Female Terrorism in Nineteenth-Century Russia // *Parliaments, Estates and Representation*. 2012. Vol. 32. No. 2. P. 195–210.



Карикатура на террористку-эсерку. Открытка начала XX в. Худ. Е.Г. Соколов.
Из открытых источников

ей не доставало в обычной жизни: уважение, роль, риск, миссию и ощущение исторической значимости. Именно это делало террористическую среду особенно привлекательной для части молодых женщин⁴⁹.

Особое место в истории женского политического насилия занимает Вера Засулич. Хотя позднее она стала критиком индивидуального террора, именно ее выстрел в Ф.Ф. Трепова в 1878 г. стал важнейшим прецедентом, сделавшим женскую фигуру в политическом насилии общественно значимой. Исследования показывают, что Засулич стала постоянной точкой отсчета для последующих русских террористок: через нее общество училось воспринимать женское насилие либо как скандал, либо как подвиг, либо как мученическую форму политической правоты⁵⁰.

Не менее важна Софья Перовская. Она разрушила сразу два стереотипа: женщину как пассивное существо и женщину как политически вторичную фигуру. Ее участие в заговоре 1 марта 1881 г. и роль в организации убийства Александра II превратили женщину-террористку уже не в исключение, а в носителя руководящей роли внутри революционного насилия. В общественном восприятии Перовская вызывала одновременно ужас и восхищение, что делало ее образом чрезвычайной силы⁵¹.

⁴⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 167–169, 211–214; Geifman A. Op. cit. P. 152–160.

⁵⁰ Hilbrenner A. Op. cit. P. 195–210.

⁵¹ Ibid. P. 200–206.



«Террористка». Худ. Н.А. Ярошенко. 1881 г.

Прототипом героини является В.И. Засулич.

Мемориальный музей-усадьба художника Н.А. Ярошенко. Кисловодск

Мария Спиридонова представляет уже иной этап — этап, на котором террористическое действие соединяется с образом страдающей героини. Ее покушение на Г.Н. Луженовского и последовавшая история ареста, избиений, суда и ссылки сделали из нее не просто боевика, а символ мученичества и морального превосходства над властью. Это многократно усиливало эмоциональную силу террористического мифа. Молодежи предлагался уже не просто образ решительного убийцы, а образ женщины, которая одновременно мстит, жертвует собой и страдает за «народное дело»⁵².

Участие женщин производило в традиционном обществе эффект особого шока. Женщина-террористка расширяла представление о том, кто вообще может быть революционером. Она придавала террору дополнительные черты жертвенности, чистоты и нравственной исключительности, усиливала общественный резонанс теракта за счет нарушения привычных гендерных норм. Женщина-террористка делала революционную среду более привлекательной для молодой женской ау-

⁵² McDermid J. Mariya Spiridonova: Russian Martyr and British Heroine? // Women and Revolution in Russia, 1905–1917: A Documentary History / Ed. by M. Buckley. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 51–68.

дитории, которая видела в ней пространство самоутверждения и исторического действия⁵³.

Если «обычный» бомбист привлекал молодежь сочетанием решительности, риска, конспиративной элитарности и символического выхода в историю, то женщина-террористка усиливала этот эффект, потому что добавляла к нему мотивы моральной чистоты, мученичества и культурного вызова. Она представляла собой не просто участницу насилия, а фигуру, которая самим фактом участия опровергала прежний порядок и тем самым делала революционное действие еще более значимым. Отсюда следует важный вывод: участие женщин не было периферийным сюжетом революционного терроризма. Напротив, образ женщины-террористки стал одним из мощных каналов расширения социальной базы терроризма-бомбизма.

Среда и тип, противостоявшие терроризму-бомбизму

Террористу-бомбисту противостояла иная общественная среда, для которой революционный террор представлялся не формой справедливого возмездия, а симптомом распада государства, права и общественной морали. Эта среда была неоднородной. В нее входили представители администрации, суда, полиции, армии, умеренно либеральной общественности, части интеллигенции и тех политических кругов, которые, выступая за реформы, отвергали индивидуальный террор как метод борьбы⁵⁴.

Если бомбист был фигурой социального перехода, максимализма и предельного действия, то его противник представлял собой, как правило, человека более зрелого возраста, социально укорененного, институционально включенного и ориентированного на правовой порядок, политическую последовательность и эволюционность изменений. Для него террор означал не путь к свободе, а путь к хаосу и распаду исторической ткани общества⁵⁵.

⁵³ Broido V. Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. London, 1977. P. 145–176; Findsen J.R. Women and Violence in Revolutionary Russia, 1860–1925. M.A. Thesis. Central Washington University, 2011. P. 34–57.

⁵⁴ Рокки Т. Указ. соч. С. 51–55; Гейфман А. Указ. соч. С. 95–99; Stockdale M.K. Politics, Morality and Violence: Kadet Liberals and the Question of Terror, 1902–1911 // Russian History. 1995. Vol. 22. No. 4. P. 455–504.

⁵⁵ Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 54–55; Stockdale M.K. Op. cit. P. 460–468.

Этот тип особенно наглядно раскрывается через конкретные фигуры. П.А. Столыпин представляет модель государственного реформатора-консерватора, сочетавшего курс на преобразования с жесткой борьбой против революционного насилия. Для него терроризм был угрозой не только отдельным должностным лицам, но и самой государственности⁵⁶. В.К. Плеве воплощает тип жесткого администратора, воспринимавшего террор как прямой вызов власти и целостности империи⁵⁷. А.И. Гучков представляет умеренно либеральный парламентский тип противника террора: в его оценке террор не приближал свободу, а, напротив, тормозил реформы и усиливал реакцию⁵⁸. Г.В. Плеханов выступает как идеологический противник индивидуального террора, отвергавший его как политически вредный и нецелесообразный⁵⁹. В.И. Засулич важна тем, что, выйдя из революционной традиции XIX в., пришла к критике террора как подмены массовой борьбы героическим индивидуализмом⁶⁰.

Тем самым противостояние терроризму в Поздней империи имело не только полицейско-государственный, но и общественно-политический, и идейный характер. Среднестатистический противник идеологии и практики терроризма-бомбизма — это социально укорененный, более зрелый, институционально включенный человек, связанный с государством, законной общественной деятельностью или морально-религиозной традицией, для которого террор означал не путь к освобождению, а путь к распаду государства, права и общества.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что социальная база революционного терроризма в Российской империи конца XIX — начала XX в. формировалась не стихийно и не одномоментно, а как результат длительного наложения идеологических, организационных, социально-психологических и коммуникационных факторов. Терроризм развивался не только как практика отдельных подпольных кружков и боевых групп, но как особая форма политической культуры, способная воспроизводить собственную среду поддержки, подражания и кадрового пополнения⁶¹.

⁵⁶ Шушунов А.С. Указ. соч. С. 404–405; Кафтан В.В., Путьтин В.Д. Указ. соч. С. 28–31; ГА РФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 1916. Д. 122. Л. 55.

⁵⁷ Кафтан В.В., Путьтин В.Д. Указ. соч. С. 31–33; Geifman A. Op. cit. P. 102–110.

⁵⁸ Гучков А.И. Речь по поводу убийства П.А. Столыпина // Государственная дума Российской империи: стенографические отчеты. СПб., 1911. С. 45–47; Stockdale M.K. Op. cit. P. 480–486.

⁵⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 67–70; Geifman A. Op. cit. P. 57–63.

⁶⁰ Там же. С. 70–72.

⁶¹ Рокки Т. Указ. соч. С. 51–55; Гейфман А. Указ. соч. С. 32–34; Daly J.W. Political Crime in Late Imperial Russia // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. No. 1. P. 74–103.

Во-первых, важнейшую роль сыграла идеологическая подготовка террористической среды. Уже ранние радикальные организации и тексты — от нечаевского круга до народовольческой традиции — сформировали язык, в котором насилие переставало быть лишь преступлением и начинало пониматься как долг, возмездие, жертва и кратчайший путь к справедливости. В этом смысле такие структуры, как «Народная расправа», «Народная воля», а также радикальная народническая среда в целом создали не только организационные формы борьбы, но и нормативную модель революционного поведения, сделавшую терроризм мировоззренчески оправданным⁶².

Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. происходит качественное расширение самой социальной базы террора. Если ранние радикальные круги были в большей степени связаны с образованной и сравнительно узкой средой, то к началу XX в. в террористическое движение все активнее входят молодые люди переходного социального положения: учащиеся, студенты, молодые рабочие первого поколения, выходцы из разночинной, мещанской и полуинтеллигентской среды, а также женщины и представители иных групп, переживавших состояние социальной неустроенности и политической фрустрации. Именно этот новый контингент и стал главным резервуаром для расширения революционного терроризма⁶³.

В-третьих, особое значение имел образ террориста-бомбиста. Он стал не просто участником отдельных покушений, а типом политического героя эпохи. Молодость, социальная незавершенность, решительность, готовность к самопожертвованию и моральная самодраматизация превращали бомбиста в фигуру, особенно привлекательную для радикализирующейся молодежи. Через биографии Карповича, Балмашева, Сазонова, Каляева и других терроризм предлагал образец ускоренного входа в историю — через насильственный, но символически возвышенный поступок⁶⁴.

В-четвертых, существенную роль сыграла этика бомбизма-терроризма. Она позволяла примирить убийство с совестью, превращая насилие в форму «высшего долга». В рамках этой этики террорист выступал как мститель, мученик, судья и пример для других. Именно такая нравственная рамка делала терроризм внутренне допустимым и социально заразительным. Здесь особенно важен принцип «примера»: теракт ос-

⁶² Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 47–57; Шушунов А.С. Указ. соч. С. 403–404; Budnitskii O.V. Op. cit. P. 145–178.

⁶³ Гейфман А. Указ. соч. С. 167–169, 211–214; Geifman A. Op. cit. P. 152–160.

⁶⁴ Кафтан В.В., Путьтин В.Д. Указ. соч. С. 12–18; Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 50–52; ГА РФ. Ф. 109. ДПОО. Оп. 1912. Д. 113. Л. 1.

мыслялся как акт, способный вдохновить будущих участников. От Каракозова до эсеровской практики начала XX в. эта логика прослеживается достаточно ясно⁶⁵.

В-пятых, огромную роль в расширении социальной базы играла общественная среда и особенно пресса. Газетное освещение делало терроризм постоянным сюжетом общественной жизни. Через прессу теракты выходили из подполья в пространство массового обсуждения, а фигура террориста — в пространство общественного воображения. Даже осуждая насилие, газеты невольно передавали детали дерзости, риска, самоотверженности и драматизма, а значит, усиливали притягательность самого типа революционного боевика. Это позволяло террористическому акту жить дальше — как слух, как сюжет, как повод для подражания и как инструмент морального вовлечения новых людей⁶⁶.

В-шестых, отдельным каналом расширения социальной базы стало участие женщин-террористок. Фигуры Засулич, Перовской, Спиридовой и других усиливали эмоциональное и символическое воздействие террора. Женщина-террористка разрушала привычные социальные и гендерные нормы, делала насилие еще более заметным и в глазах части общества наделяла его ореолом мученичества, нравственной исключительности и жертвенности. Тем самым социальная база терроризма расширялась и в гендерном измерении⁶⁷.

Наконец, проведенный анализ показывает, что расширение социальной базы терроризма происходило поэтапно. Сначала создавалась идеологическая и этическая рамка, затем возникал показательный террористический акт, после чего следовал его общественный и информационный резонанс, за которым шли сочувствие, подражание, организационное втягивание и пополнение боевых структур. Иначе говоря, социальная база террора формировалась не только «снизу» — из среды недовольных и фрустрированных — но и «сверху» — через идеологические тексты, революционные организации, культурную героизацию и информационное тиражирование насилия⁶⁸.

⁶⁵ Шушунов А.С. Указ. соч. С. 402–403; Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 47–49; Гейфман А. Op. cit. P. 5–12.

⁶⁶ Гейфман А. Указ. соч. С. 27–28, 32–34; Русские ведомости. 1908. 16 марта; Daly J.W. Political Crime in Late Imperial Russia // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. No. 1. P. 74–103.

⁶⁷ Гейфман А. Указ. соч. С. 167–169; Hilbrenner A. Op. cit. P. 195–210; McDermid J. Op. cit. P. 51–68.

⁶⁸ Шушунов А.С. Указ. соч. С. 404–405; Гейфман А. Указ. соч. С. 27–34; Кашиников Б.Н. Указ. соч. С. 47–52; ГА РФ. Ф. 102. ДП. Оп. 242. Д. 25. Ч. 101. Л. 6.

Таким образом, терроризм развивался как социально-коммуникативная система, в которой подполье, идеология, этика, теракт, пресса, героизация и подражание работали совместно. Именно это и объясняет, почему борьба, сведенная лишь к полицейскому пресечению отдельных заговоров и боевых групп, не могла дать устойчивого результата. Государство сталкивалось не только с террористами, но и с более широкой средой, в которой террор уже стал политически понятным, нравственно оправданным и социально воспроизводимым явлением. В этом и заключалась главная историческая причина того, что революционный терроризм превратился из практики сравнительно узких кружков в значимый фактор дестабилизации позднеимперского общества.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Будницкий О.В. *Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.)*. 2е изд., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. 383 с.
Budnitskii O.V. *Terrorism in the Russian liberation movement: Ideology, ethics, and psychology (second half of the 19th century – early 20th century)*. 2nd ed., revised. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2016. 383 p. (in Russ.).
2. Волк С.С. *Народная воля: 1879–1882*. М.: Наука, 1966. 491 с.
Volk S.S. *Narodnaya volya: 1879–1882*. Moscow: Nauka, 1966. 491 p. (in Russ.).
3. Гейфман А. *Революционный террор в России, 1894–1917* / Пер. с англ.: Е. Дорман. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 445 с.
Geifman A. *Revolutionary terror in Russia, 1894–1917* / Transl. from Eng. by E. Dorman. Moscow: KRONPRESS, 1997. 445 p. (in Russ.).
4. Городецкий Р.А. *Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 239 с.

- Gorodetsky R.A. *The combat organization of the Socialist Revolutionary Party in 1901–1911*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1998. 239 p. (in Russ.).
5. Гучков А.И. Речь по поводу убийства П.А. Столыпина, в: *Государственная дума Российской империи: стенографические отчёты*. СПб.: Государственная типография, 1911. С. 45–47.
Guchkov A.I. Speech on the murder of P.A. Stolypin, in: *The State Duma of the Russian Empire: Verbatim reports*. St. Petersburg: State printing house, 1911. P. 45–47 (in Russ.).
 6. Достоевский Ф.М. *Бесы*. М.: Наука, 1990. 672 с.
Dostoevsky F.M. *Demons*. Moscow: Nauka, 1990. 672 p. (in Russ.).
 7. Кафтан В.В., Путятин В.Д. *Исторические корни и эволюция терроризма: Учебное пособие*. Новосибирск, 2015. 27 с.
Kaftan V.V., Putyatin V.D. *Historical roots and evolution of terrorism: A textbook*. Novosibirsk, 2015. 27 p. (in Russ.).
 8. Кашников Б.Н. Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца XIX — начала XX века. *Российский научный журнал*. 2008;(4):47–57.
Kashnikov B.N. The idea of justice in the theory and practice of Russian terrorism in the late 19th and early 20th centuries. *Russian Scientific Journal*. 2008;(4):47–57 (in Russ.).
 9. Леонов М.И. Террор и Смута в Российской империи. *Исторический вестник*. 2012;149(2):6–23.
Leonov M.I. Terror and Strife in the Russian Empire. *Historical Reporter*. 2012;149(2):6–23 (in Russ.).
 10. Нечаев С.Г. Катехизис революционера, в: *Революционный радикализм в России: век девятнадцатый* / Ред.: Е.Л. Рудницкая. М.: Археологический центр, 1997. С. 244–248.
Nechaev S.G. The catechism of a revolutionary, in: *Revolutionary radicalism in Russia: The 19th century* / Ed. by E.L. Rudnitskaya. Moscow: Archeographic Center, 1997. P. 244–248 (in Russ.).
 11. Пазин Р.В. «Союз 17 Октября» и политический террор начала XX века. *Вестник Пермского университета. История*. 2014;27(Вып. 4):60–67.
Pazin R.V. The Union of October 17 and the political terror of the early 20th century. *Bulletin of Perm University. History*. 2014;27(Iss. 4):60–67 (in Russ.).
 12. *Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 407 с.

- Political parties in Russia, late 19th century to the first third of the 20th century: An encyclopedia.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1996. 407 p. (in Russ.).
13. Рокки Т. Политический терроризм в Российской империи в 1901–1911 гг. и его место в исторической памяти России. *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология.* 2020;116(6):51–55.
Rocchi T. Political terrorism in the Russian Empire in 1901–1911 and its role in the historical memory of Russia. *Izvestiya AltGU. Historical Sciences and Archaeology.* 2020;116(6):51–55 (in Russ.).
14. Шушунув А.С. Возникновение и развитие терроризма в истории России на разных этапах ее становления. Отличие терроризма и террористического акта. *Вестник науки.* 2025;82(1):402–412.
Shushunov A.S. The emergence and development of terrorism in the history of Russia at different stages of its formation. The difference between terrorism and a terrorist act. *Bulletin of Science.* 2025;82(1):402–412 (in Russ.).
15. Broido V. *Apostles into terrorists: Women and the revolutionary movement in the Russia of Alexander II.* New York: Viking Press, 1977. 238 p.
16. Daly J.W. Political crime in late Imperial Russia. *The Journal of Modern History.* 2002;74(1):62–100.
17. Findsen J.R. *Women and violence in revolutionary Russia, 1860–1925.* M.A. Thesis. Ellensburg: Central Washington University, 2011.
18. Geifman A. The Kadets and terrorism, 1905–1907. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.*



Атаев Артур Викторович
Artur V. Ataev

кандидат политических наук, доцент
Московского государственного
института культуры,
SPIN-код: 7507-3098,
AuthorID: 861225

C.Sc. (Political Sciences),
Associate Professor,
Moscow State Institute of Culture,
SPIN-code: 7507-3098,
AuthorID: 861225

Поступила в редакцию /
Received
14.04.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
14.05.2026

Принята к публикации /
Accepted
15.06.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.006](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.006)

Оригинальная статья / Original paper



Е.В. Оксенюк

*Кафедра общегуманитарных дисциплин Московского государственного
института культуры, г. Химки, Российская Федерация
E-mail: strelnikova.pstgu@gmail.com*

Организации партии социалистов- революционеров в 1905 г. — начале 1906 г. по документам Департамента полиции

Аннотация

Настоящая статья посвящена организационному состоянию и перспективам развития нелегальных массовых организаций партии социалистов-революционеров накануне и в начале Первой русской революции (1905–1906) по документам Департамента полиции. В работе использованы главным образом документы Особого отдела Департамента полиции, ныне хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Картина полицейских отчетов, присылаемых из различных областей Российской империи, рисует, с одной стороны, панораму активного расширения, особенно в столичных регионах, а с другой стороны, организационные проблемы партии, не позволявшие ей стать действительно массовой. Полиция замечала конфликты между рабочими и партийной интеллигенцией, проникновение революционеров в военную или студенческую среду, взаимодействие с другими революционными партиями, а также последствия Манифеста 17 октября. При этом становится очевидно, что любые изменения в организационной работе или новые принципы создания ячеек не становились секретом для по-

лиции, которая оперативно получала доступ к внутрипартийным документам. По сути вся внутрипартийная картина попыток организовать массовую партию была в распоряжении охранных органов. При этом нужно заметить, что особенное внимание всегда было направлено на боевые и военные организации партии социалистов-революционеров, как представлявших наибольшую угрозу для существовавшего порядка. Важным выводом статьи является оценка понимания Департаментом полиции перспектив и реальности развития партии социалистов-революционеров, которые не являлись тайной для правоохранителей, и недостаточная оперативная работа по преследованию революционеров была следствием очевидно не недостатка информации, а скорее внутренних проблем самого полицейского аппарата.

Ключевые слова:

партия социалистов-революционеров; Первая русская революция; политический сыск; Департамент полиции; охранные отделения

Для цитирования:

Оксенюк Е.В. Организации партии социалистов-революционеров в 1905 г. — начале 1906 г. по документам Департамента полиции. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 162–187. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.006](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.006)



Yevgenia V. Oksenyuk

*The General Humanitarian Disciplines Department at the Moscow State
Institute of Culture, Khimki, Russian Federation
E-mail: strelnikova.pstgu@gmail.com*

The Organizations of the Socialist Revolutionary Party in 1905 — early 1906 According to the Documents of the Police Department

Abstract

This article examines the organizational condition and prospects for the development of the illegal mass organizations of the Socialist Revolutionary Party on the eve of and during the early stages of the First Russian Revolution (1905–1906), based on documents from the Police Department. The study relies primarily on records of the Special Section of the Police Department, now preserved in the State Archive of the Russian Federation. The picture presented by police reports sent from various regions of the Russian Empire reveals, on the one hand, a process of active expansion, especially in the capital regions, and, on the other hand, organizational problems that prevented the Party from becoming a truly mass movement. The police noted conflicts between workers and the party intelligentsia, the penetration of revolutionaries into military and student circles, cooperation with other revolutionary parties, and the consequences of the October Manifesto. It becomes evident that changes in organizational work and new principles for creating local cells did not remain secret from the police, which quickly gained access to internal party documents. In effect, the entire internal picture of the Party's attempts to build a mass organization was available to the security authorities. Particular attention was consistently directed toward the combat and military organizations of the Socialist Revolutionary Party, which were regarded as posing the greatest threat to the existing order. The article concludes that the Police Department possessed a clear understanding of both the prospects and the actual condition of the Socialist Revolutionary Party's development. These realities were not hidden from law-enforcement officials, and the insufficient operational activity directed against revolutionaries stemmed not from a lack of information but rather from internal problems within the police apparatus itself.

Keywords:

Socialist Revolutionary Party; First Russian Revolution; Political investigation; Department of Police; Security departments

For citation:

Yevgenia V. Oksenyuk. The Organizations of the Socialist Revolutionary Party in 1905 — early 1906 According to the Documents of the Police Department. The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 162–187. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.006](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.006)



ротивостояние Департамента полиции и революционных организаций в России в начале XX в. является одним из популярных сюжетов научных исследований и художественных произведений. Громкие террористические акты, экспроприации, предательства и расправы с провокаторами создали социалистам-революционерам (эсерам) образ «злых гениев», которые тайно вели свои дела, ловко ускользая от рук правопорядка. Однако при внимательном знакомстве с сохранившимися источниками правоохранительных структур, Департамента полиции МВД, Московского районного охранного отделения, Московского губернского жандармского управления, Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве и Уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции рисуется не такая однозначная картина. Основные источники по этому вопросу — циркуляры, доклады, обзоры, журналы наружного наблюдения, отчеты о революционном движении, агентурные сообщения, перлюстрированная переписка членов организаций, копии внутрипартийных документов. Уже фактом своей массовости они говорят о плотности слежки за революционным движением.

Наиболее информативным источником для понимания степени понимания полицией ситуации с революционными партиями и, в частности, с партией социалистов-революционеров (далее — ПСР) являются направленные в Департамент полиции местными органами политического сыска погубернские отчеты о деятельности городских и иных комитетов партий и организаций, с ними связанных: крестьянских, профессиональных и пр. Следует отметить также отдельные дела, в которые выделялись полицейские отчеты о деятельности военных организаций

революционеров и о вооруженных выступлениях как о наиболее опасных проявлениях революционной борьбы.

При всей информативности полицейские источники требуют к себе критического отношения, поскольку достоверность их во многом зависела от уровня компетентности и профессионализма самих жандармов и наличия внутренней агентуры. В некоторых случаях в них можно обнаружить путаницу в оценке принадлежности той или иной местной организации к определенным партиям, либо оценка самой организации могла быть необоснованна. Но в целом отчеты дают нам понимание не только состояния самих организаций социалистов-революционеров, но и степени, в которой полиция владела ситуацией.

Уже перед событиями начала 1905 г. организации эсеров пытались расширить свои ряды, что не ускользало от внимания полиции. В качестве примера плотной опеки полицией организационных усилий эсеров можно привести эпизод из истории Тверского комитета ПСР. Попытка создать в Твери кружки по программе ПСР была предпринята еще в конце 1903 г. проживающим здесь поднадзорным мещанином А.И. Зильбербергом. Собрания единомышленников Зильберберга, целиком из рабочих, проходили, что показательно, на квартире одного члена РСДРП. Собеседования имели как общеобразовательный, так и программный характер. В мае 1904 г. в Тверь стали приезжать интеллигенты из Москвы, которые также стали вести кружки. Для увеличения числа членов эсеры решили устроить диспут с социал-демократами, а также приглашать на собрания тех рабочих из социал-демократов, которые были недовольны умеренным направлением программы этой партии. Это не дало значимого результата. Тем не менее было решено заявить о себе как об организации Тверской группы ПСР выпуском воззвания. Воззвание успеха также не имело, и поэтому было решено завести пишущую машинку и заняться агитацией и пропагандой в среде крестьянского населения пригородных волостей, что в свою очередь снова не принесло желаемого результата. В целом из-за отсутствия литературы активность группы была достаточно низкая¹. После появления слуха о провокации в ноябре 1904 г. было объявлено, что всякого рода собрания временно прекращаются и предстоит реорганизация Тверской группы². Мы видим весьма подробное хронологическое освещение организационного формирования тверских эсеров. Однако настолько

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 80. Ч. 1. Л. 126.

² Там же. Л. 29–31.



Плакат «Знамя С-Р». Худ. А.Г. Бродатый.
Из открытых источников

подробные сведения были редкостью, что было связано как с нехваткой конспиративных навыков, так и определенным некомплектом сотрудников политической полиции.

С началом активной фазы революционных событий полицейская опека и анализ организационной работы партий начали расти, хотя и не всегда успевали за событиями. Департамент полиции был в курсе всех крупных организационных изменений в ПСР. Увеличение числа организаций в первое полугодие 1905 г. выдвинуло вопрос о географическом порайонном объединении их, укрупнении организаций и налаживании связей. В феврале образовался «Кавказский союз ПСР», в марте возник «Поволжский союз», в мае образовалась областная организация на Украине.

В Департаменте полиции понимали, что самые крупные организации ПСР были в столицах. Судя по полицейским отчетам, в Санкт-Петербурге к 1905 г. была уже вполне сложившаяся организация. В начале года при комитете ПСР был создан Рабочий союз, а город разделен на шесть районов работы. Этот союз, созданный по инициативе члена комитета, служил связующим звеном между комитетом и рабочими районами, в которых велась революционная пропаганда в рабочих кружках. В состав союза вошли два члена комитета, а также представители рабочих от районов³. В донесении начальника столичного охранного отделе-

³ Там же. Ч. 27. Л. 41–42.

ния директору Департамента полиции было также особо указано, что уже в январе 1905 г. эсеры совместно с социал-демократами пытались создать рабочую боевую дружину⁴.

Помимо столичных организаций ПСР полиция была хорошо осведомлена и об организационном росте крупных губернских комитетов. Например, в отчетах начала 1905 г. очень подробно было описано развитие Одесского комитета, которым уже в середине января силами пяти-шести членов был выработан проект организации рабочих социалистов-революционеров, созданы два агитаторских собрания и центр организации, частью из рабочих, который был связан с комитетом. Деятельность этого центра сводилась к первоначальным занятиям с кружками и поставке им пропагандистов, к сбору денежных сумм на содержание явочных и других конспиративных квартир, помощи передовым безработным рабочим, печатанию воззваний и разрешению текущих вопросов⁵. При комитете существовало паспортное бюро для снабжения нелегальными паспортами нуждающихся в них членов партии⁶.

Надо отметить, что работа одесских эсеров была прервана охранным отделением уже 20 апреля, однако уже к началу лета организация практически полностью возобновила свою работу. К тому моменту она состояла из несколько районных групп, во главе которых стояли назначенные от комитета руководители. Вместе с избранными от рабочих представителями районов и с представителями от разных союзов они формировали центр, объединявший деятельность всей Одесской организации. В центр входил и представитель от местного комитета. Также существовали особый союз пропагандистов, занимавшийся обучением, несколько профессиональных союзов, находившихся под влиянием партийных работников, и особая боевая дружина⁷. Все эти организации сыграли роль в беспорядках, произошедших в городе перед приходом в Одессу броненосца «Потемкин».

Иногда документы полиции рисуют и неудачи в расширении революционных организаций, которые далеко не всегда были заслугой правоохранителей. Обычно препятствием для развития революционного движения были внутренние разногласия, чаще всего между местными и приезжими работниками. В делопроизводственных документах Осо-

⁴ Там же. Л. 11 об.

⁵ Там же. Ч. 25. Л. 141.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. 2-е изд., доп. Пг.: Военная типография, 1918. С. 168–169.

бого отдела Департамента полиции по Киевской организации эсеров есть упоминания, которые хорошо иллюстрируют эти проблемы: «В первые же дни после арестов, во главе оставшихся на свободе киевских социалистов-революционеров стали Потынский, Моралевич и Ефремов... названные лица назвали себя комитетом, хотели сперва обособиться [видимо, от остатков прежнего комитета. — Е.О.] и не желали допускать в свой состав никого более, но вскоре после некоторых переговоров в состав комитета были приняты и другие лица...»⁸ В перлюстрированной переписке комитета сообщалось также: «...С прискорбием приходится отмечать большие внутренние несогласия. Из забранных в октябре некоторые выпущены и желают работать по-прежнему, набравшаяся за это время новая публика во главе с присланными сюда заграничниками — ревностно устраняет их как маранных. Отсюда и большие недоумения. В результате здесь два комитета один новый официальный, другой неофициальный, из прежней публики»⁹.

Интересно, что в конце 1905 г. полиция отмечала и уже другие организационные проблемы этой организации: «По данным агентуры, давно уже [с начала года. — Е.О.] замечалась некоторая рознь между рабочими и интеллигентами местной организации ПСР, причиной чему является недоверие рабочих в искренности интеллигентов участвовать в таких проявлениях деятельности партии, как демонстрации и большие собрания... На этой почве стало выясняться желание рабочих выделиться от местного комитета в своей работе. Последний (т.е. комитет ПСР) довольно искусно провел тогда это отделение, предложив представителям образовать “Рабочий союз Киевской ПСР”, который бы действовал самостоятельно под предводительством двух членов комитета союза. Этих последних, однако, дал местный комитет партии, чем с одной стороны сохранил возможность влиять на рабочих, с другой стороны как бы предоставил им свободу революционной самостоятельности»¹⁰. Это полностью не снимает противоречия и через небольшое время в Киевском комитете ПСР происходит еще один разрыв и «возникает “группа рабочих социалистов-революционеров” во главе с приезжей еврейкой»¹¹, при этом неясно, сыграла ли «приезжая еврейка» основную роль в отделении этой группы от комитета.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 80. Ч. 19. 1905 г. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰ Там же. Ч. 20. 1905 г. Л. 45–46.

¹¹ Там же. Л. 155.

Полиция понимала и очаги возникновения революционных организаций. Например, в некоторых городах — Тамбове, Минераловодске — комитеты эсеров возникали и работали на базе местных легальных газет. В Тамбове комитет существовал на базе газеты «Тамбовский голос», где весь персонал, даже сторож и разносчик были эсерами. С февраля 1905 г. при комитете начал существовать Тамбовский рабочий союз ПСР, затем был крестьянский союз ПСР, основную деятельность в котором осуществляли корреспонденты газеты, которые объезжали уезды, опрашивали и агитировали крестьян, организовывали кружки. Однако в конце марта вся группа была арестована во время демонстрации после собрания «Общества попечения о детях». Как писал начальник местного охранного отделения, *«неожиданно потом оказалось, что был арестован почти весь рабочий союз, комитет и пропагандисты»*¹². Нужно отметить интересную деталь: члены рабочего союза представляли собой исполнительный городской комитет партии и крестьянского союза, что было, вероятно, особенностью комитетов небольших городов, где один и тот же человек участвовал в различных структурах партии.

Обращает внимание то, что сотрудники полиции при сборе сведений о революционных организациях пытались разбираться и в нюансах появления нелегальных партий, что в отношении ПСР было нелегко, так как разные группы совершенно по-разному понимали, в какой момент революционная группа становилась партийной организацией. К примеру, в сентябре 1905 г. Ярославский комитет ПСР создал рабочий союз для руководства революционным движением местных рабочих. Эсерами был выпущен специальный манифест, в котором обосновывалось примыкание рабочего союза к ПСР: *«Чтобы руководить борьбой, нужно иметь программу и тактику. Программа это ясно представляемый идеал нового строя, тактика — это вернейшие средства для его достижения. Группа, объединенная одной тактикой и программой, образует партию. Поэтому Ярославский рабочий союз признает программу и тактику ПСР»*¹³.

Комитет Ростова-на-Дону, появившийся в июле 1905 г., напротив, начал не с организации рабочего союза, а с заявлений о том, что они *«предполагают прочно обосноваться и зарекомендовать себя в первую очередь убийством градоначальника, начальника охранного отделения и полицмейстера»*. При чем комитет действовал в союзе с еврейской со-

¹² Там же. Д. 80. Ч. 35. Л. 19–21.

¹³ Там же. Ч. 61. Л. 25.



Александр Васильевич Герасимов.
Из открытых источников

циал-демократической партией Поалей Цион¹⁴. Организованные в начале сентября кружки рабочих стали проводить «правильные занятия» только в ноябре, т.е. после выхода манифеста¹⁵.

Надо отметить, что особенное внимание полиция по понятным причинам обращала на студенческое движение, где революционеры с легкостью находили отклик. Особенный всплеск студенческой активности по самоорганизации и организации там партийных групп произошел после объявления университетской автономии в августе 1905 г., когда, по воспоминаниям начальника Санкт-Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова, началась «совершенно невероятная кутерьма», университеты и практически любые учебные заведения стали оплотами революционеров¹⁶. При этом сами эсеры отмечали, что сходки зачастую заставляли многих студентов оставаться на второй год¹⁷.

В Москве, по данным полиции, в этот период существовал центральный университетский орган — коалиционный совет, куда входили студенческие представители, четыре представителя от эсдеков, два от эсе-

¹⁴ Там же. Ч. 11. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 26.

¹⁶ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 34.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 80. Ч. 10. Л. 8–10.

ров и два от университетской организации¹⁸. При этом студенческой организацией было решено не растворяться в партийных рядах, а согласовывать с ними революционные выступления¹⁹. Вероятно, если влияние партии было и велико, то полного непосредственного руководства у эсеров не было.

В отчете Московского охранного отделения директору Департамента полиции содержится краткая характеристика революционной работы в среде учащихся, которая указывает на способ возникновения организаций и их политического самоопределения: *«С середины 1905 года все революционные партии стали пользоваться большой популярностью среди молодежи учащейся в средних учебных заведениях. Много способствовала этому ученическая забастовка 1905 года, во время которой агитаторы революционных партий проникали в среду учащихся и понятно производили громадное впечатление на молодежь. Среди гимназистов стали образовываться кружки имевшие целью самообразования в известном конечно направлении. Кружки эти смотря по характеру занятий и партийной принадлежности руководителей носили название с.-р. или с.-д. ученических организаций»*²⁰. Однако иногда ученические организации возникали самостоятельно и проявляли себя в первую очередь в преступлениях. Так, 15-летний член «Боевой организации Тульской классической гимназии» выстрелом из револьвера убил директора²¹.

Полиция понимала, что агитация эсеров в студенческой среде во многом шла одновременно с общестуденческим движением, иногда объединяясь с работой других партий, в первую очередь социал-демократов. Группы эсеров входили в советы учебных заведений, завоеывая там влияние партии.

Существенное изменение оценок развития революционного движения и работы ПСР видно из документов полиции, составленных после октября 1905 г. Оценка ситуации сводилась к тому, что большинство местных организаций эсеров, в том числе из числа разбитых полицией, увидели в манифесте лишь слабость правительства и прямо призывали к усилению натиска на власть. Полиция, лишенная после манифеста права делать обыски без предписания, пребывала в растерянности и ни-

¹⁸ Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 26. Т. 1. 1905. Л. 230.

¹⁹ Там же. Л. 234.

²⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 237. Д. 31. Ч. 3. Л. 10.

²¹ Там же. Оп. 258. Д. 6. Л. 15.



Александр Васильевич Герасимов (в центре) с начальниками отделов
и следователями Петербургского охранного отделения. 1905 г.

Из открытых источников

чего не могла сделать с растущими организациями революционеров²². Во всех записках и рапортах полицейских чинов последствия манифеста истолковывались исключительно в отрицательном ключе: «Обнародование манифеста 17 октября истолкованное в ложном свете не произвело умиротворяющего действия, а напротив, вызвало настолько выдающиеся, серьезные события», «манифест 17 октября был понят революционерами, как победа над правительством», «после опубликования манифеста, агитаторами крайних партий, главным образом учителями земских школ и другими земскими слушателями были напряжены все усилия к самому превратному истолкованию его населению», «манифест послужил к великому сожалению в руках революционеров могучим средством для внесения в население смуты»²³.

Существенно упростилось создание комитетов партии, там, где раньше их не было. К примеру, в документах полиции по Одессе и губернии есть описание возникновения рабочей организации социалистов-революционеров в Николаеве: «Местный (Одесский) комитет ПСР всегда обращал особое внимание на Николаев, как на заводской центр и направлял активных работников стремясь устроить там

²² Там же. Оп. 235. Д. 20. Ч. 15. 1906 г. Л. 3.

²³ Там же. Д. 393. Л. 2 об.-50.

самостоятельную партийную организацию. Последние в большинстве случаев терпели неудачу, так как связи в рабочей массе находились в руках главным образом СД организаций. После 17 октября эти попытки комитета увенчались успехом так как направляемые туда пропагандисты являлись на публичные митинги... Удалось создать “Николаевскую рабочую организацию”... Из среды этой организации был выделен исполнительный комитет, который кооптировал себе новых членов из числа прибывших в Николаев активных работников и после партийного съезда в Финляндии был признан центральным комитетом за отдельный партийный комитет»²⁴. Надо отметить, что полиция хорошо понимала характер возникновения такого комитета: сначала выделение комитета из среды рабочих, куда впоследствии кооптируются (приглашаются) активные профессиональные работники. Это показывает то, что, несмотря на кажущуюся самостоятельность и демократизм организации, дела в новом комитете не оставлены на местных рабочих, а ядром становятся гораздо более опытные приезжие эсеры — «профессиональные» революционеры.

Многие отчеты полиции указывали на то, что практически при всех комитетах ПСР в этот период возникали боевые дружины или боевые организации. Они создавались как на местах, так и специальными разъездными организаторами²⁵. При этом появлялись как партийные, так и околопартийные формирования, так, например, в Одессе причастный к местному комитету ПСР студент после объявления манифеста организовал из нескольких внепартийных студентов и интеллигентной молодежи с принадлежавшими к различным революционным организациям рабочими и моряками «Одесский комитет боевой организации Красная сотня». Цель этой организации заключалась в содействии социалистическим организациям вооруженной силой, добычей оружия для членов организаций, обучением их действию таковым и вообще подготовкой рабочих масс к вооруженному восстанию²⁶.

Выход Манифеста 17 октября активизировал и студенческое движение, куда уже успело проникнуть влияние организаций ПСР. При этом часто революционных студентов использовали как «затравку» для более серьезных событий. Так, осенью 1905 г. в Харькове высшая и сред-

²⁴ Там же. Оп. 234. Д. 20. Ч. 2 (I). 1906 г. Л. 41.

²⁵ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. С. 197.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 20. Ч. 16. 1906 г. Л. 95–97.

няя школы под влиянием комитетов прекратили занятия и приступили к усиленной агитации среди рабочих, организуя в широких размерах летучие кружки, чем способствовали возникновению стачек²⁷. Отдельно полиция отмечала, что Харьковский союз учащихся, подчиненный формально комитету РСДРП, по части организации боевых дружин примыкал к комитету ПСР²⁸.

В Пензенском комитете ПСР было принято решение о создании специальной «организации учащихся для устройства забастовок», которая должна была стать эсеровской. В письме одному из членов этого комитета, перехваченном полицией, есть подробное описание создания организации учащихся: *«Ребята эти необходимы и я бы ее (работу) поставил так: Из каждого учебного заведения будут по два представителя, пусть эти представители из всего учебного заведения выберут себе по три человека вполне сознательных из каждого класса, пусть каждый из трех возьмет себе по 7–8–10 человек из своего класса и начнет с ними. Тогда почувствовав свою силу, как бы от своего имени надо предложить учащимся устроить прочный союз»*²⁹.

В данном случае очевидна тактика революционеров: работа первоначально велась не на партийной платформе, а была замаскирована под деятельность самих студентов. К декабрю 1905 г. в Пензе существовали уже две революционные организации учащихся, группы РСДРП и ПСР, действовавшие под руководством особого объединенного комитета учащихся, находящегося в городе. Отчет охранного отделения, написанный к концу года, отмечал, что *«начало этим кружкам было положено еще в 1902–1903 годах, а в настоящее время количество их достигает более 100 человек. Деятельность выражается в агитации и пропаганде»*. Наряду с этим упомянутые организации положили начало устройству в Пензе среди воспитанников средних учебных заведений особых кружков, из которых впоследствии была организована группа, присвоившая себе название «Пензенская учащейся молодежи партия с.-р.», которая издавала собственный гектографированный журнал «Вестник Юности»³⁰.

Очевидно, что эсеры, как и другие оппозиционные партии, использовали данные манифестом возможности и растерянность властей для

²⁷ Там же. Оп. 234. Д. 7. Ч. 27. 1906 г. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же. Оп. 233а. Д. 80. Ч. 8. Л. 99–101.

³⁰ Там же. Д. 1800. Ч. 20. Л. 12.



Андрей Александрович Аргунов.
Из открытых источников

массовой пропаганды и агитации, как среди городского населения, так и среди крестьян. Полицейские источники свидетельствуют, что с осени 1905 г. партия эсеров вступает в новую фазу своего развития. В общем виде новоприобретенное качество М.И. Леоновым описывалось как «усиление». Его проявления: повсеместное образование новых организаций, резкое увеличение численности, создание повсюду рабочих, крестьянских, военных, студенческих союзов и боевых дружин³¹. Эпоха «октябрьских свобод» завершает первый этап процесса становления массовой нелегальной партии. Во всех организациях, по которым имеются сведения, рабочие и крестьяне к этому времени составляли подавляющее большинство³².

Конец 1905 г. — начало 1906 г. ознаменовались для партии значимым событием — Первым партийным съездом, проходившим в Иматре на территории Великого княжества Финляндского, который в определенной мере упорядочил и конституировал партийную организацию. Первоначально съезд предполагалось собрать еще осенью 1905 г., когда он был бы особенно актуален для решения организационных вопросов и споров, но события Декабрьского восстания в Москве отсрочили его созыв. Подготовкой съезда занималось «организационное бюро» из

³¹ Леонов М.И. Указ. соч. С. 59.

³² Там же. С. 48.



Абрам Рафаилович Гоц.
Из открытых источников

примерно двадцати человек, в числе которых были А.А. Аргунов, А.Р. Гоц, В.М. Чернов, Е.Ф. Азеф, И.А. Рубанович и др.³³ Делегатов выдвигали местные комитеты, зачастую по рекомендации ЦК и Организационного бюро. Ядро съезда состояло в основном из людей, близко познакомившихся по партийной работе 1902–1905 гг.³⁴ В целом Первый съезд вышел не полностью представительным и «не совсем правильно составленным», делегаты съехались «выброшенными не массой, а комитетами и группами». На съезде была представлена 51 организация, в том числе 4 областных, 28 губернских и городских комитетов, Заграничный и Лондонский комитеты, ЦК и его подразделения. Недостаточная репрезентативность съезда постоянно подчеркивалась и объяснялась исключительностью условий, но не мешала приподнятому настроению делегатов³⁵.

И сам съезд, и подготовка к нему в значительной степени были известны полиции. В ГА РФ отложились документы Организационного бюро съезда, которое обратилось ко всем комитетам с просьбой «подготовиться к съезду, озаботиться своевременной присылкой отчетов и материалов»³⁶. Был сформирован определенный круг организацион-

³³ Там же. С. 228.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 131. Л. 21.

³⁵ Леонов М.И. Указ. соч. С. 229.

³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 104. Ч. 2. Л. 27.



Виктор Михайлович Чернов.
Из открытых источников

ных вопросов для обсуждения на съезде. Полиция в донесении начальнику охранного отделения перечисляет эти вопросы: *«Легальные формы работы партии, выборное начало, централизация, децентрализация, автономность, областные организации, ЦК, политические партийные клубы, профессиональные и профессионально-политические союзы»*³⁷.

Второй революционный год для эсеров начался не только с созыва партийного съезда, но и с массовых разгромов партийных комитетов полицией, которые начались еще в конце осени 1905 г. и постепенно набирали обороты. Потери партийных организаций за осень — зиму 1905–1906 гг. были очень велики. Правоохранители уничтожили, порой подчистую, многие сельские крестьянские организации. В значительной степени были разбиты городские организации, особенно в местах, где произошли вооруженные выступления. Самые крупные потери понесли организации Москвы, Минеральных Вод, Пятигорска, Екатеринослава, Харькова, губернские Саратовская, Самарская, Казанская, Нижегородская, Тамбовская, Пензенская, Курская, Воронежская. В полном составе был арестован съезд Украинской области, Киевская организация была ликвидирована «совершенно целиком».

Однако уже с конца января — начала февраля в считанные недели организации начинают возрождаться в городах, в основном за счет

³⁷ Там же. Д. 107. Ч. 2. Л. 27–29.



Евно Фишилевич Азеф.
Из открытых источников

остатков комитетов и учащейся молодежи. Так было в Минске, Харькове и других провинциальных городах с большим числом учебных заведений³⁸. В отчете о состоянии революционных организаций Москвы сотрудники охранного отделения описывали этот процесс: «По принятой революционерами системе пополнения убыли областных комитетов, арестованные деятели немедленно будут замещены частью вызванными для этой цели кандидатами, а частью ликвидированными раньше и высланными в Восточную Сибирь деятелями. Которые, как показывает опыт, скрываются немедленно после прибытия на место, при содействии Красного креста»³⁹. Нужно отметить, что роль Красного Креста в побегах и помощи политзаключенным была довольно распространенным явлением для всех революционеров⁴⁰.

Яркую картину восстановления партийных организаций в провинции показывает отчет Харьковского охранного отделения, в котором видна широта работы эсеров в городе: «Расстройство всей революционной работы заставило революционные организации приступить

³⁸ Леонов М.И. Указ. соч. С. 245.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 234. Д. 7. Ч. 14. Л. 8. Неясно, какая организация «Красного Креста» имелась в виду сотрудниками полиции: либо это была официальная организация РОКК, либо так называемый нелегальный Красный Крест, организованный при участии В. Фигнер.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 9503. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–4.

снова исключительно к подпольной деятельности, началась организация рабочих кружков, посылка нелегальной литературы»⁴¹. Местный партийный комитет, начавший крепнуть после арестов, первым делом присоединил к себе остатки боевых дружин, оставшихся после распада «комитета борьбы» (межпартийной организации, действовавшей в Харькове осенью 1905 г.), и склонил на свою сторону значительную часть учащейся молодежи⁴². В целом Харьковский комитет ПСР представлял собой центр, вокруг которого группировались районные организации, крестьянские союзы, он же держал связь с Петербургом, в областных связях теснее всего он был связан с Киевом. Каждый член комитета отвечал за район и направление работы. Боевой коллектив руководился одним человеком. Боевиков эсеров было до двухсот человек из студентов, гимназистов, реалистов и безработных, учет которых вести было сложно, так как их состав постоянно менялся. Однако, по мнению полиции, *«большой опасности эта сила не представляет, так как плохо организована»*⁴³. Важно отметить, что полицию больше всего интересовала именно боевая часть работы комитетов, и выводы о плохой организации касались в первую очередь боевых отрядов. Также в ведении комитета ПСР находились союз учащихся средней школы ПСР, группа студентов технологического института, Харьковского университета и ветеринарного института. При этом союз учащихся средней школы стремился объединиться именно для участия в боевом выступлении партии⁴⁴. Сам комитет восстанавливался по «старой кружковой» схеме, которая за счет централизации и конспиративности позволяла быстро координировать управление организацией и избежать ее скорого разгрома.

Полиция отмечала и новые методы организационной работы: во многих городских комитетах с нового года эсеры начинают переорганизацию на выборной основе, попутно привлекая рабочие профессиональные организации как отдельные подразделения работы. Это было вызвано в первую очередь стремлением к массовости работы⁴⁵. Таким полноценным примером провинциального комитета является Одес-

⁴¹ Там же. Оп. 234. Д. 7. Ч. 27. Л. 6.

⁴² Там же. Л. 8.

⁴³ Там же. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 25–28.

⁴⁵ История политических партий Центрального Черноземья [Г.А. Чурилова, В.Ю. Байбаков, Н.Л. Авилова и др.] / Под ред. Л.С. Полнера. Курск: Курский государственный технический университет, 1995. С. 146.



Илья Адольфович Рубанович.
Из открытых источников

ская организация эсеров, игравшая значимую роль в рабочем движении. Здесь отдельно от общегородских митингов эсерами устраивались митинги специально для рабочих, желающих организовать профессиональные союзы. Ораторы призывали рабочих создавать профсоюзы и заводские боевые дружины. Иногда сразу же избирались депутаты от фабрик, заводов и цехов, на обязанность которых была возложена организация союзов и дружин, причем в качестве руководителей таковых депутаты избирали предложенных комитетом представителей от организации. Таким образом, создавая профсоюзные организации, эсеры сразу же включали их в свою сферу влияния. Часть союзов имела соответствующее стандартное название: «Союз рабочих... производства при Одесском комитете ПСР»⁴⁶.

Эти профессиональные союзы как часть партийной организации сразу включались в систему выборов, которая состояла из трех уровней и была согласована с требованиями ЦК. Первым уровнем была цеховая или заводская сходка, в которую входили активные работники партии. Далее следовал рабочий районный комитет, в который должны были входить рабочие по одному от цеха или завода, при этом общее число их должно было быть не более десяти человек. Выше него находился рабочий городской комитет, в который входили члены от районного комите-

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 234. Д. 20. Ч. 2. 1906 г. Л. 109.



Мария Александровна Спиридонова. Тюремное фото.

Из открытых источников

та, по одному человеку от каждого района. Высшим партийным органом города являлся Общий городской комитет: в него входил один представитель от рабочего городского комитета, один от крестьянской организации, один от военной организации, один от интеллигентов (студентов, курсисток и т.д.). Кроме того, в общегородской комитет входили члены по назначению Центрального комитета. Выше городского комитета находился областной комитет, который должен был состоять из членов по назначению ЦК ПСР. Областной комитет должен был получать директивы ЦК и затем передавать их местным комитетам. Одновременно областной организацией должны были вестись техническое обслуживание деревенской работы, рассылка литературы, сношения с крестьянскими организациями.

Город делился на участки по работе, была отдельно организована коллегия пропагандистов, которая должна была распределять пропагандистов по районам, одновременно все пропагандисты составляли «союз пропагандистов», из которого впоследствии выделялись делегаты в городской комитет партии⁴⁷. При этом в районе могло существовать несколько агитационных кружков⁴⁸. Таким образом, рабочая профессиональная организация и пропагандисты, составляя отдельные «ветки»

⁴⁷ Там же. Ч. 2 (I). 1906 г. Л. 79.

⁴⁸ Там же. Л. 164.



Мария Школьник, Ревекка Фиалка и Мария Спиридонова
в Акатуйской тюрьме с конвоем. 1906 г.

Из открытых источников

партийной организации, могли участвовать в партийной жизни до уровня городского комитета, куда входили их представители.

Постепенно к весне 1906 г. одесскими эсерами был составлен и проведен новый проект демократической организации, где были значительно расширены права низших партийных в первую очередь рабочих ячеек. Разработкой организационного проекта занималась временная комиссия по созыву общего собрания активных работников ПСР Одессы, которая и составила новый устав Одесской организации, в первых двух пунктах которого объяснялась причина существования организации: «для объединения партийных сил и возможно большего использования их», а также ставились критерии членства, схожие с общепартийными: «каждый товарищ признающий программу и тактику ПСР, примыкающий к Одесской организации, считается членом этой организации». Новые члены должны были признать и принять программу и тактику ПСР и иметь за собой не менее двух поручителей из организации.

Третий пункт распределял деятельность организации на три направления работы по слоям населения. Создавались три технические группы, фактически самостоятельные организации: рабочая, крестьянская и военная. Сразу оговаривалось, что высшим законодательным органом для городской рабочей организации являлось общее собрание городских партийных работников, для крестьянской организации — съезды

партийных работников среди крестьянства, для военных — общий сход партийных работников в войсках данной местности. Члены комитета, заведующие делами каждой организации, избирались тайным голосованием. Кооптация при этом совершенно воспрещалась. Городские работники выбирались на общем собрании, работники среди крестьян — на крестьянском съезде, работники среди войск — на общем сходе военных работников. Таким образом, организация дробилась на три совершенно самостоятельные. В каждой из них важную роль играли выборные члены, проведенные с низших ячеек. Отдельным пунктом отмечалось, что *«выборные от этих трех организаций вместе представляют исполнительный Одесский комитет, который сам уже распределяет между собой все функции»*. Кроме перечисленных учреждений, существовали еще: совет пропагандистов, совет ораторов, совет организаторов, совет боевых дружин, соединенный совет заведующих денежными делами всех комитетов.

Демократизм этого устава активно подчеркивался пунктами, в которых указывалась зависимость комитетов от общих собраний партийных работников, чьи постановления для комитета были обязательны. В примечании к этому пункту отмечалось, что *«за все действия, не предпринятые общим собранием, комитет должен ответить и доказать если потребуется, что такое его действие соответствовало потребности момента»*. Общие собрания работников должны были быть регулярными не менее шести раз в год. Если собрание невозможно было собрать, то должен был устраиваться референдум с ответами «да» или «нет». Подчеркивалась компетенция районных сходок и сходок цеховых организаций, которые получали статус низших законодательных учреждений. Они являлись руководящими только в пределах своей компетенции, могли устраивать типографии и организовывать боевые организации, собирать пожертвования, устраивать апробации и суды над товарищами. Оговаривалась численность такой сходки: если она была более двадцати человек, то избирался исполнительный комитет из пяти членов. Общими уставными положениями для всех комитетов были сменяемость и подсудность членов комитетов всех уровней, которые отчитывались перед своими общими собраниями или сходками⁴⁹.

К лету 1906 г. Московский комитет эсеров реорганизовался на похожих условиях выборности и подотчетности. Работа в нем разделилась на отрасли, что было положено в основу построения организации. Ос-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 234. Д. 20. Ч. 2. 1906 г. Л. 180–181.

новными отраслями были рабочее дело, крестьянская, боевая, техническая и военная работа, впоследствии была также организована студенческая фракция ПСР, которая стала автономной организацией при Московском комитете⁵⁰.

Один из первых пунктов устава оговаривал принцип принятия решений, по которому решением организации считалось принятое большинством членов Московской организации, а меньшинство было обязано подчиниться. Право решающего голоса по всем вопросам имел каждый активный социалист-революционер. Вероятно, эти условия должны были защитить позицию большинства и предотвратить расколы, сразу определив дисциплину в организации. Базовой полноправной ячейкой становилась группа не менее двадцати человек, которая получала право вносить на обсуждение всего личного состава организации вопросы, связанные с партийной программой, тактикой и организацией. Высшим законодательным учреждением Московской организации являлась конференция всех членов организации, которая обсуждала все вопросы партийной программы и тактики, а также решала проблемы общих принципов организации. Конференция должна была созываться с периодичностью каждые полгода. Но она могла быть созвана и экстренно в течение двухнедельного срока со дня объявления. В случае невозможности созыва общей конференции должна была быть собрана конференция представителей, чьи решения были также общеобязательны для Московской организации.

Высшим идейно-практическим руководителем организации являлся комитет. Каждые три месяца комитет должен был представлять отчет о своей деятельности всей массе работников организации, которая обсуждала доверие комитету. Выборы в комитет проводились по отраслям работы на основе пропорционального представительства, всеобщей подачей голосов. Некоторые группы, такие как техническая, посылали своего представителя. Строение организации, работающей в каждой отрасли, должно было повторять строение Московской организации, т.е. быть многоуровневым и выборным с подотчетностью комитетов собраниям членов организации. Общее собрание (конференция) было руководящим органом и в каждой отраслевой организации, все члены руководящих органов выбирались всеобщей подачей голосов. Строение самой организации состояло из местных организационных единиц: братств, сельских комитетов, фабричных комитетов, далее следовали

⁵⁰ Там же. Оп. 235. Д. 20. Ч. 48. 1906 г. Л. 14.

уездные комитеты или окружные, и группы пропагандистов. Выше уездного находились губернский и городской комитеты, отдельно оговаривалось, что при разделении функций городских и губернских комитетов основные функции должны перейти к губернскому. Всей работой заведовал областной комитет⁵¹.

Мы видим, что новые организационные принципы работы ПСР не были секретом для Департамента полиции, который не только оперативно получал документы с описанием принципов партийного строительства, но и понимал пути распространения и наиболее вероятные угрозы в виде боевых дружин.

Подводя итог, можно утверждать, что организационное развитие революционных партий совершенно не было тайной для правоохранителей. Документы показывают довольно высокую степень осведомленности, вплоть до нюансов внутрипартийных споров. Полиция понимала и те условия, которые способствовали организационному росту, и отслеживала самые важные для революционеров направления, такие как агитация и организация военных и учащихся. Важным кажется однозначная негативная оценка и фиксация полицией последствий Манифеста 17 октября, который явно расценивался ею как ошибка. При этом новые принципы организационной работы, взятые на вооружение эсерами после Первого съезда партии, не виделись охранным органам явной угрозой для общественного порядка.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Герасимов А.В. *На лезвии с террористами*. М.: Товарищество русских художников, 1991. 204 с.
Gerasimov A.V. *On the edge with terrorists*. Moscow: Tovarithchestvo russkikh khudozhnikov, 1991. 204 p. (in Russ.).

⁵¹ Там же. Л. 13.

2. *История политических партий Центрального Черноземья* / Ред.: Л.С. Полнер. Курск: Курский государственный технический университет, 1995. 211 с.
The history of political parties in the Central Chernozem Region / Ed. by L.S. Polner. Kursk: Kursk State Technical University, 1995. 211 p. (in Russ.).
3. Леонов М.И. *Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 551 с.
 Leonov M.I. *The Socialist Revolutionary Party in 1905–1907*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997. 551 p. (in Russ.).
4. Спиридович А.И. *Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916.* Изд. 2е, доп. Пг.: Военная типография, 1918. 623 с.
 Spiridovich A.I. *The Socialist Revolutionary Party and its predecessors. 1886–1916.* 2nd ed., add. Petrograd: Military printing house, 1918. 623 p. (in Russ.).



Оксенюк Евгения Владимировна

 Yevgenia V. Oksenyuk

кандидат исторических наук,
 старший преподаватель кафедры
 общегуманитарных дисциплин
 Московского государственного
 института культуры,
 ORCID: 009-009-3975-9069

C.Sc. (History), Senior lecturer of the
 General Humanitarian Disciplines
 Department at the Moscow State Institute
 of Culture,
 ORCID: 009-009-3975-9069

Поступила в редакцию /
 Received
 16.03.2026

Поступила после
 рецензирования /
 Revised
 18.04.2026

Принята к публикации /
 Accepted
 27.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.007](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.007)

Оригинальная статья / Original paper



А.В. Ульянова

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ulianovalv@gmail.com

Политическая полиция в системе государственного управления на примере «дела А.А. Максимова» 1908 г.

Аннотация

Политическая полиция Российской империи представляла собой конгломерат разного рода структур, отличавшихся между собой не только функционалом и социокультурным обликом служащих этих структур, но и взглядами на вопрос о границах публичности и общественно-политическими симпатиями в эпоху появления легальных политических партий. Статья посвящена анализу того, как проявилась эта разница во взглядах в истории с отстранением от должности севастопольского городского головы, предпринимателя и мецената А.А. Максимова в 1908 г., инициированным временным севастопольским генерал-губернатором, главным командиром Черноморского флота и портов контр-адмиралом Р.Н. Виреном. Отдельным аспектом исследования стали взаимоотношения местных (жандармское управление) и центральных (Департамент полиции, Корпус жандармов) структур политической полиции с другими органами власти и их руководителями, как военными, так и гражданскими: премьер-министром и министром внутренних дел П.А. Столыпиным, товарищем министра, заведующим полицией А.А. Макаровым, руководителем Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел С.Н. Гербелем, временным севастопольским генерал-губернатором Р.Н. Виреном. Кроме того, в статье выдвигается

гипотеза о причинах отстранения от должности Максимова не из-за «политической благонадежности» (на текущий момент эта точка зрения является единственной в профильной литературе), а в связи с экономическими интересами Бельгийского анонимного общества трамваев и электрического освещения, которое совместно с заместителем Максимова в севастопольской городской думе Н.Ф. Ергопуло разработало проект электрификации города в противовес тому проекту электрификации, который предполагал реализовать сам Максимов. История с электрификацией Севастополя анализируется в контексте деятельности Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел и Совета министра внутренних дел.

Ключевые слова:

А.А. Максимов; П.А. Столыпин; Р.Н. Вирен; Севастополь; политическая полиция; внутренняя политика; коррупция в Российской империи; электрификация; Бельгийское анонимное общество трамваев и электрического освещения

Для цитирования:

Ульянова Л.В. Политическая полиция в системе государственного управления на примере «дела А.А. Максимова» 1908 г. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 188–223. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.007](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.007)

Lyubov V. Ulyanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: ulianovalv@gmail.com

Political Police in the System of State Administration: the Case of A.A. Maximov (1908)

Abstract

The political police of the Russian Empire comprised a conglomeration of institutions that differed not only in their functions and the sociocultural backgrounds of their personnel, but also in their views on the limits of public participation and in their political sympathies during the emergence of legal political parties. This article examines how these differences manifested themselves in the 1908 dismissal of A.A. Maksimov, Mayor of Sevastopol, entrepreneur, and philanthropist, initiated by the Acting Governor-General of Sevastopol and Commander-in-Chief of the Black Sea Fleet and Ports, Rear Admiral R.N. Viren. Particular attention is devoted to the relationships between local political police institutions (the Gendarme Administration) and the central authorities (the Police Department and the Corps of Gendarmes), as well as their interactions with other military and civilian government bodies and officials, including Prime Minister and Minister of the Interior P.A. Stolypin, Deputy Minister of the Interior and Chief of Police A.A. Makarov, Head of the Main Administration for Local Economy of the Ministry of the Interior S.N. Gerbel, and Acting Governor-General of Sevastopol R.N. Viren. The article also advances the hypothesis that Maksimov's removal from office resulted not from concerns about his «political reliability»—the only explanation advanced in the existing scholarship—but rather from the economic interests of the Belgian Anonymous Company for Electric Lighting and Tramways, which, together with N.P. Ergopulo, Maksimov's deputy in the Sevastopol City Duma, promoted an electrification project that competed with Maksimov's own plans for the city. The controversy surrounding the electrification of Sevastopol is analyzed within the broader context of the activities of the Main Administration for Local Economy of the Ministry of the Interior and the Council of the Minister of the Interior.

Keywords:

A.A. Maksimov; P.A. Stolypin; R.N. Viren; Sevastopol; Political police; Domestic policy; Corruption in the Russian Empire; Electrification; Belgian Anonymous Company for Electric Lighting and Tramways

For citation:

Lyubov V. Ulyanova. Political Police in the System of State Administration: The Case of A.A. Maksimov (1908). The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 188–223. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.007](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.007)



История с отстранением А.А. Максимова от должности севастопольского городского головы началась весной 1908 г. 30 апреля в севастопольской официальной газете «Крымский вестник» была опубликована заметка под названием «Побег арестанта вместе с конвойным»¹. Речь шла о сбежавших накануне, 29 апреля, во время конвоирования из арестантских помещений флотских казарм в плавучую тюрьму осужденного за побег матроса П. Коноваленко и конвоировавшего его матроса 29-го флотского экипажа К. Шульженко. Об этом сообщил в полицию другой матрос — П. Дурасов, конвоировавший вместе с Шульженко арестованного и получивший от них «прикладом в грудь», причем у Дурасова отобрали «винтовку и патронташ с патронами». Полицеймейстер командировал два отряда с участием конных стражников и городских на поимку сбежавших, которые вскоре были обнаружены в районе английского кладбища. После погони и перестрелки беглый осужденный Коноваленко был пойман, однако «конвойный матрос Шульженко, перескочив через стену дачи Максимова, скрылся в кустарники, направившись оттуда в сторону Балаклавы». Тогда полицеймейстер, сообщила газета далее, оставил у дачи Максимова и английского кладбища отряд полицейских, а сам на машине отправился к Симферопольскому шоссе, однако по дороге шофер свернул не туда, машина свалилась в пропасть, причем полицеймейстер и водитель едва успели из нее выскочить.

Продолжение этой истории в «Крымском вестнике» отсутствует, однако 12 мая 1908 г. начальник Севастопольского жандармского управ-

¹ Крымский вестник. 1908. 30 апреля. С. 2.



Алексей Андреевич Максимов (1853–1908), севастопольский городской голова.
Из открытых источников

ления полковник В.Э. Зейдлиц сообщал своему начальству в Петербурге — в Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) и в Департамент полиции МВД: *«3 сего мая севастопольский генерал-губернатор контр-адмирал Вирен, получив сведения, что приговоренный судом за второй побег со службы матрос Шульженко вновь бежал и укрывается на хуторе севастопольского городского головы Максимова и зная последнего как лицо мало надежное в политическом отношении, зарекомендовавшего себя в 1905 году своею антиправительственною деятельностью и оставшегося безнаказанным лишь в силу непонятого бездействия должностных лиц в Севастополе, стоявших в 1905 году у власти, приказал подвергнуть названный хутор и квартиру Максимова тщательному обыску в порядке военного положения»*².

Итак, причиной для обыска у Максимова, согласно донесению Зейдлица, был поиск «осужденного» Шульженко, которого Максимов мог намеренно укрывать от властей в силу своих политических убеждений. Однако тот же Зейдлиц сразу после обыска у Максимова, 4 мая, отправил следующие телеграммы в ОКЖ и ДП МВД: *«По личному приказанию севастопольского генерал-губернатора произведен обыск у севастопольского городского головы Максимова. Обнаружена нелегальная литература и переписка, указывающая на политическую его неблаго-*

² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. Д. 48. Л. 23.



Роберт Николаевич фон Вирен (1856–1917), командующий Черноморским флотом.
На фото 1901–1903 гг. еще в форме капитана I-го ранга.

Из открытых источников

надежность»³. Как можно заметить, поиск Шульженко — как основание для обыска — в этих телеграммах не упомянут. Обращает также внимание то, что в донесении Зейдлица от 12 мая, вопреки тому, что сообщал «Крымский вестник», Шульженко называется не конвоиром, а «приговоренным судом за второй побег со службы матросом». Может быть, это была газетная ошибка, и тот человек, который скрылся на даче Максимова, действительно не был конвоиром? Однако Департамент полиции — главная структура, отвечавшая за политический сыск в империи — считал Шульженко именно конвоиром, о чем свидетельствует запрос в Севастополь из Петербурга от 17 мая о «конвоире Шульженко» — запрос, оставленный Зейдлицем без ответа⁴. А между беглым матросом-конвоиром и беглым матросом, осужденным судом, разница все-таки имеется. Стоит отметить, что в деле, начатом севастопольскими жандармами 12 мая, т.е. в день донесения Зейдлица в Петербург, имя Шульженко не упоминается, лишь обтекаемо говорится о «полученном генерал-губернатором известии, что на даче Максимова имеет приют беглый матрос»⁵.

³ Там же. Л. 22.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. 4 делопроизводство. 1908. Оп. 117. Д. 71. Ч. 12. Л. 66.

⁵ Там же. 7 делопроизводство. 1908. Оп. 205. Д. 3193.

Поэтому можно предполагать, что Шульженко был «притянут» начальником Севастопольского жандармского управления как основание для обыска у Максимова постфактум — исключительно для обоснования собственных действий перед столичным начальством. Сам Максимов в докладной записке на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина от 15 мая писал, что жандармы, пришедшие к нему с обыском, не предъявили ему никаких письменных либо устных оснований для своих действий.

Уместно задаться вопросом: зачем 12 мая, спустя 9 дней после обыска, Зейдлицу потребовалось уточнить причину для обыска (которой и стал Шульженко, причем именно в виде «приговоренного судом за второй побег со службы матроса»), если найденные по обыску материалы, как 4 мая сообщал полковник в Петербург в процитированных выше телеграммах, и так свидетельствовали о политической неблагонадежности севастопольского городского головы? Причем на основании этих материалов 5 мая адмирал Вирен уже «временно отстранил» Максимова от должности, городская дума «приняла к сведению», что его обязанности теперь выполняет заместитель Максимова Н.Ф. Ергопуло, а 7 мая информация об этом была опубликована в «Крымском вестнике».

Предложу два ответа. С одной стороны, дело могло быть в том, что к 12 мая Максимов находился в Петербурге, куда он поехал разбираться с руководством МВД в сложившейся ситуации, и было отнюдь не очевидно, что Департамент полиции сочтет обоснованными действия севастопольских жандармов⁶. С другой стороны, Зейдлиц, видимо, изначально не предполагал, что официального преследования Максимова по причине его «политической неблагонадежности» не получится, однако севастопольская прокуратура отказалась возбуждать «формальное дознание» (т.е. предварительное следствие) на основании найденных по обыску материалов⁷. Это означало, что если политическая полиция собирается преследовать севастопольского городского голову, то ей придется это делать теми средствами, которые имеются в ее распоряжении, без привлечения судебных инстанций.

Таким средством было «охранное производство», начатое севастопольскими жандармами 12 мая — в день донесения Зейдлица в Пе-

⁶ О разных подходах к «политической неблагонадежности» между Департаментом полиции и жандармами в губернских жандармских управлениях подробнее см.: Ульянова А.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи, 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2020.

⁷ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. Д. 48. Л. 24.



Севастопольский городской голова Николай Федорович Ергопуло
вручает хлеб-соль Николаю II. 17 марта 1912 г. Фотоателье К.Е. фон Ган.
Из открытых источников

тербург. «Охранное производство» о Максимове — а именно дело под названием «Переписка по исследованию политической неблагонадежности городского головы города Севастополя Алексея Андреевича Максимова»⁸ — по непонятным причинам было поручено Севастопольской крепостной жандармской команде. Станным кажется и название дела. Обычно дела о политической неблагонадежности так и назывались — «дело о политической неблагонадежности такого-то». Однако в данном случае была заведена «переписка по исследованию политической неблагонадежности». Получается, что для самих жандармов вопрос о том, был ли севастопольский городской голова политически неблагонадежен, оставался открытым, и его еще только предстояло исследовать. Но этого исследования проведено не было — дело открылось 12 мая и закрылось спустя месяц 11 июня с одним и тем же комплектом документов. А именно — материалами обыска, проведенного в ночь с 2 на 3 мая. В деле есть информация о проведенном 4 мая «первом допросе Максимова» и его дочери, однако тексты допросов отсутствуют, к тому же дата — 4 мая — означает, что эти допросы имели место сразу после обыска, т.е. до заведения самого дела (12 мая).

⁸ Там же. Ф. 102. 7 делопроизводство. Оп. 205. 1908. Д. 3193.

Итак, 12 мая Зейдлиц рапортовал в Департамент полиции о политической неблагонадежности Максимова, при этом дело, заведенное в самом Севастополе, предполагало наличие этой «политической неблагонадежности» только исследовать. Соответствующего исследования жандармы не провели, тем не менее через месяц — 11 июня — дело было закрыто. А на следующий день, 12 июня, Вирен отправил в МВД депешу о необходимости «окончательного удаления Максимова от должности».

Что мешало Вирену отправить эту депешу раньше, сразу после обыска? Почему в начале мая 1908 г. потребовалось провести обыск у Максимова, тут же «временно отстранить» его от власти, потом задним числом подвести под обыск обоснование в виде поиска то ли «беглого матроса», то ли «матроса, дважды осужденного судом», и только в середине июня заявить перед МВД о необходимости «окончательного удаления Максимова»?

Вернемся к этим вопросам позже, пока нужно сказать о том, что было найдено в ходе обыска у городского головы Севастополя. Начать стоит с уже цитировавшегося текста телеграммы, отправленной Зейдлицем 4 мая одновременно и в Департамент полиции, и в Корпус жандармов: *«По личному приказанию севастопольского генерал-губернатора произведен обыск у севастопольского городского головы Максимова. Обнаружена нелегальная литература и переписка, указывающая на политическую его неблагонадежность»*⁹.

Итак, изначально Зейдлиц утверждал, что на политическую неблагонадежность Максимова указывают «нелегальная литература и переписка». Однако из «Протокола осмотра», отправленного Зейдлицем в Петербург 12 мая, становится ясно, что «нелегальная литература» (19 брошюр, например — «Георгий Валерьевич Плеханов») была обнаружена у совершеннолетней дочери Максимова Надежды, а не у самого городского головы. При этом Надежда Максимова фигурирует лишь в деле «Переписка по исследованию политической неблагонадежности... Алексея Максимова»: на нее был заведен отдельный лист с личными данными — и только. Это означает, что для жандармов эта «нелегальная литература» не имела значения.

Вторым основанием для утверждения Зейдлица о «политической неблагонадежности» Максимова в телеграмме от 4 мая значилась «переписка». Причем именно эта информация попала в прессу — так, в столичной газете «Новое время» 10 мая сообщалось: *«Среди обнаруженных*

⁹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. Д. 48. Л. 22.



Усадьба-дача А.А. Максимова.

Записки скучного человека: <https://humus.livejournal.com>

обыском в квартире городского головы Максимова бумаг революционной литературы оказалась компрометирующая переписка с высланными революционерами»¹⁰.

В действительности у Максимова было обнаружено одно письмо одного «высланного революционера». Речь идет о севастопольском враче и известном эсере С.А. Никонове, который, помимо того, что был врачом севастопольской городской больницы (т.е. был назначен на эту должность городской думой под руководством Максимова), являлся также личным врачом семьи городского головы¹¹. Никонов был известной фигурой для политического сыска, включая руководство в лице Департамента полиции, его революционная деятельность дважды — в 1903 и 1907 гг. — вызывала репрессивные меры в его адрес. Однако при этом Максимов не упоминался¹².

Так или иначе в мае 1908 г. у Максимова было найдено одно письмо от Никонова, высланного из Севастополя в 1907 г. все тем же Виреном в Архангельскую губернию за «принадлежность к партии социал-революционеров». Только это письмо с натяжкой можно отнести к доказательствам «политической неблагонадежности» городского головы, так

¹⁰ Новое время. 1908. 5 мая.

¹¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. Д. 48. Л. 24.

¹² Там же. Ф. 102. 1903. Оп. 231. Д. 2156; Ф. 102. ОО. 1907. Оп. 237. Д. 9. Ч. 57. Л. 255–259.

как в нем шла речь о возврате долга. Попутно Никонов, правда, предполагал (ошибочно), что адресат письма пойдет в выборщики в Государственную думу от Севастополя, однако это также вряд ли можно считать доказательством «политической неблагонадежности», даже с точки зрения жандармерии. Не случайно 12 мая, посылая в Департамент полиции «Протокол осмотра», Зейдлиц писал лишь о том, что это письмо «указывает на близкое общение Максимова с Никоновым».

Также в «Протоколе осмотра» значатся два письма Максиму от присяжного поверенного, юрисконсульта городской управы А. Кюри от конца октября 1905 г., в которых Кюри радовался отставке петербургского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова («сколько крови и жизни спасено») и критиковал идею народной милиции, обсуждавшуюся тогда в Севастополе, а также письмо архитектора В.А. Фельдмана из Харькова от ноября 1906 г., в котором рассказывалось о работе в Технологическом институте. Кроме того, Фельдман сообщал, что не планирует возвращаться в Севастополь: *«О событиях нашего милого Севастополя я узнавал, кроме газет, от покойного Мины, Милошевича и Актсмана. Мы тогда отчасти рады были, что убралась вовремя. Теперь понемного судят и расстреливают...»*¹³

Последнее предложение в том варианте «Протокола осмотра» от 12 мая, который Зейдлиц отправил в Департамент полиции (а всего было три варианта данного текста — у севастопольской крепостной жандармской команды, у командира Корпуса жандармов и у Департамента полиции), отчеркнуто красным карандашом. Это означает, что читатель «Протокола осмотра» в Департаменте полиции обратил внимание на эту фразу, причем обратил внимание только на нее (в других местах нет помет красным карандашом). Уместно при этом предположить, что в данном случае это внимание было связано не с оценкой степени политической неблагонадежности Максимова, а с интересом Департамента к положению дел в Севастополе, находившемся на военном положении, в котором гражданские власти — и полицейские (МВД), и судебные (Минюст) подчинялись военным. А судя по газете «Крымский вестник»¹⁴, в городе действительно практически каждый день военные суды принимали решения о казнях отдельных лиц, в то время как министр внутренних дел и одновременно премьер-министр Столыпин стремился перевести управление в Севастополе в руки гражданской

¹³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. 1908. Д. 48. Л. 25.

¹⁴ Крымский вестник. 1908. Январь, февраль, март, апрель, май.



Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911), министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи. Фото 1908 г.

Библиотека Банка России

администрации¹⁵. При этом перлюстрированные письма людей из «образованного общества» использовались в Департаменте полиции как важный источник сведений, в том числе о поведении представителей различных государственных структур¹⁶.

Кроме того, при обыске у Максимова были найдены два документа, в которых оценку его деятельности как городского головы давали черносотенцы в лице Таврического отдела Союза русского народа. В одном документе, присланном Максимову его братом Николаем, городской голова критиковался за отсутствие на похоронах «жертвы революционного разбоя помощника пристава 1-й части Сухомлинова»: *«Отцы города не нашли возможным своим присутствием на этих похоронах выразить хотя бы молчаливый протест против революционного разбоя. Но тогда позволительно спросить отцов города: что же выражает их отсутствие?»*

Второе же письмо от ноября 1906 г. и вовсе содержало намек на возможность физической расправы черносотенцев с Максимовым: *«Таврический союз русского народа, наблюдая текущую жизнь в госу-*

¹⁵ См., напр.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 105. 3 делопроизводство. 1907 год. Д. 133. Л. 1–21.

¹⁶ Подробнее см. об этой практике Департамента полиции: Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение. Гл. 4.

дарстве Российском и чувствуя невозможность дальнейшего существования мирных граждан и родного воинства в соседнем городе Севастополе при той слабости воли, которую проявляют власти, для устранения злодейских организаций, мешающих свободной и мирной жизни русского народа, считает нужным объявить во всеуслышание, что жизнь союза русского народа должна проявляться не только в благих намерениях и разговорах, но и действиях, требующих полного напряжения сил союза, решимости довести дело до конца и пресечь готовящиеся кровавые злодейства в корне, будут направлены удары не на бессознательное оружие хитрого врага, но на искусителя, сеющего смуту, обходящего закон и скрывающегося во тьме обмана. Жизнь членов союза не представляет никакой ценности при направлении ее путем, указанным злою волею гнусных организаций, поэтому всякая попытка к захвату власти, расстройству порядка, путем внесения смуты в русское воинство г. Севастополя, будет беспощадно подавлена, руководители же, ныне готовящие злое дело, будут наказаны за разбойным движением. Списки сеятелей смуты известны, и, к сожалению, пополнены даже лицами по городским выборам, занимающими почетные должности»¹⁷.

Важно отметить, что сам Зейдлиц был сторонником Союза русского народа. Так, в марте 1908 г. он сообщал командиру Корпуса жандармов Ф.Ф. Таубе о чествовании Ялтинским отделением этой черносотенной организации главноначальствующего в Ялте генерал-майора И.А. Думбадзе, известного тем, что после совершенного на него покушения в феврале 1907 г. он приказал сжечь целиком дачу, с территории которой в его карету была брошена бомба, запретив при этом жителям дачи взять с собой свои вещи. Зейдлиц писал: «Генерал Думбадзе в теплых и прочувствованных словах сердечно благодарил собравшихся за оказанную ему честь и высказал, что он и впредь твердо и неустанно будет заботиться о сохранении порядка в крае и безопасности населения... Торжество этого дня закончилось молебном в Ялтинском отделе Союза русского народа и речами ораторов, призывавших присутствовавших дать клятву хранить верность до последней капли крови своему самодержцу монарху и охранять жизнь доблестного генерала. Все присутствовавшие как один человек дали эту клятву, в толпе были слышны рыдания»¹⁸.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. Д. 48. Л. 25–26.

¹⁸ Там же. Л. 7–8 об.

В целом можно предполагать, что, когда 4 мая Зейдлиц в спешке сообщал столичному начальству, что у Максимова была найдена переписка, «доказывающая его политическую неблагонадежность», он во многом опирался на «черносотенный» взгляд на севастопольского городского голову. Причем сам Зейдлиц, скорее всего, понимал, что такая позиция не найдет отклика у Департамента полиции, так как в донесении 12 мая начальник Севастопольского жандармского управления, прикладывая материалы обыска, не только не упоминал о «переписке, доказывающей политическую неблагонадежность Максимова», но и в целом мотивировал свою точку зрения документами, отсылавшими к событиям октября 1905 г. А именно — статьей о чрезвычайном заседании Думы 18 октября 1905 г. и «выпиской из журнала заседания городской думы от 19 октября» того же года¹⁹.

Теперь уже эти, вполне себе публичные документы Зейдлиц характеризовал как «ярко» демонстрировавшие «революционную деятельность городского головы Максимова» и обрисовывавшие его «полную политическую неблагонадежность». О чем же шла в них речь? Тогда, в октябре 1905 г., Максимов допустил в чрезвычайное заседание городской думы так называемых «народных депутатов» (в том числе лейтенанта П.П. Шмидта, в скором будущем лидера «Севастопольского восстания») — т.е. людей, выбранных «улицей» после объявления Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего «свободы» и парламент. Максимов дал выступить «народным депутатам», их наделили правами совещательного голоса в заседании Думы, однако сам допуск их в городскую думу был связан с событиями, произошедшими в Севастополе накануне, когда уличная демонстрация после информации о Манифесте двинулась к городской тюрьме с требованиями освободить «политзаключенных» и там была расстреляна. Как ясно из речи севастопольского городского головы, он был возмущен действиями тех представителей власти, кто приказал стрелять в демонстрантов — ведь с 17 октября демонстрации были законным политическим действием (самого Максимова на демонстрации не было), он посетил раненых в городской больнице и настоял перед градоначальником, чтобы трупы убитых были выданы родственникам. В Думе же, вопреки требованиям «народных депутатов» о создании народной милиции, городской голова предложил создать «временную народную охрану», и хотя и согласился с их требованием «всеобщей амнистии», но не поддержал идею амнистии «матросов-у-

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. 7 делопроизводство. Оп. 205. 1908. Д. 3193. Л. 16–20 об.

частников восстания» (речь, видимо, шла об июльском восстании 1905 г. на броненосце Потемкин). После заседания Думы Максимов вместе с «народным депутатом» Емельяновым поехал к градоначальнику, где были согласованы вопросы похорон (порядок на них будет поддерживаться «временной народной охраной»), Дума объявила о запрете продажи спиртных напитков в этот день, а на самих похоронах городской голова обратился к присутствовавшим (т.е. революционно настроенной толпе) с просьбой ценить ту свободу, которая была дарована 17 октября, и понимать, что свобода не означает вседозволенности.

На этом материалы, представленные в Департамент полиции Зейдлицем по участию Максимова в событиях октября 1905 г., заканчиваются. При этом в «Протоколе осмотра» еще значатся — «Проект устройства городской незаконной милиции и доклад по сему севастопольской городской управы» и «Проект телеграммы Максимова в 1905 г. на имя графа Витте». Однако составить представление о содержании этих «проектов» невозможно, так как их тексты Зейдлиц в Департамент полиции не прислал.

Сам Максимов, естественно, не мог знать содержание документов относительно проведенного у него обыска, присланных жандармами в Департамент полиции, однако уже 6 мая он выехал в Петербург, чтобы представить докладную записку министру внутренних дел П.А. Столыпину как «временно отстраненный от должности городской голова Севастополя» (городские головы, согласно законодательству, хотя это и был выборный институт городского самоуправления, утверждались МВД, поэтому в каком-то смысле Максимов обращался к собственному высшему начальству)²⁰. Записка Максимова датируется 15 мая 1908 г. Ее автор не упоминал никакого матроса Шульженко, которого, согласно Зейдлицу, жандармы пришли искать у севастопольского городского головы, зато дважды отмечал, что ему не было предъявлено внятной причины для обыска — ни жандармами, ни в дальнейшем Виреном, кроме событий октября 1905 г. Причем, отмечал Максимов, совершенно неясно, почему эти события, имевшие место два с половиной года назад, известные всем в Севастополе, в частности тогда же, в октябре 1905 г., доложенные руководителю Черноморского флота вице-адмиралу Г.П. Чухнину, приобрели неожиданную актуальность для жандармов и временного севастопольского генерал-губернатора Р.Н. Вирена в начале мая 1908 г.

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. 4 делопроизводство. 1908. Оп. 117. Д. 71. Ч. 12. Л. 57–58.



Александр Александрович Макаров (1857–1919), товарищ министра внутренних дел с 1906 г., министр в 1911–1912 гг. Фотоателье К. Буллы.

Из открытых источников

Однако записка Максимова интересна больше тем, какое впечатление она произвела на адресата, т.е. на министра внутренних дел Столыпина. А Максимов писал Столыпину: *«Беру смелость думать, что бескорыстная (Максимов отказался от жалованья городского головы в пользу города. — Л.У.) и продолжительная общественная моя служба дает мне право надеяться, что по присущему в государственной деятельности Вашего Превосходительства чувству справедливости, я найду в лице Вашем законного и строгого судью, если окажусь виновным во взведенных на меня обвинениях (речь, очевидно, об обвинении в потакании «революции» в октябре 1905 г. — Л.У.), но зато и сильного защитника в несправедливо попранных правах моих как верноподданного моего Государя и общественного деятеля. Ввиду всего этого я почтительно прошу Ваше Превосходительство не отказать мне в милости, чтобы все производство дела обо мне было представлено на благовоззрение Вашего Высокопревосходительства для расследования его здесь в Санкт-Петербурге и чтобы мне была предоставлена возможность опровергнуть взведенные на меня обвинения и тем самым реабилитировать свое имя».*

Резолюция Столыпина была следующей: *«Конечно, это должно быть доложено мне во всех подробностях. Послан ли запрос вице-адмиралу Вирену?»*

Можно полагать, что резолюция Столыпина была адресована товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией А.А. Макарову, через которого, скорее всего, Максимов подавал записку на имя Столыпина. К Макарову, в свою очередь, обратился генерал Е.В. Богданович, который 12 мая написал большое письмо Макарову с просьбой принять городского голову Севастополя, которого Богданович при этом характеризовал как «абсолютно благонадежного человека»²¹. Очевидно, что Максимова приняли. Возможно, не сам Макаров, а в Департаменте полиции, в архиве которого осталось письмо Богдановича — и докладная записка Максимова от 15 мая была следствием этого приема.

Соответственно, резолюция Столыпина могла появиться чуть позже, но достаточно быстро, так как уже с 17 мая внутри Департамента полиции и между департаментом и министром внутренних дел развернулась бурная переписка (с пометами «срочно») на предмет того, являются ли действия Вирена в отношении Максимова законными. Итогом этой переписки стала запись от руки от 19 мая (можно предположить директора Департамента полиции, но здесь же мелькает и запись — «доложено министру», т.е. Столыпин был в курсе): *«Вирен не вышел из пределов предоставленных ему по военному положению прав. Вызвать Максимова ко мне на ближайшее время, если он еще здесь»*²².

Итак, судя по всему, и Департамент полиции, и Столыпин заняли сторону Максимова, в то время как действия Вирена вызвали сомнения в своей обоснованности — и формальной, и фактической. Однако Столыпин не мог решить вопрос своей властью, и Максимов оставался «временно отстраненным от должности» на время военного положения в Севастополе.

12 июня 1908 г. временный генерал-губернатор Севастополя контр-адмирал Вирен получил от Зейдлица донесение о крайней политической неблагонадежности Максимова и в этот же день составил депешу в МВД о необходимости «окончательного удаления Максимова от должности»²³. Получение такого донесения от Зейдлица для Вирена вряд ли было неожиданностью — судя по газете «Крымский вестник», они постоянно по служебным обязанностям вместе участвовали во встречах поездов с членами императорской семьи либо высокопостав-

²¹ ГА РФ. Ф. 102. 4 делопроизводство. 1908. Оп. 117. Д. 71. Ч. 12. Л. 54.

²² Там же. Л. 64.

²³ Цит. по: Чикин А.М. Две жизни прожить не дано... Год 1908-й: 225-летию города-героя Севастополя и 100-летию со дня кончины городского головы А.А. Максимова посвящается. Севастополь: Дельта, 2008. С. 57.

ленными чиновниками, а также в различных светских мероприятиях (например, открытие Яхт-клуба), сопровождавшихся торжественными ужинами. Вместе с тем в первой половине 1908 г. газета «Крымский вестник» практически ежедневно сообщала о высылке из Севастополя по распоряжению временного военного генерал-губернатора людей по причине их «политической неблагонадежности» — этот поток высылки, кстати, уменьшился в несколько раз с появлением в городе на том же посту контр-адмирала И.Ф. Бострема в июле 1908 г. Понятно, что при таком объеме высылаемых Виреном их «политическая неблагонадежность» вряд ли тщательно расследовалась, и столь же очевидно, что информацию о том, кто является политически неблагонадежным, поставлял Вирену Зейдлиц, как руководитель той структуры, которая занималась вопросами неблагонадежности.

Итак, учитывая плотный, вероятно ежедневный, контакт Зейдлица и Вирена по данной теме, вызывает удивление тот факт, что начальнику Севастопольского жандармского управления понадобилось больше месяца, чтобы сообщить временному военному генерал-губернатору о «полной политической неблагонадежности Максимова» (жандармы хотя и открыли специальное дело 12 мая, вообще не занимались исследованием этого вопроса после обыска 3 мая), а Вирену не потребовалось и суток для составления запроса в МВД. Складывается впечатление, что Вирен (и, возможно, Зейдлиц) ждал определенной даты в середине июня, чтобы двинуть дело об удалении от должности Максимова дальше, хотя решение о том, что его нужно устранить с позиции городского головы, было принято еще накануне обыска, в первых числах мая.

И эта дата, которую, вероятно, ждал Вирен, прежде чем отправить запрос в МВД о необходимости «окончательного удаления Максимова от должности», могла быть связана с выборами в городскую думу. Именно с середины июня 1908 г. оставался год до окончания срока легислатуры избранного в июне 1905 г. состава городского самоуправления, а по действовавшему законодательству в последний год до выборов в случае какого-либо изменения состава городской думы (включая должность городского головы) новые выборы не проводились.

Это означало, что с середины июня 1908 г. до июня 1909 г. обязанности городского головы будет исполнять тот человек, который их стал исполнять с момента отстранения Максимова от должности (т.е. с 5 мая 1908 г.), а именно его заместитель («заступающий место городского головы» в терминах начала XX в.) Н.Ф. Ергопуло. О Ергопуло, который, судя по газете «Крымский вестник», как «исполняющий обя-

занности городского головы» постоянно появлялся на тех же чествованиях и торжественных ужинах, что и Вирен, произнося многословные речи, поговорим позднее.

Пока же стоит отметить, что представление Вирена в Министерство внутренних дел об «окончательном удалении Максимова от должности» нашло стремительную поддержку в Петербурге. Но не в лице Департамента полиции, куда это представление поступило, но не вызвало никакой реакции, а в лице другого подразделения того же МВД — Главного управления по делам местного хозяйства и его руководителя С.Н. Гербеля.

Главное управление по делам местного хозяйства занималось теми вопросами, которые находились в ведении органов городского самоуправления. Данная структура является слабо исследованной в отечественной историографии. Исключением является книга К.И. Могилевского о Совете по делам местного хозяйства, который существовал при Главном управлении и занимался разработкой городской и земской реформы при Столыпине²⁴. Анализ архива Главного управления по делам местного хозяйства показывает, что этот архив сохранил большое количество дел по кадровому составу городского самоуправления на территории всей Российской империи, в том числе — около тридцати дел за 1906–1908 гг. «о привлечении к ответственности городского головы такого-то (город, фамилия)» или «о наложении дисциплинарного взыскания» на городских голов.

Это означает, что преследование деятелей городского самоуправления за проступки по должности было довольно частым явлением и не должно было вызывать особых проблем ни в формулировках, ни в процедуре. Случай с Максимовым и здесь выглядит странным. Его дело в архиве Главного управления по делам местного хозяйства называется «Об удалении от должности почетного гражданина А.А. Максимова (севастопольский городской голова)». В то время как стандартным должно было быть примерно такое название — «О привлечении к ответственности севастопольского городского головы А.А. Максимова». Само дело было уничтожено в советское время, поэтому его содержание придется реконструировать по документам архива Департамента полиции и других дел фонда Главного управления.

До двадцатых чисел июня 1908 г. Главное управление по делам местного хозяйства проявляло равнодушие к переписке о Максимове —

²⁴ Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М.: РОССПЭН, 2008.

Департамент полиции пересылал туда и депешу Вирена о временном «устранении от должности севастопольского городского головы» от 5 мая, и донесение полковника Зейдлица с приложениями («Протокол осмотра» по обыску с документами по октябрю 1905 г.) от 12 мая, однако только 23 июня из Главного управления в Департамент полиции поступило требование «срочно» передать *«представление временного генерал-губернатора города Севастополя от 14 текущего июня за № 33 по делу об окончательном удалении от должности Севастопольского городского головы Максимова, а также имеющуюся в Департаменте переписку по настоящему делу, которая, по минованию надобности, будет возвращена обратно»*²⁵.

Через 4 дня, 27 июня 1908 г., из Главного управления в Департамент полиции прислали *«копию справки о севастопольском городском голове Максимове, с копией положенной на ней начальником Главного управления резолюции о приказании господина министра внутренних дел составить представление в Совет министра об увольнении названного должностного лица, присовокупляя, что подлинная справка оставлена при делах Главного управления»*.

С этого документа снова начинаются нестыковки. Из последующих документов дела «Таврическая губерния. Сведения по Севастополю. 1908 год» архива Департамента полиции ясно, что «подлинная справка», с которой руководитель Главного управления Гербель ходил к Столыпину, в действительности была справкой о Максимове, составленной в самом Департаменте полиции²⁶.

Итак, Главное управление 23 июня «срочно» запросило у департамента всю имеющуюся переписку о Максимове, в этот же день получило требуемые документы, обязуясь при этом их вернуть, и действительно все документы вернуло — за исключением этой справки. Более того, само Главное управление не собиралось объяснять, почему в возвращенных документах отсутствует справка Департамента полиции о Максимове, и потребовалось специальное «напоминание» департамента о необходимости вернуть и справку. Именно в ответ на это «напоминание» Департамент полиции и получил «копию справки с копией положенной на ней резолюции» Гербеля о «приказании» Столыпина.

Получается, что справка о Максимове обладала ценностью для Главного управления только в «подлинном» виде — очевидно, не из-за ее со-

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. 4 делопроизводство. 1908. Оп. 117. Д. 71. Ч. 12. Л. 74.

²⁶ Там же. Л. 76.

держания (тут можно было обойтись и копией), а из-за того текста, что был написан Гербелем о «приказании» Столыпина.

Следовательно, Главное управление собиралось использовать задокументированную таким образом позицию Столыпина для дальнейших действий, т.е., во-первых, для «представления в Совет министра об увольнении» Максимова, а во-вторых, в качестве мотивировки для самого увольнения.

Однако не произошло ни первого, ни второго.

Позиция Столыпина, зафиксированная на «подлинной справке» о Максимове Гербелем и известная нам только в виде отпечатанного текста на «копии», нигде в дальнейшем не фигурирует и не используется. «Записка» Главного управления в Совет министра внутренних дел «по делу об удалении Максимова от должности» представляет собой собрание отзывов разных лет о Максимове разных государственных служащих — члена Совета министра внутренних дел П.В. Неклюдова и директора Департамента полиции (не назван по имени, но речь идет о М.И. Трусевиче), а также военнослужащих — бывшего севастопольского градоначальника, контр-адмирала А.М. Спицкого, бывшего временного севастопольского генерал-губернатора вице-адмирала Н.И. Скрыдлова, текущего временного севастопольского генерал-губернатора контр-адмирала Р.Н. Вирена²⁷.

Казалось бы, раз необходимость удаления Максимова от должности обосновывается в том числе мнением о нем разных лиц, то наличие позиции министра внутренних дел по этому вопросу, тем более подтвержденное документально — важный аргумент в данном вопросе для той инстанции, которая должна была принять решение, т.е. для Совета министра внутренних дел. Однако в «Записке по делу об удалении Максимова от должности» Столыпин не упоминается вообще.

Все это наводит на мысль, что Главное управление не хотело показывать Департаменту полиции, что же было написано Гербелем о «приказании» Столыпина на «подлинной справке» о Максимове. Интересно, что на «копии справки» с «копией резолюции» Гербеля стоит только одна подпись — делопроизводителя, в то время как все другие документы из Главного управления содержат две подписи — вначале руководителя (а это был начальник Отдела городского хозяйства А. Немировский), а уже потом — делопроизводителя.

²⁷ Текст «Записки» см.: РГИА. Ф. 1281. Оп. 10. 1908. Д. 3. Л. 56–60.



Сергей Николаевич Гербель (1856–1939), начальник Главного управления по делам местного хозяйства МВД в 1904–1912 гг., гофмейстер двора.
Фото из книги Левенсона М.А. Государственный совет. Пг., 1915. С. 15

Резолюция Гербеля, известная департаменту по «копии справки», которая вроде как отражает «вердикт» Столыпина по Максимову, в действительности воспроизводит позицию Вирена («удаление от должности», т.е. увольнение), в то время как из перспективы МВД приказание министра должно было содержать формулировки, стандартные для этого государственного ведомства («привлечение к ответственности», «наложение дисциплинарного взыскания»).

При этом внесение вопроса в Совет министра внутренних дел соответствовало законодательству — Городовому положению 1892 г., которое относило вопросы дисциплинарных взысканий (в том числе — удаление от должностей деятелей городского самоуправления) к компетенции этого вспомогательного ведомства внутри МВД. Однако если бы при докладе Столыпину Гербель согласовал вопрос об отстранении Максимова от должности, то, очевидно, была бы согласована и мотивировка — на основании каких имеющихся данных севастопольский городской голова должен быть уволен.

Вместо этого записка, представленная Главным управлением в Совет министра внутренних дел спустя неделю, 4 июля 1908 г.²⁸, по сути, «обнуляла» всю предшествующую переписку, так как доказательная

²⁸ Там же.

база Главного управления о «политической неблагонадежности» севастопольского городского головы была абсолютно новой. Во-первых, «Записка по делу об удалении от должности севастопольского городского головы А.А. Максимова» по непонятным причинам вообще не содержит ту документальную базу, с которой Столыпин, очевидно, должен был знакомиться после докладной записки самого Максимова в середине мая 1908 г., а именно — материалы обыска, присланные в Департамент полиции Зейдлицем, справки о Максимове, составленные в самом департаменте. Однако про то, что у севастопольского городского головы был обыск, по результатам которого его и отстранили от должности, в «Записке» не говорится ни слова, а всего лишь сообщается, что 5 мая Вирен «счел необходимым» «отстранить» Максимова от должности «временно», а 20 июня — «окончательно».

Итак, мотивация временного севастопольского генерал-губернатора в записке не оговаривается, зато общий вывод отсылает именно к позиции Вирена: *«Тем более необходимо было бы окончательное удаление Максимова от занимаемой им должности в настоящее время, когда севастопольский временный генерал-губернатор счел себя вынужденным устранить его от должности городского головы на все время военного положения в Севастополе».*

Во-вторых, «Записка» отражает явно «правые» взгляды своих составителей, обращает внимание свойственным черносотенцам «анти-семитский» выпад: Максимов «во всех делах» управляется «своим поверенным Усовым (негласный редактор еврейской газеты «Крымский вестник»)».

При этом главная причина, по которой Максимов не может оставаться севастопольским городским головой, согласно «Записке» — это его «кадетские взгляды». Информация о кадетских симпатиях Максимова была получена в Главном управлении из Департамента полиции в марте 1907 г.: *«...согласно полученным в Департаменте полиции сведениям, Максимов по своим политическим воззрениям принадлежит к конституционно-демократической партии, но случаи открытого заявления им о принадлежности к какой-либо партии неизвестны. Вращаясь, по должности городского головы, среди членов разных партий, он, для сохранения этой должности, иногда приближается по воззрениям то к правой, то к левой партии и имеет сношения, во всяком случае не тесные, с местными интеллигентными социалистами. Вместе с тем действительный статский советник Трусевич высказал, что удаление Максимова от должности городского головы едва ли желательно, так*

как можно предполагать, что на его место будет выбрано лицо более левого направления».

Однако Главное управление тут же спорит с приведенным мнением директора департамента, сообщая свою позицию в результирующей части «Записки»: *«Главное управление находит, что имеющимися в распоряжении Министерства внутренних дел данными достаточно устанавливается, что севаستопольский городской голова Максимов по своим политическим воззрениям принадлежит к конституционно-демократической партии и, как удостоверил директор Департамента полиции, имеет сношения, хотя и не тесные, с местными интеллигентными социалистами. А так как конституционно-демократическая партия относится к числу недозволенных, то уже одно это обстоятельство, по смыслу определения Правительствующего Сената от 30 марта 1908 г. ... было бы достаточно для устранения Максимова от должности городского головы в Севастополе, где по особым политическим условиям нахождение во главе городского управления лица вполне благонадежного представляется особенно необходимым».*

Таким образом, вместо обвинения Максимова в его деятельности в октябре 1905 г. (позиция Зейдлица и Вирена) Главное управление предлагало считать недопустимыми взгляды севастопольского городского головы. Эта формулировка является принципиально важной для понимания того, как власть предрежащие в Российской империи видели границы допустимого, в первую очередь того вопроса, могут ли взгляды человека, т.е. сугубо частное дело гражданина в правовом государстве, являться основанием для его нахождения не только внутри системы (госслужащий), но и на выборных должностях в самоуправлении.

В этом плане показательна резолюция Совета министра внутренних дел от 28 июля 1908 г. по поводу «Записки» Главного управления о Максимове: *«Сообщенные Департаментом полиции сведения о неблагонадежности севастопольского городского головы Максимова являются крайне недостаточными для удаления его от должности; при этом самим департаментом высказан взгляд о нежелательности такого исхода. С другой стороны, не имеется никаких указаний на то, чтобы от Максимова было истребовано какое-либо объяснение, и чтобы вопрос об ответственности его обсуждался в местном по городским делам присутствии»²⁹.*

²⁹ Там же. Л. 246 об.

Получается, что на Совет министра внутренних дел информация о «кадетских» взглядах Максимова не произвела впечатления, а доказательства его «политической неблагонадежности» были названы «крайне недостаточными». Более того, Главное управление было обвинено в нарушении процедуры наложения дисциплинарных взысканий. На резолюции Совета министра внутренних дел «вернуть дело в Главное управление по делам местного хозяйства для предоставления дополнительных сведений» стояла подпись С.Е. Крыжановского — «правой руки» Столыпина, автора ключевых законопроектов столыпинского времени.

Спустя три недели, 21 августа 1908 г., Столыпин написал «утверждаю» на этом решении Совета министра внутренних дел³⁰. Это означало, что Максимов оставался «временно отстраненным от должности городского головы Севастополя», пока город находится на военном положении.

Неизвестно, как развивалось бы это дело дальше. Но Столыпин утвердил решение Совета министра внутренних дел на следующий день после смерти Максимова, внезапно случившейся 20 августа 1908 г. (это случайное совпадение в датах, так как в МВД информация о смерти Максимова пришла только 23 августа³¹). Газета «Крымский вестник» сообщала, что смерть была неожиданной для всех — еще накануне Максимов гулял на Приморском бульваре и его знакомые знали, что он собирается в Петербург «по своим делам»³².

Полковник Зейдлиц, сообщая о смерти Максимова в Петербург, в телеграммах и в Корпус жандармов, и в Департамент полиции написал, что умер «бывший севастопольский городской голова». Характерна приписка карандашом, сделанная на телеграмме, поступившей в Корпус жандармов, видимо, его руководителем бароном Ф.Ф. Таубе, еще одним «симпатизантом», как и сам Зейдлиц, Союза русского народа: «Одним революционером меньше»³³. Департамент полиции оставил телеграмму Зейдлица без ответа.

Однако если для Зейдлица Максимов был «бывшим городским головой», что не соответствовало формальному положению вещей, то севастопольский градоначальник Мореншильдт был более точен в формулировках, сообщая в Главное управление по делам местного хозяйства

³⁰ Там же. Л. 296.

³¹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1907 год. Д. 80. Л. 5.

³² Крымский вестник. 1908. 24 августа.

³³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Общ. Д. 48. Л. 48.

МВД: «20 августа в 8 часов утра скончался устраненный от должности распоряжением генерал-губернатора на время военного положения севастопольский городской голова потомственный почетный гражданин А.А. Максимов».

Именно в таком качестве и хоронили Максимова — как «севастопольского городского голову». Так он называется во всех поминальных материалах «Крымского вестника». И только со дня смерти Максимова городская газета стала называть Ергопуло не «исправляющим должность городского головы», а просто — городским головой. В этом статусе Ергопуло пробыл до июня 1909 г., когда он был избран городским головой Севастополя на следующее четырехлетие.

Однако то дело, с которым было связано главное достижение Ергопуло как городского головы — а именно заключение крайне выгодного для городской думы (в виде 30%-ной скидки от общего тарифа) контракта с Бельгийским анонимным обществом трамваев и освещения на электрическое освещение всего Севастополя — было начато им не летом 1909 г., а весной 1908-го.

В это время Максимов внес в городскую думу собственный проект электрического освещения Севастополя — посредством создания прибыльного городского предприятия. В конце апреля 1908 г. Максимов предложил городской думе отказаться от заключения договора с бельгийцами на электрическое освещение города. Спустя пару дней к нему пришли с обыском жандармы — в поисках доказательств «политической неблагонадежности» городского головы. 7 мая 1908 г. проект Максимова по созданию городской электростанции был опубликован в «Крымском вестнике» — в тот же день, что и информация об его отстранении от должности распоряжением Вирена³⁴.

История появления в Севастополе Бельгийского анонимного общества трамваев и электрического освещения достаточно хорошо известна. Именно благодаря этой компании город получил и электрическое освещение, и первые трамвайные линии в конце XIX в., сильно способствовавшие бытовому благоустройству и экономическому развитию города³⁵.

Бельгийское анонимное общество трамваев и электрического освещения было довольно крупной компанией на российском рынке элек-

³⁴ Крымский вестник. 1908. 7 мая. С. 1.

³⁵ Крушатин М.С. Экономическое развитие Севастополя // История Севастополя. В 3 т. Т. II. Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века — 1917 г. М.: ИстЛит, 2021. С. 628–631.

троэнергии начала XX в. Согласно статистическому справочнику 1915 г. П.В. Оля, с данными за 1911 г., ее капитал составлял 3 млн руб., оно освещало города и эксплуатировало трамваи в городах Севастополь, Ярославль, Екатеринодар и Кременчуг, и это было второе место в соответствующем секторе промышленности после Общества электрического освещения 1886 г., занимавшегося освещением Петербурга, Москвы и Лодзи (правда, капитал у него был в 10 раз больше — 30 млн руб.)³⁶.

Прямых доказательств, что отстранение Максимова от должности городского головы в мае 1908 г. под соусом «политической неблагонадежности» в действительности произошло из-за конфликта вокруг интересов Бельгийского общества, нет. Можно говорить лишь о «косвенных уликах».

Основные источники по данному сюжету — это публикации в газете «Крымский вестник» за весну — лето 1908 г., а также архивное дело под названием «Об устройстве электрического освещения в городе Севастополе (Бельгийского анонимного общества)»³⁷ из фонда Главного управления по делам местного хозяйства, которое и настаивало на «окончательном удалении» Максимова от должности, начиная с двадцатых чисел июня 1908 г.

Описи архива Главного управления свидетельствуют о его плотном интересе к тематике электрического освещения городов: это и дела по «обустройству электрического освещения» в разных городах Российской империи — за 1906–1908 гг., например, таких дел порядка 50, и дела по техническим аспектам (например, дело за 1908 г. под названием «О выработке новых правил по электрическим установкам низшего напряжения», и дела, касавшиеся частных обществ электрического освещения и трамваев (например, дело за 1908 г. «О разрешении Бельгийскому анонимному обществу Курский трамвай увеличить запасный капитал на 2 млн. франков»). В этом деле содержится переписка между представителями Бельгийского анонимного общества, курским губернатором и Главным управлением по делам местного хозяйства МВД по вопросу, на каких условиях должна осуществляться деятельность общества. При этом бельгийцы жаловались Главному управлению на те условия, которые по согласованию с местной городской думой выставяла курский губернатор, и просили «продать» через губернатора свое

³⁶ Оля П.В. Статистика акционерных обществ и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью, за 1911/12 год. Пг., 1915.

³⁷ РГИА. Ф. 1288. Оп. 9. 1909. Д. 16.



Трамвай на Нахимовском проспекте Севастополя. Фото начала XX в.
Из открытых источников

видение ситуации. Из переписки в этом деле также ясно, что главным фигурантом в этих тройных переговорах со стороны центральной власти был начальник Отдела городского хозяйства Главного управления А. Немировский, который неоднократно встречался с представителями Бельгийского общества.

Именно Немировский вел переписку с Департаментом полиции о Максимове в июне 1908 г., его подпись стоит второй после руководителя управления С.Н. Гербея на «Записке об удалении севастопольского городского головы А.А. Максимова от должности» от 4 июля 1908 г.

Из дела Главного управления «Об устройстве электрического освещения в городе Севастополе (Бельгийского анонимного общества)», заведенного в феврале 1909 г., складывается другая картина, чем имела место в Курске. В Севастополе на начало 1909 г. не только не было разногласий между Бельгийским обществом и местной городской думой по вопросам электрического освещения, но и обе стороны просили скорейшего утверждения в МВД согласованного между ними текста «Договора на устройство и эксплуатацию электрического освещения и подачу энергии в Севастополе, исправленного согласно протоколам городской финансово-строительной комиссии».

Финансово-строительную комиссию в городской думе Севастополя с 1905 г. возглавлял Н.Ф. Ергопуло, до мая 1908 г. занимавший также должность «замещающего городского голову» (т.е. заместителя), а с мо-

мента отстранения Виреном Максимова от должности 5 мая ставший «исполняющим обязанности городского головы». В деле присутствует доклад Ергопуло городской думе от 17 декабря 1908 г.³⁸, в котором излагается предыстория составления текста договора с Бельгийским обществом. В этом заседании городская дума проголосовала «за» составленный договор (21 — «за», 4 — «против»).

Опуская многочисленные детали взаимоотношений городской думы с бельгийцами, начиная с 1896 г. (смена собственников, смена названий, изменения условий договора), которые описывал в своем докладе Ергопуло, останавливаюсь на трех моментах.

Во-первых, вопрос строительства городской электростанции интересовал Максимова с 1903 г., при этом он держал на постоянном контроле деятельность финансово-строительной комиссии (т.е. комиссии Ергопуло). Так, в 1905 г., когда комиссия внесла в Думу очередной проект договора с бельгийцами, городской голова посвятил этому договору «особый доклад», в результате которого договор был Думой отклонен.

Во-вторых, Максимов выступал против заключения длительного договора с Бельгийским обществом на освещение Севастополя (бельгийцы предлагали либо 12 лет, либо 30 лет — в срок договора на трамвай), и в этом, судя по всему, заключался один из мотивов его разногласий с Ергопуло, очень обтекаемо выраженный в докладе последнего перед городской думой в декабре 1908 г., т.е. уже после смерти Максимова: *«Еще в 1905 г. комиссия, обсуждавшая проект нового договора с бельгийским анонимным обществом на освещение города электричеством признавала возможным приурочить срок договора на освещение к сроку договора на трамвай. Но городская дума не признала тогда возможным принять проект договора, предложенный Бельгийским анонимным обществом».*

В-третьих, Максимов полагал необходимым Севастополю иметь собственную электростанцию, которая, по его убеждению, приносила бы приличный доход городу, что делало бы его независимым от дотаций из центра, и договор с бельгийцами, с его точки зрения, был возможен только по той причине, что в нем не было никаких ограничений для строительства городской электростанции или же для заключения договора с другими частными предпринимателями.

К марту 1908 г. городская управа составила некий проект договора, принятый финансово-строительной комиссией, и отправила его

³⁸ Там же. Л. 14–17.

в Бельгийское общество. Судя по всему, этот проект в общих чертах и стал основой того договора на электрическое освещение Севастополя, который был представлен городской думе уже без Максимова, в декабре 1908 г. — договор предполагался к заключению на 30 лет, при этом вводилось не прямое, но тем не менее существенное ограничение на возможность появления других «игроков» (частных или городских) в электрическом освещении города: *«Если городское управление пожелает воспользоваться правом, предоставленным ему пунктом б ст. 5 сего договора, т.е. предоставить право другому предпринимателю устройства центральной станции для эксплуатации электрической энергии на освещение и других промышленных целей, кроме трамваев, то условия нового предпринимателя, до выдачи ему разрешения на устройство станции, должны быть сообщены обществу, которое, после истечения трех месяцев после сообщения ему условий нового предпринимателя, имеет право заявить, что осуществление предприятия на началах, предложенных новым предпринимателем, оно принимает на себя и в этом случае городским управлением предпочтительное право на осуществление предприятия должно быть предоставлено обществу. Если осуществление предприятия городским управлением будет принято на себя или же предоставлено новому предпринимателю... то общество имеет право заявить в указанный выше трехмесячный срок, что оно прекращает через два года со дня своего заявления действия своего предприятия по освещению и отпуску энергии для моторов и других приборов, причем в таком случае, если указанное разрешение последует более чем за 5 лет до конца срока сего договора, то все машины и приспособления, необходимые для исправного функционирования трамвая, поступают в собственность общества»³⁹.*

К марту 1908 г. разные позиции в отношении бельгийцев внутри городской думы были уже очень явными, так как пока комиссия Ергопуло составляла новый проект договора с Бельгийским обществом, Максимов выпустил брошюру под названием «Записка по вопросу об электрическом освещении в Севастополе». В декабре 1908 г. в докладе городской думе Ергопуло так характеризовал брошюру Максимова: *«Основная мысль этой брошюры — доказать полную убыточность для города заключения с бельгийским анонимным обществом долгосрочного договора и чрезвычайную выгодность постройки собственной городской электрической станции по составленной им смете».*

³⁹ Там же. Л. 10.

Однако, сообщал Ергопуло далее, городская управа поручила городскому инженеру пересчитать проект Максимова, в результате было обнаружено большое количество ошибок, поэтому строительная комиссия городской думы создала еще одну комиссию — из инженеров и электротехников, которая обратилась не куда-либо, а к Бельгийскому обществу с просьбой помочь в расчете прибыльности строительства городской электростанции. Итогом этой совместной работы стал вывод о крайней невыгодности такого строительства (доход — около 1 тыс. в год, в то время как проект Максимова ошибочно — заявил Ергопуло — показывал 4 тыс. в год). При этом Бельгийское общество согласилось ежегодно платить городу именно 4 тыс. в год со своего дохода, получаемого от электрического освещения Севастополя.

Еще одним крайне выгодным для города условием, на которое согласились бельгийцы в промежутке между мартом и декабрем 1908 г., была 30%-ная скидка для городских учреждений на электричество в сравнении с общим тарифом.

Однако интересно не только то, что после появления проекта Максимова бельгийцы тут же пошли на определенные уступки, причем не для Севастополя в целом, а именно для городского самоуправления, но и то, что городская управа, включая Ергопуло, начиная с марта 1908 г., плотно занималась критическим разбором брошюры Максимова. Во всяком случае именно это следует из его декабрьского доклада городской думе.

Однако полугодом ранее, в мае 1908 г., в интервью газете «Крымский вестник», уже будучи «исполняющим обязанности городского головы», он говорил совсем иное, а именно, что деятели городского самоуправления представления не имеют, в чем состоит проект Максимова по созданию городской электростанции.

7 мая 1908 г. газета «Крымский вестник» опубликовала короткое сообщение об отстранении Максимова от должности городского головы распоряжением временного севастопольского генерал-губернатора Р.Н. Вирена. В этом же номере на другой полосе была помещена большая заметка «Новый севастопольский проект». Речь шла о проекте по созданию городской электростанции, разработанном по заказу Максимова. Однако интересны не только цифры проекта Максимова (порядка 16% прибыли в год), но и тот факт, что, как сообщала газета, договор с Бельгийским обществом на момент конца апреля был уже согласован комиссией под руководством Ергопуло и ожидалось внесение договора в Думу для его утверждения.



Склеп А.А. Максимова в Севастополе. Фото: *inkerman777*, 2019 г.
Из открытых источников

Однако вместо внесения этого договора на обсуждение Думы Максимов (видимо, в конце апреля, т.е. за несколько дней до обыска) предложил отложить рассмотрение этого вопроса на три месяца, а за это время найти источники для финансирования строительства городской электростанции.

21 мая «Крымский вестник» опубликовал большое интервью с «исполняющим должность городского головы» Н.Ф. Ергопуло, посвященное критике проекта Максимова как несостоятельного по причине множества ошибок, отсутствия имени автора расчетов, а также в силу секретной процедуры по его подготовке⁴⁰. Вместо этого, по мнению Ергопуло, Максимова следовало обсуждать имеющиеся вопросы по строительству городской электростанции в соответствующей комиссии городской думы, которая тоже озабочена этим вопросом, однако полагает такое строительство невыгодным. Интервью заканчивалось примечанием редакции, что о проекте Максимова на страницах газеты в дальнейшем будут высказываться другие «компетентные люди», однако таких материалов в «Крымском вестнике» не появилось.

Зато в конце мая газета сообщила о прибытии в Севастополь директора Бельгийского общества Ч.А. Дель-Пропосто⁴¹, а 8 июня — о визите

⁴⁰ Крымский вестник. 1908. 21 мая. С. 1.

⁴¹ Там же.

Вирена на центральную электростанцию в сопровождении Дель-Пропосто и руководителя севастопольского «филиала» общества инженера Бернара-Бормана⁴². Спустя несколько дней — 12 июня — Вирен отправил депешу в МВД о необходимости окончательного удаления Максимова от должности.

Совпадение в датах могут быть лишь совпадениями. Точно так же, как может быть всего лишь совпадением, что Главное управление по делам местного хозяйства, стремившееся уволить Максимова, параллельно занималось вопросами электрификации городов и курировало в Севастополе договорные отношения с тем Бельгийским обществом, с которым городской голова Максимов упорно не хотел заключать договор.

Отнюдь не очевидно, что такой сугубо военный человек, каким был Вирен, имел представление о разногласиях Максимова и Ергопуло по поводу заключения договора с Бельгийским обществом или сам был как-то связан с этим обществом.

И Вирен, и Зейдлиц — в Севастополе, и Гербель — в Петербурге были людьми «правых» взглядов, и для них Максимов действительно был лицом «политически неблагонадежным». Тем не менее сам Максимов в длинном письме Вирену от 6 мая 1908 г., в котором он объяснял, почему не считает свою деятельность в октябре 1905 г. «политически неблагонадежной», намекал, что его отстранение имеет не политические, а хозяйственные мотивы. Этим намеком письмо Вирену от Максимова и заканчивалось: *«Мне искренне жаль расстаться с дорогим мне делом и отказаться от того высоколестного доверия, которое мне оказали мои избиратели, как раз в то время, когда серьезнейшие вопросы городского хозяйства: финансового положения города, вопрос об электрическом освещении, вопрос о порте, наделение города землей — приходят к своему желательному разрешению... Может быть, впрочем, такое решение кому-нибудь и нежелательно»*⁴³.

С июля 1908 г. Вирен перестал исполнять обязанности временного генерал-губернатора Севастополя — была упразднена должность, которую он занимал по Морскому министерству, а именно главный командир Черноморского флота и портов. На вновь созданную должность — начальника морских сил Черного моря — был назначен контр-адмирал И.Ф. Бострем, бывший до этого товарищем (т.е. заместителем) морско-

⁴² Там же. 8 июня. С. 1.

⁴³ Цит. по: Чикин А.М. Две жизни прожить не дано. С. 32.

го министра. В это время в Морском министерстве уже обсуждались масштабные судостроительные программы, запущенные спустя полтора года, в 1910 г. А еще спустя год Бострем ушел с командования Черноморским флотом и стал членом правлений двух компаний, получавших государственные заказы на судостроение и связанных с крупными банками — Общество Николаевских заводов и верфей и Русское судостроительное общество. Наряду с Бостремом, членом правления обоих обществ был представитель Всеобщей компании электричества — крупной компании в электроэнергетике, связанной в 1900-е гг. с немецким и американским капиталом, а с 1909 г. постепенно подпадавшей под Петербургский международный банк. Эти сюжеты практически не исследованы на данный момент⁴⁴, но можно аккуратно предположить, что как Бострем был связан с Всеобщей компанией электричества, так Вирен был связан с Бельгийским обществом, и вообще в это время — 1907–1908 гг. — применительно к Севастополю и Черноморскому флоту речь шла о предстоящих больших проектах для большого бизнеса за государственный счет. Планы Максимова по созданию независимой городской электростанции вполне могли помешать этой «большой игре», исследование которой историкам еще предстоит провести.

Нельзя сказать, что автору этих строк удалось точно установить мотивы всех участников отстранения Максимова от должности. И не только из-за уничтожения части информации в советское время. В первую очередь речь идет о деле «Об удалении от должности почетного гражданина Максимова» в Российском государственном историческом архиве в Петербурге, уничтоженном, как сообщили в архиве на мой запрос, в 1950 г. по причине малозначимости, с точки зрения советских архивистов, содержащихся в нем материалов. Дело еще и в многочисленных противоречиях и нестыковках в сохранившихся документах.

Подводя же итоги анализа «дела Максимова» в контексте деятельности системы политического сыска в Российской империи в начале XX в., стоит отметить, что данный локальный пример показывает наличие внутри этой системы людей с принципиально разными взглядами на границы публичного политического пространства. При этом если на местах могли доминировать представления правого, черносотенного толка, то Департамент полиции — центральная инстанция в системе

⁴⁴ Мимоходом об этом идет речь в исследовании В.И. Бовыкина: *Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 250–253.

политической полиции, как и руководство Министерства внутренних дел в целом — во-первых, исходили из существенно более узких представлений о «политической неблагонадежности» (к «политически неблагонадежным» не относились кадеты), а во-вторых, считали недопустимым какие-либо ограничения людей за их взгляды.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Бовыкин В.И. *Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 318 с.
Bovykin V.I. *Financial capital in Russia on the eve of the First World War*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. 318 p. (in Russ.).
2. Крушатин М.С. Экономическое развитие Севастополя, в: *История Севастополя в трех томах. Т. II. Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века – 1917 г.* М.: ИстЛит, 2021. 800 с.
Krushatin M.S. Economic development of Sevastopol, in: *History of Sevastopol in three volumes. Vol. II. Sevastopol in the era of the Russian Empire. Late 18th century – 1917*. Moscow: IstLit, 2021. 800 p. (in Russ.).
3. Могилевский К.И. *Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910)*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 325 с.
Mogilevsky K.I. *Stolypin reforms and the local elite: Council for Local Economy Affairs (1908–1910)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 325 p. (in Russ.).
4. Оль П.В. *Статистика акционерных обществ и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью, за 1911/12 год*. Петроград, 1915. 469 с.
Ol' P.V. *Statistics of joint-stock companies and mutual partnerships obligated to publicly report for 1911/12*. Petrograd, 1915. 469 p. (in Russ.).

5. Ульянова Л.В. *Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи, 1880–1905 года*. СПб.: Алетея, 2020. 353 с.
Ulyanova L.V. *Political police and the liberal movement in the Russian Empire, 1880–1905*. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 353 p. (in Russ.).
6. Чикин А.М. *Две жизни прожить не дано... Год 1908-й: 225-летию города-героя Севастополя и 100-летию со дня кончины городского головы А.А. Максимова посвящается*. Севастополь: Дельта, 2008. 122 с.
Chikin A.M. *You can't live two lives... The year 1908: Dedicated to the 225th anniversary of the hero city of Sevastopol and the 100th anniversary of the death of City Mayor A.A. Maksimov*. Sevastopol: Del'ta, 2008. 122 p. (in Russ.).



 Ульянова Любовь Владимировна 
Lyubov V. Ulyanova

кандидат исторических наук,
доцент кафедры управления в сфере
межэтнических и меконфессиональных
отношений факультета государственного
управления, МГУ имени
М.В. Ломоносова,
SPIN-код: 6459-1728,
AuthorID: 535346

C.Sc. (History), Associate Professor
in Interethnic and Interfaith Relations
Management Department, School of Public
Administration, Lomonosov Moscow State
University,
SPIN-code: 6459-1728,
AuthorID: 535346

Поступила в редакцию /
Received
08.04.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
08.05.2026

Принята к публикации /
Accepted
08.06.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.008)

Оригинальная статья / Original paper



П.П. Румянцев

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет, г. Томск, Российская Федерация
E-mail: petroom@mail.ru*

Записка первого начальника жандармского округа в Сибири А.П. Маслова о необходимости открытия в регионе высшего учебного заведения (1834 г.)

Аннотация

В статье представлена записка первого начальника жандармского округа в Сибири полковника Александра Петровича Маслова о необходимости скорейшего открытия в регионе высшего учебного заведения. Записка была написана на втором году существования указанного жандармского округа, когда жандармские чины только-только знакомились с регионом и проживающим там населением, выявляли потребности региона, которые могли способствовать его развитию в целом. Вопрос об учреждении за Уралом высшего учебного заведения неоднократно поднимался в чиновничьей и общественной среде в первой трети XIX в., и теперь служащий жандармского ведомства, формально не являвшегося частью аппарата государственного управления, тоже попытался обратить внимание на важность наличия вуза в сибирском регионе. По мнению жандармского полковника Маслова, появление вуза способствовало бы решению нескольких важных проблем: поднятию уровня образования в Сибири, подготовке квалифицированных кадров для местной власти, а также прекращению оттока служащих из региона. Однако записка Маслова не стала отправной точной в становлении высшего образования в сибирском регионе по той причине,

что имперское руководство в то время не стремилось к этому. Вместе с тем важность этой записки, как исторического источника, заключается в расширении представления о деятельности жандармерии и решаемых ею задач, не связанных с традиционными функциями жандармских служащих, таких как надзор за чиновничьим аппаратом и обществом, осуществление политического сыска. Текст записки приводится впервые и в оригинале.

Ключевые слова:

жандармерия; жандармский надзор; Сибирский жандармский округ; местное управление; штаб-офицеры; Сибирь; высшее образование; университет

Для цитирования:

Румянцев П.П. Записка первого начальника жандармского округа в Сибири А.П. Маслова о необходимости открытия в регионе высшего учебного заведения (1834 г.). Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 224–237. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.008)

Piotr P. Rumyantsev

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
E-mail: petroom@mail.ru*

A Memorandum by A.P. Maslov, the First Chief of the Siberian Gendarme District, on the Need to Establish an Institution of Higher Education in the Region (1834)

Abstract

This article presents a memorandum written by Colonel Alexander Petrovich Maslov, the first Chief of the Siberian Gendarme District, arguing for the

urgent establishment of an institution of higher education in Siberia. The memorandum was composed during the second year of the District's existence, when gendarmerie officers were only beginning to familiarize themselves with the region and its population and to identify local needs that might contribute to its overall development. The question of founding an institution of higher education east of the Ural Mountains had repeatedly been raised among government officials and in public discourse during the first third of the nineteenth century. Maslov, although serving in the gendarmerie – a body that formally stood outside the regular administrative apparatus of the state – also sought to draw attention to the importance of establishing a university in Siberia. In his view, such an institution would help address several pressing problems: raising the educational level of the region, training qualified personnel for the local administration, and reducing the outflow of government officials from Siberia. Nevertheless, Maslov's memorandum did not become a turning point in the development of higher education in the region, since the imperial government at that time showed little interest in pursuing such an initiative. At the same time, the Memorandum is an important historical source because it broadens our understanding of the activities of the gendarmerie and the range of issues it addressed beyond its traditional responsibilities, such as supervising the bureaucracy and society and conducting political surveillance. The full text of the Memorandum is published here for the first time in its original form.

Keywords:

Gendarmerie; Gendarme supervision; Siberian Gendarmerie District; Local administration; Headquarters officers; Siberia; Higher education; University

For citation:

Pyotr P. Rumyantsev. A Memorandum by A.P. Maslov, the First Chief of the Siberian Gendarme District, on the Need to Establish an Institution of Higher Education in the Region (1834). The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 224–237. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.008)



остоянное жандармское присутствие в сибирском регионе началось в 1833 г. с образованием жандармского округа, получившего 7-й порядковый номер в жандармско-окружной структуре (с 1837 г. — 8-й округ). В состав данного



Михаил Михайлович Сперанский. Худ. А.Г. Варнек по оригиналу Дж. Доу.
Из открытых источников

округа вошли как исконно сибирские территории, так и соседние с Сибирью регионы: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Омская область, а также Оренбургская и Пермская губернии. В каждом из указанных субъектов находилось следующее количество жандармских служащих: штаб-офицер (в чине от майора до полковника включительно), его адъютант в обер-офицерском чине (от прапорщика до капитана включительно), жандармская губернская команда в количестве 34 чинов во главе с начальником в обер-офицерском чине.

Учреждение жандармского округа в Сибири было обусловлено несколькими причинами. Пожалуй, главная из них заключалась в необходимости надзора за находившимися в регионе политическими ссыльными, в первую очередь за декабристами. А в начале 1830-х гг. за Урал стали массово высылаться еще и поляки, участники национально-освободительного восстания 1830–1831 гг. Проведенная в 1819–1821 гг. ревизия М.М. Сперанского выявила многочисленные случаи нарушений, связанные с казнокрадством, взяточничеством, превышением должностных полномочий и пр. Следствием ревизии стало проведение масштабной административно-территориальной реформы, после которой и возникла необходимость контроля за функционированием местного аппарата управления. Жандармские офицеры хорошо подходили для реализации как надзора за политическими ссыльными, так и контроля за деятельностью чиновничества, так как они были дистанцированы от системы

управления, подчинялись только своему начальству, отстаивая в своей деятельности государственные интересы.

На должность первого начальника жандармского округа в Сибири был назначен полковник Александр Петрович Маслов. Его назначение было связано со следующими причинами: он был одним из первых, принятых на службу в Корпус жандармов, за его плечами имелся опыт руководства жандармским округом, но, пожалуй, самое главное обстоятельство заключалось в том, что именно Маслов был первым жандармским офицером, которого отправили в Сибирь в 1829 г. с тайной миссией выяснения положения и деятельности сосланных декабристов¹. Таким образом, Маслов был знаком с сибирским регионом, он мог быстро и эффективно наладить работу жандармов по реализации вышеуказанных задач.

С момента образования жандармского округа в Сибири его сотрудники обращали внимание не только на положение политических ссыльных и деятельность местного чиновничества. В их поле зрения так или иначе попадали практически все вопросы, связанные с сибирским регионом, о чем они сообщали окружному и корпусному начальству. Подобные жандармские донесения являются важным историческим источником: в силу своего независимого положения жандармы представляли свое мнение, которое нередко отличалось от позиции местной администрации, но тем ценнее представлялась эта информация для правительства, которое использовало жандармские донесения для принятия решений, в том числе и по кадровому вопросу.

Учебные заведения, преподавательский персонал, обучающиеся, а также в целом положение образования также попадали в поле зрения жандармских чинов. В отчете по округу за 1835 г. его начальник полковник Маслов указывал, что учебные заведения по всей Сибири находятся в состоянии «младенчества», одна из главных причин чему является нехватка денежных средств. Еще одна проблема, которую выделял жандармский начальник, заключалась в дефиците подготовленных учителей, которые, по его словам, «по большей части люди, получившие первоначальное образование». Последнее обстоятельство, опять же со слов Маслова, вынуждало сибиряков обращаться к услугам образованных политических ссыльных, чтобы они выступили в качестве наставников².

¹ Дамешек Л.М., Кодан С.В., Шавров А.В. Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма: Сборник статей / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1988. С. 118–126.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 11. Д. 17. Л. 14 об., 15.



Александр Христофорович Бенкендорф. Худ. Е. Ботман.
Из открытых источников

Начальник жандармского округа в Сибири полковник А.П. Маслов на втором году занятия своей должности, в 1834 г., уже достаточно ознакомившись с обстановкой в регионе, представил на имя шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа записку-проект «Замечания об учреждении в Сибири высшего учебного заведения или Корпуса для образования юношества». Уникальность и важность этого документа заключается в том, что жандармский чин, недавно приступивший к исполнению своих обязанностей, выступил с инициативой открытия в Сибири высшего учебного заведения, тем самым демонстрируя свою заинтересованность в развитии регионального образования.

Импульс развитию школьного и высшего образования в Российской империи был дан в самом начале правления Александра I, когда вышли новое Положение об устройстве учебных заведений (1803 г.) и первый в отечественной истории Университетский устав (1804 г.). В соответствии с этими законодательными актами было образовано 6 учебных округов, в каждом из которых должен был функционировать университет, открытие которых скоро последовало. Территории Пермской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерний были отнесены к составу Казанского учебного округа³, в 1804 г. в Казани был открыт импе-

³ «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний» [№ 20598] (24 января 1803 г.) // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 27 (1802–1803 гг.). С. 442.



Петр Михайлович Капцевич. Худ. Дж. Дору.
Из открытых источников

раторский университет. Согласно принятому в 1803 г. законодательному акту «Об устройстве училищ» за Уралом планировалось открытие университета в г. Тобольске, административном центре Тобольской губернии, охватывающей всю Западную и часть Восточной Сибири⁴. Однако университет так там и не будет открыт.

Различные общественные и государственные деятели неоднократно поднимали вопрос о необходимости скорейшего открытия в Сибири университета. Так, в 1823 г. западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич, ходатайствуя перед Сибирским комитетом, указывал, что открытие высшего учебного заведения может способствовать подготовке кадров для местного чиновничьего аппарата и тем самым исчезнет необходимость отправки сибиряков на учебу в университеты, расположенные в европейской части страны. При этом Капцевич не предлагал конкретный город, где следовало бы открыть университет, указывая, что он должен быть удобен как для Западной, так и для Восточной Сибири. В правительственных кругах началось обсуждение этого предложения, однако вопрос учреждения университета в Сибири не был решен, в том числе и по причине отсутствия необходимых для этого финансов⁵.

⁴ «Об устройстве училищ» [№ 20597] (24 января 1803 г.) // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 27 (1802–1803 гг.). С. 439.

⁵ Ремнев А. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 122–125.



Борис Алексеевич Куракин. *Неизвестный худ.*
Из открытых источников

Проводившие в 1827 г. в Западной Сибири сенаторскую ревизию Б.А. Куракин и В.К. Безродный не поддержали идею об открытии в регионе высшего учебного заведения не только из-за финансовых затрат, но также и по причине отсутствия необходимого количества учащихся, потенциальных студентов. На тот момент в Западной Сибири действовала только одна мужская гимназия, расположенная в Тобольске. Представители центральной власти указывали и на проблему педагогических кадров в регионе, которых было явно недостаточно для работы в предполагаемом университете⁶.

Тем самым имперская власть не поддержала идею об открытии высшего учебного заведения за Уралом, посчитав это преждевременным и финансово затратным делом, отстаивая мысль о необходимости развития в первую очередь школьного образования, в том числе гимназического, после чего можно было вернуться к университетскому вопросу. Тем интереснее выглядит упомянутая выше записка жандармского полковника Маслова, содержание которой можно отнести к разряду проектерства — жандармские офицеры, освоившись в той местности, где они служили, предлагали своему начальству проекты каких-либо преобразований. Такая позиция и деятельность жандармских чинов свидетельствует о том, что они не являлись только сторонними наблюдателями,

⁶ Там же. С. 125–127.

как того требовала от них должностная инструкция, а были заинтересованы в результатах своей службы, стараясь исправлять ситуацию к лучшему, адресуя своему начальству различные предложения.

Записка Маслова приведена в конце статьи. Здесь отметим, что в этом документе жандармский чин напрямую связывал бедственное положение в целом всей системы образования Сибири с кадровой проблемой при замещении должностей в системе местного управления, так как многие чиновники вынужденно покидали регион по истечении минимального срока службы по причине отсутствия здесь квалифицированных учебных заведений, где могли бы учиться их отпрыски. Для исправления этой ситуации Маслов считал необходимым открытие в регионе высшего учебного заведения. Тем самым мысли жандармского полковника пересекались с вышеуказанными идеями западносибирского генерал-губернатора Капцевича.

Записку Маслова шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф в декабре 1834 г. переслал министру народного просвещения графу С.С. Уварову, однако от него не поступило никакой реакции, кроме оставленной на первой странице резолюции «Г[осподином]. Министром принято к сведению». Тем самым предложениям Маслова не был дан дальнейший ход, что еще раз является свидетельством отсутствия стремления имперской власти к открытию высшего учебного заведения на территории Сибири. Пройдет без малого полвека с момента подачи записки Маслова, прежде чем в Сибири откроется первый университет: в 1878 г. выйдет указ Александра II об учреждении в Томске университета, а через 10 лет состоится его открытие в составе только одного факультета — медицинского, на первый курс которого было принято 72 чел.⁷

Российский государственный исторический архив.

Ф. 733. Оп. 83. Д. 83. Л. 1–6

Замечания об учреждении в Сибири высшего учебного заведения или Корпуса для образования юношества⁸

Обширность Сибири, ее физическое положение, образ населения и ужасающая отдаленность от Родины есть непреодолимая до сего

⁷ Некрылов С.А. Томский университет — первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. — 1919 г.). В 2 т. Т. 1. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. С. 73–127.

⁸ Орфография и пунктуация сохранены, как в оригинальном документе.

времени преграда к настоящему понятию о сей стране. Из сего проистекает для образующейся Сибири недостаток в исполнителях ее благоустройства, встречаемый местным Начальством по многим само-нужнейшим предметам, в отношении служащих; и посему находятся вынужденными заимствоваться людьми такими, которые не соответствуют их назначению.

Сии необходимости допустили только излишнюю подсудимость, без исправления и произвели даже неуважение к строгости законов.

Дети служащих, или служивших в Сибири Чиновников, не могущие за отдаленностью, недостатком средств и способов, получить нравственное образование в замену сего определяются в приказные и Канцелярские служители, приобретают токмо навык единообразия приказного обряда, а с сим купно и все пороки прежде временного дурного сообщества, отравляющие и самые начала моральные, гибельными на всю жизнь впечатлениями разврата, и безнравственности, достигая сим бедственным путем повышения звания, с самим получением оно, являются недостойными его.

Такое горестное для человечества прерождение многих поколений, соединяясь с закоренелостью и с умножением вредных примеров обратило повреждение нравственности и уничтожение образа мыслей в самую природу и с сим лишило Сибирь таких людей, которые бы, получа приличное рождению и назначению своему образование, могли бы по многим отношениям быть полезными сему краю и заменить в нем недостаток Чиновников.

Строгость законов теряет там свое действие, где все доблести моральные и Гражданские потеряны.

Последствия сего положили преграду к благоустройству Сибири по мере обогащения ее природою; открытия заведения, необходимые художества, самая хозяйственность и богатые отрасли торговли остаются в детстве и не соответствуют благонамерению и усилиям Правительства и самый приступ к началам полезнейших предметов остается устраненным. Сколько потерянного времени в розыскании того, что от давних времен должно было быть пресечено и исполнено?

Наконец в отвращение неудобства, от недостатка людей по службе происходящего, положено следующим в Сибирь давать чины, прибавлять жалованье и до места их назначения выдавать прогоны.

Время, опыты и постепенное преобразование образа мыслей открывали необходимость перемены сей меры; следствия и настоящего времени истину сего доказывают. Прибавление же жалованья по соображе-

нию цен всех необходимостей, в Сибирь привозимых, уравнило только оное с получаемым во внутренних Губерниях.

Решившиеся на пожертвование себя службе в Сибири, с прибытием на место своего назначения, встречают по обширности сего края много различному климату и влиянию на здоровье; многие трудности в исполнении своих обязанностей; несоразмерность жертвы, принесенной предварительному получению одного чина и каждый из сих, отец семейства или соделавшийся уже здесь оным, поразились родительской скорбью, увидя детей своих, достигшими возраста, требующего образования ума и нравственности и лишенным себя средств и способов удовлетворить сей главной и священной родительской обязанности!

Ежели родственники многих, во внутренних Губерниях пребывающие, и могли бы облегчить сие затруднение, приняв на себя исполнение отеческой обязанности, то чрезвычайная отдаленность и необходимые на сей конец издержки с отправлением детей на родину сопряженные, не позволяют о сем и помыслить сокрушающимся отцам, да и кому бы в сем случае могло детей своих вверить родительское сердце?

К отвращению сих неудобств учрежденные в Сибири Гимназии и народные училища не подают достаточных средств. Сибирь, как выше сего замечено, не имеет своего нравственного основания и средства на сей конец; Гимназии и училища ограничены, они при том могут образовать только познания.

Внутренние Губернии не подлежат сему неудобству, они имеют издревле образованное Дворянство и Граждан разных степеней, по мере которых и собственных способностей, имеют многие средства и способы к образованию своих детей, на твердых правилах нравственности; к сему должно прибавить Кадетские Корпуса, Институты и подобные учебные учреждения.

Сибирь лишена всех сих драгоценных удобств; и самое доставление детей из отдаленных внутренних Губерний в места, определенные их образованию, по мере расстояния и климата, менее имеет неудобств многих Сибирских уездных городов, к привозу их оных детей в Губернские города.

Таковая отдаленность, и занятия здесь каждого службой полагают преграду надзирать лично отцам своих детей, столь часто сколько бы сего отеческое попечение требовало; кому же они таковое здесь поручить могут?

Все вообще в Губернии чиновники по недостатку в сотрудиниках и в самых даже писцах, с избытком во всякое время заняты по службе, а посему и развлечены в домашнем образе жизни. У них для необходи-

мых услуг люди из поселенцев и даже наказанных, а лучше из лишенных чинов и дворянского достоинства.

И таким-то людям отцы в долговременное свое отсутствие и даже на месте, по необходимости вверяют учение, а с сим купно и самое образование и присмотр за поведением детей своих. Каких же от сего последствий в нравственности ожидать должно?

Гимназические учителя, пробегая с учениками уроки, занимаются ими на сей конец только несколько часов в сутки; в остальное же время учащиеся преданы собственному произволу, прилипчивости страстей, с пылкостью лет возрождающихся дурным примером, навыкам и рассуждениям о таких предметах, коих и одно именование должно бы в их лета быть чуждо их понятию. А из сего и зарождаются пагубные свойства скрытности, лицемерие, коварство и необходимость казаться тем, чем бы они для собственного блага и пользы общественной быть должныствовали.

Ежели из сего в некоторых местах и оказываются успехи в учении, то к сожалению многие примеры удостоверяют, что прежде временная порочность делает их большей частью ничтожными и даже вредными. Сколько сим образом получивших достойнейшее просвещение, открывавши самые лестные дарования и способности, к сожалению должно было оставить в бесполезности! Горестное доказательство, что просвещение ума с потерянением и даже ослаблением нравственности, образующей душу и сердце, более вредно, как полезно. Нравственность образует характер народный, а сей могущество Царств и любовь Отечественную.

Таковыми местными Сибири неудобствами многие отцы побудились родительской обязанностью по нарочитом времени оставлять службу сего края, другие учинили сие по естественному влечению к родине и по обстоятельствам домашним, и вместо всех пособий к возвратному переезду многих тысяч верст большее число из них нашли только одно, в сим своего характера и в сострадании ближних.

Таковые последствия полученного при следовании в Сибирь на службу чина местные неудобства и затруднения к возвращению не могли на пользу сего края обратить полезных и даже необходимых людей.

Ежели сей невознаградимости истекшего времени искать пособия для будущего и настоящего, то и самые опыты свидетельствуют сколь все на сей конец насильственные средства бесполезны и даже вредны.

Очевидные доказательства свидетельствуют, что самая неблагодарная страна отчизны даже удваивающая труды человека не заменяется и самой преизобильнейшей страной, что богатства не удерживают обращаться

под кров бедной хижины для достижения родины. Не будет ли возможности на силе сего самочувствия основать рассадник полезных Сибири и общему Государственному составу людей? Не приличнее ли, а с тем вместе и не полезнее ли будет, мерами на сей конец принятыми, достигнуть сей цели, и с сим купно обеспечить жребий и воспитание детей тех отцов, которые в сем крае посвящают себя на пользу службы и сим определить драгоценнейшую им награду за пожертвование их собою?

Не соделаются ли, исполнительностью сего предположения, питомцы сии чужды пороков, зародившихся здесь в подобных им, и не истребят ли они их собою? Не соделается ли Сибирь, воспитавшая и образовавшая их, привязавшею к себе навсегда отчизной? Не возродит ли она в течении времени собственных своих сынов, благомыслящих отцов семейства, добрых матерей, полезных членов образованного общества и собственных своих гениев? И не узрит ли Правительство в учреждении сего благотельного для Сибирского края учебного заведения пользу на будущие времена?

Сим учреждением воздвигнется в сердцах верных и признательных Сибиряков Августейшему Нашему Монарху непоколебимой памятник на вечные времена грядущих веков.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Дамешек Л.М., Кодан С.В., Шавров А.В. Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления, в: *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма: Сборник статей* / Отв. ред.: Н.Н. Покровский. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1988. С. 118–126.

Dameshek L.M., Kodan S.V., Shavrov A.V. Materials of the gendarme audits of 1828–1832 as a source for studying the activities of the Siberian management apparatus, in: *Sources on the history of social thought and*

- culture of the Late feudal era: A collection of articles / Respons. ed. by N.N. Pokrovsky. Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch), 1988. P. 118–126 (in Russ.).*
2. Некрылов С.А. *Томский университет — первый научный центр в азиатской части России (середина 1870х гг. — 1919 г.)* (в 2 т.). Т. 1. Томск: Издво Томского университета, 2010. 514 с.
Nekrylov S.A. Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid1870s — 1919) (in 2 vols.). Vol. 1. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 2010. 514 p. (in Russ.).
3. Ремнев А. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия. *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 121–150.
Remnev A. The university question in Siberia of the 19th century. Ab Imperio. 2012. No. 1. P. 121–150 (in Russ.).



 Румянцев Петр Петрович
Pyotr P. Rumyantsev

доктор исторических наук, доцент
кафедры российской истории
Национального исследовательского
Томского государственного
университета,
SPIN-код: 4297-5927,
ORCID 0000-0002-0061-0381

D.Sc. (History), associate professor,
National Research Tomsk State University,
SPIN-code: 4297-5927,
ORCID 0000-0002-0061-0381

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.009](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.009)

Оригинальная статья / Original paper



Г.Н. Бибииков

*Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru*

**«Здесь не власти повелевают лицами,
а лица управляют властями»:
две записки подполковника Корпуса
жандармов Ф.И. Бека о чиновниках
Волынской губернии 1830-х гг.**

Аннотация

Публикуются два донесения жандармского штаб-офицера Волынской губернии подполковника Ф.И. Бека. Записка «О лицах, имеющих по качествам своим дурное или хорошее влияние в обществе» датирована 11 июля 1836 г. и адресована шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. Вторую записку, «О Волынской губернии», направленную инспектору всей поселенной кавалерии И.О. Витту, можно предположительно датировать началом 1838 г. Во вступительной статье реконструированы основные вехи служебного пути автора донесений, дана характеристика полугодовым донесениям как основной форме отчетности жандармских офицеров по наблюдательной части. В документах собрана галерея представителей высшей губернской администрации, включая трех губернаторов (А.П. Римского-Корсакова, Н.В. Жуковского, А.И. Звегинцова), председателей палат, губернского прокурора, предводителя дворянства, полицмейстера. Особый интерес представляют сведения о родственных и дружеских связях чиновников, негласных конфликтах в администрации. В документах ярко проступает региональная специ-

фика Волынской губернии и Западного края в целом. Если служившие во внутренних губерниях офицеры не касались общественных взглядов и политической «благонадежности» чиновников, то Бек посчитал нужным оценить их лояльность правительству, в том числе, выделив приверженцев русского и польского «начала». Во второй записке жандармский офицер представил свое видение общего положения поднадзорной губернии и предложил ряд первоочередных мер, направленных на ее административно-правовую интеграцию. Публикуемые документы выступают важным источником для изучения местного управления и расширяют сложившиеся представления о сфере деятельности жандармских офицеров 1830-х гг. Отмечено, что следует учитывать специфический субъективный характер источника, так или иначе отражавшего личные симпатии автора с отголосками служебных столкновений с губернским начальством.

Ключевые слова:

Российская империя; Корпус жандармов; губернская администрация; высшая полиция; Волынская губерния; чиновничество; бюрократия; Федор Иванович Бек

Для цитирования:

Бибиков Г.Н. «Здесь не власти повелевают лицами, а лица управляют властями»: две записки подполковника Корпуса жандармов Ф.И. Бека о чиновниках Волынской губернии 1830-х гг. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 238–265. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.009](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.009)



Grigory N. Bibikov

*The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

**“Here It Is Not the Authorities
Who Rule over Individuals, but
Individuals Who Rule over the
Authorities”: Two Memoranda
by Lieutenant Colonel F.I. Bek
of the Corps of Gendarmes on Officials
of Volhynia Governorate in the 1830s.**

Abstract

This article publishes two reports by Lieutenant Colonel Fyodor I. Bek, the gendarmerie staff officer assigned to Volhynia Governorate. The first memorandum, *On Persons Whose Personal Qualities Exert Either a Harmful or a Beneficial Influence on Society*, is dated 11 July 1836 and was addressed to the Chief of Gendarmes, Alexander Kh. Benckendorff. The second memorandum, *On Volhynia Governorate*, addressed to the Inspector of the Settled Cavalry, Ivan O. Witt, may be dated tentatively to early 1838. The introductory study reconstructs the principal stages of Bek's official career and examines the semiannual reports as the principal form of reporting employed by gendarmerie officers in carrying out their supervisory duties. Written in vivid and expressive language, the documents present a gallery of the leading figures of the provincial administration, including three governors – Alexander P. Rimsky-Korsakov, Nikolai V. Zhukovsky, and Alexander I. Zvegintsov – as well as the presidents of the provincial chambers, the provincial prosecutor, the marshal of the nobility, and the chief of police. Of particular interest are Bek's observations on the family and personal connections among officials and on the informal conflicts within the provincial administration. The documents vividly illustrate the distinctive regional character of Volhynia Governorate and the Western Krai more generally. Whereas gendarmerie officers serving in the interior governorates rarely commented on the political views or reliability of officials, Bek considered it necessary to evaluate their loyalty to the

government, distinguishing in particular between supporters of the Russian and Polish «principles». In the second memorandum, he also offered his assessment of the overall condition of the Governorate under his supervision and proposed a series of immediate measures aimed at strengthening its administrative and legal integration into the empire. These documents constitute an important source for the study of provincial administration and broaden our understanding of the activities of gendarmerie officers during the 1830s. At the same time, the article emphasizes the need to take into account the inherently subjective character of these reports, which inevitably reflect the author's personal sympathies as well as the lingering effects of his official conflicts with the provincial authorities.

Keywords:

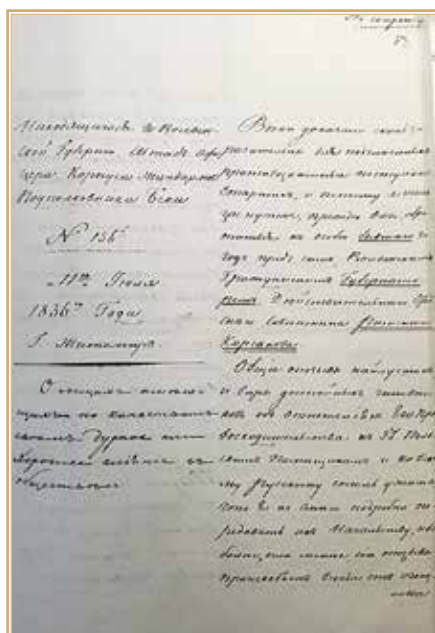
Russian Empire; Corps of Gendarmes; Provincial administration; High/higher/secret/political police; Volhynia Governorate; Officialdom; Bureaucracy; Fyodor Ivanovich Bek.

For citation:

Grigory N. Bibikov. "Here It Is Not the Authorities Who Rule over Individuals, but Individuals Who Rule over the Authorities": Two Memoranda by Lieutenant Colonel F.I. Bek of the Corps of Gendarmes on Officials of Volhynia Province in the 1830s. *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 238–265. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.009](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.009)



учреждением III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии наблюдение за положением дел в местной администрации вошло в круг основных направлений деятельности этого ведомства. К началу 1830-х гг., когда управления жандармских штаб-офицеров были созданы во всех губерниях, входивших в состав округов Корпуса жандармов, надзор за губернским чиновничеством приобретает систематический характер. Отражением этого процесса стал секретный циркуляр шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа от 8 февраля 1832 г., который предписывал штаб-офицерам дважды в год представлять в Петербург отчетные ведомости с характеристиками *«тех из гг. чиновников, помещиков, купцов и другие сословия, которые своим званием, или богатством, связями,*



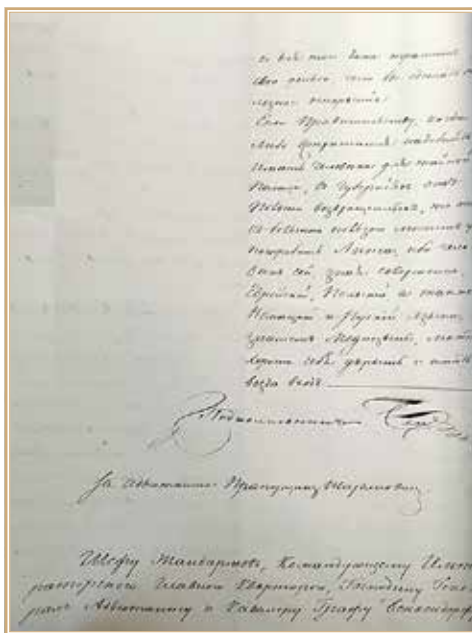
Записка Ф.И. Бека «О лицах, имеющих по качествам своим дурное или хорошее влияние в обществе», 11 июля 1836 г. Первый лист
ГА РФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 320, лит. Е. Л. 63

умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания»¹.

В 1830-е гг. полугодовые донесения выступали основной формой отчетности жандармских офицеров по наблюдательной части. Исключительное внимание в этих бумагах уделялось составу губернской администрации с акцентом на деловых качествах, нравственном облике и образе жизни, имущественном положении, общественной репутации служащих, они выступают важным источником для изучения состава губернской администрации николаевской эпохи и в последнее время чаще привлекают внимание исследователей².

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 7. Д. 434. Л. 3.

² Впервые этот источник для характеристики высшей губернской администрации массово привлек П.А. Зайончковский: Зайончковский П.А. Губернская администрация накануне Крымской войны // Вопросы истории. 1975. № 9. С. 33–51. См. также: Бикташева А.Н. Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2014. № 4. С. 110–114; Румянцев П.П. Взгляд жандармских штаб-офицеров на аппарат управления в Сибири в дореформенный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 167–178. Подробнее об этом документальном комплексе см.: Бибииков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Рос-



Записки Ф.И. Бека «О лицах, имеющих по качествам своим дурное или хорошее влияние в обществе», 11 июля 1836 г. Последний лист с подписью автора
 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 320, лит. Е. Л. 76 об.

В Петербурге отчеты читал управляющий III отделением А.Н. Мордвинов, более содержательные тексты докладывались шефу жандармов, а некоторые ложились на стол к императору. Знакомясь с донесениями, управляющий III отделением делал отметки напротив отдельных характеристик, после чего соответствующие экстракты в виде записки за подписью шефа жандармов передавались министру, по ведомству которого служил чиновник. Источник сведений обычно был скрыт («получено частным путем»). Как писал Бенкендорф, «эти описания передаю я министрам по принадлежности, которые, и в особенности министр финансов, всегда принимают с благодарностью»³. В дальнейшем донесения за год подшивались в одно дело, составлялся алфавитный список упоминаемых лиц, который служил в качестве картотеки для справок.

Циркуляр 1832 г. не содержал формуляра и иных требований к донесениям, которые заметно разнились не только по содержанию и объему, но также оформлению и заголовкам. Встречаются как краткие отписки на один-два листа, так и пространные отчеты, содержавшие оценочные харак-

сийской империи 1830-х гг. // Новое прошлое / The new past. 2021. № 1. С. 34–57.

³ Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. С. 52.



Граф Иван Осипович Витт. Худ. Джордж Доу.
Из открытых источников

теристики десятков губернских служащих — такие бумаги привлекали преимущественное внимание ведомственного начальства. Суждения жандармов прямо или опосредованно отражали их личные симпатии, подчас в них можно уловить отголоски конфликтов с губернаторами и другими служащими, при этом представлять доказательств и тем более документальных свидетельств в отчетах не требовалось. Не ограниченные жесткими формальными требованиями, некоторые офицеры, как подполковник Ф.И. Бек, писали полугодовые донесения в далеком от канцелярских норм стиле.

По сведениям формулярного списка, Федор Иванович родился в 1793 г., был крещен в православии и приписан к дворянскому обществу Олонецкой губернии, но имениями не владел. Поступив в 1809 г. на службу подпрапорщиком в Углицкий пехотный полк, с 1819 г. Бек служил в чине штабс-капитана в 6-м Карабинерном полку, а в 1824 г. с производством в майоры был определен в Астраханский гренадерский полк, где вскоре назначен батальонным командиром. В октябре 1830 г. Бека произвели в подполковники, и вскоре его полк выступил на подавление Польского восстания. При Остроленке офицер был ранен пулей в плечо и позже удостоен за это сражение ордена Святой Анны 2-й степени⁴.

В апреле 1833 г. Бек адресовал Бенкендорфу прошение о переводе в жандармы, которое дает известное представление о служебных и личных перипетиях автора, а равно его навыках владения пером: *«По возвращении гренадерского корпуса из Царства Польского на правый берег Западной Двины, будучи уже не в состоянии нести фронтовой учебной службы, — прошлого 1832 года, в июле месяце, я подал просьбу об увольнении меня к Кавказским минеральным водам для излечения раны. Между*

⁴ Формулярный список Ф.И. Бека за 1841 г. см.: ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 914. Л. 2–13.



Андрей Петрович Римский-Корсаков. *Неизвестный худ.*, 1821 г.
Из открытых источников

тем, как просьба моя из одной инстанции переходила в другую, угодно было провидению лишить меня жены, которая, скончавшись сиротой в г. Нарве, оставила мне по себе двух малолетних детей, сына и дочь — из коих старшему 5 лет... Как верноподданный своего Государя — чувствуя без обольщения пристрастия всю важность обязанности отца, ответствующего за детей своих — Богу, Государю и отечеству, — я должен признаться..., что, не имея совершенно никого, кому бы я мог вверить детей моих, я не в силах буду продолжить далее 24х летнюю мою службу в поле: но в 39 лет жизни, отказать служить Государю, от щедрот которого я облагодетельствован — больно — прискорбно моему сердцу!»⁵

В приложенном формулярном списке значилась отметка, что в первой половине 1814 г. офицер «не аттестовался за неосмотрительность и невыполнение по службе», а в кондуитном списке за то же время «в графе: каково ведет себя по службе, отмечено: неосмотрителен с нерадивостью в исполнении». Как правило, подобные упущения становились непреодолимым препятствием для поступления в жандармы, но Бенкендорф посчитал возможным ходатайствовать о прикомандировании Бека к корпусному штабу для предварительного испытания. Во всеподданнейшем докладе от 17 июля 1833 г. шеф жандармов подчеркивал, что «самая упомянутая неодобрительная аттестация была сделана бывшим командиром 1й бригады 23й пехотной дивизии генерал-майором [П.Б.] Нилусом 1м, который в 1818 году исключен из службы за несоответственные званию его поступки»⁶. Николай I выдержал паузу, но через два месяца все же дал свое согласие.

⁵ Там же. Д. 397. Л. 1–2.

⁶ Там же. Л. 15.

Находясь в Петербурге, Бек вторично женился — на дочери генерал-майора Д.П. Примо, от которой впоследствии имел троих детей. В январе 1834 г. шеф жандармов заверил императора, что Федор Иванович оказался *«действительно нравственности хорошей и по способностям своим может быть полезен в Корпусе жандармов»*, предложив направить его губернским штаб-офицером в Вятку. Николай I согласился, но с оговоркой: *«Впредь из Гренадерского корпуса офицеров не брать»*⁷.

В апреле 1835 г. Бек был переведен в Волынскую губернию, входившую в состав пятого (Виленского) округа Корпуса жандармов, объединявшего Западный край империи. 11 июля 1836 г. Федор Иванович отправил в Петербург публикуемое ниже отчетное донесение за первую половину года, озаглавленное им *«О лицах, имеющих по качествам своим дурное или хорошее влияние в обществе»*⁸. В этой записке Бек представил галерею служащих высшей губернской администрации, включая двух гражданских губернаторов — уволенного в 1835 г. А.П. Римского-Корсакова и его преемника Н.В. Жуковского, вице-губернатора, председателей судебных палат, предводителя дворянства, полицмейстера и др. Не скрывая личных симпатий, Бек дал ряду чиновников отрицательные или прямо уничижительные характеристики, которые, как правило, детальнее и ярче положительных. Особый интерес представляют сведения о родственных и дружеских связях чиновников, негласных конфликтах в администрации. В записке отразилась специфика Волынской губернии как части Западного края: если служившие во внутренних губерниях офицеры почти не касались общественных взглядов и политической «благонадежности» чиновников, то Бек посчитал нужным оценить их лояльность правительству, в том числе, выделив приверженцев русского и польского «начала»: так, губернатор Римский-Корсаков отличался *«необыкновенным своим пристрастием и связями с гг. польскими помещиками»*, а директор житомирской гимназии, напротив, выставлен как *«полезнейший посредник между правительством и новым поколением граждан»*⁹.

Донесение Бека привлекло внимание А.Н. Мордвинова, который распорядился направить ряд выписок для сведения министрам внутрен-

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ По-видимому, это было первое полугодовое донесение Бека из Волынской губернии.

⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 320, лит. Е. Л. 63 об., 71 об.



Житомир. Гравюра XIX в.
Из открытых источников

них дел, юстиции и народного просвещения, а также обер-прокурору Святейшего синода и киевскому генерал-губернатору¹⁰. На сопроводительном рапорте сохранилась карандашная запись шефа жандармов, указывающая, что донесение было доложено и Николаю I.

Между тем в 1836 г. ряд южных губерний империи в полицейском отношении были подчинены надзору инспектора всей резервной кавалерии генерала от кавалерии графа И.О. Витта, которому поручалось негласное руководство губернскими штаб-офицерами. Это решение не выглядит случайным, учитывая, что после подавления Польского восстания в 1831 г. Витт в должности варшавского военного генерал-губернатора по поручению фельдмаршала И.Ф. Паскевича руководил организацией тайной полиции в Царстве Польском, а в дальнейшем тесно контактировал с Бенкендорфом, направляя в III отделение большой объем разнообразных сведений¹¹. Замысел преобразования, как конфиденциально уведомлял Витта шеф жандармов, сводился к тому, чтобы, *«не разрушая штата Корпуса Жандармов в его настоящем основании, но сохраняя строго в негласности между вами и мною, с соизволения Государя Императора, принять под ближайшее и непосредственное Ваше начальство штаб-офицеров <...> обладая совершенным знанием местностей поручаемого наблюдению Вашему края, Вы имеете и всю возможность дать прямое направление их действиям»*¹². В предписании жандармским чинам Бенкендорф

¹⁰ В общей сложности 1 августа 1836 г. из III отделения по данному поводу было направлено семь исходящих бумаг.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 165 и др.

¹² В том же письме Бенкендорфа Витту от 18 ноября 1835 г. указано, какие именно губернские офицеры переходили в его подчинение: «Я предполагал бы передать в непосредственное наблюдение Вашего Сиятельства губернии: Херсонскую, Екатеринославскую и Слободско-Украинскую, в коих расположены войска поселен-

специально оговаривал, что *«полугодовые донесения о лицах должностных и известных в губерниях, каковые представлялись доселе ко мне по III отделению»*¹³, теперь следовало направлять на усмотрение Витта. В соответствии с этим указанием отчет за вторую половину 1836 г. Бек адресовал в Одессу¹⁴.

18 октября 1837 г. Витт предписал подведомственным ему жандармским штаб-офицерам вместо очередного полугодового донесения представить *«к 15 числу будущего декабря в виде годового отчета за настоящий 1837 год записку»*, в которой обратить «особенно внимание на три главные предмета, а именно:

а) На действия чиновников, коих власть в большей или меньшей степени относится к их лицу по должностям ими занимаемым.

б) Какой дух между помещиками и другими сословиями жителей.

в) Какое влияние имеют помещики на крестьян в отношении прав и нравственности их».

Кроме означенных предметов, в отчет можно было включить любые замечания *«по губернии и по тем еще делам благоустройства, которые, по наблюдениям вашим, требовали бы перемены, улучшения или нового какого-либо учреждения, с подробным объяснением как причин, всего того требующих, так и о пользах, от того произойти могущих»*¹⁵. Как видно, предполагаемая тематика этих бумаг была шире содержания полугодовых донесений.

Однако уже в начале 1838 г. в Петербурге было решено отказаться от услуг Витта в руководстве жандармскими чинами, 15 февраля 1838 г. Бенкендорф уведомил графа: *«Двухлетний опыт мне доказал, что при настоящем разделении между нами занятий нельзя надеяться, чтобы могла произойти та польза, какую имел я в виду»*¹⁶. Собрав годовые отчеты штаб-офицеров, 7 марта 1838 г. Витт направил их подлинни-

ной кавалерии, Вам вверенные, город Одессу, как место постоянного пребывания Вашего Сиятельства, и возвращенные от Польши губернии Киевскую, Подольскую и Волынскую, в коих со временем могут быть устроены военные поселения» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 62. Л. 3–3 об.). Позже Витт настоял на том, чтобы «присоединить и Таврическую губернию, где нередко размещаются резервные батальоны 5го пехотного корпуса, входящие в состав вверенных мне войск» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 62. Л. 11).

¹³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 62. Л. 15.

¹⁴ В делах III отделения этот документ обнаружить не удалось.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 62. Л. 46–46 об.

¹⁶ Там же. Л. 35.



Волынская губерния.
 Карточка из набора географических карточек Российской империи.
 Из открытых источников

ки в III отделение при обобщающей записке «Предметы ведения высшей военной полиции, заключающиеся в обязанностях жандармских штаб-офицеров». В ряду приложенных текстов под литерой «Е» значилась публикуемая ниже записка Бека «О Волынской губернии»¹⁷. Следуя указаниям Витта, он кратко характеризует общее положение поднадзорной губернии и упоминает отдельные местные обстоятельства, заслуживавшие, по его мнению, внимания правительства — строительство православных храмов, обустройство быта еврейского населения губернии и др.¹⁸ При этом основной акцент сделан на изменениях, произошедших в высшей губернской администрации за полтора года, а особое внимание уделено критике гражданского губернатора А.И. Звегинцова. Впрочем, этот чиновник был отправлен в отставку еще в сентябре 1837 г., а позиция Бека вряд ли стала откровением для руководства высшей полиции, хорошо осведомленного о личном и служебном столкновении двух чиновников, начавшемся почти с са-

¹⁷ Ориентировочно датируется началом 1838 г.

¹⁸ Этим предметам Бек ранее посвящал отдельную записку, которая в ноябре 1837 г. вместе с соображениями и пояснениями министра внутренних дел Д.Н. Блудова по поручению Николая I была передана на рассмотрение Комитета Западных губерний (записку Бека см.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1266. Оп. 1. Д. 23. Л. 27–35 об.; соображения Блудова опубликованы: Журналы Комитета Западных губерний. Изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловилов, Д.Н. Шилов. Т. 2: 1836–1840 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. С. 240–247).

мого появления Звегинцова в Житомире¹⁹. В результате все выведенные Бекон губернаторы, пусть несхожие по личным и деловым качествам, кажутся ему неподходящими начальниками для Волынской губернии.

В апреле 1839 г. с производством в полковники Бек был перемещен в Киевскую губернию, в сентябре 1840 г. — в Подольскую, где скончался 31 марта 1841 г.

Публикуемые ниже записки рисуют яркий портрет высшей администрации Волынской губернии середины 1830-х гг., одновременно расширяя сложившиеся представления о деятельности жандармских офицеров той эпохи. Обе бумаги отложились в делах 1-й экспедиции в фонде III отделения С.Е.И.В. канцелярии Государственного архива Российской Федерации. Документы являются подлинниками, написаны писарским почерком и заверены автографом автора, они приводятся в соответствии с современными правилами правописания с сохранением отдельных стилистических особенностей оригинала²⁰. Названия документов — авторские, в квадратных скобках раскрыты сокращения, авторские подчеркивания переданы курсивом. Сведения о некоторых лицах установить не удалось.

**Записка жандармского штаб-офицера в Волынской губернии
подполковника Ф.И. Бека «О лицах, имеющих по качествам
своим дурное или хорошее влияние в обществе»**

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 320, лит. Е. Л. 63–76 об.

11 июля 1836 г.

Житомир

№ 156²¹

Бека доказали, сколь заразительны для подчиненных противозаконные поступки старших, и потому я счел за нужное, прежде всего, обратиться

¹⁹ См.: ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 706.

²⁰ В соответствии с «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде» от 2022 г.

²¹ Вверху листа — «По секрету». В тексте записки фамилии всех упоминаемых чиновников дополнительно подчеркнуты чернилами и пронумерованы на полях (очевидно, кем-то из служащих III отделения). Управляющий III отделением А.Н. Мордвинов оставил на полях ряд комментариев карандашом (см. далее в примечаниях).

к особе *бывшего* за год пред сим гражданским губернатором действительного статского советника *Римского-Корсакова*²².

Общие отзывы наилучших и веры достойных чиновников об отношениях Его Превосходительства к гг. польским помещикам и ко всему русскому столь ужасны, что я не смею подробно передавать их начальству, ибо более или менее сии отзывы происходят всегда от эгоизма и личной выгоды каждого; но последствия управления губерниею губернатором Корсаковым, конченные и начатые при нем дела, математически мне доказали, что Его Превосходительство много сделал зла для правительства необыкновенным своим пристрастием и связями с гг. польскими помещиками; русским и преданным правительству чиновникам при таковом управлении губерниею оставалось действовать или в общем духе холодной неприязненности к правительству или бросать службу в Волынской губернии. Супруга Его Превосходительства²³ вела себя также предосудительно и со вредом для правительства. Она не только подражала во многом здешним дамам, так называемым патриоткам, но позволяла богатым недорослям вольное и короткое с собою обращение. Вместо того, чтобы съютить русских с поляками и возвысить все русское²⁴, — г. Корсаков и его супруга надолго поселили между первыми какую-то антипатию, а к последнему пренебрежение.

Честь и слава мудрому правительству, не потерпевшему в здешнем краю такого вредного во всех отношениях управления! я счастлив, что не служу с г. Корсаковым!!

Нынешний волынский гражданский губернатор действительный статский советник *Жуковский*²⁵. Душевные и умственные достоинства сего начальника губернии вполне соответствуют важности занимаемо-

²² Андрей Петрович Римский-Корсаков (1784–1862) — внебрачный сын генерал-лейтенанта П.В. Римского-Корсакова, в 1820-е гг. чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел, с 1827 г. новгородский вице-губернатор, с 1829 г. директор Государственного коммерческого банка, с 1831 г. волынский гражданский губернатор. Уволен в апреле 1835 г., в дальнейшем на службу не возвращался. Отец композитора Н.А. Римского-Корсакова.

²³ Софья Васильевна Римская-Корсакова (урожд. Скарятин, 1802–1890) — с 1821 г. жена А.П. Римского-Корсакова.

²⁴ Так в тексте (здесь и далее).

²⁵ Николай Васильевич Жуковский (1793–1852) — в 1820-е гг. служил председателем тобольского губернского правления, в декабре 1832 г. в чине действительного статского советника назначен оренбургским гражданским губернатором. Волынский гражданский губернатор с апреля 1835 г. В марте 1837 г. назначен губернатором в Калугу, в 1843–1851 гг. — санкт-петербургский гражданский губернатор, тайный советник с 1843 г.

го им места. Бескорыстие губернатора Жуковского избегло и самого позорения в глазах честных людей, а деятельность его по бумажной части заслужила всеобщую признательность. Нельзя не пожалеть, что человек сей вовсе не рожден к практической части губернатора.

Он не умеет заставить бояться и уважать себя, при том добрый и кроткий его характер столько доверчив, что опытный и искательный плут может войти к нему в большую милость со вредом для службы; и потому правительство наше в губернаторе Жуковском может иметь отличнейшего директора департамента, но не губернатора для Волынской губернии.

Здесь нужно, так сказать, переродить вещи и дать им новое направление, сообразное желанию правительства, для чего необходим губернатор не только благонамеренный, бескорыстный и деятельный, но человек с сильным, решительным характером, который, не ограничиваясь действиями в своем кабинете, умел бы заставить бояться и уважать себя подведомственные ему места и лица.

Его Превосходительство, будучи человеком благоразумным, чувствует свою несостоятельность и как первой милости от правительства ожидает перевода в одну из внутренних губерний; почему, очищая бумажные статьи, оставляет все другие вещи прежнему их течению. Быть может, он действовал бы и по последним сим предметам сильнее и настоятельнее, но, с одной стороны, опасается возражений и замечаний от управления военного генерал-губернатора²⁶, а с другой — происков здешних богатых магнатов, которые имеют сильные связи в наших столицах.

Почтенный наш начальник губернии замечателен и по домашней его жизни. Он содержит при себе тещу, свояченицу, племянницу и еще одну бедную девицу; благословенное сие семейство, дыша домашним счастьем, снискало от всех благоразумных людей здешнего края особенное уважение. Достоинства и добродетели губернаторши²⁷, вызвав здешнюю публику из опасного ее уединения, подружили с русскими чиновниками и завели в гостиных наш язык.

Чиновники особых поручений г. гражданского губернатора:

²⁶ Александр Дмитриевич Гурьев (1785–1865) — граф, сын министра финансов Д.А. Гурьева, с 1827 г. генерал-лейтенант, с 1828 г. сенатор, с января 1835 г. полтавский и черниговский военный губернатор, с июня того же года — киевский военный губернатор, управляющий гражданской частью и генерал-губернатор Подольской и Волынской губерний. В ноябре 1837 г. уволен от должности с производством в действительные тайные советники. С 1839 г. член Государственного совета, с 1848 г. председатель Департамента государственной экономии.

²⁷ Елизавета Николаевна Жуковская (1803–1856) — супруга Н.В. Жуковского.

Коллежский советник *Романовский*²⁸. При обыкновенных способностях ума, корыстолюбив и ленив.

Титулярный советник *Маниковский*²⁹. Способностей ума самых обыкновенных; из долговременной практики дело знает; душевные свойства черны и по должности корыстолюбив.

Исправляющий должность житомирского полицмейстера титулярный советник *Чулков*³⁰. Человек сей был в армии аудитором, а потом попал в чиновники особых поручений к губернатору Римскому-Корсакову. Он был у Его Превосходительства в особенной милости, давал места чиновникам, поправлял дела мятежнические и нажил большие деньги. Пролаз сей успел войти сперва в особенную дружбу родственника нынешнего губернатора и правителя его канцелярии г. *Тобиаса*³¹, а потом при помощи его успел обворожить и самого губернатора. Его Превосходительство хотя и был предупрежден о г. Чулкове, но за всем тем доставил ему место полицмейстера и даже представлял в советники Губернского правления.

Флигель-адъютант Его Императорского Величества граф *Васильчиков*³², быв некоторое время в Волынской губернии, получил многие сведения о лихоимстве г. Чулкова, и из благорасположения к начальнику губернии просил меня доложить о том Его Превосходительству, что мною и исполнено было со всею деликатностью. Но губернатор, как бы соглашаясь с отзывом графа *Васильчикова*, чрез некоторое время ходатайствовал о награждении г. Чулкова. Сего не довольно! Г. Чулков завел дружбу с дворянином *Жиромским* в прихожей губернатора после бывшего вечера и все это г. Чулкову прошло без потери расположения Его Превосходительства; одним словом, я не знаю человека, который бы был столько черен душою как г. Чулков и который, подобно ему, умел бы вкратиться в сердце начальника. Каждый, кто только любит губернатора *Жуковского* и уважает общее благо, желает, чтобы г. Чулкова не было в Волынской губернии. Недавно он

²⁸ *Матвей Осипович Романовский.*

²⁹ *Иван Иванович Маниковский.*

³⁰ *Константин Сергеевич Чулков.*

³¹ Губернский секретарь *Карл Соломонович Тобиас.*

³² Граф *Илларион Илларионович Васильчиков* (1805–1862) — сын генерала от кавалерии графа И.В. Васильчикова, в 1831 г. произведен в ротмистры, в 1833 г. пожалован во флигель-адъютанты. В феврале 1836 г. был командирован в местечко *Славута* Заславского уезда Волынской губернии для производства следствия (*Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 113–114). Впоследствии генерал-лейтенант, киевский генерал-губернатор.

успел доставить место луцкого городничего шурина своему Астафьеву³³, которого за нечистые поступки по службе г. вице-губернатор Афендик³⁴ вытеснил из чиновников особых поручений здешней Казенной палаты.

Волынский *вице-губернатор* статский советник Афендик. Человек сей на своем месте и во всех отношениях полезен для Отечества. Умен, бескорыстен и деятелен, знает свою обязанность и умеет держать себя так, что подчиненные боятся и уважают его.

Из всех правительственных мест Волынской губернии здешняя Казенная палата находится в лучшем положении относительно чистоты и течения дел, за всем тем, что вице-губернатор Афендик не во всех своих гг. советниках имеет отличных чиновников.

Губернский дворянский *предводитель* Двора Его Императорского Величества камергер Ленкевич³⁵. Любезный и наидобрейший человек сей к сожалению вовсе не занимается своею обязанностью и даже мало живет в губернском городе. Мягкий характер его таков, что он всегда на стороне большинства голосов.

Уголовной палаты *председатель* статский советник Счастный³⁶. Человек сей при обыкновенном уме и 35и летней опытности довольно хорошо знает свое дело; но бескорыстием не славится, хотя сверх обыкновенного по месту жалованья получает еще за службу при покойном великом князе Константине Павловиче пенсион по две тысячи рублей в год; а при том, родившись и состоя в Житомире, имеет такие связи, кои он уважает более, нежели самое правосудие и потому для пользы Отечества весьма бы полезно было перевести его в другую губернию.

³³ Титулярный советник *Петр Николаевич Астафьев*.

³⁴ *Иван Корнилович Афендик* (1776–1851) — назначен волынским вице-губернатором (председателем казенной палаты) в феврале 1832 г., с 1836 г. действительный статский советник. В феврале 1837 г. переведен вице-губернатором в Псков, служил в этой должности до смерти.

³⁵ *Грациан Станиславович Иногорский-Ленкевич* — волынский губернский предводитель дворянства в 1829–1838 гг., камергер с 1832 г.

³⁶ Коллежский советник *Николай Лукьянович Счастный (Щастный)*. На полях пометки А.Н. Мордвинова: «NB», «Мин.[истру] юстиции»; другим почерком: «исполнено». В октябре 1837 г. Бек докладывал Витту: «Глава губернской юстиции председатель Уголовной палаты статский советник Щастный, дослужившийся до сей степени в Житомире от чина копииста, величайший взяточник и покровитель всех кривых уездных судов и магистратов, продает за деньги самую святую истину и для безопасности своей племянника Гордеенку посадил в советники Губернского правления, сына в заседатели Гражданской палаты, а другого сына в письмоводители канцелярии губернского дворянского предводителя» (РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 23. Л. 30).

Губернский *прокурор* коллежский советник *Каменский*³⁷. Человек сей слывет теперь добрым стариком. Было время, когда он гражданскою службою приобрел себе до 600 душ мужского пола, а теперь лишь служит для чина статского советника. Но волынским губернским прокурором должен быть человек горячего усердия к службе, с твердым знанием своего дела и настойчивым характером. Пример его заставит проснуться уездных стряпчих и взяться за свое дело, а от их деятельности и честности неминуемо уездные суды и Гражданская палата, приняв сообразное воле правительства течение дел, очистятся от тех великих злоупотреблений, какие ныне в них водятся³⁸.

Житомирский и других уездов сей губернии *помещик*, действительный статский советник, Станислава 1й степени кавалер *Корженевский*. Старец сей уже склонился под тяжестью лет и потерял самостоятельность характера, но за всем тем, он замечателен в здешнем крае по преданности к престолу и богатству своего состояния, почему многие гг. помещики не жалуют его за первое.

Совестный судья бывший староконстантиновский уездный предводитель *Кноль*³⁹. Человек сей в последнее время упоминается в истории девицы Ойжинской, известной по возмутительной переписке и оскорбительной песне на священную особу Государя Императора. Он отличается враждебным духом против правительства и ненавистью ко всему рускому. Эту истину подтвердит каждый, кто только знает г. Кноля и кто решится быть искренним.

Директор житомирской *гимназии* *Бокшанин*⁴⁰. Честь и слава правительству, поручившему сему человеку образование здешнего юношества, зараженного в детстве духом неприязненности к правительству! Но каковы бы ни были родительские внушения, а г. Бокшанин во всяком случае полезнейший посредник между правительством и новым поколением

³⁷ Коллежский советник *Василий Афанасьевич Каменский* — волынский губернский прокурор с 1832 г., ранее служил губернским прокурором в Киеве.

³⁸ В октябре 1837 г. Бек писал Витту, что «губернских прокуроров ни одного по уверению постоянных старожилов нельзя наименовать, который бы достоинствами ума и сердца оправдывал важное свое предназначение. Гг. же уездные стряпчие как на подбор стары, дряхлы, незнающие и страшные лихоимцы» (РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 23. Л. 30).

³⁹ *Казимир Гаврилович Кноль (Кноль)* — ранее избирался староконстантиновским уездным предводителем дворянства.

⁴⁰ Надворный советник *Осип Михайлович Раб-Бокшанин* — в 1815 г. окончил курс наук в Санкт-Петербургском педагогическом институте, с 1824 г. префект Волынского лицея, в 1833 г. утвержден директором училищ Волынской губернии, уволен в 1839 г. На полях пометка А.Н. Мордвинова: «Мин.[истру] Н.[ародного] Просв. [ещения]»; другим почерком: «исполнено».

граждан. Он имеет все достоинства, необходимые для человека, начальника и наставника. Сердце русского радуется, глядя на служение г. Бокшанина Отечеству. Определение его в директоры здешней гимназии столько же хорошо соображено с местными обстоятельствами, важными для правительств, сколько определение многих других чиновников Волынской губернии последовало без принятия во внимание местных обстоятельств.

*Губернский почтмейстер Венцевич*⁴¹. Чиновник сей добр и отлично-го поведения, но по скупости своей и слабому содержанию корреспондентской части и ее чиновников опасен в Волынской губернии.

Оператор здешней Врачебной управы статский советник *фон-Шильдкнехт*⁴². Не медициною, но подрядами и ремеслом величайшего ростовщика он приобрел себе значительное состояние. Жалко видеть, что у сего оператора так трясутся руки, что он не попадает оными в свою табакерку; человек сей отличается в целой губернии своею скупостию.

Советник губернского правления *Гордеенко*⁴³. Человек сей большой лихоимец и крайне ограниченного ума; но от писца до настоящего чина дослужившись в Губернском правлении, получил навык в делах. Будучи искательного характера, он имеет приятелей в управлении военного генерал-губернатора и потому держится на своем месте. Начальник губернии им также тяготеется, но не смеет ничего предпринять против него.

Советник Уголовной палаты *Губарев*⁴⁴. Сколь необходимо знать начальнику своих подчиненных, это доказывает г. советник Губарев. Трудно поверить, до какой степени человек сей глуп, мнителен и незнающ даже азбуки своей обязанности. Говорят, ему исходатайствовал сие место ближайший родственник его правитель дел военного губернатора некто г. Карцов⁴⁵. Впрочем г. Губарев высокой честности.

Уголовных дел *стряпчий* *Данильченко*⁴⁶. Чиновник сей один из лучших между всеми чиновникам Министерства юстиции, находящимися

⁴¹ *Петр Петрович Венцевич.*

⁴² Доктор медицины *Федор Иванович Шильдкнехт.*

⁴³ Коллежский асессор *Никита Васильевич Гордеенко* — впоследствии воронежский губернский прокурор (1840–1847), товарищ председателя ковенской уголовной палаты (1847–1850), первый самарский губернский прокурор (1850–1854). На полях пометка А.Н. Мордвинова: «графу Гурьеву»; другим почерком: «исполнено».

⁴⁴ Коллежский асессор *Федор Кузьмич Губарев.*

⁴⁵ Правитель канцелярии киевского генерал-губернатора коллежский советник *Николай Степанович Карцов*, впоследствии действительный статский советник, юрисконсульт при Министерстве юстиции.

⁴⁶ Титулярный советник *Осип Михайлович Данильченко*. На полях напротив его фамилии пометка А.Н. Мордвинова: «Мин.[истру] Юст.[иции]»; другим почерком: «исполнено».

в Волынской губернии. За всем тем, он беден и обременен огромным семейством. Желательно, чтобы правительство, в пример прочим отличив сего достойного чиновника, поощрило бы его за дальнейшее служение.

Ковельский *уездный предводитель* дворянства кавалер св. Владимира 4й степени *Янишевский*⁴⁷. Человек сей, не взирая на то, что единственный сын его за шалости находится по гражданской части в Вятской губернии, — замечателен из всех гг. уездных предводителей по преданности своей к престолу и радушию к руским.

Соборной церкви г. Житомира *протоиерей Сольский*⁴⁸. Сей служитель Алтаря Божия по справедливости усердием своим к вере делает великую честь здешнему необразованному и униженному духовенству. Наружный вид сего священника величествен и благообразен. Свойства сердца его благородны и скромны, а просвещенный ум его виден и в Храме Божиим, и в гостини; но больно для каждого верноподданного Царя Русского, что здешней римско-католической церкви каноник Головинский⁴⁹, человек молодой, получил орден св. Станислава 4й степени, а Сольский, чтимый не только рускими, но и католиками, остался без награждения.

Житомирский земский исправник подполковник *Вольянский*⁵⁰. Чиновник сей замечателен по горячему усердию к своей обязанности и бескорыстию по службе. Но он еще не получил никакого награждения за отличную свою службу по гражданской части.

Староконстантиновский *городничий* коллежский асессор *Кильчевский*⁵¹. Чиновник сей обращает на себя внимание образованным умом, усердием к своей обязанности и бескорыстием по службе; но между тем он беден и затрудняется в содержании своего благочестивого семейства.

⁴⁷ Константин Францевич Янишевский. На полях пометка А.Н. Мордвинова: «За что сын его в Вятке?».

⁴⁸ Петр Дмитриевич Сольский. На полях пометка А.Н. Мордвинова: «графу Протасову»; другим почерком: «исполнено». Граф Николай Александрович Протасов (1798–1855) в июне 1836 г. был утвержден в должности обер-прокурора Святейшего синода.

⁴⁹ Игнатий Петрович Головинский (1807–1855) — католический епископ и духовный писатель, с 1835 г. — житомирский кафедральный каноник, с 1837 г. — профессор богословия и капеллан Киевского университета, с 1842 г. до конца жизни ректор Императорской Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии, с 1851 г. также архиепископ Могилевский.

⁵⁰ Григорий Васильевич Вольянский.

⁵¹ Согласно «Месяцеслову и общему штату Российской империи на 1836 год» — Андрей Карлович Кольчевский. На полях пометка А.Н. Мордвинова: «Мин.[истру] Вну[тренних] дел»; другим почерком: «исполнено».

Экзекутор губернского правления *Попов*. Чиновник сей отличает себя примерно-нравственным поведением, усердием и бескорыстием по службе; но имея при себе большое семейство родных, живет в большой бедности.

Секретарь Временной ликвидационной комиссии *Опоцкий*⁵². Человек сей и по должности и по домашней жизни замечателен, решительно сказать можно, что он наичестнейший из всех секретарей Волынской губернии. Сердце его столько же исполнено чувствами добра, сколько разум его знаком с постановлениями правительства; счастлива была бы Волынская губерния, если бы г. Опоцкий определен был на место секретаря Гражданской палаты Добелевского.

Губернский архитектор губернский секретарь *Млодзяновский*⁵³. Судя по тому, что в заброшенной Волынской губернии, рано или поздно, необходимо правительству сделать казенные постройки — ленивый чиновник сей, не знающий своей обязанности, не может быть терпим здесь.

Гражданской палаты бесчиновный *секретарь Добелевский*⁵⁴. Человек сей замечателен по привязанности ко всему польскому; а во-вторых, силою и противозаконными изворотами в делах палаты, — вследствие чего он нажил значительное состояние. За всем тем, он на месте своем весьма крепок, ибо здешние магнаты высоко ценят его национальные чувства.

В апреле месяце сего года, когда г. генерал-губернатор граф Гурьев ревизовал палату, Добелевский, не желая расстаться с кунтушом, кушаком и саблею сказался больным и не был в присутствии палаты.

Занимающийся медицинскою наукою *выкрест из евреев некто Липс*⁵⁵. В сем человеке, по мере образования ума, родились два сильные чувства: антипатия ко всем евреям и желание усердием своим сделаться известным правительству, чтобы получить какую-нибудь степень почести, и для того даже тратит свои деньги, чтобы сделать полезное открытие. Если правительству когда-либо встретится надобность иметь человека для тайной полиции, в губерниях от Польши возвращенных, то оно с большою пользою может употребить Липса, ибо человек сей, зная

⁵² Титулярный советник *Терентий Яковлевич Опоцкий*.

⁵³ *Фома Иванович Млодзяновский*.

⁵⁴ *Игнатий Михайлович Добелевский*. На полях пометка А.Н. Мордвинова: «графу Гурьеву»; другим почерком: «исполнено».

⁵⁵ Яков Липс, по профессии медик, с июля 1837 г. цензор еврейских сочинений Киевского цензурного комитета, с 1838 г. служащий секретной экспедиции Петербургского почтамта с причислением к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. На полях пометка А.Н. Мордвинова: «выписать мне эту статью особо».

совершенно еврейский, польский, а также немецкий и русский языки, знанием медицины, может хорошо себя укрыть и иметь везде вход⁵⁶.

Подполковник Бек
за адъютанта прапорщик Шарамович⁵⁷

Записка жандармского штаб-офицера в Волынской губернии подполковника Ф.И. Бека «О Волынской губернии»

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 245, лит. Д. Л. 67–71 об.

Начало 1838 г.⁵⁸

Житомир

После отчета, представленного мною к Вашему Сиятельству при рапорте моем от 28го января 1837го года за № 33⁵⁹ произошли большие перемены в губернском начальстве.

Вместо председателя Уголовной палаты *Щастного*, известного по лихоимству своему, переведен на его место из Гродно от таковой же должности г. статский советник *Карпилович*⁶⁰, человек весьма бескорыстный, но к сожалению столь мягкого и слабого характера, что связями и просьбами у него то же можно найти, что покупалось за одни деньги у г. *Щастного*⁶¹.

⁵⁶ В сопроводительном рапорте на имя шефа жандармов Бек дополнительно просил «обратить милостивое внимание на отлично усердную службу и благородные правила значащихся в записке № 156 чиновников: директора гимназии Бокшанина, уголовных дел стряпчего Данильченку, староконстантиновского городничего Кильчевского, экзекутора губернского правления Попова и житомирской соборной церкви протоиерея Сольского» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 320, лит. Е. Л. 62 об.). На этом сопроводительном письме Бенкендорф написал: «Государь приказал сообщить М.М. Сперанскому, дабы он его отослал немедленно в губернию, а Гурьева уведомить, дабы он имел за ним строгий надзор и выбрать другого надежного для замены» (Там же. Л. 62). Из контекста публикуемой записки неясно, на какого чиновника указывает шеф жандармов.

⁵⁷ Документ скреплен подписью адъютанта Бека (*Константин Иванович Шарамович*, из дворян Киевской губернии, католического исповедания, воспитывался в Дворянском полку, в 1835 г. в чине прапорщика определен в Корпус жандармов с назначением за адъютанта к штаб-офицеру в Волынской губернии, позже служил адъютантом губернских штаб-офицеров в Ставрополе, Воронеже и Калуге, в 1840 г. уволен из Корпуса жандармов с чином коллежского секретаря).

⁵⁸ Датировано по содержанию. Сверху листа чернилами: «Лит[ера] Е», «По секрету».

⁵⁹ В делах III отделения этот документ обнаружить не удалось.

⁶⁰ *Порфирий Иванович Карпилович*.

⁶¹ В марте 1838 г. статский советник Н.А. Счастный был назначен черниговским вице-губернатором, состоял в этой должности до 1841 г.

Вместо вышедшего в отставку слабого и несведущего прокурора *Каменского* поступил из Подольской губернии прокурор *Алферов*⁶², который знает свое дело и действует по службе честно и настоятельно: но при дряхлых и корыстолюбивых уездных стряпчих благородные действия его не делают пользы для губернии.

Вместо вице-губернатора *Афендика*, переведенного в Псков после неприветливого его обращения с двумя иностранными вояжерами⁶³, за коих вступился англичанский посланник лорд *Дургам*⁶⁴ — назначен из Новгорода вице-губернатором действительный статский советник *Смирнов*⁶⁵, человек со сведениями и большой опытностью, но с пустым криком на подчиненных и притязанием на чужую собственность, от чего не пользуется уважением и дела по палате идут хуже прежнего.

⁶² *Никифор Иванович Алферов* (1798–1880) — впоследствии служил председателем палаты уголовного суда Воронежской губернии (1851–1859) и председателем палаты гражданского суда Волынской губернии (1860–1865).

⁶³ В середине октября 1836 г. британский подданный Джордж Фергюсон подал письменную жалобу английскому посланнику в Петербурге графу Дарему, в которой утверждал, что 25 сентября при пересечении границы с Царством Польским был задержан на таможене в местечке Устилуги Волынской губернии и препровожден со своими компаньонами в Житомир. Исправлявший губернаторскую должность вице-губернатор Афендик и полицейские чины осмотрели отобранные у иностранцев бумаги, после чего им было выдано разрешение на пересечение границы. Фергюсон жаловался, что таможенные чиновники проигнорировали открытое письмо за подписью киевского военного губернатора А.Д. Гурьева, ему не были возмещены путевые издержки, а вице-губернатор отказал в личной аудиенции. Николай I передал жалобу Бенкендорфу с повелением прояснить обстоятельства произошедшего. 23 октября в Волынскую губернию был командирован состоявший по особым поручениям при шефе жандармов полковник Н.М. Панов, который установил, что иностранцы были задержаны в силу особого секретного предписания III отделения от 20 мая 1833 г., в котором значился поляк Нарцисс Фергюсон. В итоговом отчете Панов докладывал, что не обнаружил преступных видов таможи, но полагал, что «нельзя оставить без внимания грубой и крайне неосмотрительной ее в сем деле погрешности». Вице-губернатор, по словам Панова, «не хотел оказать им никакой вежливости и все просьбы их оставлял без внимания, что может быть их более раздражило, чем самый поступок таможи». По всеподданнейшему докладу шефа жандармов Николай I повелел «вице-губернатору Афендику сделать строжайший выговор и перевести к другой должности; а таможене в Устилуге сделать строгий выговор за неуважение открытого предписания генерал-губернатора» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 243. Л. 57, 63).

⁶⁴ *Джон Георг Ламбтон, граф Дарем* (1792–1840) — британский политик, дипломат, в 1835–1837 гг. британский посол в России, позже верховный комиссар и генерал-губернатор Британской Северной Америки.

⁶⁵ *Владимир Савич Смирнов* (1784–1865) — назначен волынским вице-губернатором в феврале 1837 г., состоял в этой должности до февраля 1838 г. Ранее служил вице-губернатором в Астрахани (1824–1828 гг.), Владимире (1828–1835 гг.) и Новгороде (1835–1837). Впоследствии управлял Главным казначейством (1839–1861 гг.), тайный советник (с 1853 г.).

Вместо слабого, но благородного и знающего свое дело губернатора Жуковского, переведенного сим званием в Калужскую губернию, по ходатайству генерал губернатора графа Гурьева был назначен из полковников, с переименованием в действительные статские советники, г. Звегинцев⁶⁶, человек с изрядным состоянием и хорошими сведениями, но при том величайший эгоист, мелкой души и непонимающий своего дела, от чего дела в губернии пошли хуже прежнего.

Г. Звегинцев однако же понаслышке знал, что Губернское правление, управляя губернией именем Государя, если распоряжается бескорыстно, быстро, правильно и настоятельно, — то все места и лица подведомственные ему рано или поздно будут выполнять свои обязанности по крайней мере с законною правотою, и для того принялся горячо за Губернское правление, которое быть может и успел бы поправить — но к несчастью его и целой губернии, к нему попал в особенную милость посредством самого низкого рабства советник Гордеенко, человек чернейших правил, а это обидное для двух других честнейших советников предпочтение заставило их оставить службу, и потому г. Звегинцев, нимало не исправля Губернского правления, оставил его предместнику своему генералу Маслову⁶⁷, если не в худшем, то в том же несчастном положении, в котором оно с давнего времени находится⁶⁸.

Нельзя однако же не согласиться, что дела волынского Губернского правления так обширны и так сильно запущены, что каждый знающий и благонамеренный губернатор, даже при хороших советниках, встретит совершенную невозможность поставить его в исправное положение, ежели правительство по бывшим уже в других губерниях примерам

⁶⁶ Александр Ильич Звегинцов (у Бека — Звегинцев) — окончил Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1835–1837 гг. казанский вице-губернатор, в марте 1837 г. в чине действительного статского советника назначен волынским губернатором. Уволен в сентябре того же года, в отставке проживал в своем имении Петровское Борисоглебского уезда Воронежской губернии, в 1847–1850 гг. шацкий уездный предводитель дворянства.

⁶⁷ Александр Петрович Маслов — в службе с 1806 г., участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. в составе лейб-гвардии Гренадерского полка, с 1827 г. штаб-офицер Корпуса жандармов, в 1830–1833 гг. исправляющий должность начальника пятого (симбирского, с 1832 г. — казанского) округа Корпуса жандармов, в 1833–1836 гг. первый начальник седьмого (сибирского) округа Корпуса жандармов, в 1837–1839 гг. волынский губернатор в чине генерал-майора.

⁶⁸ В нижней части листа другим почерком примечание к этому абзацу: «При поверхностном обозрении дел Губернского правления исправляющим должность начальника губернии председателем Казенной палаты Смирновым найдено нерешенных дел слишком 20 тыс. и незаслушенных бумаг с 1830го года слишком десять тысяч».

не учредит особенной временной экспедиции при Губернском правлении для рассмотрения и окончания старых дел ее.

Говоря о настоящем положении Волынской губернии, безошибочно можно сказать, что *здесь не власти повелевают лицами, а лица управляют властями.*

Волынскую губернию населяют три народа: поляки, евреи и *так называемые русские*. Первые, действуя на правительство связями и ненавистью его, не оставили еще надежды на соединение Польского королевства; вторые золотом успевают иметь влияние в высших правительственных местах на дела израильского народа; а третьи по безнравственности, невежеству и тяжкому рабству составляют народ только по числительности, но без духа и характера, которые мы замечаем в земледельцах великороссийских губерний.

В краю, где правительственные власти слабы и не пользуются глубоким уважением, там обыкновенно права помещиков в отношении своих крестьян или слишком неограниченны, или слишком малы, смотря по стечению обстоятельств; но большую часть здесь от различия веры и языка помещики и посессоры казенных имений, почитая крестьян своих за каких-то рабочих животных и нимало не радея об их нравственности и выгодах домашней жизни, обременяют их тяжкими трудами.

Луцкого уезда помещицы *Закашевской* крестьяне несколько лет уже вышли из повиновения, отыскивая свободы. По решению дела их Правительствующим Сенатом и Государственным Советом им присуждено быть в крепостном владении, за всем тем местное начальство в течение 3х лет не может заставить их повиноваться власти помещицы, каковые нерешительные меры были поводом, что они в прошлом 1837 году не хотели исполнить и государственной повинности отдачею с их общества рекрута.

Из отчета моего за прошлый 1836й год Вашему Сиятельству уже известно о состоянии прочих частей Волынской губернии и о мнении моем к улучшению и утверждению их для пользы народа и правительства. Но руководствуясь заключением предписания Вашего Сиятельства № 90⁶⁹ имею честь почтительнейше доложить:

1) Как целость религии составляет основу всего того, о чем печется правительство, — то если уже нет никаких средств у государства поместить вместе с губернским епархиальное начальство и дать лучший вид

⁶⁹ Речь идет о предписании Витта от 18 октября 1837 г., о котором подробнее сказано во вступительной статье.

церковным вещам в целой губернии, по крайней мере в 10ти уездных городах построить красивые и теплые церкви, снабдя их приличными ризницами и утварью, тогда и воины и граждане пойдут молиться в свою Церковь, а ныне и те и другие в самые Царские дни идут в костел и неприметным образом отпадают от всего отечественного.

2) Непостижимо, от чего Министерство внутренних дел так бесечно, — что в течение 40 лет оно еще не озаботилось определить — где быть губернскому городу Волынской губернии. Отсюда проистекают тысячи неудобств, вредных и для правительства и для его подданных⁷⁰!

3) Конфискованные имения Киевской и Каменец-Подольской губерний уже поступили под управление Вашего Сиятельства: но в Волынской губернии они состоят под ведением Казенной палаты и с каждым днем более и более разоряются. Прошлого лета еврей Филькеништейн, сделав донос в собственные руки Государя Императора, брался доказать злоупотребления в конфискованных имениях Волынской губернии на сумму до миллиона рублей и

4) Еврейский народ, с одной стороны, по своей многочисленности, религиозному фанатизму, плутовству и ежегодному обнищанию многих семейств, а с другой по неполноте и неверности мер, начертанных в уставе и положении собственно о евреях⁷¹, — требует неотлагательно, чтобы правительство сколь можно поспешнее переменяло их внутреннее и ближайшее управление. *Кагалы их есть начало и конец всех зол!*

Опытные друзья Отечества нашего весьма справедливо заключают, что если евреям дать управление удельных наших крестьян, с некоторым изменением, то они себе и государству будут полезнее: но если их оставить при настоящем управлении, то кроме неуплаты податей в тех местах, где нет кружечного сбора или есть, но незначительный, — правительство не будет от них иметь и даже рекрут.

Подполковник Бек

⁷⁰ Житомир получил статус губернского города в 1804 г., но в 1830-х гг. в правительстве обсуждался вопрос о перенесении центра губернии в Новоград-Волынский, Луцк или Дубно (Карлина О. Организация городского самоуправления в Волынской губернии в первой половине XIX в. // *Studia z historii społeczno-gospodarczej XIX i XX wieku*. 2011. № 9. С. 140). Бек в октябре 1837 г. предлагал «губернский город перенести из отдаленного конца губернии (где он теперь находится) в г. Дубно, откуда губернское начальство, так сказать, может обнимать все части своего управления» (РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 23. Л. 33 об.). В 1840 г. Николай I подтвердил статус Житомира как губернского города.

⁷¹ Имеется в виду «Положение о евреях», утвержденное Николаем I 13 апреля 1835 г.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Биби́ков Г.Н. Полу́годовые до́несения губе́рнских жанда́рмских штаб-офи́церов как исто́чник по исто́рии местно́го управле́ния Росси́йской импе́рии 1830х гг. *Новое прош́лое*. 2021;(1):34–57.
Bibikov G.N. Semiannual reports of provincial gendarme staff officers as a source for the history of local government in the Russian Empire in the 1830s. *The New Past*. 2021;(1):34–57 (in Russ.).
2. Бикта́шева А.Н. Кадровый контро́ль политическо́й поли́ции над ре́гиональным чи́новничеством: практи́ки Каза́нской губе́рнии 1826–1861 гг. *Известия Сара́товского уни́верситета. Серия: Исто́рия. Междуна́родные отно́шения*. 2014;(4):110–114.
Biktasheva A.N. Personnel control of the political police over regional officials: Practices of the Kazan province in 1826–1861. *Bulletin of the Saratov University. Series: History. International Relations*. 2014(4):110–114 (in Russ.).
3. *Журна́лы Комите́та Запа́дных губе́рний* (в 2 т.). Т. 2: 1836–1840 гг. / Подг. к изд.: Т.В. Андре́ева, И.Н. Ви́бе, Б.П. Мило́видов, Д.Н. Ши́лов. СПб.: Дми́трий Була́нин, 2021. 800 с.
Journals of the Committee of Western provinces (in 2 vols.). Vol. 2: 1836–1840 / Prep. for publish. by T.V. Andreeva, I.N. Wibe, B.P. Milovidov, D.N. Shilov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2021. 800 p. (in Russ.).
4. За́йончко́вский П.А. Губе́рнская адми́нистра́ция на́кануне Кры́мской во́йны. *Вопро́сы исто́рии*. 1975;(9):33–51.
Zaionchkovsky P.A. The provincial administration on the eve of the Crimean War. *Voprosy istorii*. 1975;(9):33–51 (in Russ.).
5. Ка́рлина О. Органи́зация горо́дского самоуправле́ния в Во́лын-ской губе́рнии в пер́вой поло́вине XIX в. *Studia z historii społeczno-gospodarczej XIX i XX wieku*. 2011;(9):139–150.
Karlina O. The organization of urban self-government in the Volyn province in the first half of the 19th century. *Studia z historii społeczno-gospodarczej XIX i XX wieku*. 2011;(9):139–150 (in Russ.).

6. Оржеховский И.В. *Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)*. М.: Мысль, 1982. 207 с.
Orzhekhovsky I.V. *Autocracy against revolutionary Russia (1826–1880)*. Moscow: Mysl', 1982. 207 p. (in Russ.).
7. Румянцев П.П. Взгляд жандармских штаб-офицеров на аппарат управления в Сибири в дореформенный период. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2024;23(2):167–178.
Rumyantsev P.P. The view of gendarme staff officers on the administrative apparatus in Siberia in the pre-reform period. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2024;23(2):167–178 (in Russ.).
8. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. *Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 992 с.
Shilov D.N., Kuzmin Yu.A. *Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1906: Biobibliographic reference book*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007. 992 p. (in Russ.).



 Бибиков Григорий Николаевич
Grigory N. Bibikov

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
русской истории РАН,
SPIN-код: 2834-0966,
ORCID: 0000-0003-1569-2508,
ResearcherID: M-3174-2016,
Scopus ID: 56805168600

C.Sc. (History), Senior Researcher in
the Institute of Russian History, Russian
Academy of Sciences,
SPIN-code: 2834-0966,
ORCID: 0000-0003-1569-2508,
ResearcherID: M-3174-2016,
Scopus ID: 56805168600

Поступила в редакцию /
Received
16.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
16.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
18.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.010)

Оригинальная статья / Original paper



В.К. Азаревич

Независимый исследователь, г. Владивосток, Российская Федерация

E-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Служба и люди Владивостокского охранного отделения в 1913–1914 гг.

Аннотация

Исследование посвящено региональным особенностям политического сыска в Российской империи на примере Владивостокского охранного отделения, избежавшего ликвидации в ходе реформы политической полиции В.Ф. Джунковского в 1913–1914 гг. Пример этого отделения можно использовать в качестве так называемого «исключительного нормально-го», на примере которого видны как общеимперские, так и сугубо региональные черты рассматриваемого явления. Исследование сочетает изучение организации деятельности Владивостокского охранного отделения как органа государственной власти вместе с рассмотрением биографий офицеров Отдельного корпуса жандармов, проходивших в нем службу. Такое сочетание двух факторов позволяет реконструировать повседневную работу политического сыска и оценить степень эффективности его работы. На протяжении 1913–1914 гг. в Приамурском генерал-губернаторстве офицерами и сотрудниками владивостокской охраны поддерживался высокий уровень работы политической полиции, результатом которой был низкий уровень активности революционного движения. Такой результативности сыскной службы удалось добиться за счет постоянной агентурной работы, которая велась не только во Владивостоке и других городах генерал-губернаторства, но и в ближайших зарубежных городах с крупными русскими диаспорами (Нагасаки, Шанхай). Огромную роль

в этом сыграл профессионализм сотрудников отделения, среди которых были опытные офицеры, имевшие опыт службы в политическом сыске, и молодые жандармы, желавшие служить в розыскных органах. Несмотря на бюрократические противоречия и кадровые проблемы деятельность Владивостокского охранного отделения была эффективна, отображая основные аспекты деятельности общеимперского политического сыска.

Ключевые слова:

Владивостокское охранное отделение; Отдельный корпус жандармов; Департамент полиции; Приамурское генерал-губернаторство; Приморская область; политический сыск; В.Ф. Джунковский

Для цитирования:

Азаревич В.К. Служба и люди Владивостокского охранного отделения в 1913–1914 гг. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 266–297. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.010)

Vasily K. Azarevich

Independent researcher, Vladivostok, Russian Federation
E-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Service and Personnel of the Vladivostok Security Section, 1913–1914

Abstract

This article examines the regional characteristics of political surveillance in the Russian Empire through the example of the Vladivostok Security Section, which escaped abolition during the 1913–1914 reform of the political police initiated by Vladimir F. Dzhunkovsky. The Vladivostok Security Section represents what may be termed an «exceptional normal case,» illustrating both

the empire-wide features and the distinctive regional characteristics of the imperial political police. The study combines an analysis of the organizational structure and operations of the Vladivostok Security Section as a state institution with a prosopographical examination of the officers of the Separate Corps of Gendarmes who served there. This combined approach makes it possible to reconstruct the day-to-day functioning of the political police and to assess the effectiveness of its operations. Throughout 1913–1914, officers and personnel of the Vladivostok Security Section maintained a high standard of political policing within the Priamur Governor-Generalship, contributing to the relatively low level of revolutionary activity in the region. This effectiveness was achieved through an extensive network of informants operating not only in Vladivostok and other cities of the governor-generalship but also in nearby foreign cities with substantial Russian émigré communities, including Nagasaki and Shanghai. The professionalism of the Section's personnel played a decisive role in this success. Its staff included experienced officers with prior service in political investigations as well as younger gendarmes eager to pursue careers in investigative work. Despite bureaucratic tensions and personnel shortages, the Vladivostok Security Section operated effectively, exemplifying the principal features of political surveillance throughout the Russian Empire.

Keywords:

Vladivostok Security Section; Separate Corps of Gendarmes; Police Department; Priamur Governor-Generalship; Primorsk Oblast/Primorye; political surveillance; V.F. Dzhunkovsky

For citation:

Vasily K. Azarevich. Service and Personnel of the Vladivostok Security Section, 1913–1914. *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 266–297. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.010)



енерал-майор Владимир Федорович Джунковский был назначен на должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, и командира Отдельного корпуса жандармов 23 января 1913 г. С его именем связана одна из самых масштабных реформ в истории дореволюционного политическо-го сыска. С 15 мая 1913 г. по 19 июля 1914 г. были ликвидированы все ох-

ранные и районные охранные отделения¹, офицеры и сотрудники которых были включены в личный состав местных губернских жандармских управлений². Ликвидации избежали лишь три столичных охранных отделения — Варшавское, Московское и Санкт-Петербургское, поскольку они были созданы законодательно, а не распоряжениями МВД³. Из региональных охранных отделений ликвидации избежали Туркестанское районное охранное отделение и Владивостокское охранное отделение. Оба эти отделения были сохранены по одной причине: ни в Туркестанском, ни в Приамурском генерал-губернаторствах не существовало губернских жандармских управлений, которым можно было передать их функции; также сохранение Туркестанского РОО оправдывалось наличием в регионе развитого панисламистского движения, т.е. конкретно измеримой реальной угрозы. Владивостокское ОО было сохранено в регионе, где не было организованного революционного или антиправительственного национального движения. Поэтому его рассмотрение представляет особый интерес.

Несмотря на то, что первые русские поселения появились на берегах Тихого океана в XVII в., активное заселение и развитие региона началось только после того, как в 1858–1860 гг. в Россию были включены наиболее комфортные для проживания южные регионы Дальнего Востока — непосредственно долина нижнего течения реки Амур (Приамурье) и полоса земли между реками Амур, Уссури и Туманная и Тихим океаном (Приморье). Поскольку эти территории вошли в состав России де-факто уже после Великих реформ, то их развитие и становление государственных органов проходило в условиях очередного витка российской модернизации. Многие из них возникали на новом месте, без долгого предшествующего развития на местном уровне. Потому представляется, что рассмотрение состояния политического надзора в Приамурье в 1913–1914 гг. позволит увидеть наиболее полно и ясно не только его местные особенности, но и те общеимперские закономерности, которые отражались в нем, как в каждой капле воды из Мирового океана может быть отображено все разнообразие его химического состава, общее для всей водной толщи.

Фокусировка исследовательского внимания на периоде реформы Джунковского, направленной на ликвидацию охранных отделений, позво-

¹ Далее — ОО и РОО соответственно.

² Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 156–158.

³ Там же. С. 152.

лит избежать следования по ложному пути в виде попыток связать развитость политического сыска с готовностью страны к Первой мировой войне. Такой подход заставил бы искать жесткую взаимосвязь между этими явлениями и «подгонять» изученный эмпирический материал под заранее известный итог. Отказ же от телеологического воззрения позволяет увидеть рассматриваемое явление во всей его исключительности, с учетом всех тех неожиданных и порой случайных исторических фактов и воздействия отдельных людей, которые присущи историческому процессу.

Поиск «неожиданного» и «исключительного» переносит фокус исследования на субъективные факторы влияния — личности жандармских офицеров сыска, их привычки, опыт, заболевания, как факторы, влиявшие на их работу. На этом уровне исследования естественным представляется переход к «плотному описанию» известных фактов, в качестве наиболее плодотворной исследовательской стратегии.

Работа выполнена на пересечении двух подходов. Владивостокское охранное отделение рассматривается и как часть общеимперского института политического контроля, и как совокупность человеческих судеб и биографий его сотрудников. Это совмещение дает возможность оценить рассматриваемую систему и с точки зрения того, что от нее хотели имперские бюрократы в Санкт-Петербурге, и с точки зрения того, что же она собой являла на самом деле в рамках повседневной деятельности владивостокских жандармов.

Переходя к более подробному рассмотрению институциональной организации политического сыска в Приамурье в 1913–1914 гг., стоит обратиться к документам штаба Отдельного корпуса жандармов. Главным из них можно назвать доклад под названием «Жандармский надзор в пределах Приамурского генерал-губернаторства», представленный начальнику штаба корпуса 27 мая 1914 г.⁴ Он был подготовлен в рамках начавшегося в январе того же года обсуждения проекта организации Приамурского областного жандармского управления. Инициатором этого проекта был начальник Иркутского ГЖУ и, по совместительству, Восточно-Сибирского РОО полковник Алексей Васильевич Васильев. По этой причине данный доклад текстуально во многом совпадает с отчетом Васильева о постановке политического сыска на Дальнем Востоке от 29 декабря 1913 г. Владивостокское охранное отделение подчинялось Восточно-Сибирскому районному, и Васильев был обязан проверять его работу.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 3607. Л. 36–38 об.



Начальник Порт-Артурской крепостной жандармской команды подполковник князь Александр Платонович Микеладзе в г. Порт-Артуре. Фото 1905 г.
Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-DIG-ppmsca-08055

В докладе штаба ОКЖ указывалось, что жандармский надзор в Примамурье состоит из двух основных учреждений Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги и Владивостокского охранного отделения. ЖПУ было создано в 1892–1893 гг. и имело отделения во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске и на станции Муравьев-Амурский. Из-за отсутствия в Приморской области полноценного ГЖУ с 1905 г. железнодорожным жандармам было передано право ведения дознаний по политическим делам, в то время как остальные обязанности губернских жандармских управлений, включая политический надзор, в их обязанности не входили⁵. Отмечалось, что с 1908 г. один из офицеров ЖПУ, по согласованию с комендантом Владивостокской крепости (как правило, адъютант управления), совместно с чинами общей полиции, исполнял в порту обязанности по досмотру паспортов и багажа прибывающих и уезжающих за границу пассажиров. Не имея средств к полноценному исполнению своих обязанностей, этот жандармский офицер был вынужден просто вести наблюдение за действиями полицейских⁶.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 36 об.

К специализированным розыскным органам в докладе относилось Владивостокское охранное отделение с розыскными пунктами в Благовещенске, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. Формально, деятельность отделения, как отмечали составители доклада, должна была распространяться на всю территорию Амурской и Приморской областей. В реальности же Владивостокское ОО вело надзор лишь на территории города и крепости Владивосток, Никольск-Уссурийский розыскной пункт, в основном, получал сведения и предпринимал какие-либо действия через чинов общей полиции в Никольске-Уссурийском, Иманском и Ольгинском уездах, а деятельность Хабаровского розыскного пункта ограничивалась городом Хабаровском и одноименным уездом. Территорию реальной ответственности Благовещенского розыскного пункта вне города Благовещенска определить так и не удалось⁷.

Название следующего пункта доклада, «Неудовлетворенность существующей организацией», полностью отражает его суть. Штабные офицеры Корпуса жандармов отмечали, что фактически политический надзор осуществляется лишь в крупных городах области и полосе отчуждения Уссурийской железной дороги. В крупных населенных пунктах и войсковых постах (Раздольное, Посъет, Шмаковка, Иман, Владимир-Александровское и т.п.) он отсутствовал. Отдельно отмечалось, что разбросанные по тайге и побережью малочисленные места ведения различных промыслов (горных, угольных, лесных, золотодобывающих, рыбных) «остаются не только без всякого наблюдения, со стороны специальных органов, ведущих политический розыск, но даже зачастую и без обычного полицейского надзора, так как чины общей полиции, вследствие своей малочисленности, при громадных расстояниях, бездорожья и примитивных способах, часто совершенно прерываемого сообщения, не в состоянии осуществлять таковой»⁸.

Подчеркивалось, что «в силу географического и политического положения Дальнего Востока» требуется наиболее строгий надзор за многочисленными воинскими частями, расквартированными в Приамурье, так как из-за тяжелых условий размещения их военнослужащие часто таят в себе недовольство и требуют присмотра. Другой проблемой указывалась неопределенность прав и обязанностей жандармских офицеров, ввиду того, что все дознания по государственным преступлениям зачастую перекладывались ЖПУ на офицеров охранного отделения,

⁷ Там же. Л. 37.

⁸ Там же. Л. 37–37 об.

а из-за загруженности офицеров ЖПУ и охраны службой выполнение даже простых запросов тонULO в бюрократической волоките⁹.

Представленная в докладе алармистская картина должна была подтолкнуть петербургское начальство к созданию полноценного областного жандармского управления. Именно эта мера в самом конце доклада приводилась как единственная, способная решить проблемы жандармского надзора в регионе. Еще в декабре 1912 г. начальник Иркутского ГЖУ полковник Васильев докладывал о необходимости увеличения числа розыскных пунктов в Приамурском генерал-губернаторстве. В декабре 1913 г. директор Департамента полиции МВД писал в штаб ОКЖ, что, с точки зрения Васильева, «вследствие различных местных условий и причин, способствующих в последние годы особо-исключительному развитию и возрастанию революционной и вообще преступного характера деятельности среди населения переполненной преступно-ссылным элементом Восточной окраины, представляется весьма затруднительным вести правильный и точный учет этой деятельности при том числе филиальных розыскных пунктов, которое существует во вверенном ему районном отделении»¹⁰. Из этого следует, что под жандармским надзором подразумевалась система органов политического сыска, направленная на наблюдение за политической благонадежностью населения, его отдельных групп и лиц.

Стремление полковника Васильева к увеличению числа розыскных пунктов и усилению политического надзора в Приамурье активно поддерживали местные власти — приамурский генерал-губернатор и прокурор Иркутской судебной палаты. Они руководствовались тем же видением региона, как далекой окраины, насыщенной опасным революционным элементом¹¹. Иронично, что и тогда, и позже представители революционного элемента видели ситуацию совсем иначе. Активный приморский эсер и секретарь никольск-уссурийской газеты «Уссурийская окраина» Николай Арефьев в октябре 1913 г. жаловался в узком кругу сподвижников, что «в настоящее время огромный район Восточной Сибири является совершенно отрезанным от революционных центров Запада»¹². Под Восточной Сибирью здесь имеется в виду вся подконтрольная России территория от Байкала до Тихого океана. В том же донесении приводились слова Арефьева, что единственный город с оживленной партийной работой в реги-

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9. Ч. 64. Лит. Б. Л. 141.

оне — Харбин. При этом партийной литературы оттуда не хватает на весь регион, а деятельность приходится вести крайне осторожно. В 1940 г. советский историк и бывший участник революционного движения Василий Голионко писал, что с 1908 г. в регионе было последовательно уничтожено революционное движение, путем разгрома старых групп и ареста единичных активистов¹³. Несмотря на «заселенность» генерал-губернаторства революционным элементом из числа бывших и действующих ссыльных, это не сказывалось на настроениях в регионе. Характеризуя ситуацию, Голионко писал: «происходивший с 1911 по 1914 г. подъем массового рабочего движения в центральных губерниях России не отразился на Приморье по причинам чисто объективного характера»¹⁴.

Разница в восприятии ситуации в регионе между жандармами и представителями революционного движения заставляет обратиться непосредственно к деятельности жандармского надзора.

В январе 1913 г. на службе во Владивостокском охранном отделении, бывшем ядром жандармского надзора и политического розыска в Приморье, состояли всего 18 тайных агентов. Из них 7 были постоянными секретными сотрудниками, а 8 вспомогательными. Из числа основных сотрудников двое следили за деятельностью местных эсеров, двое за деятельностью РСДРП, еще двое отвечали за «совершенно секретные сведения» (перлюстрация писем) и один следил за студентами Императорского Восточного института¹⁵. Совмещение объектов наблюдения поощрялось, а не пресекалось, поэтому один из агентов, следивших за деятельностью эсеров, также следил и за студентами ИВИ, а один из внедренных к социал-демократам осведомителей также сообщал сведения о настроениях матросов Сибирской флотилии¹⁶. Из вспомогательных агентов пять следили за настроениями войск гарнизона Владивостокской крепости, по двое агентов помогали в освещении деятельности организаций эсеров и социал-демократов и по одному агенту приходилось на матросов флотилии и рабочих военного порта¹⁷.

В январе 1914 г. всего секретных сотрудников у владивостокской охранки было 11. Из них 5 постоянных и 6 вспомогательных. Два основных агента по-прежнему отвечали за перлюстрацию писем, двое следили за эсерами и один за социал-демократами. Из вспомогательных агентов

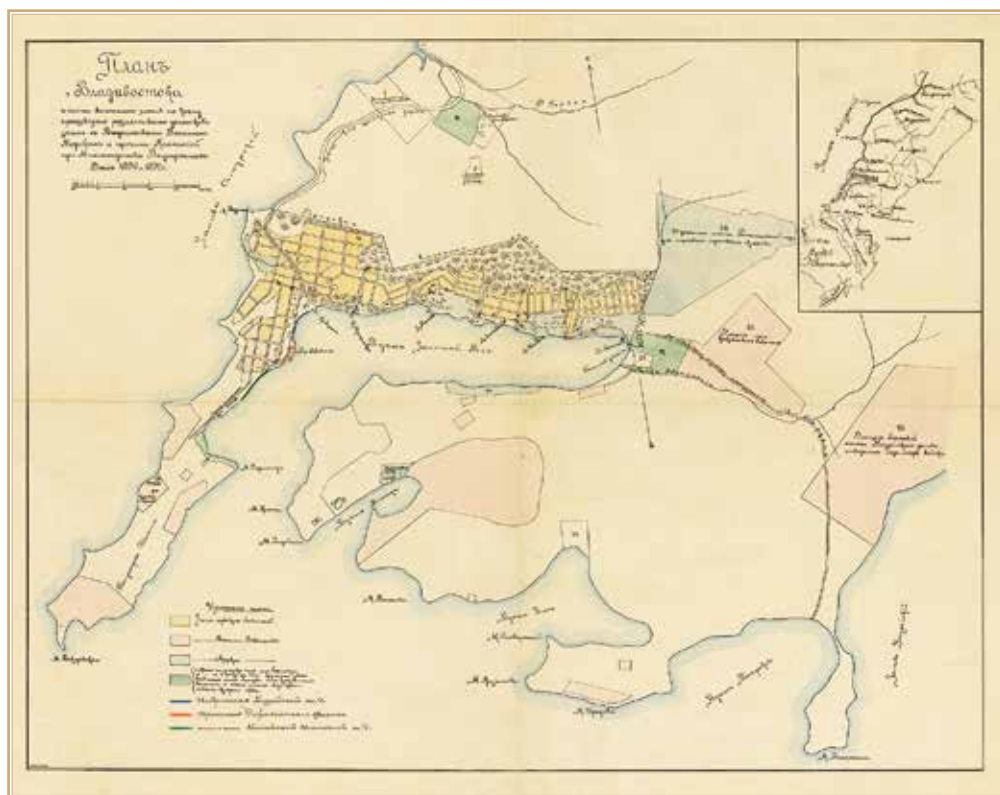
¹³ Там же. Ф. Р-9147. Оп. 1. Д. 60. Л. 63.

¹⁴ Там же. Л. 62.

¹⁵ Далее — ИВИ.

¹⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 4.

¹⁷ Там же.



План Владивостока 1897 г.
Из открытых источников

двое следили за социал-демократами, по одному за эсерами и настроением войск и двое освещали крупные бандитские шайки¹⁸.

Сами по себе колебания численности агентуры и изменения направления ее деятельности малоинформативны, но сохранившиеся материалы агентурных донесений позволяют лучше погрузиться в работу охранного отделения. Как показывают агентурные донесения владивостокской охраны, в 1913–1914 гг. ей не довелось столкнуться с развитым революционным движением. От некогда могущественной эсеровской организации, поднявшей в 1905–1907 гг. три подряд восстания гарнизона Владивостокской крепости и матросов Сибирской флотилии, остались лишь воспоминания, бережно хранимые немногочисленными активистами. В марте 1913 г. крестьянин Люблинской губернии Стефан Стельмахер и потомок даурского княжеского рода Александр Гантимуров пытались создать сельскохозяйственное общество «Дружество» с целью ведения тайной пропаганды социалистических идей среди крестьян Примор-

¹⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 824. Л. 3.

ской области¹⁹. Однако зарегистрировать его не удалось и план ведения агитации провалился. В мае группа местных эсеров и им сочувствующих, состоявшая из книготорговца Аюпова, писаря 36-го Сибирского стрелкового полка Слободникова и рабочего крепостного строительства запальщика Висоцкого, планировала выпустить листовки с призывами к революционной работе и напоминаниями о событиях 1905 г. Для минимизации риска провала предполагалось распространять их не открыто, а из рук в руки. Начальник охраны ротмистр Евгений Лалевич даже получил свыше добро на ликвидацию этой группы, но она не состоялась. По плану конспираторов листовки должны были напечатать на гектографе 36-го полка, который собирался привезти из места дислокации полка на острове Русский во Владивосток Слободников. Но из-за близости 1 мая военное начальство ограничило увольнительные для солдат срочной службы. Слободников не смог взять гектограф и доехать до Владивостока. Чуть позже члены группы заметили за собой слежку и прекратили активную деятельность, тем самым лишив охранку повода для ареста²⁰.

В дальнейшем в поле зрения охраны попадали лишь единичные люди. Летом 1913 г. таковым стал один из продавцов книжного магазина братьев Синкевичей уроженец Варшавы Владислав Трембинский, обещавший покупателям достать нелегальную литературу и часто рассуждавший о том, как бы была желанна независимость для Польши²¹. В тех же беседах он неоднократно выражал симпатии Польской партии социалистов. В июле Трембинский выехал в неизвестном направлении. В конце сентября под наблюдение попал некто Блажиевский, подозреваемый в получении из Нагасаки и Шанхая революционной литературы для дальнейшего ее распространения²².

Все же владивостокские жандармы не воспринимали местных эсеров как беззубого противника. В декабре 1913 г. охранное отделение установило наблюдение за начальником Владивостокской тюрьмы, после получения сведений о том, что на него готовится покушение эсерами в связи с его службой на Закатуйской каторге²³. Покушение так и не состоялось, поскольку подготовленный для него боевик-эсер был заранее задержан. Зимой 1914 г. в охранное отделение поступил запрос

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. А. 23.

²⁰ Там же. Л. 36.

²¹ Там же. Л. 55, 72.

²² Там же. Л. 105.

²³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 536. Оп. 2. Д. 14. Л. 3.

от Департамента полиции с целью установления политической благонадежности бывшего студента Восточного института Павла Сосулина, в 1912 г. участвовавшего в деятельности эсеровского кружка. В ответной телеграмме ротмистр Лалевич сообщил, что кружок прекратил свое существование после первого же собрания из-за вспышки скарлатины, после которой институт был закрыт на карантин. С тех пор его деятельность не возобновилась и никаких признаков политической нелояльности ни Сосулин, ни другие его товарищи не проявляли²⁴.

К весне 1914 г. во Владивостоке не было даже намека на существование эсеровских организаций. Были лишь отдельные люди, связанные общим прошлым и взглядами, но не сведенные в общую силу²⁵. Некоторое оживление в слежке за эсерами произошло в конце апреля, когда после любительского спектакля матросов в Сибирском флотском экипаже были обнаружены разбросанные листовки, рассказывающие о забастовках рабочих в Санкт-Петербурге и европейской части России²⁶. Розыск показал, что эти листовки были отпечатаны эсерами-эмигрантами в Австралии и доставлены во Владивосток морем на пароходе Добровольного флота «Симферополь» официантом-поляком, известным как «Казимирчик»²⁷. Поскольку других подобных случаев не происходило, то, как и в предыдущие разы, дальше агентурного наблюдения дело не пошло.

Несколько иначе обстояло дело со слежкой за членами РСДРП. В отличие от эсеров у них во Владивостоке теоретически была опора в лице рабочих военного порта. В апреле 1913 г. началась забастовка портовых рабочих, недовольных нарушениями условий выплат за сверхурочные работы. Отдельно отмечалось: «большим злом в Порту является столовая для рабочих. До открытия столовой мастера для обеда пользовались лишь получасовым перерывом работ в обеденное время, с открытием же столовой положенное на обед время увеличено до 1 часа, причем рабочие, собираясь в столовой, количеством в 300 и более человек, имеют достаточно времени для обмена своих мыслей»²⁸. Помимо прочего, через столовую осуществлялся неконтролируемый проход посторонних лиц на территорию порта.

Тем не менее охранному отделению было предписано не вмешиваться, пока забастовка носила сугубо экономический характер. В итоге

²⁴ Там же. Л. 15.

²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 7.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 34. Л. 51.

²⁷ Там же. Л. 93.

²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 5ч. 64 л. Б. Л. 24.

рабочие-зачинщики забастовки Петр Радаев и Семен Костырев выехали из Владивостока в Петербург, где стали сотрудничать с социал-демократической прессой по рабочим вопросам. Как выяснилось, оба они были социал-демократами, но боялись открыто провозглашать свои взгляды во Владивостоке и призывать к стачке рабочих под политическими лозунгами из страха немедленного увольнения и ареста²⁹.

Еще одним объектом наблюдения за социал-демократами был Дом народных чтений имени А.С. Пушкина, где регулярно проходили литературные вечера и спектакли для городского населения, действовали школа по ликвидации безграмотности среди взрослых и школа для детей рабочих. В мае 1913 г. членами правления Дома были сугубо социал-демократы — Александр Тамм, Николай Черненко и Павел Мавропуло³⁰. Тамм был известен отделению как видный местный социал-демократ и находился под наблюдением охраны с 1908 г. Николай Черненко как получатель социал-демократических газет из Парижа состоял под наблюдением с ноября 1908 г.³¹ Павел Мавропуло состоял под наблюдением с 1911 г., когда, еще будучи студентом ИВИ, пытался организовать студенческие беспорядки³². Благодаря этому относительно легальная деятельность местных социал-демократов находилась под плотным контролем охраны.

То же можно сказать и про нелегальную. В 1913 г. банковский служащий Григорий Мумзи и ряд его товарищей собрались с целью пересоздать областной комитет РСДРП, разгромленный еще в 1908 г.³³ Об этом изначально было известно охранному отделению, вмешательство которого не потребовалось. Мумзи и его товарищи, опасаясь провала и ареста, не решились на воссоздание областного комитета. Свою роль в деятельности охраны играл и приграничный статус Владивостока. В январе 1914 г. Восточно-Сибирским районным охранным отделением было предписано установить наблюдение за возможными контактами между местными социал-демократами и китайскими революционными партиями, так как подобные связи были ранее установлены РСДРП в Томске³⁴.

В начале февраля 1914 г. руководство Владивостокского сыскного отделения сообщило охране, что в городе проживает некто Амбросимов,

²⁹ Там же. Л. 44.

³⁰ Там же. Л. 35.

³¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 217.

³² Там же. Л. 111.

³³ Там же. Л. 119.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 17. Л. 26.



Панорама Владивостока. Фото 1918 г.
Фотофонд Музея-заповедника «Владивостокская крепость».
Учетный номер: МЗВК ОФ 804 Фкр 313

«который занимается немного политикой и продает разным лицам разной системы револьверы»³⁵. Проведенный у него обыск ничего не дал, так как Амбросимов успел скрыться от ареста. Сам этот случай показывает, что владивостокская охранка могла действовать в контакте с другими правоохранителями, например сыскным отделением. Были также и успешные обыски и аресты. По итогам перлюстрации писем под наблюдение охранки попал некто Александр Шананин, который вел переписку с благовещенским социал-демократом и профсоюзным деятелем Саввой Колейко³⁶. Слежка за ним велась с 9 по 23 февраля и окончилась успешным арестом. Им оказался дезертировавший со службы в 1-м Сибирском стрелковом полку крестьянин Тобольской губернии Петр Порядин³⁷.

Помимо слежки за конкретными людьми велось наблюдение и за важными для социал-демократов событиями. В феврале 1914 г. начальник охранного отделения предписал владивостокскому полицмейстеру усилить службу полицейских на улицах с целью недопущения каких-либо сборищ, митингов и распространения прокламаций 23 февраля, на которое было назначено празднование Международного женского дня³⁸.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 64.

³⁷ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 24–24 об.

³⁸ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 17. Л. 11.

О том, насколько подконтрольны охранке были приморские социал-демократы, красноречиво говорит следующий факт. Летом 1914 г., когда из-за начала Первой мировой войны проживавший в Кракове Владимир Ленин был временно задержан австрийской полицией, у его жены Надежды Крупской была изъята записная книжка с указанием всех контактных адресов ЦК РСДРП в России, использовавшихся с 1912 г. В 1959 г. она была издана в журнале «Исторический архив» группой сотрудников Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма. В этой книжке были указаны два адреса во Владивостоке: Сибирский торговый банк, А.Г. Антонову, и почтовый ящик № 76 городского почтамта³⁹.

Служащий Сибирского торгового банка, сын коллежского секретаря Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда Александр Гаврилович Антонов находился под наблюдением Владивостокского охранного отделения с августа 1912 г. Причиной послужили его связи с Максимом Горьким и колонией русских эмигрантов на Капри, которые поддерживались через брата Антонова⁴⁰. Любопытнее оказалась история почтового ящика № 76. В феврале 1913 г. почтовые чиновники сообщили в охранное отделение, что на этот почтовый ящик поступили из Кракова брошюра «Всероссийская конференция РСДРП Партии» и № 28–29 журнала «Социал-демократ», а также гектографированные прокламации. Из Германии прибыли две брошюры «Извещение и резолюции совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками»⁴¹. Почтовый ящик № 76 был конспиративно абонирован Владивостокским охранным отделением, и, как выяснилось, предшественник ротмистра Евгения Лалевича на посту начальника охраны ротмистр Константин Нагородский незадолго до своего отъезда к новому месту службы в конце февраля 1913 г. выписал на этот ящик несколько брошюр и журналов РСДРП для пополнения нелегальной библиотеки отделения⁴². Из двух известных ЦК РСДРП контактных адресов во Владивостоке один находился под наблюдением охранки, а второй был ею напрямую инспирирован.

Стоит отметить, что кроме связей с ЦК приморские социал-демократы испытывали некоторые проблемы с кадрами. В донесении от сентября 1913 г. упоминается, что одним из руководителей мест-

³⁹ Адресная книга ЦК РСДРП (1912–1914 гг.) // Исторический архив. 1959. № 1. С. 24.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 141.

⁴¹ Там же. Оп. 243. Д. 5ч. 64 л. А. Л. 1–2.

⁴² Там же. Л. 4.

ных социал-демократов является некто Полуэктов — хороший оратор и твердый марксист по убеждениям⁴³. Рабочий-слесарь Владивостокского военного порта Никифор Семенович Полуэктов в декабре того же года был завербован агентом владивостокской охранки под псевдонимом «Северов». Жандармским руководством характеризовался как «интеллигентный прекрасно разбирающийся в рабочем движении человек, очень полезный сотрудник»⁴⁴. В его обязанности входило освещение деятельности Дома народных чтений и портовых рабочих.

Не ограничиваясь систематическим наблюдением за революционными партиями и группами, владивостокская охранка обращала свое внимание и на неполитические явления. В силу того, что Владивосток был городом-крепостью, с гарнизоном около 60 тыс. человек, внимание жандармского надзора привлекали военные и флотские чины. В 1913 г. ротмистром Лалевичем был завербован агент «Димитриев» для наблюдения за настроениями военно-морских офицеров⁴⁵. Этот агент сообщал, в основном, информацию неполитического характера, имеющую отношение к образу жизни офицеров Сибирской флотилии и их отношению с матросами. Помня о том, что подходящая почва для бунта создается бытовыми и служебными, а не политическими вопросами, жандармы старались следить за тем, как проходила служба на кораблях Сибирской флотилии. Слежка за настроениями солдат крепостного гарнизона была осложнена одним из нововведений В.Ф. Джунковского, отчаянно боровшегося с политическим сыском. В марте 1913 г. отдельным циркуляром он предписал ликвидировать агентуру политической полиции среди воинских чинов. Как он писал, «на чинах Корпуса жандармов должна лежать обязанность ограждать войсковые части от вторжения извне в их среду революционных агитаторов»⁴⁶. Наблюдение же непосредственно за нижними чинами Джунковский возлагал на их прямых воинских начальников и командиров, игнорируя степень их приспособленности к такому виду деятельности. В своих мемуарах позднее он писал, что, с его точки зрения, наличие жандармской агентуры в войсках расшатывало дисциплину и развращало войска⁴⁷. Несмотря на всю

⁴³ Там же. Д. 5ч. 64 л. Б. Л. 63.

⁴⁴ Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 29–29 об.

⁴⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 7.

⁴⁶ Политическая полиция России между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сб. документов / Вступ. ст., сост. и коммент. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2021. С. 275.

⁴⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 179.

спорность, это решение было исполнено жандармскими офицерами и, в частности, 24 апреля 1913 г. начальник Владивостокского охранного отделения ротмистр Евгений Лалевич сообщил, что им была уволена вся агентура среди нижних чинов армии и флота⁴⁸.

Наблюдение за военными продолжалось силами штатских лиц, находившихся с ними в постоянном контакте. 26 апреля чиновник для поручений отделения Шибков завербовал вспомогательного агента «Волгу» для наблюдения за матросами флотилии⁴⁹. 12 июля для освещения настроений нижних чинов гарнизона крепости был завербован агент «Высокий»⁵⁰. По предписанию Джунковского велось и сотрудничество с командирами воинских частей. В январе 1914 г. ротмистр Лалевич сообщил командиру 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, что служащий срочную службу в этом подразделении уроженец Варшавской губернии Ян Добровольский до призыва агитировал знакомых поляков вступать в «Польское общество кавалеристов», созданное в Галиции с целью распространения революционных идей. В этой связи Лалевич просил командира полка установить за Добровольским наблюдение⁵¹. Свою роль играли и обычные доносы. В том же месяце в охранку поступил донос на военного инженера капитана Чеслава Рыбинского, проектировщика и строителя Форта № 6 Владивостокской крепости. В доносе соседка по даче обвиняла Рыбинского и его жену в распространении нелегальной литературы среди солдат гарнизона и крепостных строителей⁵². Проверка показала необоснованность этого доноса.

В очень редких случаях дело заходило дальше негласной агентурной работы. В феврале 1914 г. охранкой был обыскан поручик 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Борис Алеманов. Причиной стал донос его бывшего денщика, что, еще находясь на службе в Красноярске, Алеманов хранил у себя нелегальную литературу. Такová при обыске действительно нашлась в виде двух брошюр, которые, по словам Алеманова, он конфисковал у своего денщика⁵³. Разобравшись в том, что поручик был оклеветан своим бывшим подчиненным, его отпустили.

⁴⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 14.

⁴⁹ Там же. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

⁵² Там же. Л. 27.

⁵³ Там же. Л. 36.

Кроме военных под наблюдением охранки состояли и представители отдельных общественных организаций. Весной 1912 г. в поле зрения отделения попали первые случаи распространения «тенденциозной» литературы на украинском языке, призывавшей к борьбе за национальную автономию в составе России. В январе 1913 г. было установлено, что во Владивостоке есть корреспонденты киевской организации «Родина», получающие от нее пресловутые брошюры и журналы⁵⁴. В апреле 1913 г. при Доме народных чтений во Владивостоке был создан «Украинский любительский драматический кружок», целями которого были заявлены тесная связь с другими украинофильскими организациями России, распространение и чтение литературы на украинском языке (в том числе изданной за рубежом)⁵⁵. В январе 1914 г. организаторы владивостокского украинского кружка собирались открыть подобный во втором городе области — Никольске-Уссурийском, но из-за боязни ареста так и не решились на это. Тогда же во Владивостоке вокруг театрального начал формироваться украинский социал-демократический кружок⁵⁶.

Стоит заметить, что спектакли украинского драматического кружка пользовались определенной популярностью, так как на украинском языке ставились те спектакли, которые цензура на русском бы не пропустила. Но дальше этого дело не шло и не только из-за боязни ареста полицией. Руководителями кружка были железнодорожный телеграфист Степан Мостипан и токарь Владивостокского военного порта Иван Антонюк. Первый был завербован ЖПУ по Уссурийской железной дороге под псевдонимом «Ганул» в ноябре 1912 г.⁵⁷ Антонюк же был завербован в агенты охранки под псевдонимом «Камчатский» в ноябре 1914 г.⁵⁸

Осенью 1913 г. под наблюдение охранки попали депутаты Государственной думы Федор Родичев и Александр Русанов, совершившие поездку по Дальнему Востоку. При частных встречах с представителями прессы Родичев призывал местную печать поддерживать стихийно сложившийся блок левых партий и кадетов. Называя целью парламентской оппозиции борьбу с правительством, он призывал сочувствующих думцам общественных деятелей затаиться и не проявлять активности, сравнивая 1913 г. с 1903 г., когда, по его мнению, волна экономических стачек дала толчок к революционно-освободительной борьбе. На открытых

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Л. 35.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 163ч. 64 л. Б. Л. 7 об.—8.

⁵⁷ Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 43.

встречах Родичев читал лекции о Герцене, выдержанные в более аккуратном, но все же оппозиционном духе⁵⁹. Избранный от Приморской области депутат-трудовик Александр Русанов, связанный с социал-демократами, вел деятельность более открытую, не стесняясь выступать в местной прессе с критикой приамурского генерал-губернатора Николая Гондатти, что также попадало в поле зрения охранки⁶⁰.

Политизация прессы также обращала на себя внимание охранного отделения. Из-за разгоревшегося конфликта между редакторами крупнейших владивостокских газет и вице-губернатором Владимиром Ладежинским начальником охранного отделения Евгением Лалевичем была подготовлена записка о деятельности местной прессы. В ней он характеризовал местную печать как преимущественно прогрессивно-опозиционную, увязывая это с тем, что большинство ее сотрудников составляют бывшие или беглые политические ссыльные и лица прогрессивных взглядов⁶¹. Активное участие представителей приморской прессы в деятельности социал-демократических и социал-революционных организаций позволило охранке накопить достаточное количество информации о местной печати и анализировать средства массовой информации как самостоятельное явление общественной жизни области.

Немаловажным направлением для деятельности владивостокской охранки был политический надзор за рубежом. Начало ему было положено в 1907–1908 гг., когда в японском городе Нагасаки действовала крупная колония русских революционеров-эмигрантов, из числа которых был развернут Восточный автономный комитет партии эсеров⁶². За деятельностью революционеров совместно следили агенты охранки и русского консула в Нагасаки. После ряда успешных арестов курьеров с оружием и литературой, направленных из Японии во Владивосток, председатель Восточного автономного комитета Борис Дмитриевич Оржих принял решение о переносе своей деятельности в Шанхай⁶³. Впоследствии основные руководители русской революционной эмиграции в Японии покинули регион. Оржих выехал в Аргентину, а предводитель социал-демократической эмигрантской группы Николай

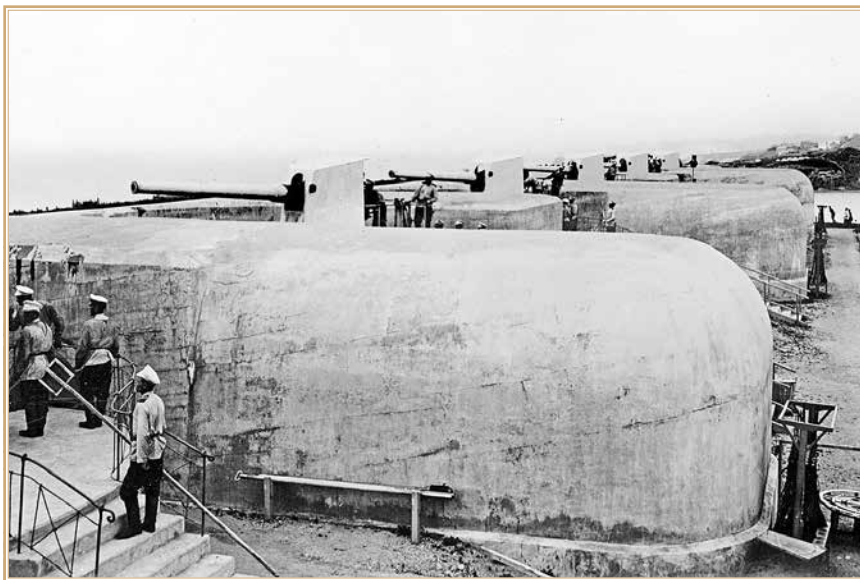
⁵⁹ Там же. Ф. 102. Оп. 243. Д. 5ч. 64 л. Б. Л. 73–74.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Агапов В.А., Дударенок С.М. Записка начальника владивостокского охранного отделения. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1913 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 155.

⁶² РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

⁶³ Там же. Л. 99.



Иннокентьевская батарея Владивостока. Пушки Канэ. Фото конца XIX в.
Из собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Константинович Судзиловский выехал на Филиппины. В августе 1913 г. агент Никольск-Уссурийского розыскного пункта «Учитель» сообщил, что никаких организованных групп в Шанхае и Нагасаки нет, они всего лишь являются безвольными остатками того, что когда-то было собрано Оржихом и Судзиловским⁶⁴. Но слабость этих групп не означала отсутствия надзора за ними.

В ноябре 1913 г. в русское консульство в Шанхае обратился кореец по имени Хан-Ки-Тон, попросивший о материальной помощи⁶⁵. Владивостокскому охранному отделению он был больше известен как агент «Попутчик», следивший за деятельностью русских революционных эмигрантов в Шанхае. Начальник отделения ротмистр Е.К. Лалевич писал начальству в Иркутске, что агент «Попутчик» систематически не выходит на связь, а из-за особенностей почтового сообщения между Россией и Китаем Лалевич не имел возможности регулярно оплачивать агенту его услуги⁶⁶. Уже в послереволюционные годы Хан-Ки-Тон был арестован и предстал перед судом как агент охранки. В ходе суда выяснилось, что Хан-Ки-Тон выполнял задания охранного отделения в Нагасаки, откуда был переведен в Шанхай. Там он вел свою деятельность с июля по

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 9ч. 64 л. Б. Л. 97.

⁶⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 47.

⁶⁶ Там же. Л. 50.

декабрь 1913 г., когда был исключен из числа агентов за регулярные нарушения порядка связи с начальством. В 1927 г. он был приговорен к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией⁶⁷.

Проблемы с «Попутчиком» заставили ротмистра Лалевича искать замену сотруднику. Таковой заменой стал другой агент, Анатолий Александрович Кайгородцев, известный во Владивостоке под именем Андрея Васильевича Сикорского, бывший артистом-любителем и журналистом газеты «Приамурский край», отличался неординарным и авантюрным характером. Будучи двоюродным братом эсера-террориста Ивана Каляева, Кайгородцев-Сикорский вступил в эсеры, был арестован и выслан в Нолинск Вятской губернии, откуда бежал на Дальний Восток. Во Владивостоке в 1909 г. он был арестован и завербован охранным отделением под псевдонимом «Ольнем», став секретным сотрудником по освещению прессы, деятельности эсеров и социал-демократов⁶⁸. Лалевич активно предлагал именно его кандидатуру в качестве нового агента охраны в Шанхае. В пользу «Ольнема» назывались его обширные связи: социал-демократ и помощник директора шанхайского филиала Русско-Азиатского банка Я.Г. Шустов, присяжный поверенный эсер В.Д. Дмитриенко, бывший доверенным лицом владивостокского купца-миллионера смешанного англо-японского происхождения Демби. «Ольнем» планировал также брать рекомендации у своих знакомых из торгового дома «Иван Чурин и Со», владивостокского отделения Русско-Азиатского банка, Добровольного флота, а для легального прикрытия планировал работать в качестве журналиста для газет «Далекая окраина», «Приморский край», «Новая жизнь», «Приамурье»⁶⁹.

Несмотря на убедительные рекомендации и возможность конструирования хорошей легенды, начальник Восточно-Сибирского РОО полковник Васильев отказал в назначении «Ольнема», сославшись на то, что тот известен ему лишь с отрицательной стороны⁷⁰. Вместо Шанхая «Ольнем» поехал в командировку для установления явок в Баку.

Неоднозначная история работы агента «Попутчик» и неудавшаяся его замена агентом «Ольнем» позволяет говорить не только о попытках владивостокской охраны вести наблюдение за русскими эмигрантами в Шанхае, но и о том, какие плотные связи были между Шанхаем и Вла-

⁶⁷ Известия. № 66. 1927.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605. Л. 12.

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 11. Л. 74.

⁷⁰ Там же. Л. 78.

дивостоком. Многосложная легенда «Ольнема» предполагала использовать банковские, деловые, информационные, логистические связи между двумя городами, что демонстрирует их близость друг другу. Интерес к эмигрантской колонии в Шанхае был обусловлен убежденностью руководства Восточно-Сибирского РОО в том, что на фоне оживления революционного движения в европейской части России Сибирь и Дальний Восток будут использоваться для ввоза революционной литературы из стран Азии⁷¹. По данным советского суда, «Попутчик» следил за революционером Писаренко в Нагасаки, революционерами Виткопом, Джеребовским и Поповым⁷².

С 12 сентября по 15 октября 1913 г. начальник восточносибирской охранки Васильев совершил поездку в Шанхай и Нагасаки. В своем докладе он указывал на то, что летом в Нагасаки из Австралии приехал русский революционер Писаренко, вступивший в контакт с представителями китайской революционной партии Гоминьдан⁷³. В Шанхае же Васильев выделял среди главных лиц революционной колонии бежавшего из России офицера Джеребовского, служащего китайской морской таможни Мойше Добкина, скрывающегося под именем Константина Попова, и торговца живым товаром Виткопа⁷⁴. Все эти люди упоминаются «Попутчиком»⁷⁵. Это хорошо показывает, что работа, которую вел агент и куратор Лалевич, была достаточно эффективна в установлении наиболее активных лиц эмигрантской колонии в Шанхае.

Советский историк Николай Ерошкин писал в своей фундаментальной работе «История государственных учреждений дореволюционной России», что основным методом работы Департамента полиции и подчиненных ему охранных отделений стало активное использование тайной агентуры понимаемое им как «провокация»⁷⁶. При активном использовании тайной агентуры главным критерием деятельности офицеров охранных отделений было не количество арестов, а число

⁷¹ Иванов А.А., Кузнецов С.И. Документы ГАИО о создании в начале XX в. в Китае и Японии центров поддержки русского революционного движения // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 4 (44). С. 103.

⁷² Известия. № 66. 1927.

⁷³ Иванов А.А., Кузнецов С.И. Документы ГАИО о создании в начале XX в. в Китае и Японии центров поддержки русского революционного движения // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 4 (44). С. 104.

⁷⁴ Там же. С. 105.

⁷⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 766. Л. 47а1–47а6.

⁷⁶ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 296.

предупрежденных преступлений и процентное отношение количества арестов к количеству дел, переданных в суд⁷⁷. Исходя из этого, стоит признать эффективность служебной деятельности Владивостокского охранного отделения. Оно держало под своим контролем практически все проявления общественной и революционной жизни в регионе, от попыток организации тайных обществ до деятельности отдельных лиц, включая не только Владивосток, но и ближайшие зарубежные города, имевшие русские диаспоры. Кажущаяся пассивность отделения была обусловлена малочисленностью и неорганизованностью, а следовательно, неопасностью русского революционного движения в Приамурье, Китае и Японии.

Кроме политического сыска в поле зрения охранки попадала и обычная коррупция. Из перехваченного охранкой осенью 1913 г. письма выяснилось, что председатель Владивостокского окружного суда Виктор Гүзевич выдает даже совсем неграмотным лицам свидетельства, дающие право на ведение адвокатской деятельности. Никольск-уссурийский частный поверенный Владислав Повало-Швыковский использовал взятки для решения дел в свою пользу, в чем ему помогали судебный пристав Михаил Барабаш и жена мирового судьи 1-го участка Екатерина Алексеева. Секретарь Владивостокского окружного суда Пантелей Попович за взятки давал адвокатам судебные дела и позволял совершать подлоги в них. Обо всем этом было сообщено министру юстиции И.Г. Щегловитову⁷⁸.

Подобная организация работы была заслугой жандармских офицеров, служивших во Владивостокском охранном отделении. Традиционное отношение жандармских офицеров, выбравших политический розыск, было далеко от строго положительного. Тот же Владимир Джунковский, рассуждая о гибели П.А. Столыпина, писал в мемуарах, что проблемой охранных отделений было то, что во главе их стояли молодые офицеры, не обладавшие должной порядочностью⁷⁹. Уволенный после убийства Столыпина товарищ министра внутренних дел и командир ОКЖ П.Г. Курлов считал, что розыскные офицеры ставили себя в исключительное положение, игнорируя местные администрации и воинскую субординацию⁸⁰. В октябре 1911 г. вице-директор Департамента

⁷⁷ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 135.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 20ч. 64 л. Б. Л. 123–124.

⁷⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 605.

⁸⁰ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. С. 86.



Полицейское управление Владивостока. Открытка начала XX в.
Из открытых источников

полицейскому С.Е. Виссарионову писал, что необходимо прикомандировывать к охранным отделениям молодых офицеров, чтобы они набирались опыта и могли приступать к руководству охранками⁸¹.

Офицерский состав Владивостокского охранного отделения в рассматриваемый период сочетал в себе все вышеперечисленные характеристики. Это были молодые офицеры, не особо считавшиеся с официальной субординацией и не единожды обвиненные в неподобающем поведении.

Начальником отделения с марта 1913 г. был ротмистр Евгений Константинович Лалевич. Сын бессарабского помещика, он родился 7 марта 1880 г. После учебы во Киевском Владимирском кадетском корпусе и Павловском военном училище, которое он окончил по 1-му разряду, Лалевич выпустился в 73-й пехотный Крымский полк⁸². В июле 1904 г. он перевелся на службу в 148-й пехотный Каспийский полк, в рядах которого участвовал в сражениях Русско-японской войны⁸³. Его сослуживцем по полку был будущий выдающийся жандармский офицер В.В. Вла-

⁸¹ Политическая полиция России между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сб. документов / Вступ. ст., сост. и коммент. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2021. С. 225.

⁸² Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 13 октября 1911 г. СПб.: Тип. штаба Отдельного корпуса жандармов, 1911. С. 664.

⁸³ Русский инвалид. № 148. 08.07.1904.

димиров, впоследствии в годы Первой мировой войны руководивший Особым отделом штаба флота Балтийского моря. За участие в боях Лалевич был награжден орденами Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава III степени⁸⁴. Он неоднократно участвовал добровольцем в рейдах охотничьих команд, несмотря на свою должность адъютанта командира 4-го батальона, и различных перестрелках с передовыми японскими отрядами. Во время Мукденского сражения Лалевич был контужен взрывом снаряда, после чего отправлен на лечение в Россию. После этого он был временно прикомандирован к Иркутской местной бригаде, откуда и подал прошение о зачислении в ОКЖ в 1907 г.

Причиной, по которой Евгений Константинович хотел оставить армию и перейти в жандармы, он называл слабое здоровье, не позволяющее нести строевую службу — помимо контузии молодой поручик страдал пороком сердца⁸⁵. Начальством он аттестовывался как офицер нравственный, способный и усердный. Подчеркивалось, что Лалевич был болезненного вида, непредставительной внешности и небольшого роста. По окончании подготовительных курсов при штабе ОКЖ поручик Лалевич вышел в адъютанты Тверского ГЖУ. В Твери молодой офицер женился на дочери начальника управления генерал-майора Василия Шлихтинга Наталье⁸⁶. Среди шуринов Лалевича оказались еще два жандармских офицера — Антон Шлихтинг, служивший в железнодорожной жандармерии, а в 1909–1911 гг. бывший помощником начальника Туркестанского районного охранного отделения, и офицер Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Виктор Шлихтинг. Стоит заметить, что, как и в императорской гвардии, в ОКЖ вполне обычным делом были родственные связи между его офицерами, формирование отдельных жандармских династий.

После Твери Евгений Лалевич нес службу в Новороссийском розыскном пункте, а после был прикомандирован для ведения дознаний по политическим делам к Астраханскому ГЖУ, где был награжден орденом Святой Анны III степени⁸⁷. Во время службы в Астрахани Лалевич стал крестным отцом дочери начальника ГЖУ полковника Николая Бураго Марии, родившейся 20 июня 1910 г.⁸⁸ Этот эпизод показывает, что

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 359. Л. 557 об.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11431. Л. 11 об.

⁸⁶ Там же. Оп. 17. Д. 359. Л. 561.

⁸⁷ Русский инвалид. № 86. 18.04.1910.

⁸⁸ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 741. Оп. 3. Д. 80. Л. 8.

молодой офицер был на хорошем счету у своего начальства, раз он был удостоен такой чести. К тому же на этом примере можно увидеть, как происходило создание отдельных кланов внутри ОКЖ. В Астрахани же летом 1911 г. Лалевич получил предложение переехать во Владивосток и стать помощником начальника охранного отделения. Предложение это он с радостью принял. В Приморскую область он прибыл в ноябре и сразу же включился в работу. При ведении дознания по делу «Военного союза Владивостокской крепости» именно ротмистр Лалевич выезжал для проведения допросов и экспертиз⁸⁹. В ноябре 1912 г. он участвовал в организации ареста забастовавших приказчиков фирмы братьев Уриных. После проведения инструктажа для полицейских, участвовавших в аресте, Лалевич направился по делам службы и был сбит сильным порывом ветра, получив серьезную травму ноги в виде растяжения связок с многочисленными разрывами. Примечательно, что эта травма была в итоге признана ранением, полученным на службе, и соответствующим образом внесена в послужной список. Также в ходе лечения выяснилось, что ротмистр Лалевич болен нейросифилисом спинного мозга⁹⁰. Одними из признаков этой болезни являются повышенная раздражительность и подозрительность, что, возможно, в дальнейшем сказалось на характере офицера.

Летом 1913 г., уже возглавив Владивостокское охранное отделение, Лалевич обвинил своего предшественника по должности ротмистра Константина Нагородского в присвоении денежных средств отделения⁹¹. Как выяснило небольшое расследование, обвинение это было полностью ложным и основывалось на том, что письмоводитель отделения Емельян Ковердынский затаил на Нагородского обиду за то, что тот не заплатил ему за помощь в упаковке вещей. В причинах того, почему Лалевич поддержал донос канцелярского служащего на своего бывшего начальника и сослуживца по корпусу, никто разбираться не стал. Джунковский отдельно потребовал донести до Лалевича недопустимость такого рода дразг среди офицеров корпуса, но никаких административных или уголовных последствий для него эта история не имела⁹². После этого за Лалевичем, по всей видимости, закрепилась репутация офицера с крайне склочным и тяжелым характером. В декабре 1913 г. он направил началь-

⁸⁹ РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 168.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18556. Л. 10.

⁹¹ Там же. Оп. 6. Д. 2951. Л. 3.

⁹² Там же. Л. 52.

нику ЖПУ по Средне-Азиатской железной дороге подполковнику Сизых перехваченное владивостокской охранкой письмо. Сизых сообщил, что к его компетенции такого рода вещи не относятся и должны быть доложены Туркестанскому районному охранному отделению. Ответ Лалевича на это письмо послужил причиной, по которой Департамент полиции направил в штаб Отдельного корпуса жандармов записку со следующими словами: «Резкость и явная непочтительность по отношению старшего его в чине, в должности и по положению подполковника Сизых, являются нетерпимыми с точки зрения дисциплинарного Устава и, будучи перенесены в письменные сношения, порождают взаимное недоброжелательство и тем самым в высокой степени отрицательно влияют на успех общего дела <...> считаю необходимым добавить, что изложенный факт является не единичным показателем неуживчивости и излишней самонадеянности означенного обер-офицера»⁹³.

Несмотря на это служба Лалевича продолжилась. Весной 1914 г. он был награжден орденом Святого Станислава II степени⁹⁴. Конечно, это можно объяснить покровительством тестя — жандармского генерал-майора Шлихтинга. По результатам проверки со стороны начальника Восточно-Сибирского районного охранного отделения в декабре 1913 г. владивостокская охранка получила следующую оценку: секретная агентура — удовлетворительно, перлюстрация писем — хорошо, наружное наблюдение — удовлетворительно, канцелярия и отчетность — в порядке. К слабым сторонам работы отделения относились нехватка новой агентуры и отсутствие освещения деятельности революционных партий в сельской местности Приморской области⁹⁵. Стоит заметить, что эти оценки были не совсем справедливы. Малочисленность агентуры и отсутствие ее в сельской местности объяснялись огромной территорией области, огромным количеством разбросанных по тайге населенных пунктов, часть из которых носила временный характер. При этом у охранного отделения банально не хватало людей для надзора за такой территорией.

Помощником начальника Владивостокского охранного отделения с марта 1913 г. был ротмистр Николай Васильевич Галявин. Во многих отношениях он был противоположностью Лалевича. Если Лалевич был уроженцем Бессарабии, из дворян, невысокого роста и болезненной

⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 51ч. 64. Л. 136.

⁹⁴ Русский инвалид. № 76. 06.04.1914.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 51ч. 64. Л. 149.



Празднование победы Февральской революции во Владивостоке. 1917 г.
Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-DIG-ggbain-24451

внешности, то Галявин происходил из мещан Ростова Ярославской губернии, отличался высоким ростом, представительной внешностью и постоянно здоровым видом⁹⁶. Если Лалевич перевелся в ОКЖ из-за невозможности нести строевую службу по состоянию здоровья, то Галявин был вынужден оставить полк из-за романа с женой сослуживца Серафимой Кавесской. Стоит заметить, что как только она получила развод, Галявин на ней женился. Но у двух жандармов было нечто общее: они оба участвовали в Русско-японской войне в составе 148-го пехотного Каспийского полка, оба участвовали в разведках и боях, оба были награждены за храбрость. Если Лалевич был адъютантом командира батальона, то Галявин начальником пешей охотничьей команды.

В Корпус жандармов Галявин перешел на службу в 1909 г. и был назначен на службу в Тамбовско-Уральское ЖПУ. Оттуда он был в 1910 г. прикомандирован для ознакомления с розыском к Саратовскому районному охранному отделению, где получил отрицательную характеристику начальства. В ней утверждалось, что при всем своем трудолюбии и способностям к службе Галявин совершенно не способен к розыску из-за деликатного и застенчивого характера⁹⁷. Несмотря на это Галявин получил назначение во Владивосток, куда прибыл в июле 1913 г. На но-

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 12912. Л. 3.

⁹⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 51ч. 64. Л. 54 об.

вом месте он сумел преодолеть прежнюю застенчивость и уже в январе 1914 г. завербовал идейного марксиста и одного из наиболее заметных активистов Никифора Полуэктова⁹⁸.

Третьим важным лицом владивостокской охраны был чиновник для поручений коллежский регистратор Петр Шибков. Он начал свою службу околоточным в полиции, откуда перешел в Одесское охранное отделение. После служил канцелярским чиновником Самарского губернского жандармского управления, в 1908 г. стал чиновником для поручений и заведующим наружным наблюдением Читинского охранного отделения, откуда в 1912 г. был переведен на аналогичную должность во Владивосток⁹⁹.

Несмотря на, казалось бы, абсолютно неидеальные качества офицеров местного охранного отделения, в 1913–1914 гг. им удалось поставить службу во вверенном отделении таким образом, что когда В.Ф. Джунковский начал ликвидацию охранных отделений, Владивостокское было сохранено. При этом можно уверенно предположить, что качество работы владивостокской охраны обеспечивалось в том числе наличием в ее рядах опытных сотрудников, имевших опыт службы в политическом сыске именно на Дальнем Востоке и знакомых со спецификой местности. К таковым можно отнести начальника отделения ротмистра Евгения Лалевича и чиновника для поручений отделения коллежского регистратора Петра Шибкова. Усиливший их на должности помощника начальника отделения ротмистр Николай Галявин поначалу не имел достаточного опыта службы в политическом розыске и, скорее, имел отрицательные характеристики, но сумел быстро преодолеть себя и начать вести эффективную работу в новых условиях.

Впоследствии из-за своей болезни Евгений Лалевич в мае 1914 г. ушел в годичный отпуск для лечения, откуда в мае 1915 г. вышел сразу на пенсию в звании подполковника и поселился в Петрограде. Летом 1914 г. его сменил бывший начальник Ярославского и Томского охранных отделений ротмистр Гинсбург, служивший в предшествующие годы начальником Центрального филерского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения. Дальнейшая судьба Лалевича пока неизвестна. Его помощнику повезло меньше. В годы Первой мировой войны ротмистр Галявин был переведен на службу в военную разведку, а в годы Гражданской войны служил в колчаковской армии в антипартизанском конно-егерском полку полковника Враштиля начальником контрразведки и вместе с дру-

⁹⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 824. Л. 3а.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 50ч. 64 т. 1 (1915). Л. 11 об.

гими офицерами полка был убит красными партизанами на реке Хор в 1920 г. Петр Шибков служил во Владивостокском охранном отделении до его ликвидации в феврале 1917 г., и дальнейшая его судьба неизвестна.

К 1913 г. волна революционных выступлений окончательно спала и казалась событиями далекого прошлого. Несмотря на регулярные сообщения Департамента полиции, отдельных ГЖУ и охранных отделений, у руководства МВД сложилось впечатление, что основная угроза прошла, а оставшаяся после нее система охранных отделений неэффективна, громоздка и часто провоцирует скандалы¹⁰⁰. Были сохранены лишь те охранные отделения, которые, как казалось, были незаменимы из-за своего особого статуса. Опыт Владивостокского охранного отделения показывает, что на первый взгляд точка зрения Джунковского могла показаться верной. Действительно, за период с марта 1913 г. по июль 1914 г. охранкой во Владивостоке не было произведено массовых арестов, не были ликвидированы разветвленные и тайные террористические группы и политические заговоры. Но произошло это не по причине того, что их в принципе не могло существовать, а потому, что постоянная кропотливая работа охранного отделения, заключавшаяся в перманентном надзоре за отдельными группами и лицами, делала невозможной сколь-либо серьезную антиправительственную деятельность. Она могла казаться несущественной, но наглядно демонстрировала высокий уровень развития политического розыска Российской империи. Владивостокский опыт обнажил и насущные проблемы сыска: нехватку людей для освещения всех направлений розыскной работы, а также необходимость лавировать между реформаторским пылом командира ОКЖ и розыскными требованиями Департамента полиции. При этом жандармское начальство пребывало в уверенности, что работа по политическому розыску и надзору ведется недостаточно хорошо и требует постоянного усиления и совершенствования. Несмотря на это, система продолжала работать, может быть, вопреки, а может, и благодаря недостаткам офицеров, в ней служивших.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

¹⁰⁰ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 303.



Список литературы / References

1. Агапов В.А., Дударёнок С.М. Записка начальника владивостокского охранного отделения. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1913 г. *Исторический архив*. 2016;(1):152–164.
Agapov V.A., Dudarenok S.M. Note of the head of the Vladivostok security department. Documents of the Russian State Historical Archive of the Far East, 1913. *Historical Archive*. 2016;(1):152–164 (in Russ.).
2. Адресная книга ЦК РСДРП (1912–1914 гг.). *Исторический архив*. 1959;(1):11–36.
Address book of the Central Committee of the RSDLP (1912–1914). *Historical Archive*. 1959;(1):11–36 (in Russ.).
3. Джунковский В.Ф. *Воспоминания*. М.: Издво им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 688 с.
Dzhunkovskii V.F. *Memoirs*. Moscow: Publishing house named after the Sabashnikov brothers, 1997. Vol. 1. 736 p.; Vol. 2. 688 p. (in Russ.).
4. Ерошкин Н.П. *История государственных учреждений дореволюционной России*. М.: Издво РГГУ, 2008. 672 с.
Eroshkin N.P. *History of state institutions of pre-revolutionary Russia*. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2008. 672 p. (in Russ.).
5. Иванов А.А., Кузнецов С.И. Документы ГАИО о создании в начале XX в. в Китае и Японии центров поддержки русского революционного движения. *Вестник БНЦ СО РАН*. 2021;(4):100–106.
Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. Documents of the State Archive of the Irkutsk Region on the establishment of centers for supporting the Russian revolutionary movement in China and Japan in the early 20th century. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(4):100–106 (in Russ.).
6. Курлов П.Г. *Гибель императорской России*. М.: Современник, 1992. 255 с.
Kurlov P.G. *The death of Imperial Russia*. Moscow: Sovremennik, 1992. 255 p. (in Russ.).
7. Перегудова З.И. *Политический сыск России (1880–1917)*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.

- Peregudova Z.I. *Political Surveillance in Russia (1880–1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 519 p. (in Russ.).
8. *Политическая полиция России между реформами*. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского: Сб. Документов / Вступ. ст., сост. и комм.: Е.И. Щербакowa. М.; СПб.: АИРОХХІ; Алетея, 2021. 352 с.
Political police of Russia between reforms. From V.K. Plevе to V.F. Dzʙunkovskii: Collection of documents / Introd. art., comp. and comm. by E.I. Shcherbakova. Moscow; St. Petersburg: AIROXXI; Aleteya, 2021. 352 p. (in Russ.).
9. *Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 13 октября 1911 г.* СПб.: Тип. штаба Отдельного корпуса жандармов, 1911. 784 с.
List of the general staff of the Separate Corps of Gendarmes, corrected to October 13, 1911. St. Petersburg: Printing house of the headquarters of the Separate Corps of Gendarmes, 1911. 784 p. (in Russ.).
10. Хутарев-Гарнишевский В.В. *Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской Империи, 1913–1917 гг.* М.: Издво Института Гайдара, 2020. 648 с.
Khutarev-Garnishevskii V.V. *Confrontation. Special services, army and government on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. 648 p. (in Russ.).



 **Азаревич Василий Кириллович** 
Vasily K. Azarevich

независимый исследователь,
SPIN-код: 8816-4463,
ORCID: 0009-0002-5651-5161

independent researcher,
SPIN-code: 8816-4463,
ORCID: 0009-0002-5651-5161

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.011](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.011)

Оригинальная статья / Original paper



А.М. Лаврёнова

*Государственный архив Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: lavryonova@mail.ru*

Роковая шуба: М.И. Трусевич и смерть С.Н. Мясоедова

Аннотация

В статье, написанной на основании ряда неопубликованных источников, выявляется нелинейная взаимосвязь между двумя громкими событиями начала XX в., произошедшими с разницей в 11 лет: взрывом в гостинице «Большая Северная» в апреле 1904 г., случившимся в ходе подготовки покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве, и казнью жандармского полковника С.Н. Мясоедова в апреле 1915 г. по обвинению шпионаже в пользу Германии. Связующими звеньями между этими трагическими эпизодами стали фигура М.И. Трусевича, товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, а затем директора Департамента полиции, которому было поручено расследование, и шуба погибшего при взрыве, являвшаяся одним из вещественных доказательств по данному делу. Важнейшей целью расследования было установление личности погибшего. В результате произведенных следственных действий в швейцарском Монтрё и на пограничном пункте Вержболово Трусевичу удалось найти родственника покойного, с которым тот совершал покупки, а через него стало известно и имя погибшего, коим оказался эсер А.Д. Покотилев. Халатное отношение Мясоедова, в те годы заведовавшего жандармским надзором в Вержболово, к вещественным доказательствам, сыгравшим в расследовании ключевую роль, было допущено, несмотря на многочисленные

указания со стороны начальства о необходимости оказания содействия Трусевичу. Впечатление о непрофессионализме Мясоедова, вынесенное Трусевичем при расследовании этого дела, стало причиной дальнейших карьерных трудностей жандармского офицера, лишило его корпоративной защиты и впоследствии сделало легкой мишенью политических интриг.

Ключевые слова:

С.Н. Мясоедов; М.И. Трусевич; Вержболово; Департамент полиции; Отдельный корпус жандармов; шпиономания

Для цитирования:

Лаврёнова А.М. Роковая шуба: М.И. Трусевич и смерть С.Н. Мясоедова. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 298–311. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.011](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.011)

Anna M. Lavryonova

*The State Archives of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: lavryonova@mail.ru*

The Fatal Fur Coat: M.I. Trusevich and the Death of S.N. Myasoedov

Abstract

Drawing on a number of previously unpublished sources, this article uncovers the complex and non-linear connection between two high-profile events of the early twentieth century that occurred eleven years apart: the explosion at the Bolshaya Severnaya Hotel in April 1904 during preparations for an assassination attempt against the Minister of the Interior, Vyacheslav von Plehve, and the execution of Colonel Sergei N. Myasoedov in April 1915 after his conviction for espionage on behalf of Germany. The link between

these two tragic episodes was provided by Mikhail I. Trusevich, then Assistant Prosecutor of the St. Petersburg Judicial Chamber and later Director of the Police Department, who was assigned to investigate the 1904 explosion, as well as by the fur coat belonging to the man killed in the blast, which became one of the key pieces of physical evidence in the case. The principal objective of the investigation was to establish the identity of the deceased. Through investigative work carried out in Montreux, Switzerland, and at the border station of Verzhbolovo, Trusevich succeeded in locating a relative who had accompanied the victim while making purchases. This ultimately led to the identification of the deceased as the Socialist Revolutionary Alexei D. Pokotilov. The negligent handling of this crucial piece of evidence by Myasoedov, who at the time was responsible for gendarmerie supervision at Verzhbolovo, occurred despite repeated instructions from his superiors to provide full assistance to Trusevich. The unfavorable impression of Myasoedov's professionalism that Trusevich formed during the investigation had lasting consequences for the gendarmerie officer's career. It deprived him of corporate support within the service and ultimately made him an easy target for subsequent political intrigue.

Keywords:

S.N. Myasoedov; M.I. Trusevich; Verzhbolovo; Police Department; Separate Gendarme Corps; Spy mania.

For citation:

Anna M. Lavryonova. The Fatal Fur Coat: M.I. Trusevich and the Death of S.N. Myasoedov. *The Historical Reporter.* 2026. Vol. 59. P. 298–311. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.011](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.011)



ночь на 1 апреля 1904 г. в одном из номеров столичной гостиницы «Большая Северная» член Боевой организации партии эсеров А.Д. Покотиллов мастерил бомбу, предназначенную ненавистному министру внутренних дел В.К. Плеве. Внезапно у террориста дрогнула рука — прогремел чудовищный взрыв и злоумышленника разорвало на куски.

Спустя одиннадцать лет, 2 апреля 1915 г., по приговору военно-полевого суда Варшавской крепости был повешен жандармский полковник С.Н. Мясоедов, ошибочно обвиненный в шпионаже в пользу Германии.



«Северная гостиница». Открытка, начало XX в.
 Из открытых источников

Казалось бы, между этими двумя печальными историями не могло быть никакой связи, однако в кружевном хитросплетении событий предзакатной империи роковые совпадения — дело нередкое, а порой и вовсе закономерное.

Первым предположение о влиянии дела о взрыве в «Северной гостинице» на судьбу Мясоедова высказал британский исследователь Уильям Фуллер, однако его объяснение событий 1904 г. едва ли можно считать исчерпывающим: поддавшись обаянию своего героя, он превозносит его успехи, порой лишь предположительные, и часто без веских оснований обличает обидчиков казненного¹. В.В. Хутарев-Гарнишевский, демонстрирующий реалистичное представление о подлинных качествах бывшего железнодорожного жандарма², и О.Р. Айрапетов, написавший рецензию на работу Фуллера³, также не сообщают подробностей инцидента 1904 г., столь повредившего Мясоедову. Нет их в свежей работе о «деле Мясоедова» А.М. Попова, хотя отдельные намеки на случившееся все же присутствуют⁴.

¹ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России / Авт. пер. с англ. М. Маликовой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 40.

² Хутарев-Гарнишевский В.В. Был ли Мясоедов шпионом? // Родина. 2019. № 2. С. 112–115.

³ Айрапетов О.Р. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. [Рецензия] // Русский сборник. Т. IX. М., 2010. С. 292–335.

⁴ Попов А.М. За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг. М.: Яуза-каталог, 2023. С. 194.

Вообще-то офицер 105-го Оренбургского пехотного полка Мясоедов с самого начала не должен был попасть в Отдельный корпус жандармов, ведь аттестации, данные ему его коллегами, были далеко не безупречны и сообщали подробности его интрижки с замужней дочерью его начальника, командира 17-го армейского корпуса генерала Н.Г. Залесова⁵, а также содержали указания на многочисленные долги офицера «разным евреям портным и ростовщикам»⁶. Несмотря на это Мясоедов был принят в корпус, а в 1901 г. занял хлебную должность начальника Вержболовского отделения Жандармско-полицейского управления Северо-Западных железных дорог.

В 1907 г. Мясоедов со скандалом покинул Вержболово и Корпус жандармов. Согласно версии Фуллера, незадолго до этого в Департамент полиции МВД поступил некий донос, в котором руководство пограничной станции обвинялось в содействии контрабандистам. Вследствие этого в Вержболово с проверкой пожаловал корнет А.Е. Пономарев⁷, потомственный жандарм (сын вахмистра), в прошлом студент Горного института и проваленный секретный сотрудник⁸. Не сумев раздобыть улики, он решил их сфабриковать, но был разоблачен Мясоедовым в суде. Показания Мясоедова были признаны его начальством «бестактными», тем более что подобное выступление вызвало болезненный для ведомства ажиотаж в прессе⁹. Столыпин приказал перевести Мясоедова «не ближе меридиана Самары», но тот почувствовал себя оскорбленным и предпочел вовсе оставить службу.

Уволившись в запас, Мясоедов занимался предпринимательством, но знакомство с военным министром В.А. Сухомлиновым вдохновило его в 1911 г. добиться восстановления на службе и перейти в Военное министерство. Счастье его продлилось недолго, так как уже в 1912 г. Мясоедов оказался втянут в крупную интригу А.И. Гучкова против военного министра. Желая учинить скандал, лидер октябристов инспирировал травлю Мясоедова, обвинив его в шпионаже в пользу Германии. Скандал удался на славу и увенчался дуэлью в апреле 1912 г.¹⁰ Пуля близорукого жандарма

⁵ Лаврёнова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 50; Хутарев-Гарнишевский В.В. Указ. соч. С. 112–115.

⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6991. Л. 7–11.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. ОО. 1906 г. Д. 1020; Д. 635. Т. 2, 635. Т. 3; 1-е Д-во. 1907 г. Оп. 27. Д. 240; Ф. 110. Оп. 6. Д. 1636 а.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1902 г. Оп. 316. Д. 1536.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1910 г. Оп. 316. Д. 75. Л. 49.

¹⁰ Лаврёнова А.М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М., 2023. С. 295–296.



Алексей Дмитриевич Покотиллов.
Из открытых источников

не причинила его противнику никакого вреда, что, впрочем, не помешало тому на следующий день явиться в Думу с подвязанной рукой¹¹.

Усилия Гучкова не пропали даром: шумиха в прессе вкупе с извечной предубежденностью обывателя по отношению к «синим мундирам» способствовали тому, что публика без долгих сомнений приняла бледные и бездоказательные обвинения в адрес Мясоедова за чистую монету. Вот почему, когда в 1915 г. после поражений в Восточной Пруссии ставке потребовался «козел отпущения», сомнительные показания подпоручика Я.П. Колаковского, утверждавшего, что будто бы завербовавшие его немцы порекомендовали ему связаться с Мясоедовым, поискав его по столичным ресторанам, послужили основанием для страшного приговора.

Многие из высокопоставленных чинов ОКЖ не поверили в достоверность версии об измене¹², в то время как военные с легкостью уверовали в предательство жандармского офицера¹³. К слову, Мясоедов был не единственным представителем «синих мундиров», подвергшимся подобным обвинениям. Так, помощник начальника Курляндского губернского жандармского управления ротмистр М.В. фон Плотто был

¹¹ Фуллер У. Указ. соч. С. 113.

¹² Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М., 2009. С. 76–79; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 годов. Кн. 1. Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1960. С. 106–111.

¹³ Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 261–262.

обвинен в сговоре с остзейскими баронами¹⁴, якобы привечавшими у себя немецкие аэропланы, а помощник начальника Финляндского жандармского управления подполковник Н.Н. Корнилов — в содействии шпионской деятельности германского консула в г. Торнео¹⁵. Как известно, несмотря на безосновательность обвинений, Мясоедов был повешен по личному указанию великого князя Николая Николаевича.

Во всей галерее недругов казненного присутствует одна фигура, ставшая для него поистине роковой, фигура, из-за влияния которой Мясоедов лишился корпоративной солидарности коллег и покровительства высшего начальства, что, в свою очередь, сделало его сперва легкой добычей Гучкова, а затем и жертвой, отданной на заклатие. В рапорте на имя П.А. Столыпина от 1 сентября 1909 г. Мясоедов заявляет, что крушением своей карьеры он был обязан М.И. Трусевичу, чей уход с поста директора Департамента полиции в 1909 г. и подтолкнул Мясоедова к попытке добиться восстановления в Корпусе жандармов. Мясоедов писал, что в Штабе корпуса его не раз предупреждали, что Трусевич относился к нему враждебно и говорил, что никогда не забудет, как с ним поступили в Вержболове. «За собой я никакой вины по отношению к Трусевичу не знал и не знаю», — писал Мясоедов, утверждая, что в этом как-то замешан его коллега полковник В.Ф. Шульц, впоследствии погибший при взрыве дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове. По словам Мясоедова, Шульц, правовед, «в силу каких-то корпоративных счетов, обошелся с Трусевичем не совсем любезно». Кроме того, Трусевич якобы усмотрел в действиях начальника Вержболовского отделения глумление, выразившееся в том, что Мясоедов послал ему грязную рваную шубу, вещественное доказательство, без упаковки, и тем поставил его в неловкое положение перед офицерами Санкт-Петербургского ГЖУ¹⁶. В разгар гучковской кампании прошение 1909 г. утекло в прессу, и газета «Биржевые ведомости» упражнялась в красноречии: «Гоголевского героя сгубил гусак, Мясоедова — шуба! Да, да, простая, вдобавок, старая, вылезшая шуба...»¹⁷

Горькая ирония судьбы заключалась в том, что так оно и было на самом деле. Пресловутая шуба принадлежала убитому собственной бомбой террористу и являлась одним из немногих вещественных доказательств по данному делу. После взрыва в распоряжении правительства оказались

¹⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19495.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 69. Д. 466.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1910 г. Оп. 316. Д. 75. Л. 2 об., 82, 91.

¹⁷ Биржевые ведомости № 92. 19 апреля 1912 г.



Максимилиан Иванович Трусевич.
Из открытых источников

лишь фальшивые документы на имя Аркадия Петровича Казанова, обезображенный труп и обгоревшая одежда, по которой необходимо было срочно установить личность погибшего и стоящую за ним организацию. Ключевую роль в этом расследовании сыграл Максимилиан Иванович Трусевич, на тот момент товарищ прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. Единственной зацепкой была марка на пуговицах брюк покойного, указывавшая на портного из курортного городка на берегу Женевского озера. Трусевич спешно отправился в Швейцарию, в помощь ему были отряжены лучшие силы русской политической полиции: в Женеву из Парижа был направлен заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции Л.А. Ратаев, на тот момент руководитель одиозного Е.Ф. Азефа, содействие им оказывал глава Берлинской агентуры А.М. Гартинг. За ходом расследования следили директор Департамента полиции А.А. Лопухин и прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Э.И. Вуич.

Сперва Трусевич установил, что террориста, проживавшего на ферме эмигранта Е.Е. Лазарева, навещал родственник, некто Михайлов, совершавший с ним совместные покупки. 22 апреля 1904 г. товарищ прокурора отправился в Вержболово, где рассчитывал по таможенным документам установить личность этого субъекта, что ему и удалось: родственником бомбиста оказался делопроизводитель Дворянского банка коллежский советник Д.А. Михайлов. Его быстро нашли и допросили, в результате чего была открыта и личность самого погибшего. Им оказался брат жены Михайлова — А.Д. Покотиллов. Интересно, что Азеф, глава Боевой организации партии эсеров, до последнего водил за нос



Сергей Николаевич Мясоедов.
Из открытых источников

своего руководителя Ратаева и назвал фамилию Покотилова только тогда, когда дальнейшее ее сокрытие не только не имело смысла, но и грозило утратой доверия со стороны руководителя¹⁸.

Едва ли вызывает сомнение тот факт, что в разгар охоты эсеров на министра внутренних дел не было расследования более важного, чем дело о взрыве в «Северной гостинице». И хотя Мясоедов не был посвящен в его детали, он, как жандармский офицер, не мог не понимать серьезности миссии Трусевича и значимости вещественных доказательств, тем более что ему об этом не раз сообщали лица, к распоряжениям которых следовало прислушаться. 5 апреля Мясоедов получил телеграмму от директора Департамента полиции Лопухина о необходимости «оказать содействие командированному за границу с секретным поручением товарищу прокурора Трусевичу, чтобы прусские пограничные власти не досматривали его багаж»¹⁹. 7 апреля начальнику вержболовских жандармов был направлен тюк с вещественными доказательствами, которые ему было велено отослать далее в Женеву на имя Ратаева²⁰. 22 апреля он

¹⁸ Подробнее см.: Лаврёнова А.М., Трухин М.Д. Холодная весна 1904 г.: дело о взрыве в «Северной гостинице», швейцарский вояж М.И. Трусевича и кальсоны Покотилова // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии [2024] / Гл. ред. С.В. Мироненко. М., 2024. С. 58–96.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Оп. 232. Д. 155. Л. 80.

²⁰ Там же. Л. 102–103.

снова получает телеграмму от Лопухина, извещающую о скором прибытии Трусевича с повторной просьбой оказать ему содействие²¹. Мясоедов, очевидно, отнесся к этой просьбе спустя рукава. В публикуемом отношении от 21 мая 1904 г. Трусевич указал Лопухину на наплевательское отношение подполковника Мясоедова к служебным обязанностям и недопустимую форму сношения с должностным лицом. Впрочем, тогда никаких формальных последствий этот инцидент не имел.

Таким образом, Трусевич невзлюбил Мясоедова отнюдь не вследствие своего излишне ранимого самолюбия, а просто-напросто сделал выводы о профессиональных качествах железнодорожного жандармского офицера. Насыщенная светская жизнь и благосклонность проезжавших через пограничную станцию иностранных венценосных особ, щедро осыпавших Мясоедова орденами своих государств²², по-видимому, способствовали утрате им связи с действительностью и стали причиной его вызывающе неосмотрительного поведения, в конце концов приведшего его к столь плачевному финалу.

Государственный архив РФ.

Ф. 102. ОО. 1904 г. Оп. 232. Д. 155. Т. 2. Л. 29–30. Автограф. На бланке товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты

Отношение товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты М.И. Трусевича директору Департамента полиции А.А. Лопухину о ненадлежащем обращении подполковника С.Н. Мясоедова с вещественным доказательством по делу о взрыве в «Северной гостинице». 21 мая 1904 г.

Конфиденциально

Его Превосходительству А.А. Лопухину

Милостивый государь Алексей Александрович,

В видах расследования вопроса о личности убитого в «Северной гостинице» злоумышленника шуба последнего была отвезена действ[ительным] статск[им] сов[етником] Ратаевым в Париж, где она предъ-

²¹ Там же. Л. 170.

²² Лаврёнова А.М. Жандармский надзор в Вержболово накануне Первой мировой войны // Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны: Материалы Международного круглого стола, 28 января 2014 г. / Сост. А.С. Сенин, Л.Д. Шаповалова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 175.



Записка о шубе.

Государственный архив РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Оп. 232. Д. 155. Т. 2. Л. 29

являлась меховщицам, а затем г. Ратаев уведомил меня письмом, что выслал шубу на ст. Вержболово местному жандармскому подполковнику Мясоедову для препровождения в С.-Петербургское губернское жандармское управление. В бытность мою 25-го минувшего апреля на означенном пограничном пункте подполковник Мясоедов сообщил мне о прибытии из заграницы на его имя какой-то посылки, причем я предупредил его о предстоявшем доставлении ему от Л.А. Ратаева упомянутой шубы, составляющей вещественное доказательство по делу, и о необходимости отправления ее в названное жандармское управление.

20-го сего мая в это управление явился городской посыльный, имевший при себе означенную шубу, завернутую в бумагу, и вскрытое, без конверта, письмо на бланке: «Сергей Николаевич Мясоедов», обращенное к Владимиру Сергеевичу²³, которого г. Мясоедов просит «передать эту шубу Трусевичу». Получив шубу и письмо, жандармские унтер-офицеры стали тщетно разыскивать по управлению «Владимира Сергеевича», по-видимому, стесняясь обратиться непосредственно ко мне с обожжен-

²³ Вероятно, начальник отделения на Варшавском вокзале подполковник Старов. (Прим. док.)

ной, изорванной шубой, на отношение коей к какому-либо делу не было никаких указаний в более чем странном способе ее пересылки. Убедившись, однако, что в управлении никакого «Владимира Сергеевича» нет, вахмистр предъявил мне вышеприведенную записку, значение коей я уяснил себе только тогда, когда увидел шубу и понял, что в данном случае имела место пересылка жандармскими офицерами вещественного доказательства должностному лицу постороннего ведомства. Находившаяся в кармане шубы перчатка убитого, к счастью, не утеряна.

Об изложенном считаю долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и полной готовности к Вашим услугам.

М. Трусевич
21 мая 1904 г.

Помета: К делу о взрыве в «Сев[ерной] гостинице» 27/V.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. 1. Айрапетов О.Р. У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009 [Рецензия], в: *Русский сборник: Исследования по истории России*. Т. IX. М.: Модест Колеров, 2010. С. 292–335.
Airapetov O.R. William Fuller. The foe within: Fantasies of treason and the end of Imperial Russia. Moscow, 2009 [Review], in: *Russkiy sbornik: The study on the Russian history*. Vol. IX. Moscow: Modest Kolerov, 2010. P. 292–335 (in Russ.).
2. Глобачёв К.И. *Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения* / Ред.: З.И. Перегудова; сост.: З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 519 с.
Globachev K.I. *The truth about the Russian Revolution: Memories of the former chief of the Petrograd Security Department* / Ed. by Z.I. Peregudova;

compil. by Z.I. Peregodova, J. Daly, V.G. Marinich. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2009. 519 p. (in Russ.).

3. Деникин А.И. *Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы* / сост. Л. Ю. Тремсина; предисл. и коммент. Ю. А. Трамбицкого. Москва: Айрис-пресс, 2006.

Denikin A.I. *Put' russkogo ofitsera: Stat'i i ocherki na istoricheskie i geopoliticheskie temy* [The Path of a Russian Officer: Articles and Essays on Historical and Geopolitical Topics], compiled by L. Yu. Tremsina; introduction and comments by Yu. A. Trambitsky. Moscow: Airis-press, 2006.

4. Лаврёнова А.М. Жандармский надзор в Вержболово накануне Первой мировой войны, в: *Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны: Материалы международного круглого стола* (28 января 2014 г.) / Сост.: А.С. Сенин, Л.Д. Шаповалова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 168–181.

Lavryonova A.M. Gendarme supervision in Verzhbolovo on the eve of the First World War, in: *Transport communications of the Russian Empire during the First World War: Materials of the International round table* (January 28, 2014) / Comp. by A.S. Senin, L.D. Shapovalova. St. Petersburg: Nestor-History, 2014. P. 168–181 (in Russ.).

5. Лаврёнова А.М. *Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.*: дис. ... канд. ист. наук. М.: Издво Российского государственного гуманитарного университета, 2018. 303 с.

Lavryonova A.M. *Separate Corps of Gendarmes and Russian society in 1880–1917*: PhD Diss. (Hist.). Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2018. 303 p. (in Russ.).

6. Лаврёнова А.М. *Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи*. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с.

Lavryonova A.M. *The thin blue line: Gendarmes and society at the end of an Empire*. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2023. 516 p. (in Russ.).

7. Лаврёнова А.М., Трухин М.Д. Холодная весна 1904 г.: дело о взрыве в «Северной гостинице», швейцарский вояж М.И. Трусевича и кальсоны Покотилова, в: *Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии* [2024] / Гл. ред.: С.В. Мироненко. М., 2024. С. 58–96.

Lavryonova A.M., Trukhin M.D. Cold spring of 1904: The case of the explosion at the Severnaya Hotel, the Swiss voyage of M.I. Trusevich and Pokotilov's underpants, in: *Yearbook of the State Archives of the*

- Russian Federation: Publications, research, reviews [2024] / Chief ed. by S.V. Mironenko. Moscow, 2024. P. 58–96 (in Russ.).*
8. Попов А.М. За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг. М.: Яуза-каталог, 2023. 640 с.
Popov A.M. Two Steps to the Abyss: Intrigues Against the War Minister and Self-Destruction of Power in Russia 1907–1915. Moscow: Yauza-katalog Publ., 2023. 640 p. (in Russ.)
9. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 годов. Кн. 1. НьюЙорк: Всеславянское издво, 1960. 309 с.
Spiridovich A.I. The Great War and the February Revolution of 1914–1917. Book 1. New York: AllSlavic publishing house, 1960. 309 p. (in Russ.).
10. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / Авториз. пер. с англ.: М. Маликова. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2009. 376 с.
Fuller W. The foe within: Fantasies of treason and the end of Imperial Russia / Authorized transl. from Eng. by M. Malikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2009. 376 p. (in Russ.).
11. Хутарев-Гарнишевский В.В. Был ли Мясоедов шпионом? *Родина*. 2019;(2):112–115.
Hutarev-Garnishevsky V.V. Was Myasoedov a spy? *Rodina*. 2019;(2):112–115 (in Russ.).



❧ Лаврёнова Анна Михайловна ❧
Anna M. Lavryonova

кандидат исторических наук, ведущий
специалист Государственного архива
Российской Федерации, SPIN-код: 3468-
6783, ORCID: 0009-0003-8576-6979

C.Sc. (History), leading specialist of the
State Archives of the Russian Federation,
SPIN-code: 3468-6783, ORCID: 0009-
0003-8576-6979

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.012)

Оригинальная статья / Original paper



В.В. Хутарев-Гарнишевский

*Московский государственный институт культуры,
г. Химки, Российская Федерация
E-mail: w.butarew@gmail.com*

Жизнь, работа и невероятные приключения секретного сотрудника Гуйтова в революционной России

Аннотация

Статья посвящена практике агентурной работы и взаимоотношениям осведомителей и кураторов через призму деятельности секретного сотрудника Александра Ивановича Гуйтова. Объект исследования выбран в силу наличия хорошо сохранившегося комплекса архивных источников, агентурных донесений, личного дела, следственных материалов, делопроизводственной переписки. Мы можем проследить его биографию не только в дореволюционный период сотрудничества с Петербургским охранным отделением, Кронштадтским жандармским управлением и иными органами политического сыска, но и в период революции 1917 г. и Гражданской войны. В статье демонстрируются практические методы работы политического сыска с секретной агентурой, зачастую отличные от требований, предъявлявшихся руководящими документами и инструкциями. Анализируются причины провалов осведомителей. Оказавшись одним из наиболее эффективных секретных сотрудников на флоте Балтийского моря, Гуйтов смог сделать и выдающуюся карьеру в революционных органах власти Кронштадта, войдя в руководство местного совета. Бывший агент полиции не только не прятался от революционеров, но проявил инициативу и освободил из тюремного заключения своих бывших кураторов по политическому сыску. Случай

Гуйтова интересен и тем, что он был единственным известным нам осведомителем жандармерии, который сделал карьеру в разведке Белого движения, заняв штатную офицерскую должность начальника разведывательного пункта Вооруженных сил Юга России. Биографический метод исследования избран для того, чтобы на примере конкретного человека изучить такие исторические проблемы, как способы вербовки, курирования, прикрытия секретных сотрудников, причины их провалов, сложности выбора поведенческих стратегий после падения Российской империи.

Ключевые слова:

А.И. Гуйтов; В.В. Владимиров; политический сыск; секретная агентура; Кронштадт; жандармерия; Февральская революция; Гражданская война в России; Вооруженные силы Юга России; контрразведка

Для цитирования:

Хутарев-Гарнишевский В.В. Жизнь, работа и невероятные приключения секретного сотрудника Гуйтова в революционной России. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 312–359. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.012)

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russian Federation

E-mail: w.hutarew@gmail.com

The Life, Work, and Extraordinary Adventures of the Secret Agent Guytov in Revolutionary Russia

Abstract

This article examines the practices of undercover intelligence work and the relationships between informants and their handlers through the career

of the secret agent Aleksander I. Guytov. The subject was selected because of the exceptional survival of a comprehensive body of archival materials, including intelligence reports, the agent's personal file, investigative records, and official correspondence. These sources make it possible to reconstruct Guytov's biography not only during his pre-revolutionary collaboration with the St. Petersburg Security Section, the Kronstadt Gendarmerie Administration, and other organs of the political police, but also throughout the Revolution of 1917 and the Russian Civil War. The article demonstrates the practical methods by which the political police managed their secret agents, methods that often differed substantially from those prescribed in official regulations and instructions. It also analyzes the causes of informants' operational failures. Having become one of the most effective secret agents operating within the Baltic Fleet, Guytov subsequently built a remarkable career within the revolutionary authorities of Kronstadt, eventually joining the leadership of the local Soviet. Rather than concealing his previous association with the political police, the former informant took the extraordinary step of securing the release of his former handlers from prison after the Revolution. Guytov's case is particularly noteworthy because he appears to have been the only known gendarmerie informant who later pursued a successful career in the intelligence service of the White movement, serving as the head of an intelligence post within the Armed Forces of South Russia. Employing a biographical approach, the article uses the experience of a single individual to explore broader historical questions, including methods of recruiting, supervising, and protecting secret agents, the causes of their operational failures, and the difficult choices they faced following the collapse of the Russian Empire.

Keywords:

A.I. Guytov; V.V. Vladimirov; Political surveillance; Secret agents; Kronstadt; Gendarmerie; February Revolution; Russian Civil War; Armed Forces of South Russia; Counterintelligence

For citation:

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky. The Life, Work, and Extraordinary Adventures of the Secret Agent Guytov in Revolutionary Russia. The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 312–359. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.012)





секретные сотрудники полиции, они же информаторы, они же провокаторы, были опорой всей розыскной работы политического сыска, наряду с перлюстраторами писем на почтамтах, филерами и системой бертильонажа. Работу агентуры сложно недооценить. Именно на основании ее донесений офицеры спецслужб вели как дознавательную, так и аналитическую работу: расследовали конкретные политические преступления и давали общую оценку общественным настроениям, определяли стратегию борьбы с революционным движением и легальной оппозицией. При этом, как ни странно, сами личности секретных сотрудников несправедливо обделены вниманием историков. Читатель возразит: а как же Азеф, про которого написаны несколько книг и десятки статей и которого знают даже школьники? Азеф — это, увы, то самое исключение, которое только подтверждает правило. Кроме исследователей революционного движения и политической полиции, вряд ли даже профессиональные историки знают много имен сексотов. Вспомнят, конечно, того же Евно Азефа, Романа Малиновского, Зинаиду Жученко-Гернгросс, но не более. Мы даже не можем назвать точное количество секретных сотрудников, работавших в охранных отделениях и жандармских управлениях: существуют сложно преодолимые методологические проблемы работы с источниками по агентуре.

Изучая деятельность секретных сотрудников, обоснованно можно применить биографический подход. Он позволяет изучить не только практику агентурной работы (зачастую расходившуюся с теорией, изложенной в соответствующих инструкциях Департамента полиции МВД), но и увидеть морально-нравственные императивы сотрудников, раскрыть их поведенческие стратегии. Последние представляют особенный научный интерес в контексте событий революции 1917 г. и Гражданской войны в России, когда перед бывшими осведомителями нависла угроза разоблачения. Они были вынуждены сделать экзистенциальный выбор: спасая свою жизнь и свободу, скрыться от репрессий революционных властей, перейти на сторону контрреволюционных сил или, наоборот, поступить на службу новым властям. Некоторые бывшие секретные сотрудники, привыкшие вести двойную жизнь и двойную игру, выбирали одновременно все три варианта своей судьбы.

Один из таких агентов, Александр Иванович Гуйтов, и находится в исследовательском фокусе статьи. До революции он 10 лет подряд работал секретным сотрудником жандармерии и охранки в Санкт-Петербурге, Баку, Тифлисе, Лондоне и Кронштадте, сдал жандармам несколько десятков своих коллег по революционной борьбе. Жил под семью фамилия-

ми и кличками, имел несколько подлинных паспортов на разные имена. После революции вошел в руководство Кронштадтского совета и в следственную комиссию, расследовавшую «преступления» чинов царской полиции, допрашивал и добился освобождения своих бывших кураторов по Кронштадтскому жандармскому управлению. Пытался сделать революционную карьеру, потом бежать из Кронштадта, но был раскрыт и арестован революционными властями. Довольно нагло, учитывая его положение предателя товарищей по революции, вел себя на следствии. Гуйтов чудом смог уйти от ответственности, бежал на Юг России, где служил чиновником в контрразведке Добровольческой армии, добился высокой оценки начальства и, наконец, возглавил одно из разведывательных отделений ВСЮР.

Деятельность Гуйтова уже попадала в орбиту научных исследований. Сведения о нем были приведены автором данной статьи в контексте изучения работы его куратора в политическом сыске подполковника В.В. Владимирова¹. Подробный разбор обстоятельств его ареста в 1917 г. привел петербургский исследователь истории Кронштадтского совета П.Н. Гордеев². Кратко упоминает Гуйтова в связи с событиями Гражданской войны в России историк отечественных спецслужб Н.С. Кирмель³. Однако ему до сих пор не посвящено полноценного научного исследования. Возможно, это связано с тем, что некоторую сложность в изучении работы политического сыска в Кронштадте и на Балтийском флоте представляет низкая сохранность архива самого Кронштадтского жандармского управления. В фонде этого учреждения, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (Ф. 2087), хранится всего лишь 21 дело. По сути, архив этого жандармского управления был утерян либо уничтожен. Поэтому в основе источниковой базы нашего исследования лежат материалы Государственного архива РФ и Российского государственного военного архива.

Во всех доступных источниках указано, что Александр Иванович Гуйтов происходил из мещан города Новоржева Псковской губернии. Мы не проводили специального генеалогического исследования, одна-

¹ Хутарев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов. М.: «Историческая память», Родина, 2019. С. 34–36, 279.

² Гордеев П.Н. Кронштадт и кронштадтцы в 1917 году. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. С. 91–98.

³ Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. Монография. М.: Кучково поле, 2008. С. 158.



Здание Санкт-Петербургского градоначальства.
Помещение охранного отделения. *Открытка 1896 г.*
Из открытых источников

ко по открытым источникам ясно, что семья эта относилась к среднему классу городского населения и имела некоторые средства. На первых допросах, проводимых членами Исполкома Кронштадтского совета в апреле 1917 г., Гуйтов, пытаясь объяснить наличие у него большого количества свободных денег, сообщил некоторые сведения о материальном положении своей семьи. Сначала он представился сыном богатых родителей, владевших якобы 600 десятинами земли, а на втором допросе пояснил, что жил на средства, полученные от деда, вследствие его отказа от наследства⁴.

В 1840-е гг. Гуйтовы были небогатыми купцами в Кудеверской волости Новоржевского уезда Псковской губернии. В деревне Дорожково имели собственный дом с лавкой мелочного торго с доходностью 5 руб. Главой семьи был купец Иван Николаевич Гуйтов. В середине 1850-х гг. он перебирается в город, где приобретает дом, однако выходит из купеческого сословия в мещане. В Псковском архиве сохранилось дело о незаконном сожителстве мещан Ивана Гуйтова и Александры Пастуховской⁵. Накануне революции во Пскове на Новгородской улице собственным домом владел некто мещанин Владимир Петрович Гуйтов⁶. Возможно, в своих показаниях Александр Иванович имел в виду отказ от своей доли наследства в общем доме во Пскове в обмен на деньги.

⁴ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3.

⁵ ГАПО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 20к.

⁶ ГАПО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 391.

Брат Ивана Николаевича, Николай Николаевич Гуйтов, пользовался определенным уважением. В частности, по сведениям заведующей Новоржевским филиалом Псковского музея-заповедника М.М. Пахоменковой, он был назначен земским судом к малолетнему Михаилу Осиповичу Меньшикову — будущему крупному идеологу русского национализма⁷. Интересно, что Меньшиков получил образование в Техническом училище морского ведомства в Кронштадте, а впоследствии публиковался в «Кронштадтском вестнике» и в «Морской газете» в Санкт-Петербурге. Не могли именно он впоследствии в качестве благодарности устроить Александра Ивановича Гуйтова в столице? Меньшиков, бесспорно, имел отношения с Департаментом полиции МВД, Петербургским охранным отделением и губернским жандармским управлением, которое даже организовало в 1912 г. его охрану как ценного консервативного журналиста⁸.

Прослеживается еще одна связь Гуйтова с Балтикой. В 1896–1898 гг. в Свеаборгском крепостном пехотном батальоне служил офицером Иван Силович Гуйтов, также близкий родственник Александра Ивановича⁹. Во время Первой русской революции в июле 1906 г. разгорелось известное Свеаборгское восстание, которое сломало карьеру капитана Гуйтова. 19 июля 1906 г. он командовал 2-й ротой Свеаборгского крепостного пехотного полка, которая находилась на Александровском острове и вела огонь по мятежникам, не давая им переходить по дамбе с Михайловского на Александровский остров. Когда у солдат оставалось всего от двух до пяти патронов на человека, к И.С. Гуйтову пришел один из командиров восстания большевик подпоручик Е.Л. Коханский и предложил сдать оружие. Видя неравенство сил и нехватку боеприпасов, капитан Гуйтов решил избежать масштабного кровопролития и неминуемого поражения и приказал солдатам сдать оружие — 85 винтовок¹⁰. Следственная комиссия по делу о беспорядках усмотрела в его действиях превышение полномочий, наказываемое дисциплинарным взысканием или полугодным содержанием на гауптвахте. Карьера капитана И.С. Гуйтова была сломана. В том же году

⁷ Пахоменкова М.М. «Из писем родственников». Эпистолярное творчество Меньшикова М.О. [Эл. ресурс] Режим доступа: <https://museumpskov.ru/uploads/library/i2y181y5Ve.pdf>

⁸ Гребенкин А.Н. Деятельность Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения по обеспечению безопасности лиц, временно подлежащих охране // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 32. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. С. 36.

⁹ Русский инвалид. 1896. № 104. 14 мая. С. 13; Сенатские ведомости. 1898. № 88. 5 ноября. С. 344.

¹⁰ Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг. М.: Партийное изд-во, 1933. С. 233–234.

А.И. Гуйтов, ранее состоявший в большевистской организации, становится секретным сотрудником Петербургского охранного отделения. Мы полагаем, что между двумя этими событиями может иметься прямая причинно-следственная связь.

Начало пути

Причины и момент появления А.И. Гуйтова в Санкт-Петербурге до сих пор не выяснены. Подробности его личной жизни мы вынуждены черпать из материалов двух его допросов в следственной комиссии Кронштадтского совета в 1917 г. На первом допросе Гуйтов сказал, что приехал в столицу в 1903 г. и устроился работать на электромеханический завод «Н.К. Гейслер и Ко», а на втором допросе заявил, что поступил на Меднолитейный механический завод А.А. Бейера в медно-котельную мастерскую учеником за 30 копеек в день. В 1904 г. токарь Тихон Иванович, взаимодействовавший с социалистическими партиями, познакомил молодого подмастерья с социалистическим учением.

После этого момента в показаниях Гуйтова появляется путаница, вероятно, внесенная им намеренно с целью запутать следователей и скрыть свою истинную деятельность. На первом допросе он утверждал, что принял участие в боевой организации социал-демократов в столице, а оттуда был направлен в город Тулу для работы в подпольной типографии. Устроил его якобы один из организаторов столичных социал-демократов товарищ Фома (Фома Иванович Игнатъев). На втором допросе Гуйтов так описывал свою партийную работу в Петербурге: *«Главная роль, которую я имел в это время, это был на побегушках за литературой»*. Вскоре якобы вместе с неким социалистом Костомозовым он приехал в Тулу к связанному — большевичке Софье Николаевне, работавшей под псевдонимом «Иван Иванович». Тогда разделение РСДРП на большевиков и меньшевиков не носило характера противостояния, потому часто на местах социал-демократы работали вместе. Якобы в Туле Гуйтов работал у меньшевиков в качестве курьера под кличкой Фома Иванович Игнатъев, потом стал помощником корректора в нелегальной типографии¹¹.

На первом допросе Гуйтов сообщал, что в 1907 г. вернулся из Тулы в Петербург вместе с Игнатьевым и работал под фамилией Добровольский. Вскоре в 1908 г. секретарь Охтенского подрайона социал-демокра-

¹¹ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

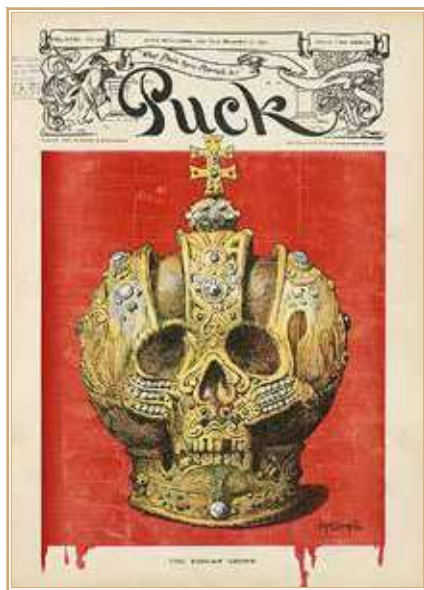
тов выдал Гуйтову подложный паспорт на имя мещанина города Киева Станислава Петровича Байнаровича (или Вайнаровича). Однако жить по этому паспорту долго не пришлось. Он был арестован вместе с указанным секретарем. Формально его 3 месяца держали в Охтенском арестном помещении без предъявления улик не за политическое преступление, которое доказать не смогли, а за проживание по чужому паспорту. После этого он был переведен на полгода в одиночную тюрьму, откуда выслан домой в город Новоржев.

На втором допросе Гуйтов изменил детали показаний. Якобы из Тулы он вернулся не в столицу, а в Москву, где сменил паспорт. На средства товарищей он вернулся из Москвы в Петербург, где жил на Лейхтенбергской улице по паспорту на некоего Василия Федоровича, работал на водочном заводе Петрова ремонтником, а впоследствии в разных кустарных мастерских и на малых заводах. Активно занимался партийной работой. Арестован был в мае 1908 г. с паспортом на имя Байнаровича вместе с пятью его товарищами на Большой Охте на квартире художника Елисея, где часто бывал по партийным делам. У Гуйтова был найден кроме поддельного паспорта еще и револьвер. Задержанные сидели не в Охтенской, а в Коломенской полицейской части под арестом.

Как мы видим, между обеими историями немного общего. Совпадают лишь паспорт на имя Байнаровича и факт ареста в Охтенской части Петербурга и потом полугодичного содержания в тюрьме. На втором допросе 1917 г. Гуйтов подробно описал, как его допрашивали жандармы в 1908 г.: *«Для допроса водили в охранку. Через несколько дней после ареста допрашивал жандармский офицер. Второй раз допрашивал старичок в штатском платье, был весьма груб и держали там 8 дней на кожаном диване. Всего во второй раз допрашивали 2 раза. Вопросы задавали и другие офицеры самые различные. В Крестах сидел месяцев 5-6 и оттуда водили на допрос в охранку 2 раза. В конце лета из пересыльной тюрьмы направили по этапу в свой уездный город Псковской губернии Новоржев»*¹². Финал обеих историй — возвращение в Новоржев — совпадает, однако вызывает сомнение, что лицо, арестованное в группе социалистов с револьвером и паспортом на чужую фамилию, было просто выслано домой к родителям.

В посвященной агентурной деятельности А.И. Гуйтова секретной записке начальника Кронштадтского жандармского управления (КрЖУ) В.В. Тржецяка на имя директора Департамента полиции А.Т. Васильева от 13 декабря 1916 г. сказано, что в 1907 г. он был завербован в качестве

¹² Там же. А. 2.



Обложка американского журнала «Puck». Карикатура на русскую монархию в ходе революции 1905 г. Худ. Карл Хассманн.

Library of Congress Prints and Photographs Division, LC-DIG-ppmsca-26019

секретного сотрудника Петербургским охранным отделением под агентурной кличкой «Кириллов». В том же году он способствовал ликвидации группы социалистов-революционеров максималистов, в которой состоял под партийной кличкой «Сизов». В 1908 г. выдал военную социал-демократическую ячейку в столице¹³. Получается, что арестован он был, уже будучи секретным сотрудником. Это был один из стандартных методов прикрытия осведомителя, против которого появились подозрения в провокации. Нам доподлинно неизвестно, кто, как и когда завербовал Гуйтова, так как фонд Петроградского охранного отделения сохранился весьма фрагментарно, но судя по косвенным данным более позднего времени, произошло это в 1906 г.¹⁴ Сам Гуйтов указывал, что давал показания лично генералу Герасимову. Вероятно, речь идет о начальнике охранного отделения в 1905–1909 гг. А.В. Герасимове, известном своей работой с Е.Ф. Азефом. Он реформировал систему агентурной работы, особое внимание уделял вербовке, ценных сотрудников курировал лично.

Уже в эмиграции Герасимов так описывал свои методы агентурной работы: «главные [агенты. — Прим. В.Х.-Г.] были завербованы наново. Для этого я отдал надлежащие указания тем офицерам, которые вели допро-

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об.

сы арестованных. Сам я обычно таких допросов не производил. Но если офицеры докладывали мне, что тот или иной из арестованных при допросах обнаруживает склонность к откровенным разговорам и оказывается неустойчивым в своих революционных симпатиях, то я, — если только этот арестованный по своим знакомствам в революционном мире представлял для меня интерес, — непременно шел на личную беседу с ним. Если эта беседа подтверждала первоначальное впечатление, то я не жалел времени для “обработки” этого арестованного. Конкретные аргументы, которые я выдвигал во время этих бесед, бывали различны. Некоторых пугала тяжесть наказания, других соблазняли деньги, третьих на этот путь толкали личные антипатии против тех или иных революционеров... Но особенно ценными, как показывал мой опыт, бывали люди, которые в силу тех или иных причин искренне разочаровались в революционном движении. На беседы с такими я не жалел времени, стараясь всеми силами склонить их на свою сторону, — и должен сказать, что в целом ряде случаев мне удавалось приобретать исключительно полезных и ценных агентов. К концу моей работы в Охранном отделении я имел в общей сложности не меньше 120–150 таких агентов во всех революционных и оппозиционных партиях [...] С особо важными агентами, которые имели то или иное отношение к центральным организациям, сношения поддерживал я сам непосредственно. Таких агентов было 5–7, причем для свиданий с каждым из них у меня была особая квартира»¹⁵. В своих мемуарах генерал отмечает важность сохранения каждого секретного сотрудника, прикрытия его от разоблачения. В каком-то смысле его взгляд можно назвать отеческим. Герасимов считается одним из высочайших специалистов по агентурной работе в империи. Ему поручались такие delicate миссии, как, например, наблюдение за рубежом за братом царя великим князем Михаилом Александровичем и его дамой сердца Наталией Вульферт¹⁶. Под руководством генерала Гуйтов прошел выдающуюся школу секретной работы, которая помогла ему в дальнейшем.

Представляет интерес вышеупомянутый переезд Гуйтова в Новоржев, произошедший уже после того, как он начал активно сотрудничать с охранкой. Мы предполагаем, что это был побег, ставший следствием нервного срыва после двух крупных ликвидаций, совершенных полицией по его наводкам. Агенты жили в страхе разоблачения и мести товарищей, а пото-

¹⁵ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж: YMCA-Press, 1985. С. 57, 58.

¹⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. С. 164.

му часто страдали депрессиями и срывами. Но «Кириллов» был весьма результативный работник и для него выйти из игры было не так уж и просто.

Полиция нашла аморальный, но эффективный способ вернуть ценного сотрудника на службу. 30 декабря 1908 г. статский советник Цезарь Иванович Обух-Воцатынский, судебный следователь по важнейшим делам Санкт-Петербургского окружного суда, обратился с секретным очень срочным запросом в Новоржевское уездное полицейское управление с требованием принять меры к немедленному задержанию и высылке в Санкт-Петербург новоржевского мещанина Александра Гуйтова, обвиняемого в разбоях и убийствах¹⁷. Конкретно Гуйтову инкриминировали следующие статьи Уложения о наказаниях: 924 (создание шайки для разбоев или фальшивомонетничества), 927 (совершение преступления в составе шайки), 1459 (неумышленное убийство при совершении иных противоправных насильственных действий), 1633 и 1634 (разбой, сопровождающийся убийством), что в совокупности «тянуло» на срок от 18 лет каторжных работ до смертной казни, в зависимости от обстоятельств¹⁸. Не могло ли это быть одним из способов давления на секретного сотрудника?

Репутация у этого следователя была крайне дурная: человека внешне обходительного, но при этом беспринципного, жестокого, добывающего свою жертву. Психотип следователя Порфирия Петровича из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Именно Обух арестовал Корнея Чуковского за сатирические публикации в редактируемом им журнале «Сигнал» по обвинению за оскорбление величества. Писатель вышел с большим трудом лишь после внесения сестрой А.И. Куприна колоссального залога в размере 10 тыс. руб. Но и после этого следователь не оставлял попыток посадить писателя в тюрьму. Сам Чуковский 31 января 1906 г. записал в дневнике: «Был у Обуха. Плохо мое дело. Придирка к совершенно невинной статье, лишь бы меня погубить»¹⁹. Свой арест, личность и манеры Обух-Воцатынского Чуковский описывал следующим образом: «Был он экспансивен, плешив и вертляв. Лицо подвижное, приятное, как будто совсем не чиновничье. Пожав обеими руками мою руку и усадив меня в монументальное кресло, он долго с усилием глядел на меня, словно не мог наглядеться. Потом выдвинул ящик стола и достал оттуда глянцеви́тую папку,

¹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 1132. Л. 9.

¹⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1886. С. 357, 358, 509, 603.

¹⁹ Чуковский К.И. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921 / Предисл. В. Каверина; коммент. Е. Чуковской. 2-е изд. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. С. 123.

в которой я увидел мой “Сигнал”, весь испещренный какими-то красными черточками, знаками, значками, завитками, пометками, образовавшими на каждой странице очень аккуратный, затейливый и красивый узор. Ваши преступления, — сказал он задушевым и вкрадчивым голосом, совершенно не соответствующим смыслу его неласковых слов, — ваши преступления так тяжелы и серьезны, что для обеспечения вашей явки к суду прокурор Камышанский (тут голос Обуха стал особенно нежным) приказал взять вас под стражу... если, впрочем, вы не согласитесь представить залог в размере десяти тысяч рублей. — Десять тысяч? Рублей? Я показал ему свой кошелек, где ютилась одна трехрублевка. — В таком случае... — И мой новый приятель нажал (как я позднее догадался, коленом) невидимую кнопку звонка, прилаженную где-то под столом. Вошел служитель в мундире с зелеными кантами: — Пожалуйста! В сто седьмую! — сказал с грустной улыбкой Обух и приветливо помахал мне рукой, как делают великосветские люди, прощаясь на перроне вокзала с друзьями, уезжающими на Кавказ или в Ниццу»²⁰.

Именно такой человек мертвой хваткой вцепился в Гуйтова. Любопытно, что на самом деле никакого дела на Гуйтова в окружном суде не существовало и в историческом архиве Санкт-Петербурга никаких следов его не обнаружено. Судя по всему, речь шла о неприкрытом шантаже. Все направлявшиеся запросы представляли собой лишь попытку поймать бежавшего в Новоржев Гуйтова по неполитическому поводу, причем секретным образом, не объявляя в имперский розыск. Самое интересное, что как только Гуйтов соглашается продолжить сотрудничать с Петербургским охранным отделением, его поиски приостанавливаются. Мы полагаем, что никакого разбойного нападения с убийством он не совершал, так как сотрудничество с агентами, совершившими уголовные преступления, было прямо запрещено циркулярами Департамента полиции²¹. Это был шантаж с целью принудить его работать на «охранку».

Работа на Юге России

В 1909 г. Гуйтов под той же кличкой «Кириллов» был командирован из Санкт-Петербурга в Баку, где вступил в местную организацию партии со-

²⁰ Никитин Е.Н. Какие они разные... Корней, Николай и Лидия Чуковские. Н. Новгород: Деком, 2014. С. 39, 40.

²¹ Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 / Сост. Е.И. Щербакова. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 106, 107.

циалистов-революционеров, оказывая услуги местному розыскному органу. Возможно, этот перевод был связан с отставкой в том же году его куратора, начальника столичной охраны генерала А.В. Герасимова. В картотеке Департамента полиции в ГА РФ есть уточнение, что в данный период Гуйтов работал на Жандармское полицейское управление Закавказских железных дорог, а потом на Бакинское охранное отделение. Здесь он вошел в областной комитет партии социалистов-революционеров и по его наводке 1 мая 1910 г. в Баку была ликвидирована типография партии²².

Крупным делом этого периода его агентурной деятельности является предотвращение ограбления банка во Владимирской губернии. 14 июня 1910 г. А.И. Гуйтов явился к начальнику Самарского губернского жандармского управления полковнику А.П. Критскому, представившись секретным сотрудником Бакинской охраны «Кирилловым», командированным в Самару по закавказским делам, и попросил содействия. Баку подтвердил, что в городе на Волге «Кириллов» должен следить за проезжающими участниками группы бакинских анархистов, намеренными произвести крупное ограбление в города Шуе или Иваново-Вознесенске Владимирской губернии. Двое «экспроприаторов» остановились в Самаре в снятой Гуйтовым квартире и попали под наблюдение местных филеров. Вскоре к ним присоединилась беспартийная воровка Матрена Дмитриевна Шевченко по кличке «Змейка». Однако между участниками предполагаемого ограбления произошла размолвка плюс они считали свои силы недостаточными.

6 июля «Кириллов» выехал в Казань на поиски одного из предполагаемых участников экспроприации банка, а оттуда в Москву по приглашению начальника Московского охранного отделения полковника П.П. Заварзина²³. Во многом это было связано с тем, что он не получил поддержки от самарских жандармов. Критский сообщениям Гуйтова не доверял и содействия ему не оказывал, за исключением неуклюже организованного филерского наблюдения, которое чуть не скомпрометировало Гуйтова в глазах подельников по планировавшемуся ограблению. В своих мемуарах начальник Саратовского охранного отделения полковник А.П. Мартынов называл А.П. Критского *«тяжелым на подъем, обленившимся и младенчески наивным в политическом розыске пожилым любителем преферанса»*²⁴.

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10.

²³ Там же. Д. 282 (1910 год). Л. 39–41.

²⁴ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 221.

Внедрение Гуйтова в террористическую группу анархистов, будучи при этом членом партии эсеров, было крайне рискованным и вызвало подозрения. Основанием стала его руководящая роль у местных эсеров, которую он скрывал от анархистов. 26 июля 1910 г. один из проживавших с ним подельников анархист Василий Васильевич Анищенко получил письмо от своих коллег из Баку, в котором они высказывали подозрения в провокаторстве по адресу Александра Ивановича. Второй подельник Алексей Егорович Кузьмин, видя, что ограбление банка оттягивается на неизвестный срок, сдружился с Гуйтовым, чем также вызвал подозрения. 24 октября самарские анархисты перешли к активным действиям. Они вышли на связь с местными эсерами и решили командировать к бакинским эсерам студента Г.Г. Альбрехта с сообщением, что А.И. Гуйтов и А. Кузьмин — провокаторы охраны. Также они отказались от нападения на Шую и Иваново-Вознесенск и просили выслать новую группу из Баку в Самару с запасом оружия и бомб для совершения экспроприаций и террористических актов в самой Самаре. Начальник жандармского отделения позволил Альбрехту выехать из города, но под наблюдением филеров. Закавказская полиция была предупреждена. В результате 3 ноября в Баку были арестованы готовившие теракты члены ячейки социалистов-революционеров Генрих Генрихович Альбрехт (партийная кличка «Урод»), с ним товарищи Нисон Мовшев Евенсон («Губастый»), Хана Гита Гершева Клячко (кличка «Ядовитая»), Иосиф Августов Евсеев («Горбатый») и Хася Срулева Гольдштейн²⁵. Ограбление банка было предотвращено, равно и как предполагавшиеся теракты в Самаре, бакинские анархисты и эсеры были арестованы, а непосредственная угроза для Гуйтова отпала, но он оказался окончательно скомпрометирован. Главной причиной этого стала неосторожность его куратора, начальника Бакинской охраны ротмистра П.П. Мартынова, который писал ему за своими инициалами письма с инструкциями прямо на квартиру, где тот проживал в Самаре с подельниками по готовившемуся ограблению. Вероятно, одно из них и было вскрыто Василием Анищенко. Впоследствии, разбирая результаты операции, вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов прямо обвинил П.П. Мартынова в провале ценного сотрудника²⁶.

В 1911 г. после провала по вине куратора, опасаясь мести как эсеров, так и анархистов, Гуйтов пытается постепенно отойти от дел и начина-

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 282 (1910 год). Л. 54–60.

²⁶ Там же. Л. 50, 51.



Вице-директор Департамента полиции МВД Сергей Евлампиевич Виссарионов.
Из открытых источников

ет запутывать следы. Он меняет личность и 24 января получает новую паспортную книжку на имя родившегося в 1883 г. безземельного крестьянина Гривской волости Новоржевского уезда Псковской губернии по профессии рабочего Константина Александровича Зиновьева, которой и пользуется наравне с документами на имя А.И. Гуйтова²⁷. Паспорт выписал гривский волостной писарь Иван Никифоров. При этом Гуйтов возвращается в Москву, продолжая контактировать с местным охранным отделением. А 23 августа 1911 г. он выезжает из Москвы, где проживал на Мясницкой улице в гостинице «Лубянские номера», во Псков, а оттуда едет в родной Новоржев. Здесь он получает у местного исправника еще одну паспортную книжку № 136 на имя Александра Николаевича Гуйтова, сменив отчество с Ивановича. Теперь у него на руках три паспорта на имена К.А. Зиновьева, А.И. Гуйтова и А.Н. Гуйтова. Бывший секретный сотрудник хочет начать новую жизнь, но охранка не дремлет. Оказывается, все время за ним шла слежка. У филеров Московского охранного отделения он проходил под кличкой «Полкан». В тот же день 23 августа помощник начальника отделения подполковник Турчанинов поднимает давно уже забытое дело Петербургского военно-окружного суда и требует от псковской полиции немедленно арестовать Гуйтова.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 2 (1915 год). Л. 64.

В Кронштадтском жандармском управлении

Нам неизвестно, что произошло дальше. По разным документам то ли в конце 1911 г., то ли в начале 1912 г. Гуйтов соглашается поступить назад в секретную агентуру — на этот раз в Кронштадтское жандармское управление под новой кличкой — «Каменский». 23 декабря 1911 г. военный прокурор Петербургского военно-окружного суда приостановил дело розыска и задержания²⁸. А в 1912 г. Турчанинов приостановил и сами поиски Гуйтова. То, что вся эта история с уголовным делом и розысками была инсценировкой с целью принудить к продолжению сотрудничества ценного агента, ясно хотя бы из того, что во время дела о подготовке ограбления банка Гуйтов постоянно находился в Москве, регулярно контактировал с начальником отделения Мартыновым и его помощником Турчаниновым, его пребывание и все передвижения были им известны. Обыск в его номере в гостинице «Лубянские номера» произошел ровно на следующий день после его отъезда в Псков.

В Кронштадтском ЖУ «Каменский» занимался освещением революционного движения среди судовых команд флота Балтийского моря. Он окончательно меняет личность на рабочего К.А. Зиновьева и переходит на нелегальное положение. Первоначально он живет в Свеаборге, работает вторым машинистом на транспорте «Мезень»²⁹, потом временно селится в Петрограде на Знаменской улице в д. 2, а оттуда вскоре переезжает в Кронштадт. В своих показаниях в 1917 г. Гуйтов говорил: *«Имея в Петрограде много знакомых, я нашел пребывание там невозможным, так как скрывался от воинской повинности. [...] Паспорт нелегальный был вполне надежный, следовательно бояться провала не имел никаких оснований. В Кронштадте я сначала устроился в Гордессер, а затем работал в Управлении строителя крепости»*³⁰. В управлении он работал механиком.

В этих словах содержится частичка правды. Провалившись, как А.И. Гуйтов, он не мог появиться на глаза петербургским революционерам. И хотя он не был ими доказательно изобличен в работе на охранку, в отношении его сформировались подозрения. К революционной работе Гуйтова бы не допустили. Нелегальное положение имело и свои минусы: он не мог поступить на военную службу. Плюс к инкриминировавшимся ему Обух-Вощатынским уголовным статьям добавилась еще одна — уклонение от воинской повинности.

²⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 1132. Л. 9. Л. 8.

²⁹ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об.

³⁰ Там же. Л. 2.

В Кронштадтском управлении Гуйтову повезло. Он работал под руководством одного из видных специалистов — подполковника Владимира Владимировича Владимирова, который отвечал за агентурную работу в жандармском управлении. Одним из наиболее интересных и крупных заданий, которые получил агент «Каменский» была командировка в Лондон для выяснения связей и намерений известного революционера бывшего народовольца Алексея Львовича Теплова, который жил в британской столице с 1893 г. и занимался изданием газеты «Русский рабочий». Здесь требуются некоторые пояснения. Теплов входил в ближний круг друзей В.А. Бурцева. Изначально в Париже, а потом в Лондоне он занимался изготовлением бомб для террористических актов в России, а в 1910-е гг. перешел к более мирной деятельности — организации русских революционно настроенных подданных в неформальные профсоюзы. Департамент полиции воспринимал его как серьезную угрозу и пытался установить за ним наблюдение. В 1909 г. начальник Заграничной агентуры ротмистр В.И. Андреев отмечал, что Теплов имел «громадное влияние» среди социалистов вообще и поддерживал тесные связи с партией эсеров³¹. 11 июля 1913 г. вместе со своими коллегами Николаем Кlichem, Дмитрием Барановым и Михаилом Александровым (настоящая фамилия Традучан) он учредил лондонский «Союз русских моряков заграницей», вознамерившись оттуда организовывать революционную работу на царском флоте³². Активный набор в союз продолжался по лето 1914 г. В него вступали не только эмигранты, но и моряки, находившиеся в России: матросы с парохода «Цесаревич Алексей» Александр Ванцев и Карл Там, кочегар Николай Голодный с заходившего неоднократно в Лондон русского парохода «Тула». Среди целей союза значилась как организация русских моряков на всех иностранных судах, так и политическая организация балтийских судов. В обращении к сочувствующим Теплов писал: «Мы вышли на большую дорогу и это толкает нас на организацию Боевого союза российских моряков заграницей»³³. Намерения эти были далеко не безобидными, так как, по признанию секретаря союза и правой руки Теплова Дмитрия Аничкина, союз имел связи с различными флотами и не был фантазийной инициативой небольшой группы лиц.

14–21 февраля 1914 г. прошла совместная конференция «Союза русских моряков заграницей», Черноморского и Каспийского союзов моря-

³¹ Агентурная работа. С. 178.

³² ГА РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

³³ Там же. Д. 73. Л. 18.

ков, в которой участвовали делегаты от различных групп и организаций военных и гражданских моряков, общая численность которых по представленным союзами спискам составляла 5594 человека. Разумеется, в это число входят и «мертвые души», и аполитичные члены морских союзов. На конференции Лондонскому союзу было поручено организовать моряков на военном и гражданском флотах на Балтике и провести в будущем отдельную Балтийскую конференцию. Аничкин с Тепловым предполагали создать филиалы Балтийского союза во всех портах, куда заходят пароходы³⁴. Кроме того, Тепловым в 1914 г. был учрежден еще и «Союз бывших военных», который номинально был нацелен на взаимопомощь его членов и обмен мнениями по поводу событий в России, а неофициально занимался финансированием революционной работы среди военных через учрежденный им «Фонд борьбы»³⁵.

В 1916 г. «Каменский» был направлен своим куратором Владимировым в Либаву для расследования сведений о военно-революционных организациях на флоте в связи с деятельностью Теплова, а оттуда был командирован в Лондон. В записке начальника КрЖУ Тржецяка эта работа «Каменского» описана кратко: *«успешно оказывал агентурные услуги по связям с проживающим в Лондоне известным Департаменту полиции эмигрантом Тепловым»*³⁶. Подробности раскрывает сам Гуйтов в показаниях, данных Кронштадтскому совету в 1917 г.: *«В 1913 году весной я уехал в Либаву, где и поступил на завод Матисона, а затем работал на Доровой улице у еврея медика. Всего пробыл в Либаве около 3-х месяцев. Из Либавы уехал за границу в Лондон — зайцем. Способствовал такому переходу один еврей, работавший на заводе Матисона. Ехал с нами вместе Шолобариц, с которым я познакомился случайно на улице. При помощи Файта устроили выезд и Шолобарицу. В Лондоне пришлось пережить очень много. Затем, благодаря указанию русского парикмахера, мы нашли Теплова. В Лондоне пробыл месяца три, после чего вернулся в Либаву. А уехал оттуда по такому желанию, какое было побывать за границей»*³⁷. Из этих воспоминаний мы видим, как филигранно он был внедрен своим куратором подполковником Владимировым в окружение Теплова.

Упомянутым евреем Файтом, организовавшим транспортировку в Лондон, был некто Нельсон, бывший эмигрант, конспиративным обра-

³⁴ Там же. Л. 1–2.

³⁵ Там же. Д. 11а. Л. 1–7.

³⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10.

³⁷ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

зом вернувшийся в Россию для организации революционной работы на Балтийском флоте. К нему вошел в доверие Зиновьев. Мы имеем письменные указания, данные Владимировым «Каменскому» по этому делу, которые показывают механику работы внедренного сотрудника.

«При посредстве эмигранта Нельсона и его жены, проживающих нелегально в Либаве, выяснить транспортеров и получателей нелегальной литературы, а также распространителей (частных лиц) таковой среды матросов. Войдя в доверие отправителей и получателей нелегальной литературы, установить местохраниение таковой. Установить через третьих лиц получателей из матросов, являющихся в то же время и оружейными представителями. Дальнейшая разработка этих задач, вызывающая непосредственное соприкосновение с матросской средой, не может быть допущена.

Нелегальная литература, препровождаемая в Россию из-за границы на коммерческих судах, ни в коем случае не может быть получаемая им («Каменским». — Прим. В.Х.-Г.) ни для распространения таковой на военных кораблях, ни для передачи отдельным распропагандированным матросам, ни кому-либо. Никакого активного участия в пропаганде тем более на военных судах он принимать не может, равно как и не должен вести разговоров на политическую тему с матросами и портовыми рабочими. Имеет право только в крайних единичных и важных для агентуры случаях пересылать корреспонденцию матросов по поддержанию связи с политическими эмигрантами, и помещать статьи в революционной прессе.

Сообщая [сведения. — Прим. В.Х.-Г.] о дислокации военных судов, можно разглашать лишь в тех объемах, в которых они есть в открытых источниках, включая легальную прессу. Каменский должен временно уклониться от прямых сношений с Тепловым. Во избежание без ведома его посещения матросами, квартира Каменского в Либаве не должна быть явочной и вообще он должен уклониться от непосредственного сближения с матросами»³⁸.

Этот документ является не только крайне редким образцом письменных указаний данных секретному сотруднику. Обычно они давались исключительно лично и в устной форме. Стоит отметить, насколько деликатно подходит к внедрению и работе агента его куратор Владимиров. Он старается избежать совершения сотрудником любых поступков, которые можно расценить как преступные, а значит — провокативные. Владимиров старается максимально оградить агента от прямых контактов с революционными матросами, которые могли бы потребовать от «Ка-

³⁸ Там же. Л. 12–12 об.

менского» более активных действий, прямой отказ от которых мог бы бросить на него тень. Это сильно контрастирует с тем потребительским отношением, которое к Гуйтову проявляли его кураторы в Баку и Саратове, фактически провалившие агента.

О положении Гуйтова-Каменского внутри системы секретной агентуры Кронштадтского жандармского управления можно судить по спискам секретных сотрудников и осведомителей, составленным в 1915–1916 гг. Первый из дошедших до нас списков агентов, находившихся под непосредственным кураторством В.В. Владимирова, был составлен в январе 1915 г. В него не вошли «штучники» — сотрудники, эпизодически поставлявшие единичные сведения и находившиеся на разовой оплате за каждое донесение. Из этого документа ясно, что агентура управления была весьма немногочисленна: всего 13 человек, из которых двое относились к секретным сотрудникам, освещавшим деятельность партий, остальные — к осведомителям. Разница между первыми и вторыми типами агентов заключалась в том, что сексоты являлись активными членами революционных партийных ячеек, а осведомители сами не состояли в них, а лишь были знакомы с революционно настроенным контингентом и давали менее ценные сведения, часто полученные из вторых или третьих уст. Наблюдением за социал-демократами занимался сотрудник «Мирский-Миловидов» — рабочий завода «Эриксон», служивший на крейсере «Диана» Дмитрий Ефимович Тихомиров. Он получал солидные деньги — 50 руб. в месяц. Партию социалистов-революционеров освещал агент «Каменский», являвшийся самым высокооплачиваемым сексотом Кронштадтского ЖУ с окладом в 125 руб. в месяц. Осведомители, которых числилось 11 человек («Павлов», «Породин», «Жук», просто «Мирский», «Леонов», «Кубов», «Кустов», «Аргус», «Лесной», «Судовой», «Записной»), освещали настроения в мастерских, воинских частях, в целом в городе и даже в коммерческом суде. Оплата работы осведомителей была значительно меньше и колебалась в пределах от 10 до 40 руб. в месяц. Из этого списка мы видим, что в начале Первой мировой войны большинство сотрудников были совсем молодые и неопытные, недавно завербованные розыскниками. Только 4 из 13 агентов были завербованы до 1914 г.³⁹ Положение с постановкой агентурной работы через полгода, в июне 1915 г., оказалось даже немного хуже: их стало на одного меньше — 12 человек, сменилась часть агентов. Ушли или были уволены «Аргус», «Кустов», «Лесной», «Породин», а их место заняли «Беляков», «Андреевский», «Сюргучев»⁴⁰.

³⁹ Там же. Д. 1. Ч. 58. Лит. Е. Т. 2. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 23.



Артиллерийские казармы Кронштадта. Открытка начала XX в.
Из открытых источников

В январе 1915 г. общий месячный расход на агентуру составлял 440 руб. «окладов» и 25 командировочных «Мирскому-Миловидову», притом что размер сметного ассигнования на агентуру составлял 600 руб. Можно констатировать, что известный недостаток освещения настроений на Балтийском флоте и в его портах базирования был связан не с недофинансированием работы секретной агентуры, а с тем, что офицеры КрЖУ начали системно обзаводиться ею только с марта 1914 г. Департамент полиции учел это обстоятельство и сократил ассигнования на агентуру до 500 руб. в месяц. Было урезано и финансирование наружного наблюдения: если в январе 1915 г. из центра на жалованье делопроизводителя морского района и штатных филеров выделялось 400 руб., а суточных и расходных денег 120 руб., то в июне жалованье филеров составило 350 руб., суточные и расходные деньги 105 руб., а должность делопроизводителя района и вовсе выпала из сметы⁴¹. Интересна и динамика освоения денег на наружное наблюдение: если в январе жандармское управление осваивало 90% выделяемых средств, то в июне только 76,5%.

К концу 1915 г. удалось преодолеть агентурный кризис в Кронштадтском управлении. В декабрьской сводке числится уже 25 агентов. Сотрудников, как и прежде, было двое, «Каменский» и «Мирский-Ми-

⁴¹ Там же. Л. 3, 22.

ловидов», остальные — осведомители. 19 осведомителей, т.е. 76% всей агентуры, были новыми людьми, нанятыми в период с июня по декабрь, причем больше половины из них (12 человек) в декабре. О качестве этой агентуры можно судить по уровню ее оплаты: не уверенные в результатах жандармы положили новичкам оклады в 5–10 руб. в месяц, а у восьми осведомителей вообще не было установлено постоянных окладов⁴². Ведущим и самым высокооплачиваемым сотрудником продолжал оставаться Гуйтов. Причем его оклад был в 25 раз выше, например, оклада осведомителя «Горбунова». Таким образом, мы видим, что костяк секретной агентуры КрЖУ был очень невелик и вся работа держалась на пяти-шести постоянных сотрудниках. Характер взаимодействия с Владимировым Гуйтов описал в своих показаниях следователю Кронштадтского совета: *«Нет показаний, подписанных сотрудником, а только на машинке. Я писал быстро, а Владимиров перерабатывал и часто от себя добавлял. Жандармское управление верило... только осведомителям»*⁴³.

До нас дошли и описания его пребывания в Кронштадте, данные уже после разоблачения сотрудника, его знакомыми. Это тоже уникальный источник. Согласно показаниям электрика Н.М. Шимарева, в 1912 г. Гуйтов жил в Кронштадте под именем К.А. Зиновьева на Петровской улице в доме Туркина в квартире 30 или 31 и работал на строительстве крепости. *«У Зиновьева очень часто собирались кучки матросов с разных судов флота и с I-го Балтийского экипажа — матрос Уточкин. В том же году Зиновьев неожиданно из Кронштадта скрылся, не предупредив своих товарищей. После отъезда Зиновьева произошли аресты на судах флота, а именно на “Петре Первом” и I-м Балтийском экипаже, где был арестован товарищ матрос Уточкин, который посещал квартиру Зиновьева. С “Павла Первого” был арестован Алексей Кашин, который квартиру Зиновьева не посещал и много других»*⁴⁴. Это был традиционный метод прикрытия секретных сотрудников, когда ликвидация, как на охранном жаргоне назывался арест, проводилась после отъезда сотрудника. Считалось, что подобным образом от сотрудника отводились подозрения в доносительстве. Однако не всегда кураторы соблюдали это требование и начинали торопиться с арестом, что приводило к раскрытию сотрудников.

⁴² Там же. Л. 52.

⁴³ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 49.

⁴⁴ Там же. Л. 3.

Интриги Департамента полиции

Несмотря на возникавшие подозрения, работа «Каменского» шла довольно успешно и гладко. Угроза разоблачения нависла совершенно неожиданно и исходила не от некомпетентности действий его лично или его кураторов, а от указаний высшего руководства политического сыска. Начавшаяся Первая мировая война привела к массовой мобилизации секретных сотрудников в армию, что разваливало политический сыск. Уже 29 июля/11 августа 1914 г. начальник Кронштадтского ЖУ В.В. Тржецяк писал товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому: *«С объявлением войны и с мобилизацией флота многие из числа сотрудников и осведомителей, обслуживавших вверенный мне морской район, приняты на действительную военную службу, чем значительно ослаблена осведомленность района. Ввиду сего испрашиваю разрешения <...> разрешить мне на время военных действий продолжать сношения с подобными лицами»*, однако получил категорический отказ шефа жандармов⁴⁵. За некоторых сотрудников Тржецяк все же пытался бороться. 29 октября 1914 г. он ходатайствует перед директором Департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполитом сделать исключение для «Каменского», так как для легализации ему придется подать прошение на Высочайшее имя о помиловании за уклонение от отбывания воинской повинности и проживание по поддельным документам, что неизбежно *«приведет к раскрытию Каменского и утрате его как агентурной силы»*⁴⁶.

В докладной записке на имя вице-директора Департамента полиции А.Т. Васильева от 17 августа 1914 г. Тржецяк пояснил причину невозможности перехода «Каменского» на легальное положение. Ему угрожала месть. В 1906–1907 гг. он состоял в Санкт-Петербурге членом ячейки эсеров-максималистов под кличкой «Сизов» и выдал ее членов, после чего попал под подозрение коллег, а вскоре смог перебраться в Баку. Однако поиски предателя максималисты продолжили. В конце июля избежавшие ареста максималисты нашли Зиновьева в Кронштадте, опознали в нем Гуйтова-«Сизова». Розысками предателя руководили петербургский эсер Блинов, проходивший под партийной кличкой «Батька», и проходивший по делу о 29 экспроприаторах Александр Чванников. Гуйтов пошел на риск. Пользуясь тем, что его внешность за эти годы сильно изменилась (растолстел и обзавелся большой бородой), он

⁴⁵ Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 210 (1913 г.). Л. 158.

⁴⁶ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

передал через доверенное лицо Блинову и Чванникову свою современную фотокарточку. Максималисты решили, что проживающий в Кронштадте Зиновьев не похож на разыскивавшегося ими Гуйтова-«Сизова», и прекратили преследование. Однако в силу того, что он уклонился от личной встречи, где его могли опознать по голосу и манерам, оставили его под подозрением. Получение К.А. Зиновьевым паспорта на имя А.И. Гуйтова, что было неизбежно при легализации и поступлении на военную службу, неизбежно раскрыло бы его и поставило под удар как его самого, так и его доверенное лицо, также, вероятно, работавшее на жандармов⁴⁷.

Васильев потребовал якобы для обеспечения безопасности «Каменского» ускорить ликвидацию (арест) группы Блинова — Чванникова и потом легализовать агента. Человек не из охранно-жандармской среды, плохо разбиравшийся в вопросах агентурной работы, он фактически вел к гарантированному провалу агента. Уровень профессионализма А.Т. Васильева прекрасно охарактеризовала в предисловии к публикации его мемуаров З.И. Перегудова. В октябре 1916 г. на вопрос императрицы Александры Федоровны о волнениях он ответил, что *«революция совершенно невозможна в России. Конечно, есть среди населения определенное нервное напряжение из-за продолжающейся войны и тяжелого бремени, которое она вызвала, но народ доверяет царю и не думает о восстании»*⁴⁸. В своей работе он отличался безынициативностью, ограничиваясь неукоснительным исполнением распоряжений и инструкций.

7 ноября 1915 г. Васильев повторно потребовал перевода части секретных сотрудников, уклоняющихся от воинской повинности, на легальное положение, включая «Каменского». Агенты должны были отделаться от паспортов, выданных на вымышленные имена, и начать жить по своим настоящим документам. Это вызвало бы вопросы и подозрения среди всех их знакомых по Кронштадту и автоматический провал. Руководство КрЖУ снова попыталось прикрыть Гуйтова, проигнорировав требование департамента. Начальнику управления полковнику Тржецяку удавалось тянуть время. 18 декабря 1915 г. Владимир Валерианович прямо отказал департаменту с формулировкой, что *«по условиям настоящего момента легализация “Каменского” не*

⁴⁷ Там же. Л. 8 об.

⁴⁸ Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 21–22.



Первый Балтийский флотский экипаж. Открытка начала XX в.
Из открытых источников

может быть осуществлена в ближайшее время»⁴⁹. В январе 1916 г. департамент продолжил настойчивое давление. 12 мая Тржецяк сообщает, что Гуйтов легализовался и 1 марта поступил на военную службу в инженерные войска в город Луге Тверской губернии и выполняет работы по ремонту автомобилей. Ввиду легализации секретный сотрудник «Каменский» был 1 апреля уволен из агентуры КрЖУ. Однако проблемы на этом не закончились. Департамент требует у Тржецяка прислать паспортную книжку на имя Зиновьева в доказательство легализации. 22 июля Тржецяк отвечает, что Гуйтов при поступлении на службу якобы уничтожил документы на имя Зиновьева, почему сам Тржецяк и не может сдать его документ в департамент⁵⁰. Ответ департамента был весьма нетривиальным. Будучи прекрасно осведомленным о месте нахождения и несения воинской службы Гуйтовым, 29 июля вице-директор И.К. Смирнов издал циркулярное распоряжение всем розыскным органам империи арестовать К.А. Зиновьева⁵¹. Подобный циркуляр ex officio должен был поступить и начальнику КрЖУ. Таким способом руководство департамента выразило свое недоверие Тржецяку и хотело исключить возможность Гуйтова продол-

⁴⁹ ГА РФ. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 2 (1915 год). Л. 8, 13.

⁵⁰ Там же. Л. 12, 15.

⁵¹ Там же. Т. 2 (1915 год). Оп. Л. 64.

жить проживать, работать секретным сотрудником либо скрыться с паспортом на имя Зиновьева.

13 декабря 1916 г. Тржецяк предоставил в департамент записку о службе А.И. Гуйтова как агента под кличками «Каменский» и «Кириллов», дав ему самую высокую оценку как сотруднику. Из документа следует, что Александр Иванович ходатайствовал перед начальником КрЖУ о продолжении своей работы в качестве секретного сотрудника, но уже не в Кронштадте, где ему грозило раскрытие, а в Саратовском ГЖУ. Тржецяк поддержал его просьбу и просил директора ДП Васильева о том же департамент, на что 21 декабря поступил отказ⁵². В этой связи надо отметить, что позиция А.Т. Васильева явно была предвзятой по отношению к Гуйтову и противоречила официальной политике департамента по отношению к призванным в армию секретным сотрудникам. Так, еще 24 марта 1916 г. его предшественник на посту директора генерал-майор Е.К. Климович разослал во все местные органы сыска циркулярное письмо по этому вопросу. В частности, Климович писал: *«Последовательный призыв на действительную службу лиц, находящихся в положении военнообязанных, привел в конечном результате к тому, что некоторые розыскные учреждения утратили часть состава секретной агентуры, каковое обстоятельство не замедлило, конечно, отразиться и на успешности политического розыска. В виду сего [...] Департамент полиции намерен в этих целях возбудить вопрос об освобождении от военной службы тех из сотрудников, кои уже приняты в войска»*⁵³.

Таким образом, Тржецяк действовал как раз в рамках политики департамента. Однако против самого полковника сложилось негативное мнение в Петрограде и его ходатайства более не имели силы. В конце июня — начале июля 1916 г. генерал для поручений при министре внутренних дел генерал-майор П.К. Попов проводил по предписанию товарища министра А.В. Степанова проверку агентурной работы Кронштадтского и связанного с ним по морской розыскной работе Эстляндского жандармских управлений. Его выводы были критическими: дневников агентурных донесений на каждого сотрудника не велось, только общие дневники донесений; отдельных сводок по политическим партиям не было; были лишь общие сводки о революционном движении на флоте; из всех осведомителей ценность

⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 1 (1915 год). Л. 10–11.

⁵³ Агентурная работа. С. 361, 362.

представляли только двое («Случайный» и «Пухов»), а из секретных сотрудников — только «Третьяков». Общая тональность доклада была крайне негативной по отношению к Тржецяку⁵⁴. Несмотря на то, что в этом докладе была доля правды, надо отметить, что он был по преимуществу предвзятым и более напоминал заказной разгром, нежели объективную оценку. Например, Попов умолчал о том, что два самых ценных сотрудника Тржецяка, «Каменский» и «Мирский-Миловидов», входившие в революционные партийные ячейки и регулярно дававшие сведения о работе эсеров и социал-демократов, в отсутствии информации о которой Попов упрекал КрЖУ, были за несколько месяцев до проверки уволены из агентуры и мобилизованы в армию именно по требованию самого Департамента полиции, вопреки воле начальника КрЖУ. Очевидно, что желание «свалить» Тржецяка для некоторых чинов МВД превалировало над задачами обеспечения политической безопасности Балтийского флота и портов его базирования. Ради личных целей подрывалась безопасность государства. На фоне инвектив Попова многочисленные ходатайства Тржецяка о сохранении ценного сотрудника и отказы в нем смотрятся совершенно иначе. Вскоре В.В. Тржецяк был освобожден от должности и 7 января 1917 г. сдал под роспись списки осведомителей новому начальнику полковнику Н.Н. Аплечееву⁵⁵.

В своих показаниях Кронштадтскому совету Аплечеев утверждал, что КрЖУ пыталось сохранить «Каменского» для будущего, избежать его направления на фронт. *«Относительно его начальство (Департамент полиции. — Прим. В.Х.-Г.) распорядилось выслать в распоряжение какого-то воинского начальника, но охранное отделение заступилось и вернуло его обратно. Процедура эта тянулась два месяца»*⁵⁶. Это подтверждается фактически. Сначала в мае 1916 г. Гуйтов был зачислен в нестроевую роту, располагавшуюся в городе Луге, откуда переведен рядовым в Полоцкую (4-й) тыловую автомобильную мастерскую. А оттуда уже приказом по Кронштадтской крепости от 9 июля 1916 г. был передан в распоряжение штаба крепости и назначен в Кронштадтский крепостной артиллерийский склад как специалист медник и паяльщик⁵⁷.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1. Ч. 58. Лит. Д. Т. 2 (1915 год). Л. 11–16 об.

⁵⁵ Там же. Л. 60–62.

⁵⁶ Там же. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об.

⁵⁷ Там же. Л. 52.

В Кронштадтском совете

Февральская революция в Кронштадте, сопровождавшаяся массовыми бессудными убийствами чинов полиции, флотских и жандармских офицеров, поставила Гуйтова перед сложным экзистенциальным выбором. Бежать с острова Котлин было крайне затруднительно. Для выезда был необходим пропуск, который теперь можно было получить только у новых революционных властей. Угроза разоблачения как секретного сотрудника ставила под вопрос само физическое существование. Была еще одна угроза: выжившие сотрудники сыска и контрразведки, выторговывая жизнь и свободу, могли легко сдать свою агентуру. Гуйтов принимает решение пойти на риск, следуя известной максиме неустановленного авторства: «не можешь победить — возглавь».

Однако в городе творится двоевластие: с одной стороны действует Кронштадтский комитет движения, а с другой — Совет военных депутатов. Гуйтов решает войти в оба органа. Уже в дни революции он вошел в комитет движения, а 2 марта стал делегатом от комитета движения, артиллерийского склада и нестроевой роты в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов⁵⁸. Параллельно он избирается от солдат крепостного артиллерийского склада в состав Кронштадтского совета депутатов. Согласно мемуарам большевика Ф.Н. фон Дингельштедта, А.И. Гуйтов вошел в высшее руководство города — Совет десяти⁵⁹.

8 марта на заседании Кронштадтского совета под председательством эсера И.А. Красовского ставится вопрос об избрании членов первого постоянно действующего органа революционной власти — исполнительного комитета. В первый состав было избрано 36 человек: от флота, артиллерии, пехоты, учреждений и управлений. Среди пяти артиллерийских представителей был избран и Гуйтов. Так он обрел реальную власть в городе⁶⁰. Одним из самых актуальных вопросов тех дней были содержание и судьба арестованных офицеров. Руководство Совета было настроено прекратить бессудные расправы и отнести к побежденным гуманно, предав законному суду. Уже 9 марта на заседании исполкома было принято решение: отделить политических преступников (в их число входили жандармы и полицейские) от простых аре-

⁵⁸ Там же. Л. 57.

⁵⁹ Дингельштедт Ф.Н. Весна пролетарской революции. Из впечатлений агитатора о марте 1917 года // Красная новь. 1925. № 1(12). С. 197–198.

⁶⁰ Кронштадтский совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1: Март — июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 28.

стованных офицеров и применить к ним суровый режим содержания, а прочим разрешить свидания с родственниками и передачу продуктов питания. Правда, собственное постельное белье никому иметь не полагалось. Главное решение этого дня заключалось в изоляции политических арестованных и передаче их в руки специальной комиссии для выяснения степени виновности. В нее вошли члены Исполкома А.К. Баранов, А.И. Гуйтов, М. Дергачев, Г.И. Иванов, В.Ф. Панкратов, И.Д. Сладков. В помощь им были направлены врачи и юристы⁶¹.

Добившись вхождения в состав спецкомиссии, Гуйтову теперь требовалось перехватить в ней инициативу. Для этого он находит союзника в виде члена Кронштадтского комитета РСДРП И.Д. Сладкова. Как ему удалось провести старого большевика и опытного революционера, остается неизвестным. На следующий день 10 марта в 12.30 на заседании исполкома Гуйтов делает доклад о содержании арестованных офицеров, а уже в 15 часов он повторяет его в расширенном виде на заседании Кронштадтского совета, отмечая, что объехал все три тюрьмы и заметил чрезвычайное переполнение их арестованными офицерами, полное отсутствие комфорта и необходимых вещей. Сладков поддерживает доклад. Совет утверждает инструкцию обращения с арестованными, разработанную Гуйтовым и требующую отделить политических преступников от прочих офицеров и ни в коем случае не допускать матросов и солдат к арестованным. Степень политической вины должна определять спецкомиссия⁶².

В тот же день революционный комендант города Корачков выдает Гуйтову удостоверение на право свободного прохода во все тюрьмы и арестные помещения для осмотра и опроса арестованных лиц в любое время дня и ночи⁶³. Круг замкнулся: агент получил эксклюзивный контроль над своими бывшими кураторами по сыску и от него теперь зависят их жизнь, содержание под стражей и внешние контакты. Следующая задача состояла в том, чтобы выпустить на свободу тех, кто может дать на него показания, и не допустить изучения архива жандармского управления, где содержится компромат на самого Гуйтова.

Интересно, что комендант Корачков выдал Гуйтову еще одно удостоверение — на право проезда через Петроградские ворота в Ораниенбаум во исполнение поручений комитета движения. Это фактически

⁶¹ Там же. С. 35–36.

⁶² Там же. С. 36–37.

⁶³ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 63.

открытый путь к бегству. Но Александр Иванович в Кронштадт вернулся. Вне зависимости от мотивов возвращения это говорит о его определенной смелости.

Во второй половине марта с подачи Гуйтова были освобождены почти все его кураторы, среди которых были начальник Особого отдела Штаба флота Балтийского моря жандармский подполковник Владимиров и начальник Кронштадтского жандармского управления генерал-майор Тржецяк⁶⁴. С одной стороны, бывший агент прикрывал себя, так как в тюрьме жандармские офицеры рано или поздно могли начать давать показания против него, а с другой — этот поступок можно расценивать как его благодарность за спасение от раскрытия и от гибели на фронте в 1915–1916 гг.

Нам известны подробности освобождения Владимирова, изложенные им в воспоминаниях, написанных уже в эмиграции в 1950-е гг.: *«В гражданской тюрьме я просидел до 18-го марта без особых неприятностей. Никто меня не беспокоил, и никто не приходил меня допрашивать. Между тем, мои прежние осведомители и сотрудники, оказавшиеся на свободе, работали в мою пользу и благодаря одному из них, которого я не называю, я был освобожден и тотчас же уехал в Петербург. В прежнее время я его выручил из тяжелого положения, в которое он случайно попал, и он этого не забыл. Оказавшись знакомым с членами Революционного комитета, он получил ордер на мое освобождение и приехал в тюрьму на автомобиле и привез на квартиру. Я его, конечно, поблагодарил от души и посоветовал ему только тоже, как можно скорее, убираться из Кронштадта, так как положение очень непрочное и его могут затянуть и разоблачить в связи со знакомством со мной. Этим советом он и воспользовался»*⁶⁵.

Как мы увидим, тут Владимиров ошибся: воспользоваться советом Гуйтов планировал, но не успел. Возможно, бегство откладывалось по соображениям личного характера. В его следственном деле хранятся письма от неизвестной молодой женщины Марии, то ли близкой родственницы, то ли возлюбленной, жаловавшейся на преследования ее бывшего мужа. 26 марта 1917 г. Гуйтов получил билет на увольнение в отпуск для свидания с родственниками в Одессе сроком до 26 апреля⁶⁶. Идеальная

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 268. Л. 18.

⁶⁵ Владимиров В.В. Февральская революция в Кронштадте // Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Vladimir Vladimirovich Vladimirov Papers. "Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte". P. 30.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 77.

возможность для побега. Однако по неизвестной причине по окончании отпуска он вернулся в Кронштадт.

Арест

Оставаться в Кронштадте было крайне рискованным для Гуйтова. Многие знали его как Зиновьева и подозревали в сотрудничестве с полицией. При встрече его называли Зиновьевым, но он не откликался на эту фамилию. Рабочий-электрик Н.М. Шимаров, проживавший вместе с Гуйтовым, предпринял значительные усилия для разоблачения бывшего соседа, которому не доверял и ранее. Опустили Зиновьева также рабочий-большевик А.К. Самоуков и некто Федор Смирнов. Разоблачение Гуйтова как секретного сотрудника подробно описано историком Кронштадтского совета П.Н. Гордеевым, и в данной статье мы не будем уделять ему особого внимания⁶⁷.

Гуйтов был арестован 16 апреля 1917 г. прямо в помещении Кронштадтского совета, после чего помещен в Морскую следственную тюрьму. Допросы и следствие вел товарищ председателя Совета Ф.Н. Покровский. Вскоре была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия при Кронштадтском совете, как временный орган власти для расследования персонально дела Гуйтова. Однако уже в заседании Совета от 26 апреля было решено продлить ее деятельность. Депутат от солдат I Кронштадтского крепостного артиллерийского полка меньшевик Г.И. Иванов прямо констатировал: *«открывается целая махина темных дел»*⁶⁸. Желая найти доказательства работы Гуйтова на сыск, члены комиссии подняли наконец-то документы жандармского управления, и в городе началась охота на бывших осведомителей. Уже к 8 мая были арестованы подозревавшиеся в доносах бывший фельдфебель Свеаборгской роты Черников, матрос Алексей Богданов, секретный сотрудник Александр Васильевич Бойцов (кличка «Батумский»), рабочие Свеаборгского порта Тарасов (кличка «Свечин»), Кахановский (кличка «Писный»), Калинин (кличка «Рабочий»), матрос транспорта «Русь» Николай Борисов, а также работавшие секретными сотрудниками в Выборге две женщины Мария Новикова (кличка «Среда») и Елена Мартин (кличка «Кольцов»)⁶⁹.

⁶⁷ Гордеев П.Н. Указ. соч. С. 95–97.

⁶⁸ Кронштадтский совет в 1917 году. С. 218.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 80.

В ГА РФ хранится следственное дело А.И. Гуйтова. Официальные протоколы допросов, увы, не всегда дают нам возможность нарисовать психологический портрет человека, хотя и содержат его прямую речь. Дело в том, что следователь, как правило, вставляет в протокол лишь информацию, имеющую фактическую ценность для обвинения, сокращает текст, опускает не представляющую интерес для следствия информацию. На первых двух допросах он все отрицал, полагая, что все, кто мог дать против него показания, находились вне зоны доступа следователя. Но когда были подняты документы Кронштадтского жандармского управления, отпираться стало бессмысленно. 25 июня 1917 г. Гуйтов дал очень краткое письменное признание в том, что работал в различных охранных отделениях и жандармских управлениях в Петрограде, Баку, Тифлисе и Кронштадте секретным сотрудником под кличками «Кирилов» и «Каменский»⁷⁰. Дальнейшие попытки расколоть его на подробные показания провалились.

Дело Гуйтова интересно тем, что в нем сохранился карандашный набросок беседы Александра Ивановича со следователем, произошедшей уже после его признания. Беседа велась не в строгой атмосфере, что можно понять по таким комментариям автора текста, как «закуривает». Гуйтов держал себя довольно вызывающе для своего положения разоблаченного информатора, не стеснясь и не оправдываясь. Возможно, такова была его тактика — обескуражить следователя, а может быть, не ожидая для себя хорошего исхода, он начал «рубить правду-матку». Он совершенно не раскаивался в своей работе на политический сыск: *«Безразлично, как на меня смотрят...», «Реабилитировать себя я и не думаю...», «Я знал, что меня арестуют. С моей фамилией бумага написана в охранке. Мы хотим освободить невиновных людей! Я служил самодержавному строю оком, теперь его нет. И новый строй должен быть против меня. Вы меня забрали за провокаторство, а теперь провокаторы занимают может быть более видные места. Пускай их с Богом служат»*⁷¹.

На требования следователя сдать других сотрудников, работавших на политический сыск, Гуйтов ответил решительным отказом: *«Я — старый агент охранного отделения. Я больше с хорошей стороны смотрю на людей. У вас сведения личных счетов. Все теперь изменилось, нет людей на стороне старого. Я не обвиняю лично вас в личных*

⁷⁰ Там же. Л. 5.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 47, 48, 51.

счетах. Вы понимаете, это будет нечестно с моей стороны: выдавать старых товарищей. Скорее пулю в лоб пуцу». При этом о самих офицерах Кронштадтского жандармского управления он высказывался уважительно: «Все они люди честные», «Разработал меня полковник Владимиров. Он дал лестную характеристику. Я принес пользу в Кронштадте»⁷².

При этом в своих методах работы Гуйтов постулирует некоторые принципы осведомительного пуризма: не провоцировать, выдавать охранке только активных революционеров. «Если я был только агент охранного отделения — тогда меня судить не будут, а если я вошел в организацию с целью предать, тогда другое. Наше (охранное. — Прим. В.Х.-Г.) дело — способ освободить всех невиновных», «Они втянуты были. А эти все они беспартийные, ничего не знали. [Когда] людей берут беспартийных — печально на них смотреть. Не интересно держать человека, который ничего не стоит», «Я виделся с Тепловым в Лондоне, а не один адрес не взял от него», «Самое страшное я уже испытал — кличку провокатор»⁷³.

Гуйтов откровенно высказывает сомнения в революционной законности и в том, что новый режим будет соответствовать социалистическим идеалам. «Мы выпускаем грабителей, но провокаторов будем держать», «Когда после приговора увижу правовой строй? Тогда опубликуйте все документы», «Ну до социализма — еще далеко. Вопрос только политический»⁷⁴.

Однако вопрос осуждения и наказания Гуйтова неожиданным образом отсрочился. Для этого были основания. Историк Л.В. Лукьянчикова, изучавшая работу Чрезвычайно-следственной комиссии Кронштадтской крепости, отмечает, что комиссия была подчинена непосредственно исполкому Совета и имела в своих полномочиях определять степень виновности арестованных за политические преступления, совершенные при старом режиме. Невиновных комиссия освобождала, а виновных оставляла в тюрьме до созыва Учредительного собрания, которое должно было, по мнению кронштадтских революционеров, решить судьбу прислужников царизма. Дела о секретных сотрудниках сыска — о предателях из числа революционной среды — передавались в Общественный демократический суд, подчиненный как Кронштадтскому совету,

⁷² Там же. Л. 47, 49, 50.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 47, 51.

так и одновременно его исполкому. Полномочия этого суда были также весьма ограниченными. В зависимости от степени вины и ее доказанности суд мог освободить бывшего осведомителя под надзор общественности без права покидать Кронштадт; освободить с опубликованием его в списках виновных с указанием степени вины и уведомлением революционных властей по месту его жительства; освободить с лишением избирательного права и, наконец, если бывший провокатор считался опасным — оставить в тюрьме вплоть до выработки отдельного закона о провокаторах. Принцип революционного правосудия прекрасно изложил председатель ЧСК в речи, посвященной осуждению осведомителя на миноносце «Гавриил» под кличкой «Синичкина» (А.М. Анкудинов): *«Мы можем определять виновен обвиняемый или не виновен, в первом случае — освободить, во втором — 5 пунктов меры пресечения. Старые законы отвергнуты, новые создать не можем. Что наша честь и совесть присудит»*⁷⁵.

Сложность заключалась в том, что по прошествии нескольких месяцев после Февральской революции волна революционного террора и оправдываемых «народным гневом» бессудных расправ спала, а нормативно-правовая база для осуждения бывших осведомителей еще не была наработана. Судить же по дореволюционному законодательству было затруднительно, ибо, как правило, агентурная работа полиции осуществлялась в рамках законов. Приходилось судить либо «по совести», либо никак. ЧСК Кронштадтской крепости собралась на свое первое заседание 14 октября 1917 г. Различные партии делегировали на него своих представителей для расследования деятельности провокаторов. Большевиков представлял освобожденный из царской тюрьмы матрос член Кронштадтского комитета РСДРП(б) Т.И. Ульянов (Отраднев), меньшевиков-интернационалистов, как ни странно, бывшая эсерка, участница революции 1905 г. — Ю.М. Зубелевич («Даша Кронштадтская»), эсеров-максималистов — некто Мартинсон, исполком Совета — Полигошко, Крестьянский союз — Кузнецов, профсоюз — Телласт, городское самоуправление — Попов, следственную комиссию исполкома — некто Семенов. Возможно, речь идет о члене Центробалта III и IV созывов, матросе эскадренного миноносца «Охотник» Василии Павловиче Се-

⁷⁵ Лукьянчикова Л.В. Следствие и суд по политическим делам в России в 1917 г. (по материалам ЧСК Кронштадтской крепости) // Лубянские чтения — 2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов безопасности: Сб. материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 2 декабря 2022 г. / Войсковая часть 33965. М., 2023. С. 46–48, 50.



Февральская революция в Кронштадте.
Российский государственный архив Военно-морского флота

менове. После Октябрьского переворота работа ЧСК была немного парализована: демократическая часть ушла в оппозицию, в то время как большевик Ульяновцев принял активное участие в свержении Временного правительства⁷⁶.

В ноябре ЧСК передала следственные дела в Общественный демократический суд Кронштадтской крепости. Большинство секретных сотрудников были отпущены, так как суд пришел к выводу, «что виновные занимались в сыске не из вражды к освободительному движению, а вследствие своей политической неосознанности под влиянием нужды или страха перед жандармскими властями», а дело Анкудинова отправлено на пересмотр⁷⁷. Однако для троих бывших секретных сотрудников было сделано исключение. Они были оставлены в тюрьме, так как команды матросов угрожали устроить над ними самосуд. Возможно, их посчитали сотрудниками «идейными». Если вспомнить выше цитированные показания Гуйтова, к этому выводу прийти было несложно.

Решение Общественного демократического суда по делу Гуйтова было вынесено только 2 декабря 1917 г. Обвинение в провокаторстве, т.е. создании революционных организаций с целью их раскрытия и аре-

⁷⁶ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 240, 241, 316.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.

ста, было с него снято. В то же время обвинение в осведомительстве, т.е. написании доносов, было признано доказанным. Однако суд не вынес вердикта, оставив его в тюрьме «до издания законов, определяющих участь осведомителей»⁷⁸. В конце декабря Общественный демократический суд Кронштадта был распущен на основании Декрета о суде от 22 ноября 1917 г., распустившего все существовавшие судебные органы и следственные комиссии⁷⁹.

Новая перемена власти стала спасительной для многих сотрудников царского политического сыска, особенно в регионах. Воспользовавшись переустройством судебной системы, в январе 1918 г. многие из них смогли выйти на свободу и скрыться от только нарождавшейся карательной машины большевиков⁸⁰.

В Вооруженных силах Юга России

После суда Гуйтов неожиданно исчезает из источников. Казалось бы, в биографии осведомителя можно было бы поставить многозначительное многоточие. Туман Гражданской войны помог многим секретным сотрудникам и даже чинам полиции и жандармерии покинуть страну. Для оставшихся в России было всего две возможные жизненные стратегии: найти работу не по профессии либо поддержать одну из противоборствующих сторон, применив свой опыт и знания. Поступление бывших жандармов или полицейских на службу к красным в основном было стратегией выживания, переход к антибольшевистским силам совершался как по идеалистическим соображениям, так и по рациональным: сыскное и контрразведывательное дело было их единственной профессией, а служба в белых армиях просто работой.

Однако это касалось, как правило, офицерских и классных чинов, но никак не осведомителей. Гуйтов стал исключением из этого правила. Он перешел на службу белым, хотя не имел специальной розыскной подготовки, а отношение к осведомителям в офицерской среде всегда

⁷⁸ Гордеев П.Н. Указ. соч. С. 98.

⁷⁹ Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/o_sude1.htm

⁸⁰ Мистрюгов П.А. Государственная политика Временного правительства и советской власти по отношению к бывшим служащим общей и политической полиции России в марте 1917 — декабре 1921 г. (по материалам Самарской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 29.



Руководство Кронштадтского совета.
Из открытых источников

было негативным. И снова ирония судьбы. Его непосредственный куратор в кронштадтской жандармерии подполковник Владимиров по соображениям выживания 3 августа 1918 г. поступил на службу в Красную армию. Интересно, что он не был мобилизован как военспец, так как ранее 13 января 1918 г. был вовсе освобожден от военной службы по состоянию здоровья, а поступил на службу добровольно⁸¹. 13 августа 1919 г. Владимиров был назначен командиром дислоцированного в Смоленской губернии вновь сформированного 1-го запасного стрелкового полка, став единственным известным историкам жандармским офицером, во время Гражданской войны командовавшим целым полком РККА⁸².

Как Гуйтов оказался на Юге России, пока сказать сложно. Вероятно, он мог поехать к вышеупомянутым родственникам в Одессе и там уже стать свидетелем Гражданской войны. Не будем гадать. Так или иначе, в августе 1919 г. части Добровольческой армии занимают Киев и вскоре создается Разведывательное отделение (РО) управления генерал-квартирмейстера штаба войск Киевской области. Его возглавил окончивший Николаевскую академию Генерального штаба полковник Владимир Михайлович Мельницкий, в годы мировой войны занимавшийся вопроса-

⁸¹ Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Vladimir Vladimirovich Vladimirov Papers. Documents. Учетно-воинский билет.

⁸² РГВА. Ф. 37976. Оп. 2. Д. 9–280. Л. 2–4.

ми контрразведки в отделе генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Перед РО кроме прочего были поставлены следующие задачи: ведение учета банд противника на внутреннем фронте, организация широкой агентурной разведки всеми видами и обработка добытых данных, обработка сведений о тыле противника, издание периодических схем тыла, составление пятидневных радиосводок, составление еженедельных сводок о группировке противника со схемами, составление ежедневных сводок на основе сведений, получаемых от штабов дивизий, сбор агитационной литературы противника. На решение этих задач на период с сентября по декабрь 1919 г. было ассигновано 800 тыс. руб. из штаба Главкома ВСЮР, однако деньги эти не поступили. Средства нашел генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области, но в значительно меньшем объеме: 200 тыс. руб. денежными знаками деникинского правительства и 100 тыс. — советскими рублями⁸³. Последние были необходимы для оплаты работы агентуры в советском тылу. В октябре РО получило советские паспорта, удостоверения, печати и штампы, захваченные частями 7-й пехотной дивизии ВСЮР⁸⁴. Оставалась наиболее острая проблема — кадровая.

Обычно процесс назначения сотрудников сыскных органов плохо задокументирован. Историкам приходится обходиться приказом о назначении. В данном случае в нашем распоряжении есть уникальный документ — карандашная запись телефонного разговора между начальником РО штаба Добровольческой армии полковником Генрихом Ивановичем Шлидтом и начальником РО Киевской области полковником Мельницким от 15 октября 1919 г. Прямая речь Шлидта: «Я сегодня высылаю к Вам одного человека, который работает в Вашем районе. Ему дал бумагу на Ваше имя. Он организовал связь с петлюровским районом, также со штабом 12 советской армии. Подробности он Вам доложит лично. Вполне заслуживает доверия. Денег жалеть нельзя, ибо будет поздно. Примите его на службу. Если находите это нежелательно, то ознакомившись с его докладом, пришлите его обратно. Он работает все время там в Киевском районе, давал отличные сведения и дело наладил отлично. Дня через три будет у Вас»⁸⁵. Фамилия Гуйтов в разговоре по конспиративным соображениям, естественно, не звучала, но из отчетов Мельницкого о работе его разведки ясно, о ком шла речь. Нам пока не

⁸³ РГВА. Ф. 39666. Оп. 1. Д. 46. Л. 165–166.

⁸⁴ Там же. Л. 17.

⁸⁵ Там же. Л. 30 об. — 33 об.



Шоколад «Жандарм».

Товарищество А.И. Абрикосова сыновей. Российская государственная библиотека

удалось выяснить, с какого момента Гуйтов служил в РО Добровольческой армии, но известно, что Шлидт работал в отделе генерал-квартирмейстера армии со 2 декабря 1918 г.

Гуйтов был принят на службу на должность начальника разведывательного пункта № 2 РО штаба войск Киевской области. Дата назначения нам неизвестна, но произошло это не позднее 24 октября, так как этим днем Мельницкий подписал Гуйтову удостоверение на право изготовления печати, удостоверяющей его должность⁸⁶. Попробуем разобраться в том, каковы были условия работы Гуйтова и какие стояли перед ним задачи.

Осенью — зимой 1919 г., в момент наступления на Москву, а после его провала во время попыток удержать фронт и избежать военной катастрофы, одну из основных проблем ВСЮР представляли собой действовавшие в тылу бандитские шайки, на борьбу с которыми белые были вынуждены отвлекать значительные воинские силы своей и так небольшой армии. По данным разведывательного отделения, только в одной Киевской области активно действовало 28 банд общей численностью до 15 тыс. человек, которые терроризировали 14 уездов (притом, что в самой Киевской области силы белых насчитывали около 9–10 тысяч

⁸⁶ Там же. А. 59.

человек). Самые крупные банды атаманов Петенко и Зеленого действовали в Каневском уезде и имели на своем вооружении от четырех до шести артиллерийских орудий⁸⁷. В докладе, озаглавленном «Повстанческое движение на территории Малороссии» полковник Мельницкий утверждал, что регион превратился в «сплошное поле бандитизма», в каждом уезде действует по несколько банд, объединяющих людей различного социального происхождения от крестьян до бывших офицеров. С политической точки зрения банды он делил на три типа: безыдейные (чисто уголовной направленности), украинские националистические и большевистские.

Некоторые банды состояли из остатков разбитых формирований петлюровской или Красной армий, как, например, банда Петенко из остатков Одесской группы красных. Такие банды находились в тесной связи с Петлюрой или с Москвой, получая оттуда деньги и оперативные задания. Начав с небольших отрядов в 15–20 человек при режиме гетмана П.П. Скоропадского, они быстро разрослись, так как *«повстанческий бандитизм стал очень выгодным и безопасным ремеслом, дающим возможность быстро и верно разбогатеть»*⁸⁸. Некоторые бандиты формировали собственные полноценные армии. Так, подчинявшийся УНР атаман Зеленко даже в тылу белых в Киевском, Белоцерковском и Васильевском уездах объявил мобилизацию солдат 1913–1919 гг. призыва, офицеров, врачей и фельдшеров.

Для эффективного противостояния партизанскому бандитизму ВСЮР необходимо было точно знать места дислокации банд, их численность, военные планы и другие сведения. Работа по сбору данных легла на Разведывательное отделение Киевской области, имевшее три разведывательных пункта № 1 в Киеве, № 2 в Черкассах и № 3 в Тирасполе. Киевский разведпункт № 1 возглавлял капитан Павловский, по отзыву начальника РО *«очень дельный офицер, хорошо разбирающийся в поставленных ему по разведке задачах и сумевший в короткий срок набрать хороших агентов»*⁸⁹. На него был возложен шпионаж за 12-й советской армией, при штабе которой он имел своих резидентов, а также за Киевским уездом. Он имел своих агентов в Коростене и пригородных селениях. Павловский в декабре 1919 г. предложил план создания собственного антисоветского повстанческого движения из украинцев

⁸⁷ Там же. Д. 43. Л. 142.

⁸⁸ Там же. Л. 164.

⁸⁹ Там же. Д. 46. Л. 166.

на занимаемых Красной армией территориях. Однако из-за недостатка средств и наступавшего организационного коллапса ВСЮР проект этот реализован не был. Тираспольский разведпункт № 3 во главе с ротмистром Бедржицким занимался политической и военной разведкой в Бессарабии и Румынии и естественным образом к борьбе с бандитизмом привлечен не был.

Основная нагрузка легла на разведывательный пункт № 2, располагавшийся в городе Черкассы на Николаевской улице, 34. Во главе пункта был поставлен А.И. Гуйтов. В отчетном докладе о работе Киевского разведывательного отделения полковник Мельницкий так описал его работу: *«Главной задачей этого пункта была разведка Петлюровской армии, как военная, так и политическая. Помимо этого, с появлением у нас в тылу банд, пункту была поручена разведка банд. Начальником пункта Гуйтовым путем агентуры была установлена тесная связь банд с Петлюровским штабом. В штаб Петлюры им был послан ряд агентов, которые установили всю организацию и руководителей повстанческого движения»*⁹⁰.

В РГВА отложились некоторые донесения Гуйтова Мельницкому о работе бандитского подполья на территории Киевской области, датированные 13, 23, 28, 29 и 30 ноября 1919 г., которые дают возможность оценить характер и результаты его работы⁹¹. Большинство дошедших до наших дней донесений А.И. Гуйтова посвящено деятельности банд атаманов Зеленого (Д.И. Терпило), А.Н. Вышкварки (Высковорки), А.А. Гулий-Гуленко, В. Еременко, П.Д. Калиберды (Келеберды), С.Д. Коцуры, Г.Н. Рябоконя, В.С. Чучупака. Некоторые рапорты составлены по тематическим пунктам. Про каждую банду Гуйтов приводил следующие сведения: 1) кто стоит во главе, 2) его биография и личные характеристики, 3) численность, социальный состав, источники и способы пополнения банды, 4) дислокация банды: штаб, основные занятые деревни, склады с оружием, 5) материальная часть (обеспечение продовольствием, наличие денежных средств, количество оружия и боеприпасов), 6) шпионаж (методы и характер разведывательной работы бандитов), 7) наличие в банде перебежчиков из ВСЮР к большевикам или петлюровцам, 8) политические настроения в банде, 9) связь и отношения с другими бандами, 10) транспортные средства и связь⁹². Александр Иванович вне-

⁹⁰ Там же. Л. 166 об.

⁹¹ Там же. Д. 43. Л. 123, 129, 173–176 об., 185–190.

⁹² Там же. Л. 185–189 об.

дрял своих агентов в состав банд, направлял их для наблюдения в занятые бандитами населенные пункты, а также имел своих сотрудников в украинских финансовых и общественных организациях, при штабе Петлюры. Гуйтову удалось доказать финансирование ряда банд через подставных лиц «Украинбанком» и объединением кооперативов «Днепросоюз».

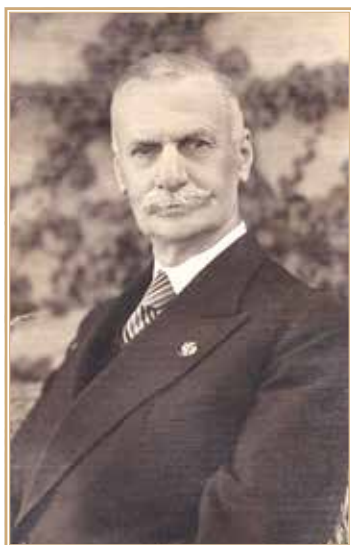
Читая донесения и рапорты Гуйтова, обращает на себя внимание их стилистика. Сообщения чинов разведки, не имевших до революции опыта розыскной работы и состоявших простыми армейскими офицерами, часто изобилуют пространными рассуждениями и не подтвержденными фактами личными умозаключениями. Тексты Гуйтова же написаны лаконично, четко, изобилуют конкретными сведениями, обладают жесткой структурой подачи материала. Сразу чувствуется агентурная школа царского политического сыска.

На основе собранного и структурированного им материала руководство составляло аналитические отчеты о состоянии «внутреннего фронта», направлявшиеся командующему войсками области, генерал-квартирмейстеру, начальнику тыла. На их основе планировались и осуществлялись карательные экспедиции, организацией которых занимался начальник штаба тыла полковник С.И. Храпко и которые активизировал занявший 24 ноября должность начальника тыла генерал-лейтенант Г.П. Розалион-Сошальский⁹³.

В своем докладе по РО от 19 декабря полковник Мельницкий отмечал оперативность работы Гуйтова, создание им в кратчайшие сроки широкой агентурной сети, а также, что из всех сведений, поступавших в РО, *«данные, наиболее ценные, получались из разведыв. пункта № 2, работавшего специально по части повстанческого движения»*⁹⁴. Всех главарей бандитов не удалось обезвредить из-за оставления белыми Киевской области. Сам разведпункт переехал в город Новомиргород Елизаветградского уезда Херсонской губернии. Мельницкий ходатайствовал начальству о сохранении Гуйтова и его разведпункта для освещения взаимоотношений Петлюры с большевиками и поляками. Более документов, освещающих дальнейшую судьбу Гуйтова, обнаружить нам не удалось. Возможно, связь с Мельницким прекратилась, так как разведпункт № 2 был эвакуирован западнее Днепра и должен был отступать вместе с белыми к Одессе, а чины основного

⁹³ Там же. Д. 50. Л. 1–20.

⁹⁴ Там же. Д. 46. Л. 156 об.



Начальник тыла Киевской области ВСЮР генерал-лейтенант
Георгий Петрович Розалион-Сошальский в эмиграции.

Из открытых источников

разведывательного отделения были эвакуированы из Киева в Ростов и Екатеринодар⁹⁵.

Нам не удалось выяснить, что стало с Александром Гуйтовым после разгрома белых. Отвернулась ли от него удача и он сгинул при отступлении белых в 1919 г.? Остался ли в Советской России, вновь сменив личность и документы? Смог ли он бежать за границу? На эти вопросы пока нет ответов.

История Гуйтова является не только любопытным «кейсом» для научного исследования, но и позволяет сделать некоторые обобщающие выводы. Мы видим, что подходы к ведению агентурной работы во многих розыскных структурах не только сильно отличались друг от друга, но и противоречили официальным инструкциям, требовавшим бережно относиться к осведомителям. Все провалы Гуйтова стали следствием не его собственной неаккуратности, а именно неграмотных действий его кураторов либо самого Департамента полиции. Выяснилось, что кроме обыкновенного шантажа при вербовке охранка применяла гораздо более изощренные методы, такие как объявления в розыск по сфальсифицированным уголовным делам. Мы видим, что вопреки инструкциям ценные сотрудники принимались обратно на службу после провала, но под другими кличками и документами. Пройдя «школу жизни», секретный

⁹⁵ Там же. А. 108.

сотрудник при умелом кураторстве мог освоить само агентурное дело достаточно профессионально, чтобы возглавить целое разведывательное учреждение и добиться значительных результатов. История Гуйтова рельефно отображает значение личностного фактора в розыском деле.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. *Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917* / Сост.: Е.И. Щербакова. М.; СПб.: АИРОХХІ; Дмитрий Булаин, 2006. 384 с.
The undercover work of the political police of the Russian Empire. Collection of documents. 1880–1917 / Compil. by E.I. Shcherbakova. Moscow; St. Petersburg: AIROXXI; Dmitry Bulanin, 2006. 384 p. (in Russ.).
2. Владимиров В.В. Февральская революция в Кронштадте, в: Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. *Vladimir Vladimirovich Vladimirov papers. «Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte»*. Р. 30.
Vladimirov V.V. February Revolution in Kronshtadte, in: Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. *Vladimir Vladimirovich Vladimirov. «Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte»*. Р. 30 (in Russ.).
3. *Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг.* М.: Партийное издво, 1933. 340 с.
Military uprisings in the Baltic in 1905–06. Moscow: Party publishing house, 1933. 340 p. (in Russ.).
4. Герасимов А.В. *На лезвии с террористами*. Париж: YMCA PRESS, 1985. 212 с.
Gerasimov A.V. *On the edge with terrorists*. Paris: YMCA PRESS, 1985. 212 p. (in Russ.).
5. Гордеев П.Н. *Кронштадт и кронштадтцы в 1917 году*. СПб.: Издво Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. 464 с.

- Gordeev P.N. *Kronstadt and «kronstadtzy» in 1917*. St. Petersburg: EUSP Press, 2024. 464 p. (in Russ.).
6. Гребенкин А.Н. Деятельность Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения по обеспечению безопасности лиц, временно подлежащих охране, в: *Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов*. Вып. 32. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. С. 33–37.
Greibenkin A.N. The activities of the Security team of the St. Petersburg Security Department to ensure the safety of persons temporarily subject to protection, in: *Socio-Humanitarian Bulletin. AllRussian Collection of Scientific Papers*. Iss. 32. Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2023. P. 33–37 (in Russ.).
 7. Дингельштедт Ф.Н. Весна пролетарской революции. Из впечатлений агитатора о марте 1917 года. *Красная новь*. 192;12(1):192–215.
Dingelstedt F.N. The spring of the Proletarian Revolution. From the agitator's impressions of March 1917. *Krasnaya Nov'*. 1925;12(1):192–215.
 8. Кирмель Н.С. *Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг.*: Монография. М.: Кучково поле, 2008. 512 с.
Kirmel N.S. *White Guard special services in the Civil War. 1918–1922*: Monograph. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 512 p. (in Russ.).
 9. *Кронштадтский совет в 1917 году. Протоколы и постановления*. Т. 1: Март–июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 560 с.
The Kronstadt Soviet in 1917. Protocols and resolutions. Vol. 1: March–June 1917. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 560 p. (in Russ.).
 10. Лукьянчикова Л.В. Следствие и суд по политическим делам в России в 1917 г. (по материалам ЧСК Кронштадтской крепости), в: *Лубянские чтения — 2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов безопасности: Сб. материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке»* (Москва, 2 декабря 2022 г.). М., 2023. С. 44–53.
Lukyanchikova L.V. Investigation and trial of political cases in Russia in 1917 (based on the materials of the ChSK Kronstadt Fortress), in: *Lubyanka Readings — 2022. Actual problems of the history of domestic security agencies: Collection of materials of the XXVI scientific and theoretical conference «Historical readings at the Lubyanka»*. Moscow, December 2, 2022. Moscow, 2023. P. 44–53 (in Russ.).
 11. Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов, в: *«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений* (в 2 т.). Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и комм.: З.И. Перегудова. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2004. С. 29–410.

- Martynov A.P. My service in a Separate Corps of Gendarmes in: *Okhrana: Memoirs of heads of security departments* (in 2 vols.). Vol. 1 / Introd. art., text prep. and comm. by Z.I. Peregudova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2004. P. 29–410 (in Russ.).
12. Мистрюгов П.А. Государственная политика Временного правительства и советской власти по отношению к бывшим служащим общей и политической полиции России в марте 1917 — декабре 1921 г. (по материалам Самарской губернии). *Genesis: исторические исследования*. 2018;(10):14–31.
Mistryugov P.A. The state policy of the Provisional Government and the Soviet government in relation to former employees of the general and political police of Russia in March 1917 — December 1921 (based on the materials of the Samara province). *Genesis: Historical Researches*. 2018;(10):14–31 (in Russ.).
 13. Никитин Е.Н. *Какие они разные... Корней, Николай и Лидия Чуковские*. Н. Новгород: Деком, 2014. 343 с.
Nikitin Ye.N. *How different they are... Korney, Nikolay, and Lidia Chukovskie*. Nizhny Novgorod: Dekom, 2014. 343 p. (in Russ.).
 14. Пахоменкова М.М. «Из писем родственников». *Эпистолярное творчество Меншикова* М.О. URL: <https://museumpskov.ru/uploads/library/i2y181y5Ve.pdf> (Дата обращения: 05.03.2026).
Pakhomenkova M.M. «From the letters of relatives». М.О. *Menshikov's epistolary works*. URL: <https://museumpskov.ru/uploads/library/i2y181y5Ve.pdf> (Accessed: 05.03.2026).
 15. Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников, в: «Охранка»: *Воспоминания руководителей охранных отделений* (в 2 т.). Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и комм. З.И. Перегудовой. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2004. С. 5–26.
Peregudova, Z.I. Okhrana through the eyes of the guards, in: *Okhrana: Memoirs of heads of security departments* (in 2 vols.). Vol. 1 / Introd. art., text prep. and comm. by Z.I. Peregudova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2004. P. 5–26 (in Russ.).
 16. Перегудова З.И. *Политический сыск России (1880–1917 гг.)*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 432 с.
Peregudova, Z.I. *Political Investigation in Russia (1880–1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000. 432 p. (in Russ.).
 17. Раскольников Ф.Ф. *Кронштадт и Питер в 1917 году*. 2е изд. М.: Политиздат, 1990. 319 с.

- Raskolnikov F.F. *Kronstadt and St. Petersburg in 1917*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1990. 319 p. (in Russ.).
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Изд. проф. Имп. Училища правоведения Н.С. Таганцевым. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.
Code of criminal and correctional punishments of 1885 / Ed. by Prof. of the Imperial School of Jurisprudence N.S. Tagantsev. St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich, 1886. 714 p. (in Russ.).
19. Хутарев-Гарнишевский В.В. *Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.*: Сборник воспоминаний и документов. М.: «Историческая память», Родина, 2019. 304 с.
Hutarev-Garnishevsky V.V. *Specters of treason. Russian secret services in the Baltic in the memoirs of lieutenant colonel V.V. Vladimirov, 1910–1917*: Memoirs and documents. Moscow: «Istoricheskaya pamyat'», Rodina, 2019. 304 p. (in Russ.).
20. Чуковский К.И. *Собрание сочинений* (в 15 т.). Т. 11: *Дневник 1901–1921* / Предисл.: В. Каверин; комм.: Е. Чуковская. 2е изд. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 592 с.
Chukovsky K.I. *Collected works* (in 15 vols.). Vol. 11: *Diary 1901–1921* / Intro. by V. Kaverin; comm. by E. Chukovskaya. 2nd ed. Moscow: FTM Agency, Ltd., 2013. 592 p. (in Russ.).



 Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович
Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky

кандидат исторических наук, доцент
кафедры общегуманитарных дисциплин
Московского государственного
института культуры,
SPIN-код: 5785-9890,
AuthorID: 964528,
ORCID: 0000-0001-9218-0739

C.Sc. (History), Associate Professor of
the General Humanitarian Disciplines
Department at the Moscow State Institute
of Culture,
SPIN-code: 5785-9890,
AuthorID: 964528,
ORCID: 0000-0001-9218-0739

Поступила в редакцию /
Received
05.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
06.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
06.05.2026



**ОБРАЗЦЫ
ЖАНДАРМСКОЙ ФОРМЫ
В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРОВ
ОТ АЛЕКСАНДРА I
ДО НИКОЛАЯ II,
1817–1911 гг.**



1. Рядовой жандармских команд.
1817–1825 гг.



2. Штаб-офицер жандармских
дивизионов.
1817–1825 гг.



3. Рядовой жандармских дивизионов.
1817–1825 гг.



4. Трубач жандармских дивизионов.
1817–1825 гг.



5. Трубач Лейб-гвардии
Жандармского полуэскадрона.
1820–1825 гг.



6. Обер-офицер
Жандармского полуэскадрона.
1817–1825 гг.



7. Трубач и обер-офицер Лейб-гвардии
Жандармского полуэскадрона.
1816–1817 гг.



8. Обер-офицеры Лейб-гвардии
Жандармского полуэскадрона.
1815–1816 гг.



9. Унтер-офицер и рядовой
Лейб-гвардии
Жандармского полуэскадрона.
1815–1816 гг.



10. Унтер-офицер и трубач
Жандармского полка.
1820–1825 гг.



11. Рядовой Жандармского полка.
1817–1820 гг.



12. Унтер и обер-офицеры
Жандармского полка.
1817–1820 гг.



13. Штаб-офицеры Жандармского полка.
1815–1820 гг.



14. Штаб-офицеры Жандармского полка.
1815–1817 гг.



15. Обер-офицер Жандармского полка.
1815–1817 гг.



16. Трубач и штаб-трубач
Жандармского полка.
1815–1817 гг.



17. Унтер-офицер Жандармского полка.
1815–1817 гг.



18. Рядовые Жандармского полка.
1815–1817 гг.



19. Обер-офицер Корпуса жандармов.
1854–1855 гг.



20. Обер-офицер жандармских команд
Кавказского края.
1853–1855 гг.



21. Унтер-офицер и рядовой
жандармских команд Кавказского края.
1853–1855 гг.



22. Трубач жандармских дивизионов.
1845–1855 гг.



23. Рядовой Жандармского полка
и обер-офицер жандармских
дивизионов.
1845–1855 гг.



24. Рядовой жандармских команд.
1836–1845 гг.



25. Генерал Корпуса жандармов.
1827–1845 гг.



26. Рядовой жандармских дивизионов.
1826 г.



27. Унтер-офицер жандармских команд.
1826 г.



28. Штаб-офицер
и трубач жандармских дивизионов.
1826 г.



29. Обер-офицер Жандармского полка.
1826 г.



30. Рядовой Жандармского полка.
1826 г.



31. Обер-офицер Жандармского полка
в парадной форме.
15 марта 1855 г.



32. Рядовой Лейб-гвардии Жандармского
полузэскадрона в парадной форме.
4 ноября 1862 г.



33. Унтер-офицер жандармских
эскадронов и обер-офицер жандармских
команд и дивизионов в парадной форме.
4 ноября 1862 г.



34. Рядовой жандармских дивизионов
и команд в парадной форме.
4 ноября 1862 г.



35. Парадная и походная форма
жандармских команд.
16 сентября 1872 г.



36. Обер и унтер-офицеры Отдельного
корпуса жандармов в парадной форме.
1881 г.

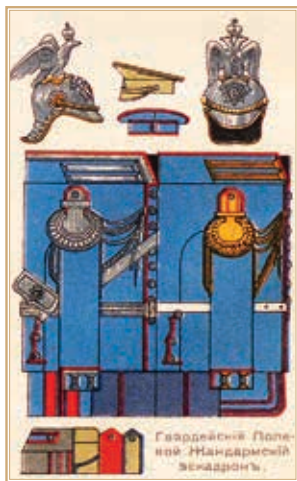


37. Обер-офицер и вахмистр Отдельного корпуса жандармов в парадной форме. 1897 г.



38. Парадная форма жандармских эскадронов. 1897 г.

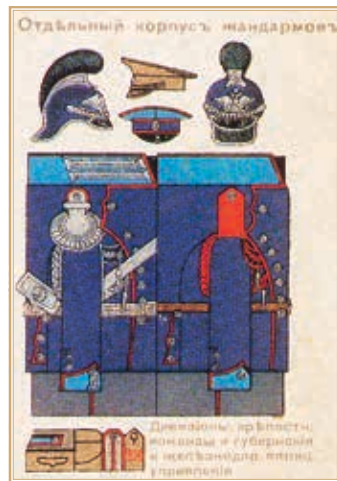
Слева направо: рядовой (2) и штаб-офицер (1) гвардейского жандармского эскадрона, обер-офицер и унтер-офицер полевых жандармских эскадронов



39. Форма Гвардейского полевого жандармского эскадрона. Начало XX в.



40. Форма полевого жандармского эскадрона. Начало XX в.



41. Форма чинов Отдельного корпуса жандармов. Начало XX в.



Список литературы

1. Рядовой жандармских команд, 1817–1825 гг. / П.К. Губарев; литограф: К. Дикгоф, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 13. СПб.: Военная тип., 1857. Л. 1808.
2. Штаб-офицер жандармских дивизионов, 1817–1825 гг. / П.К. Губарев; литограф: Бек, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 13. СПб.: Военная тип., 1857. Л. 1807.
3. Рядовой жандармских дивизионов, 1817–1825 гг. / П.К. Губарев; литограф: Гиллер, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 13. СПб.: Военная тип., 1857. Л. 1804.
4. Трубач жандармских дивизионов, 1817–1825 гг. / П.К. Губарев; литограф: К. Дикгоф, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 13. СПб.: Военная тип., 1857. Л. 1806.
5. Трубач Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона, 1820–1825 гг. / П.К. Губарев; литограф: Ферклунд, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 15. СПб.: Военная тип., 1858. Л. 2135.
6. Обер-офицер Жандармского полуэскадрона, 1817–1825 гг. / П.К. Губарев; литограф: Гиллер, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 15. СПб.: Военная тип., 1858. Л. 2134.
7. Трубач и обер-офицер Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона, 1816–1817 гг. / П.К. Губарев; литограф: Бир, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 15. СПб.: Военная тип., 1858. Л. 2133.
8. Обер-офицеры Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона, 1815–1816 гг. / П.К. Губарев; литограф: Бек, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 15. СПб.: Военная тип., 1858. Л. 2131.
9. Унтер-офицер и рядовой Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона, 1815–1816 гг. / П.К. Губарев; литограф: Крегер, в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 15. СПб.: Военная тип., 1858. Л. 2130.
10. Унтер-офицер и трубач Жандармского полка, 1820–1825 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1593.
11. Рядовой Жандармского полка, 1817–1820 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1592.
12. Унтер и обер-офицеры Жандармского полка, 1817–1820 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1591.

13. Штаб-офицеры Жандармского полка, 1815–1820 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1590.
14. Штаб-офицеры Жандармского полка, 1815–1817 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1589.
15. Обер-офицер Жандармского полка, 1815–1817 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1588.
16. Трубач и штаб-трубач Жандармского полка, 1815–1817 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1587.
17. Унтер-офицер Жандармского полка, 1815–1817 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1586.
18. Рядовые Жандармского полка, 1815–1817 гг., в: Висковатов А.В. *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению*. Ч. 11. СПб.: Военная тип., 1853. Л. 1585.
19. Обер-офицер Корпуса жандармов, 1854–1855 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 376.
20. Обер-офицер жандармских команд Кавказского края, 1853–1855 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 375.
21. Унтер-офицер и рядовой жандармских команд Кавказского края, 1853–1855 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 374.
22. Трубач жандармских дивизионов, 1845–1855 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 373.
23. Рядовой Жандармского полка и обер-офицер жандармских дивизионов, 1845–1855 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 372.
24. Рядовой жандармских команд, 1836–1845 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 370.
25. Генерал Корпуса жандармов, 1827–1845 гг., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 369.
26. Рядовой жандармских дивизионов, 1826 г., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 368.
27. Унтер-офицер жандармских команд, 1826 г., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 367.
28. Штаб-офицер и трубач жандармских дивизионов, 1826 г., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 366.
29. Обер-офицер Жандармского полка, 1826 г., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 365.
30. Рядовой Жандармского полка, 1826 г., в: *Историческое описание одежды и вооружения российских войск*. Ч. 16. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. Илл. 364.

31. Обер-офицер Жандармского полка в парадной форме. 15 марта 1855 г. / Лит.: Лемерсье, в: *Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича*. Тетрадь 13 / Сост.: К.К. Пиратский. СПб.: Военная тип., 1859. Рис. 75.
32. Образцы жандармской формы в правление императоров от Александра I по Николаю II, 1817–1911 гг. Рядовой Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона в парадной форме. 4 ноября 1862 г. / Хромолит.: Барышев, в: *Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича*. Тетрадь 66 / Сост.: К.К. Пиратский. СПб.: Военная тип., 1863. Рис. 393.
33. Унтер-офицер жандармских эскадронов и обер-офицер жандармских команд и дивизионов в парадной форме. 4 ноября 1862 г. / Хромолит.: Бир, в: *Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича*. Тетрадь 66 / Сост.: К.К. Пиратский. СПб.: Военная тип., 1863. Рис. 394.
34. Рядовой жандармских дивизионов и команд в парадной форме. 4 ноября 1862 г. / Хромолит.: Бек, в: *Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича*. Тетрадь 66 / Сост.: К.К. Пиратский. СПб.: Военная тип., 1863. Рис. 395.
35. Парадная и походная форма жандармских команд. 16 сентября 1872 г. / Хромолит.: Конрад, в: *Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича*. Тетради 94–95 / Сост.: П.К. Губарев. СПб.: Военная тип., 1873. Рис. 559.
36. Обер и унтер-офицеры Отдельного корпуса жандармов в парадной форме, 1881 г., в: *Иллюстрированное описание перемен в обмундировании и снаряжении императорской российской армии за 1881 год*. Вып. 1. СПб., 1898. Рис. 13.
37. Обер-офицер и вахмистр Отдельного корпуса жандармов в парадной форме, 1897 г., в: *Иллюстрированное описание перемен в обмундировании и снаряжении императорской российской армии за 1897 год*. Вып. 18. СПб.: Военная тип., 1899. Рис. 164.
38. Парадная форма жандармских эскадронов, 1897 г. Слева направо: рядовой (2) и штаб-офицер (1) гвардейского жандармского эскадрона, обер-офицер и унтер-офицер полевых жандармских эскадронов, в: *Иллюстрированное описание перемен в обмундировании и снаряжении императорской российской армии за 1897 год*. Вып. 18. СПб.: Военная тип., 1899. Рис. 156.
39. Форма Гвардейского полевого жандармского эскадрона, начало XX в., в: *Таблицы форм обмундирования русской армии: составлено по 10 мая 1910 г.* / Сост.: В.К. Шенк. СПб.: Литогр. Н. Кадушина, 1910.
40. Форма полевого жандармского эскадрона, начало XX в., в: *Таблицы форм обмундирования русской армии: составлено по 1 апреля 1911 г.* / Сост.: В.К. Шенк [Репринт: *Tables of uniforms of the Imperial Russian Army. Repr. from originals*]. London; Canada: Zaria, 1990.
41. Форма чинов Отдельного корпуса жандармов, начало XX в., в: *Таблицы форм обмундирования русской армии: составлено по 1 апреля 1911 г.* / Сост.: В.К. Шенк [Репринт: *Tables of uniforms of the Imperial Russian Army. Repr. from originals*]. London; Canada: Zaria, 1990.





[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.013](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.013)

Оригинальная статья / Original paper



С.В. Медведев

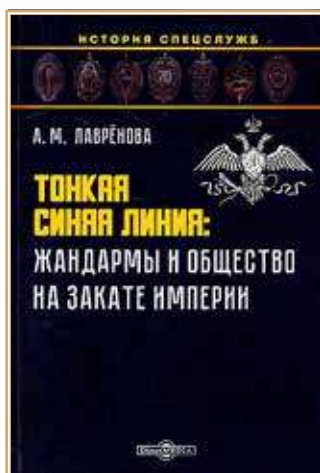
*Кафедра истории Российского университета транспорта (МИИТ),
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: speransky1809@yandex.ru*

**Рецензия на монографию
А.М. Лаврёновой
«Тонкая синяя линия: жандармы
и общество на закате империи».**

М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с.

Аннотация

Статья представляет собой критический обзор монографии историка российского политического сыска А.М. Лаврёновой «Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи» (2023 г.). Работа рассматривается в контексте достижений современной отечественной историографии дореволюционных спецслужб, а также архивных находок последних лет. Автор рецензии приходит к выводу о том, что несмотря на ряд лакун в исследовании истории Отдельного корпуса жандармов, книга написана на высоком теоретическом уровне, содержит большое количество цитат из неопубликованных архивных документов. А.М. Лаврёнова обращается к целому ряду дискуссионных проблем истории правоохранительных структур дореволюционного периода: функционал жандармских полицейских управлений железных дорог, взаимоотношения губернаторов с центральными и местными полицейскими учреждениями, палитра общественной реакции на деятельность жандармов. В монографии кратко рассматривается вопрос о том, в какой мере деятельность губернских жандармских управлений коррелировала с методами, которые в своей работе



использовали охранные отделения. Отношение руководителей провинциальных жандармских управлений к работе с секретными сотрудниками — важный вопрос, который также затрагивается в книге А.М. Лаврёновой. К безусловным достоинствам работы можно отнести: статистические данные о численности жандармов и количестве участвовавших в беспорядках студентов, включение в повествование информации из дореволюционных периодических изданий, а также воспоминаний современников. В то же время автор рецензии выражает сомнения в некритичном прочтении некоторых из представленных в монографии мемуаров. Монография А.М. Лаврёновой является качественным этапом на пути дальнейшего изучения истории розыскных учреждений Российской империи.

Ключевые слова:

А.М. Лаврёнова; С.В. Зубатов; Департамент полиции; Отдельный корпус жандармов; политический сыск

Для цитирования:

Медведев С.В. Рецензия на монографию А.М. Лаврёновой «Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи». М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с. Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 374–385. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.013](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.013)



Sergey V. Medvedev

Department of History Russian University of Transport (MIIT),

Moscow, Russian Federation

E-mail: speransky1809@yandex.ru

Review of A.M. Lavryonova's Monograph «The Thin Blue Line: Gendarmes and Society at the Twilight of the Empire».

Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2023. 516 pp.

Abstract

This article presents a critical review of the monograph «The Thin Blue Line: Gendarmes and Society at the Twilight of the Empire» (2023) by the historian of Russian political surveillance Anastasia M. Lavryonova. The book is evaluated in the context of recent achievements in Russian historiography on the pre-revolutionary security services and the archival discoveries of recent years. The reviewer concludes that, despite several gaps in its treatment of the history of the Separate Corps of Gendarmes, the monograph is written to a high scholarly standard and incorporates an extensive body of quotations from previously unpublished archival documents. Lavryonova addresses a wide range of contested issues concerning the history of the law enforcement institutions of late imperial Russia, including the functions of the Gendarmerie Police Administrations of the Railways, the relationships between provincial governors and central and local police authorities, and the diverse spectrum of public responses to the activities of the gendarmerie. The monograph also briefly considers the extent to which the work of provincial gendarmerie administrations corresponded to the methods employed by the security sections. Another important issue examined is the attitude of provincial gendarmerie commanders toward the use of confidential informants. Among the book's principal strengths are its statistical data on the size of the gendarmerie and the number of students involved in public disturbances, as well as its incorporation of material from pre-revolutionary periodicals and contemporary memoirs. At the same time, the reviewer expresses reservations about the insufficiently critical treatment of certain memoir sources cited in the monograph. Overall, Lavryonova's study represents a significant contribution to the continuing scholarly investigation of the investigative and security institutions of the Russian Empire.

**Keywords:**

Anna M. Lavryonova; Sergey V. Zubatov; Police Department; Separate Gendarme Corps; Political Investigation

For citation:

Sergey V. Medvedev. Review of A.M. Lavryonova's Monograph «The Thin Blue Line: Gendarmes and Society at the Twilight of the Empire». The Historical Reporter. 2026. Vol. 59. P. 374–385. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.013](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.013)



2023 г. издательство «Директмедиа Паблишинг» опубликовало монографию кандидата исторических наук А.М. Лаврёновой «Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи»¹. В 2018 г. исследовательница защитила кандидатскую диссертацию «Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.» и монография стала логичным продолжением архивных изысканий автора. Книга А.М. Лаврёновой состоит из четырех глав и тринадцати приложений. Приложения содержат справочную информацию о числе пострадавших чинов полиции и ОКЖ в 1905–1909 гг., динамике роста численности чинов ОКЖ, о студентах, участвовавших в беспорядках в 1899–1901 гг., сведения о количестве «политических» и «неполитических» дознаний, произведенных чинами ЖПУ железных дорог и т.д. При подготовке монографии А.М. Лаврёнова провела впечатляющую работу: по предварительным подсчетам было использовано более двухсот дел Государственного архива Российской Федерации, 55 источников личного происхождения, 27 сборников опубликованных документов, 6 справочных и информационных изданий, 20 диссертационных исследований, 6 монографий и статей на английском языке. Периодические издания представлены статьями «Вестника полиции», «Биржевых ведомостей», «Русской молвы», «Утра России» и других журналов и газет.

Особый интерес, на мой взгляд, представляют включенные в издание и неопубликованные ранее воспоминания «филера» Санкт-Петербургского охранного отделения Е.А. Зайцева и фрагменты воспоминаний о юности

¹ Лаврёнова А.М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с.

начальника Варшавского охранного отделения П.П. Мартынова. К сожалению, воспоминания П.П. Мартынова не предваряются вступительной статьей автора монографии; с краткой биографической справкой о нем читатели могут ознакомиться на с. 68–69. Тенденциозные записки Е.А. Зайцева, оказавшегося революционером и сочувствовавшего плану взорвать охранное отделение (с. 344), нуждаются в более подробных комментариях. К примеру, утверждение Зайцева о том, что «Гапон был в охране своим человеком» (с. 341), не находит подтверждения в трудах авторитетных историков. Большинство из них не считали Г.А. Гапона агентом охранного отделения². А установление священником контакта с Петербургским охранным отделением не привело к постоянному взаимовыгодному сотрудничеству. В контексте критического анализа воспоминаний Зайцева было бы интересно ознакомиться с его следственным делом. Утверждения автора записок о неоднократных избиениях, которым он подвергался во время допросов, безусловно, нуждаются в верификации. В целом довольно сложно понять, по какой хронологической или содержательной логике интереснейшие архивные документы размещены в качестве приложений к монографии.

Основное содержание рецензируемой монографии предваряется введением, в котором приводятся общие размышления о негативном отношении к жандармам в разные исторические периоды. В то же время А.М. Лаврёнова выражает беспокойство «тенденцией к насильственной героизации некоторых представителей Отдельного корпуса жандармов» (с. 8), не приводя, однако, примеров подобных исследований. Вызывает сожаление фактическое отсутствие в монографии обзора научной литературы по теме: справедливо оценивая высокий уровень монографии З.И. Перегудовой, А.М. Лаврёнова называет богатое источниковой базой исследование Л.В. Ульяновой «полемичным и любопытным», а научные работы В.В. Хутарева-Гарнишевского лишь приводит в списке литературы. Подробный анализ важных, а в чем-то и знаковых для всех исследователей политического сыска работ Г.Н. Бибикова, М.В. Сидоровой, Л.В. Ульяновой, В.В. Хутарева-Гарнишевского³, как представляется, помог бы читателям определить

² Потолов С.И. Георгий Гапон и петербургские рабочие: пути и перепутья рабочих организаций России накануне и в годы первой русской революции / Рабочие и общественно-политический процесс в России в конце XIX–XX в.: Материалы VI Всерос. науч. конф.: В 2 ч. / Отв. ред., сост. А.М. Белов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. Ч. II. С. 29–42; «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 2. М., 2004. С. 541–542.

³ Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023; Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф



позицию автора по важным вопросам исследуемой темы, а также понять круг интересующих ее научных проблем. Несмотря на то, что труды Г.Н. Бибикова и М.В. Сидоровой посвящены более раннему периоду «истории российской жандармерии», было бы интересно понять, в какой мере А.М. Лаврёнова согласна или, наоборот, не согласна с их оценками эффективности жандармского надзора в системе государственного управления. К сожалению, фамилии историков, на труды которых ссылается А.М. Лаврёнова, не включены в именной указатель, что затрудняет работу с изданием.

Сведения из цитируемых Лаврёновой источников нуждаются в комментариях и пояснениях. К примеру, на с. 67 исследовательница цитирует слова начальника Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова о том, что С.В. Зубатов, как никто, сроднился с жандармской деятельностью, однако это мнение противоречит ее же повествованию на с. 71 и выводам в Заключении монографии: *«Отношения жандармов и чинов полиции нередко носили конкурентный характер. Малочисленный Корпус жандармов не мог удовлетворить потребность в политическом надзоре в губернии, и потому полицейским чинам приходилось брать на себя часть надзорных функций. Подобное дублирование функций вызывало излишнюю конспиративность, взаимное недоверие и соперничество...»* (с. 309). Многолетний конфликт сотрудников ГЖУ и охранных отделений широко освещался в научной литературе. В качестве примера из архивных документов приведем отзыв начальника Рижского охранного отделения о работе местных жандармских управлений, направленный им директору Департамента полиции М.И. Трусевичу 8 декабря 1907 г.: *«Деятельность Начальника Лифляндского ГЖУ в деле розыска выражается в наблюдении за розыскной деятельностью подполковника Пападжанова. Деятельность же последнего никаких положительных результатов не дает, так как он никаких сотрудников не имеет. Деятельность в деле розыска Начальника Курляндского ГЖУ выражается в том, что он ведет этот розыск лично»*⁴. Значительная часть руководителей жандармских управлений саботировала работу с секретной агентурой, что ставит вопрос о принципиальном неприятии в жандармской среде «зубатовских методов». Процентную долю

и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009; Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве: архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023; Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. Власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб.: Алетейя, 2022; Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 3. Ч. 21. Л. 28.

местных жандармских руководителей и офицеров, признающих полезность внедрения агентов в революционную среду, предстоит приблизительно определить будущим историкам.

В монографии А.М. Лаврёновой находит освещение ряд дискуссионных проблем, связанных с деятельностью жандармских полицейских управлений железных дорог. На с. 91 исследовательница, к сожалению, без даты документа, цитирует циркуляр Департамента полиции о невозможности участия нижних чинов ЖПУ ж.д. в производстве обысков. С 1903 г. из-за недостаточной численности личного состава ГЖУ местные чины ЖПУ ж.д. стали привлекаться к производству обысков по требованию начальников ГЖУ (с. 92). Производство дознаний ЖПУ ж.д. о государственных преступлениях, по сведениям исследовательницы, составляло менее одной десятой процента по сравнению с общим числом дознаний. В предвоенные годы *«не был дан ход ни одному политическому дознанию»* (с. 93–94). Эта информация позволяет исследовательнице сделать выводы о том, что *«чины ЖПУ ж.д. были в отношении исследования государственных преступлений поставлены даже ниже регулярной полиции»* (с. 91), а также о том, что *«железнодорожные жандармы... фактически не являлись политической полицией...»* (с. 109).

Выводы А.М. Лаврёновой не коррелируют с данными историографии по рассматриваемой проблеме. Кандидат исторических наук П.А. Колпаков, написавший несколько статей о ЖПУ ж.д., цитирует секретное распоряжение Департамента полиции МВД от 15 ноября 1915 г. № 17531, в котором *«железнодорожным жандармам было приказано принять меры к изъятию из обращения печатной продукции, содержавшей совместные изображения Николая II и Вильгельма II»*⁵. Деятельность по изъятию печатной продукции предусматривала обыски и, как следует из содержания документа, для них не требовались разрешение или приказ начальника ГЖУ. Распространение совместных портретов германского и российского императоров в условиях Первой мировой войны являлось политическим преступлением, а борьба с распространением недопустимых изображений политическим розыском. В другой статье Колпаков, на основании анализа значительного количества архивных документов, приходит к выводу о том, что *«борьба с военным шпионажем являлась одним из важнейших направлений деятельности железнодорожных жандармов в годы войны»*⁶. Контрразведка, в условиях пересе-

⁵ Колпаков П.А. Противодействие распространению антиправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX — начале XX в. По материалам жандармской железнодорожной полиции // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 181.

⁶ Колпаков П.А. Разыскные циркуляры железнодорожной полиции как источник изучения шпионажа на территории России в конце XIX — начале XX в. // Вестник



чения функционала различных полицейских учреждений, а также нехватки кадрового состава чинов Отдельного корпуса жандармов и пограничной стражи, может быть признана политической сыскной работой. О политическом розыске ЖПУ ж.д. пишет и З.И. Перегудова: *«Революционные выступления в 1905 г., активная роль, которую сыграли железнодорожники в придании Октябрьской стачке всероссийского всеобщего характера, заставили правительство принять срочные меры и привлечь ЖПУ ж.д. к борьбе с революционными выступлениями. На чинов ЖПУ ж.д. приказом по Отдельному Корпусу жандармов от 28 июля 1906 года № 14528 были возложены обязанности производства дознаний о всех “преступных действиях” политического характера, “совершенных в полосе отчуждения железных дорог”... В результате ЖПУ ж.д. стали выполнять функции политической полиции. На железных дорогах был создан также секретно-агентурный надзор, что обязывало ЖПУ ж.д. иметь собственную секретную агентуру»*⁷. Сведения о том, что в период революции 1905–1907 гг. и в последующие годы ЖПУ ж.д. «по численности личного состава превосходили все остальные части Корпуса вместе взятые»⁸, также свидетельствуют о перманентном привлечении их чинов к расследованию политических преступлений на всем пространстве действующих и строящихся железных дорог⁹.

На с. 131 А.М. Лаврёнова делится с читателями сомнительной историей из сочинения члена Комиссии по разбору архивов бывшего Ярославского губернского жандармского управления и Ярославского охранного отделения Н.Г. Работнова: *«Н.Г. Работнов описывает случай, произошедший в Ярославле, когда агенты полиции силой отгоняли филеров от домов, входивших в сферу их наблюдения, и намеренно проваливали их»*. Представить подобную картину довольно сложно. Сам же автор труда «Тайны Ярославского застенка» собирал материал весной — летом 1917 г. и, очевидно, должен был представлять факты или «факты» в рамках общественного запроса на осуждение монархической системы власти в целом и полицей-

Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 77.

⁷ Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2013. С. 131.

⁸ Там же.

⁹ В монографии А.М. Лаврёновой цитируется статья В. Шервуда в «Вестнике полиции» (дата публикации не приводится), в которой он называет жандармскую железнодорожную полицию малочисленной (с. 135). Информация о ЖПУ ж.д. из статьи неизвестного широкой общественности В. Шервуда вряд ли может считаться более достоверной, чем данные, которые читатели могут найти в ставшей уже классической монографии З.И. Перегудовой. К сожалению, принципы внутренней критики источника к статье Шервуда не применяются.

ских институтов в частности. На следующей, 132-й странице монографии А.М. Лаврёнова приводит удивительную историю из статьи М.С. Чудаковой: *«Бунтинг (тверской губернатор. — С.М.)... предписал местной полиции обо всех происшествиях политического характера сообщать не в ГЖУ, как было положено, а в канцелярию губернатора. Кроме того, по распоряжению губернатора все лица, посещавшие ГЖУ, брались на учет. Полученные сведения о секретных сотрудниках полиция нередко предавала гласности»*. Сведения, которые обнаружила М.С. Чудакова, неизбежно вызывают ряд вопросов. Каким образом разглашалась информация о секретных сотрудниках? Какими последствиями было чревато раскрытие секретных сотрудников ГЖУ? Как реагировало руководство Департамента полиции на откровенно подрывные действия тверского губернатора и общей полиции?

Подобным образом вызывают сомнения истории Ф.Э. Держинского о жандармах. А.М. Лаврёнова, по-видимому, не сомневаясь в их достоверности, передает сцены из жизни 18-летней арестантки, которая якобы неоднократно *«заезжала жандармам в морду»* (с. 166). Транслируется в рецензируемой монографии и миф советского публициста Д.И. Заславского о С.В. Зубатове. Начальник Московского охранного отделения не собирался делать из Марии Вульфовны Вильбушевич звезду сионистского движения (с. 172). Независимая еврейская рабочая партия, осуществлявшая свою деятельность в черте оседлости, главным образом противостояла пропаганде еврейской социалистической партии «Бунд». «Независимцы», как и агенты полиции в обществах взаимопомощи рабочих в различных производствах, пытались переключить внимание рабочей среды с политических требований на экономические. К сожалению, Мария Вильбушевич не смогла оправдать надежд Зубатова. Несколько лет назад историками были найдены документы, свидетельствующие о том, что с юности она наблюдалась у психиатра¹⁰.

Как указывалось выше, в монографии А.М. Лаврёновой превалирует негативная информация о жандармах. На страницах исследования жандармы пьют, интригуют, скандалят, играют в карты, стреляются, а их жены берут взятки за освобождение арестованных. Раздел под названием «Негативное отношение общества к жандармам: истоки и воплощение» занимает 60 страниц книги (с. 246–306). Между тем очевидно, что имеет право на существование и раздел «Истоки и примеры позитивного отношения общества к жандармам». Верноподданнически настроенные рабочие и крестьяне, дворяне, купцы и промышленники могли выражать благодарность жандармам, сотрудникам охранных отделений и представителям общей

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 103.



полиции за эффективную службу по защите страны от противоправных действий радикальных социалистов или борьбу с преступниками. К примеру, в 1907 г. 400 рабочих Берестово-Богодуховских рудников отправили на имя председателя Совета министров П.А. Столыпина просьбу восстановить в должности Дударева, «как тактичного и умелого полицейского надзирателя»¹¹. В монографии А.М. Лаврёновой встречаются выражения, неуместные для серьезного исторического исследования. На с. 49 «чины... возжаждали повишений», а на с. 38 «корнет начал работать как снегоуборочная машина».

В целом в книге А.М. Лаврёновой недостаточно обобщений, авторского анализа, аналитического видения ключевых проблем ОКЖ в революционный период российской истории. Исследование, на мой взгляд, можно определить жанром попури любопытных историй из жизни жандармов различных чинов и подразделений.

Подводя итог, хочется отметить, что монография написана на высоком уровне, вводит в научный оборот новые источники и факты, которые привлекут внимание специалистов и всех интересующихся историей ОКЖ. Раздел «Жандармы и женщины» (с. 207–246) абсолютно уникален, в серьезных научных трудах эта тема настолько подробно ранее не рассматривалась. Большая часть замечаний рецензии носит интерпретационный характер, хотелось бы надеяться, что в будущих исследованиях А.М. Лаврёнова сочтет возможным раскрыть указанные сюжеты, чем, безусловно, дополнит и украсит корпус трудов по политической полиции. Книга написана доступным языком, изобилует большим количеством интересных историй из служебной деятельности охранных структур; автор выступает с позиции профессионального бытописателя жандармской повседневности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.



Список литературы / References

1. Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 169. Л. 4.

- Bibikov G.N. *A.Ch. Benckendorff and the politics of Emperor Nicholas I*. Moscow: Tri kvadrata, 2009. 407 p. (in Russ.).
2. Бибииков Г.Н. *Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.)*. М.: Квадрига, 2023. 354 с.
Bibikov G.N. *Gendarmerie supervision in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856)*. Moscow: Kvadriga, 2023. 354 p. (in Russ.).
3. Колпаков П.А. Противодействие распространению антиправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX — начале XX в. По материалам жандармской железнодорожной полиции. *Вестник архивиста*. 2024;(1):179–192.
Kolpakov P.A. Countering the spread of antigovernment publications on Russian railways in the last quarter of the 19th — early 20th century. Based on the materials of the Gendarme railway police. *Herald of an Archivist*. 2024;(1):179–192 (in Russ.).
4. Колпаков П.А. Разыскные циркуляры железнодорожной полиции как источник изучения шпионажа на территории России в конце XIX — начале XX в. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024;(1):76–86.
Kolpakov P.A. Investigative circulars of the railway police as a source for studying espionage in Russia in the late 19th and early 20th centuries. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2024;(1):76–86 (in Russ.).
5. Лаврёнова А.М. *Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи*. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. 516 с.
Lavryonova A.M. *The thin blue line: Gendarmes and society at the end of an Empire*. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2023. 516 p. (in Russ.).
6. «Охранка». *Воспоминания руководителей политического сыска* (в 2 т.). Т. 2 / Вступ. ст., подг. текста и комм.: З.И. Перегудова. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2004. 598 с.
«Okhranka». *Memoirs of the directors of the political investigation* (in 2 vols.). Vol. 2 / Introd. art., text prep. and comm. by Z.I. Peregudova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2004. 598 p. (in Russ.).
7. Перегудова З.И. *Политический сыск России. 1880–1917*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 430 с.
Peregudova Z.I. *Political investigation in Russia. 1880–1917*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 430 p. (in Russ.).
8. Потолов С.И. Георгий Гапон и петербургские рабочие: пути и перепутья рабочих организаций России накануне и в годы первой русской революции, в: *Рабочие и общественно-политический процесс в России*



в конце XIX–XX вв.: Материалы VI Всероссийской научной конференции (в 2 ч.). Ч. 2 / Отв. ред., сост.: А.М. Белов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 29–42.

Potolov S.I. Georgiy Gapon and the St. Petersburg workers: Ways and crossroads of Russian workers' organizations on the eve and during the First Russian Revolution, in: *Workers and the sociopolitical process in Russia at the end of the 19th–20th centuries: Proceedings of the VI AllRussian Scientific Conference (in 2 parts). Part 2 / Respons. ed., comp. by A.M. Belov. Kostroma: N.A. Nekrasov Kostroma State University, 2012. P. 29–42 (in Russ.).*

9. Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве: архивные заметки. СПб.: Алетея, 2023. 947 с.

Sidorova M.V. *On gendarmes, emperors and fine art: Archival notes.* St. Petersburg: Aleteya, 2023. 947 p. (in Russ.).

10. Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. Власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб.: Алетея, 2022. 353 с.

Ulyanova L.V. *Political police and the liberal movement in the Russian Empire. The power of the game or playing the power. 1880–1905.* St. Petersburg: Aleteya, 2022. 353 p. (in Russ.).

11. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской Империи, 1913–1917 гг. М.: Издво Института Гайдара, 2020. 648 с.

Hutarev-Garnishevsky V.V. *Confrontation. Special services, army and government on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917.* Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. 648 p. (in Russ.).



Медведев Сергей Владимирович

Sergey V. Medvedev



кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Российского
университета транспорта (МИИТ),
SPIN-код: 8118-7746, AuthorID: 795000,
ORCID: 0000-0001-6132-0997

C.Sc. (History), Associate Professor of the
History Department of Russian University
of Transport (MIIT), SPIN-code: 8118-7746,
AuthorID: 795000, ORCID: 0000-0001-
6132-0997

Поступила в редакцию /
Received
22.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
13.05.2026

Принята к публикации /
Accepted
12.06.2026



Правила для авторов



Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

Редакция принимает к рассмотрению соответствующие тематике и направленности журнала рукописи статей в электронном виде.

Редакция журнала не принимает:

1. ранее опубликованные работы или работы, отправленные сразу в несколько изданий,
2. материалы, содержащие плагиат,
3. материалы, не отвечающие приведенным ниже требованиям к содержанию и оформлению.

Требования к содержанию

В редакцию журнала предоставляются два документа в отдельных файлах (принимаются документы только в виде файлов с расширением «.doc/.docx»):

1. Текст рукописи.
2. Сведения об авторе(ах).

В имени файлов обязательно указывается фамилия автора(ов).

Объем рукописи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14 (Times New Roman без автоматических переносов), первая строка с отступом (абзацный отступ — 1,25 см), межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются материалы большего объема.

Обязательными компонентами статьи являются:

- ФИО автора и заголовок статьи (на русском и английском языках).
- Аннотация (на русском и английском языках). Объем аннотации — 200–250 слов (это самостоятельный текст, описывающий основные результаты проведенного исследования, содержит: актуальность, цель, методы исследования, а также краткие результаты).

- Ключевые слова: 4–6 словосочетаний, отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Благодарности.
- Авторский вклад.
- Информация о конфликте интересов.
- Список литературы (References).

Благодарности

Этот раздел включает все источники внешнего финансирования, повлиявшие на результаты исследования, а также лиц, которые приняли участие в написании статьи, но не являются ее авторами.

Авторский вклад

В случае, если у рукописи несколько соавторов, необходимо привести описание вклада каждого из соавторов в соответствии с [CRediT](#).

Информация о конфликте интересов

Статья должна содержать информацию о любом фактическом или потенциальном конфликте интересов. Если конфликт интересов отсутствует, необходимо указать: «автор(ы) заявляет(ют) об отсутствии конфликта интересов».

Список литературы

При составлении списка литературы автор(ы) должен(ны) ссылаться на работы, доступные рецензентам и читателям. Список литературы должен содержать не менее 15 источников. Самоцитирование (включение работ автора(ов) в список литературы) допускается (не более 10% от списка литературы).

Список литературы должен включать только те источники, которые упоминаются в тексте статьи. В список литературы следует включать статьи и монографии, опубликованные за последние 50 лет. Все остальные источники следует выносить в постраничные сноски.

Требования к оформлению

Иллюстрации. Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами; размер не менее 1000 px по короткой стороне. К иллюстрации необходима подпись на русском и английском языках с описанием события, объекта и датировкой. Название иллюстраций должно быть представлено на русском и английском языках. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Цитирование. Ссылки в статье следует проставлять постранично (внизу страницы), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); кегль — 12.

Ссылки на интернет-ресурсы (новости, репортажи, форумы, видео), юридические документы (законы, постановления, акты и т.д.), статистические сборники, публикации в СМИ, учебные пособия следует выносить в сноски в тексте статьи. В тексте статьи допустимо ссылаться на диссертации/авторефераты, если они доступны для читателей. Ссылки на принятые к публикации, но еще не опубликованные статьи, должны быть помечены словами «в печати»; авторы должны получить письменное разрешение для ссылки на такие документы и подтверждение того, что они приняты к печати. Информация из неопубликованных источников должна быть отмечена словами «неопубликованные данные/документы», авторы также должны получить письменное подтверждение на использование таких материалов.

Для всех интернет-источников, в том числе в сносках, указывается дата доступа.

References/Список литературы. Правильное описание используемых источников (References) не только демонстрирует качественный уровень исследования, но и является гарантией того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности ее авторов. Международные индексирующие базы данных преобразуют все представленные ссылки по единой структуре.

В журнале принят адаптированный вариант Ванкуверского стиля (Vancouver Style) оформления References, который является одним из стандартов, признанных международными базами данных.

Редакция предлагает авторам познакомиться с особенностями Vancouver Style и примерами оформления в брошюре на официальном сайте British Columbia Institute of Technology: <https://www.bcit.ca/files/library/pdf/bcit-vancouverstyle.pdf>

Правила оформления в References источников на русском языке подготовлены в соответствии с рекомендациями Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), с которыми вы можете познакомиться также в журнале «Научный редактор и издатель»:

<https://www.scieditor.ru/jour/article/view/66/55>

Редакция просит авторов обратить особое внимание на размещение идентификатора DOI (при его наличии), а также на его актуальность и корректное представление.

Ссылки на статьи из иностранных источников:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*. Год;Том(Номер):00–00. <https://doi.org/10.13655/1.6.1234567>

Пример:

Clarke A., Gattineau M., Grimaud O., et al. A bibliometric overview of public health research in Europe. *The European Journal of Public Health*. 2007;17(Suppl. 1):43–49. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm063>

Ссылки на монографии на иностранном языке:

С 1–4 авторами:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. *Название книги*. Номер переиздания (если есть). Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Указание на редактора или составителя:

Фамилия И.О., Фамилия И.О., Фамилия И.О., редакторы. *Название*. Номер переиздания (если есть). Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Пример:

Young A. *Teaching writing across the curriculum*. Upper Saddle River (New Jersey): Pearson Prentice Hall; 1999. 70 p.

Bean J.C. *Engaging ideas: The Professor's guide to integrating writing, critical thinking, and active learning in the classroom*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 2021. 400 p.

Глава из монографии или статья из сборника:

Фамилия И.О. Название. В: Фамилия И.О., Ред. Название главы или статьи. *Название монографии или сборника*. Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Название книг, журналов, а также монографий и сборников выделяется курсивом. После инициалов авторов ставятся точки, между фамилией автора и инициалами запятая не ставится. Если авторов больше пяти, указываются Ф.И.О. первых трёх, после чего ставится «и др.» (для источников на иностранном языке — «et al.»).

Ссылки на статьи на русском языке:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*. Год;Том(Номер):00–00.

Familia I.O., Familia I.O. Перевод названия статьи. *Транслит названия журнала/Официальное название на английском языке*. Год;Том(Номер):00–00 (In Russ.).

Пример:

Ганиева Г.Р., Васильева А.А. К вопросу подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в техническом вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013;12:365–367. Ganieva G.R, Vasil'eva A.A. The translator in the sphere of professional communication project. *Herald of Kazan National Research Technological University*. 2013;12:365–367 (In Russ.).

Ссылки на монографии на русском языке:

Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: Издательство; год. 000 с. Familia I.O. Перевод названия монографии. Gorod: Izdatel'stvo; god (In Russ.).

Пример:

Морозов В.Э. *Культура письменной научной речи*. М.: Икар; 2008. 268 с. Morozov V.E. *Culture of written scholarly speech*. Moscow: Ikar; 2008. 268 p. (In Russ.).

Сведения об авторе(ах)

В отдельном файле должны содержаться:

- Фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью).
- Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, город, страна).
- [ORCID](#), [SPIN-код](#) или [AuthorID](#).
- Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в данном журнале, соглашаются со следующим:

1. Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и предоставляют журналу право первой публикации работы.
2. Авторы сохраняют право заключать отдельные контрактные договоренности, касающиеся неэксклюзивного распространения версии работы в опубликованном здесь виде (например, размещения ее в институтском хранилище, публикации в книге), со ссылкой на ее оригинальную публикацию в этом журнале.
3. Авторы имеют право размещать их работу в сети Интернет (например, в институтском хранилище или на персональном сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению и большому количеству ссылок на данную работу (см. The Effect of Open Access).

Приватность

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого журнала, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим журналом, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены третьим лицам и организациям.



Author Guidelines



The Editorial Board accepts manuscripts that align with the journal's scope and focus.

The Editorial Board accepts for review:

- scientific articles;
- book reviews;
- documents;
- historiographical materials;
- articles/notes dedicated to eminent representatives of historical science.

The Editorial Board does not accept:

1. previously published works or simultaneous submissions to multiple publications;
2. plagiarized content;
3. materials that fail to meet the content and formatting requirements outlined below.

Content Requirements

The manuscript must be submitted to the Editorial Board as two separate files (.doc/.docx format only):

1. The manuscript text.
2. Author(s)' information.

The file name must contain the last name of the author(s).

The manuscript length should range from 1 to 2 print units (40 000–80 000 characters including spaces); font size 14 (Times New Roman without automatic hyphenation), first line indented 1.25 cm, line spacing 1.5. Longer submissions may be accepted with Editorial Board approval.

The following article elements are mandatory:

- Author(s)' full name and article title (in Russian and English).
- Abstract (in Russian and English). The abstract length should range from 200 to 250 words. The abstract is a standalone text describing

the main research results, including relevance, purpose, research methods, and brief findings.

- Keywords: 4–6 phrases separated by semicolons (in Russian and English).
- Article text.
- Acknowledgements.
- Author(s)' contribution.
- Conflict of interest.
- References.

The manuscript proper must be followed by:

Acknowledgements

This section lists all external funding sources that influenced the research findings, as well as all non-author individuals that contributed to the study.

Author(s)' Contribution

For multiple authors, describe each co-author's contribution according to [CRediT](#).

Conflict of Interest

The manuscript must declare any current or potential conflicts of interest. If none exist, state «The author declares (/authors declare) no conflict of interest.»

References

Author(s) should cite works accessible to reviewers and readers. The reference list must contain at least 15 sources. Self-citation, i.e. including the author(s)' work(s) on the reference list, is permitted but must account for no more than 10% of all references.

Only sources directly mentioned in the text may appear in the reference list. References should include articles and monographs.

The journal has accepted an adapted version of the Vancouver Style of References design, which is one of the standards recognized by international databases.

The Editorial Board invites the authors to get acquainted with the features of Vancouver Style and design examples in the brochure on the official website of the British Columbia Institute of Technology: <https://www.bcit.ca/files/library/pdf/bcit-vancouverstyle.pdf>

The rules for the design of sources in Russian in References have been prepared in accordance with the recommendations of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), which you can also find in the journal Scientific Editor and Publisher:

<https://www.scieditor.ru/jour/article/view/66/55>

Links to articles:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. The title of the article. *The name of the journal*. Year;Volume(Number):00–00. <https://doi.org/10.13655/1.6.1234567>

Example:

Clarke A., Gatineau M., Grimaud O., et al. A bibliometric overview of public health research in Europe. *The European Journal of Public Health*. 2007;17(Suppl. 1):43–49. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm063>

Links to books and monographs:

With 1–4 authors:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. *The title of the book or monograph*. The issue number (if there is one). City: Publishing house; Year. 000 p.

An indication of the editor or compiler:

Surname and first name of the 1st editor, Surname and first name of the 2nd editor, Eds. *The title of the book or monograph*. The reissue number (if there is one). City: Publishing house; Year. 000 p.

Example:

Young A. *Teaching writing across the curriculum*. Upper Saddle River (New Jersey): Pearson Prentice Hall; 1999. 70 p.

Bean J.C., Melzer D. *Engaging ideas: The Professor's guide to integrating writing, critical thinking, and active learning in the classroom*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 2021. 400 p.

A chapter from a monograph or an article from a collection:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. The title of the chapter or article. *The title of the monograph or collection*. City: Publishing house; Year. 000 p.

The name of the journal and the titles of monographs and collections are italicized. Dots are placed after the initials. Do not put a comma between the author(s)' last name and initials. If the article has more than five authors, the full names of the first three should be given, followed by «et al.».

Links to articles in Russian:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in Russian. The title of the article. *The name of the journal*. Year;Volume(Number):00–00.

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in English. Translation of the title of the article. *Transliteration of the name of the journal/Official name of the journal in English*. Year;Volume(Number):00–00 (In Russ.).

Example:

Ганиева Г.Р., Васильева А.А. К вопросу подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в техническом вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013;12:365–367.

Ganieva G.R., Vasil'eva A.A. The translator in the sphere of professional communication project. *Herald of Kazan National Research Technological University*. 2013;12:365–367 (In Russ.).

Links to books and monographs in Russian:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in Russian. *The title of the book or monograph in Russian*. City: Publishing house; Year. 000 p.

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in English. *Translation of the monograph title*. City: Transliteration of the publishing house name; Year. 000 p. (In Russ.).

Example:

Морозов В.Э. *Культура письменной научной речи*. М.: Икар; 2008. 268 с.
Morozov V.E. *Culture of written scholarly speech*. Moscow: Ikar; 2008. 268 p. (In Russ.).

Formatting Requirements

Illustrations. Articles published in the journal may include illustrations. Electronic illustrations and photos must be submitted as separate files with a minimum size of 1000 pixels on the short side. Illustrations require captions describing the event or object being depicted, as well as the date. Illustration titles must appear in both Russian and English. Editorial Board reserves the right to select or replace article illustrations.

Citations. Use consecutively numbered (e.g., 1–32) footnotes in font size 12.

Footnotes may include Internet sources (news, reports, forums, videos), legal documents, statistics, media publications and textbooks. Citing dissertations/abstracts is allowed, provided that they are publicly accessible to readers. References to accepted but unpublished articles can be included with an «in press» label if the author(s) obtain written permission and acceptance confirmation. Information from unpublished sources should have an «unpublished data/documents» label, and the author(s) must, likewise, obtain written permission for the use of such materials. All internet sources, including those cited in footnotes, require access dates.

Author(s)' Information

A separate file must include:

- Author(s)' full name.
- Academic credentials, title, position and affiliation (full institution name, city, country).
- [ORCID](#), [SPIN code](#), or [AuthorID](#).
- Contact details: postal address with zip code, phone/fax (office, mobile), e-mail.

Copyright

The authors publishing in this journal agree with the following:

1. The authors retain the copyright to the work and entitle the journal to publish the work for the first time.
2. The authors reserve the right to enter into separate contractual arrangements regarding the non-exclusive distribution of the version of the work published here (for example, its placement in the institute's repository, publication in a book), with reference to its original publication in this journal.
3. Authors have the right to post their work on the Internet (for example, in the institute's repository or personal website) before and during the review process by this journal, as this can lead to a productive discussion and more links to this work (See: The Effect of Open Access).

Privacy

The names and e-mail addresses entered on the website of this journal will be used exclusively for the purposes indicated by this journal and will not be used for any other purposes or provided to other persons and organizations.

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно онлайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.



Для заметок / Notes

Для заметок / Notes



Для заметок / Notes



Следующий том журнала «Исторический вестник»
будет посвящен общеисторической тематике.



ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке